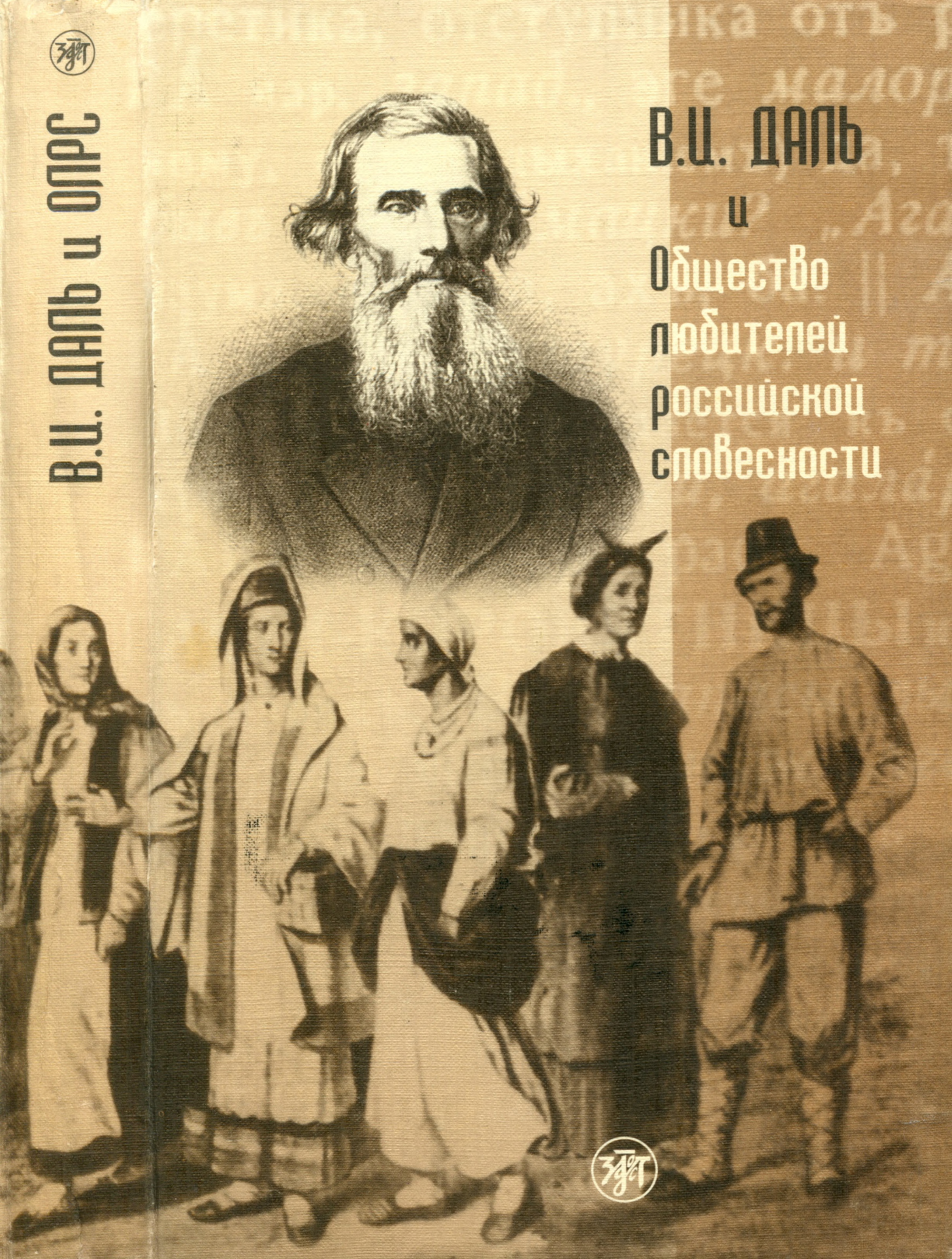

В.И. ДАЛЬ и ОЛРС
В.И. ДАЛЬ
и
Общество
любителей
российской
словесности

Общество любителей российской словесности

В.И. ДАЛЬ
и
Общество любителей российской словесности

«Златоуст»
Санкт-Петербург

2002

Научное издание

Ответственный редактор д.ф.н. В.П. Нерознак
Составитель к.ф.н. Р.Н. Клеймёнова

Главный редактор А.В. Голубева
Оформление, оригинал-макет И.А. Клеймёнова
Корректоры: Е.Б. Франкив, Н.В. Викторова

Федеральная программа книгоиздания России

В.И. Даль и Общество любителей российской словесности: Сборник / Отв. ред. В.П. Нерознак. Сост. Р.Н. Клеймёнова. – СПб.: «Златоуст», 2002 г. – 312 с.

ISBN 5-86547-220-8
ОК 005-93 (ред. 24.05.2000) Код 953004

От составителя

Общество любителей российской словесности, возрождённое в 1992 г., сочло своим долгом отметить 200-летие со дня рождения В.И. Даля проведением ряда заседаний и изданием сборника. Мы хотим, чтобы в предлагаемом сборнике читатель увидел В.И. Даля глазами его современников, исследователей и учащихся. Сборник построен по тому же принципу, что и сборник «Пушкин и Общество любителей российской словесности» (1999): В.И. Даль вчера, сегодня и завтра. В первой части приведены речи П.И. Мельникова-Печерского и И.С. Аксакова, прочитанные в 1873 г. на заседании в ОЛРС, посвящённом памяти В.И. Даля. Во вторую часть включена библиография и история изучения языка и фольклора в ОЛРС в 1811–1930-е гг. и участие в этом В.И. Даля. В этой же части находится статья о музее В.И. Даля в Москве. Третья часть объединяет исследования наследия В.И. Даля, прочитанные на заседаниях возрождённого Общества. Четвёртая и пятая части касаются проблемы просвещения, которая интересовала В.И. Даля, и вопроса включения в программы общеобразовательных школ раздела «В.И. Даль в школе».*

В.И. Даль – это уникальное явление в нашей культуре. «Воспоминания» П.И. Мельникова-Печерского раскрывают весь жизненный путь В.И. Даля, подчинённый главной цели –

Руководителями проекта являются к.ф.н. Р.Н. Клеймёнова и д.ф.н. В.П. Нерознак.

созданию словаря русского языка. Не того, на котором писала образованная часть русского народа, а того, на котором общался весь русский народ. В желании познать русский народ, его язык В.И. Даль был не одинок, о чём свидетельствуют статья и библиография Р.Н. Клеймёновой. Современники в лице членов ОЛРС по достоинству оценили его труд и помогли с изданием «Словаря».

Наука далеведение находится на пути становления. Многие вопросы по изучению наследия учёного остаются нерешёнными. О состоянии далеведения можно судить по статьям, включённым в третью часть нашего сборника. Хотелось бы, чтобы музей В.И. Даля в Москве стал центром по изучению его наследия, центром по обмену научными открытиями в этой области, центром по привлечению молодёжи к изучению наследия В.И. Даля, лексикографии. Общество любителей российской словесности готово в этом активно помогать музею.

ПУТНОМУ НАЧАЛУ БЛАГОЙ КОНЕЦ

П.И. Мельников-Печерский

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИВАНОВИЧЕ ДАЛЕ[1]

I

Владимир Иванович Даль родился 10-го ноября 1801 года, в местечке Лугане, Славяносербского уезда Екатеринославской губернии. Отец его в то время служил врачом при Луганском казённом литейном заводе.

Иоганн Даль, родом датчанин, в ранней молодости уехал в Германию и там в одном из университетов (кажется Иенском) прошёл курс наук богословского факультета. Он сделался замечательным лингвистом. Кроме греческого и латинского и многих новых европейских языков, он в совершенстве изучил язык еврейский. Известность Даля как лингвиста достигла императрицы Екатерины II, и она вызвала его в Петербург на должность библиотекаря. Здесь Иоганн Даль увидел, что протестантское богословие и знание древних и новых языков не дадут ему хлеба, а потому отправился в Иену, прошёл там курс врачебного факультета и возвратился в Россию с дипломом на степень доктора медицины. В Петербурге женился он на Марии Фрейтаг, дочери служившего в ломбарде чиновника. Мать её, бабушка Владимира Ивановича, Марья Ивановна Фрейтаг, из рода французских гугенотов де-Мальи, занималась русскою литературой. Она переводила на русский язык Геснера и Ифланда[2]. Влияние бабушки не осталось бесследным для Владимира Ивановича Даля. С матерью говорил он по-русски, а поминая бабушку как только выучился читать, стал читать её переводы, а с ними и другие русские

книги. Таким образом, чтение на русском языке было первым его чтением.

Отец Владимира Ивановича Даля был горяч иногда до безумия. Он поступил на медицинскую службу в кирасирский полк, принадлежавший к Гатчинским полкам Великого князя Павла Петровича. В автобиографической записке, которую Владимир Иванович, уже поражённый физическими и нравственными ударами[3], диктовал дочери за полгода до кончины, сказано следующее: «Отец мой с великим князем не ладил, а по обязанности являлся ежедневно к нему с рапортом. Однажды майор того полка (кирасирского) опоздал на какой-то смотр или парад. Великий князь, наскакав на него, до того ему выговаривал, что тот, покачавшись на лошади, свалился снопом: с ним сделался удар. Павел Петрович бросился к нему, приказал отцу моему о нём заботиться, а когда через несколько дней майор поправился и мог лично явиться к нему, то великий князь, подав ему руку, сказал: "Sind Sie ein Mensch?" Тот отвечал: "Ja, Hoheit". "So können Sie auch verzeihen"»[4].

«Я слышал от матери, — продолжает Владимир Иванович, — что она была всё время после этого в ужасном страхе, потому что отец мой постоянно держал заряженные пистолеты, объявив, что если бы с ним случилось что-нибудь подобное, то он клянётся застрелить себя».

Из Гатчины Иоганн Даль перешёл на службу в горное ведомство, сначала в Петрозаводск, потом в Луганский завод, затем, уже по рождении Владимира Ивановича, в морское ведомство, в Николаев. Отсюда летом 1814 года, когда Владимиру Далю было тринадцать с половиной лет, его отвезли учиться в Морской кадетский корпус.

«Что скажу о воспитании в корпусе? — говорит Владимир Иванович в автобиографической записке. — О нём в памяти остались одни розги, так называемые дежурства, где дневал и ночевал барабанщик со скамейкою, назначенною для этой потехи. Трудно ныне поверить, что не было другого исправительного наказания против ошибки, шалости, лени и даже в случае простой бессмысленной досады любого из числа двадцати пяти офицеров. Расскажу несколько случаев, которых я был свидетелем. По обычным преданиям, кадеты сообща устраивали в огромной обеденной зале в Новый год род иллюминации, ставили раскрашенные и промасленные бумажные саженные пирамиды, освещённые

огарками внутри. Какого труда и заботы дело это стоило, особенно потому что оно должно было делаться тайно! Дети прятались для этого на чердаке и в других малодоступных местах, расписывая, под охраной выставленных махальных, бумажные листы вензелями начальников своих, и наклеивали их на лучинные пирамиды. Об этом, конечно, знали все офицеры, но не менее того как всякая без изъятия забава или занятие, кроме научного, были запрещены, то в 1816 году офицер 1-й роты Миллер (он стоит того чтоб его назвать)[5] своими руками, в умывалке 1-й роты, изломал в щепы и изорвал в клочки изготовленные к Новому году пирамиды. Не без слёз, конечно, изготовлены были в замен вторые, по недосугу гораздо меньшие, а в последствии, на самой иллюминации и маскараде, сами офицеры, прохаживаясь по зале, любовались картинными вензелями своими на пирамидах, будто ни в чём не бывало. Другой пример. Директор наш, дряхлейший адмирал Карцов[6], выживший уже из лет, заметил в сумерках, что кадеты расчистили себе на дворе каток и катаются, немногие на коньках, другие скользя на подошвах, приказал купить и раздать на каждую роту по десяти пар коньков. Казалось бы, затруднение и самое запрещение этим было устранено, и раздачу коньков нельзя было принять иначе как за поощрение, а между тем, если кадета ловили на такой забаве, которая считалась в числе шалостей, если они не успевали скрыться через бесконечно длинные галлереи, то их непременно секли. Иногда нельзя было не подумать, что люди эти не в своём уме. То же можно сказать о лейтенанте Калугине, вертлявом щёголе и ломаке. Всякого кадета, который смел при нём смеяться, он допрашивал под розгами: “О чём ты смеёшься?”, вероятно, подозревая, что смеются над ним. Последствия такого воспитания очевидны. Не было того порока, который бы не входил в обиход кадетской жизни. Это было тем тяжелее, что о самой возможности такой жизни и не слыхивали дома...»

«Что сказать о науке в корпусе? Почти то же, что и о нравственном воспитании: оно было из рук вон плохо, хотя для виду учили всему. Марк Филиппович Горковенко[7], ученик известного Гамалеи и наш инспектор классов, был того убеждения, что знание можно вбить в ученика только розгами или серебряною табатеркой в голову. Эта табатерка всякому памятна».

«Там не так сказано, говори теми же словами, и затем тукманку в голову: это было приветствие Марка Филипповича при вступлении ученика в бесконечный ряд классов».

Владимир Иванович своё детство и корпусное воспитание описал также в повести *Мичман Поцелуев.* Вот несколько строк из этой повести, которую можно, хотя не совсем, но отчасти, назвать автобиографическою, по крайней мере, Владимир Иванович не раз говаривал, что, описывая похождения Поцелуева, он разумел себя, молоденького мичмана, ехавшего в марте 1819 года из Петербурга в Николаев.

«Смарагд Петрович Поцелуев был сын помещика Екатеринославской губернии, воспитывался в Морском корпусе, был выпущен мичманом, назначен в Черноморский флот и ехал теперь в Николаев».

«Смарагд был мальчиком с хорошими способностями, с доброю, детскою душою, родился под благодетельным влиянием созвездия Лиры и был поэт. Так, по крайней мере, ему самому казалось; хотя сущность дела заключалась в том, что Смарагд вступил в те лета и отношения, когда всякий человек с душой и чувством делается поэтом, и стихов не пишет только тот разве, кому своенравная природа положительно отказала в способности расположить готовую мысль мерными стопами и закончить их рифмой. В самом деле, есть люди, которые решительно не в состоянии написать самое буднишнее стихотворение. Они пишут прозой хорошо, цветисто, в прозе их есть поэзия, но они не в состоянии сложить четыре стиха, сколько бы ни бились. Если таких людей по справедливости называем в этом отношении бездарными, то Смарагд Петрович был юноша даровитый, он писал стишки, несмотря на недавнее упражнение своё в искусстве этом и малую опытность, довольно складно и свободно, даже нередко наобум, вдруг, но — гений его был слабосилен; это была, естественно, одна только вспышка, и начатое стихотворение оставалось недоконченным. Начать стихотворение было ему легко, почти не стоило труда; но продолжение и конец всегда откладывались на неизвестный срок и очень редко исполнялись».

«Поцелуев получил дома от матери, немки, благонравное воспитание, мечтательное воображение, курчавый волос, белое лицо и голубые глаза[8]; от отца, русского, — беззаботный нрав, неглупую голову, довольно широкие плечи, крепкое

здоровье. На тринадцатом году поступил он в Морской корпус, пробыл там пять лет и теперь, с эполетами, шитым воротником и саблею на чёрном лаковом ремне через плечо, увидел свет».

«Поцелуев, как острый, но скромный и чулый мальчик, который вырос дома без розог, этой необходимой принадлежности и приправы всякого порядочного воспитания, Поцелуев понял, в первые три дня пребывания своего в корпусе, что здесь всего вернее и безопаснее как можно менее попадаться на глаза, не пускаться никогда и ни в какие детские игры, а сидеть, прижавшись к стенке, тише воды, ниже травы. Так было в то время в корпусе; я знаю, что теперь совсем иное, я говорю о давно прошедшем[9]. Тогда секли с большим прилежанием каждого, кто попадался в так называемой шалости, то есть кого заставали за каким бы то ни было занятием, кроме учебных тетрадей; а кто не попадался, того оставляли в покое, рассуждая весьма основательно, что нельзя же пороть всех, поголовно; дежурный барабанщик и тот уже не успевал припасать розог».

«Но Поцелуев, по крайней мере, обогатил в корпусе знание русского языка, и вот вам целый список новых слов, принятых и понятных в Морском корпусе; читайте и оттадывайте: бадяга, бадяжка и т.д.[10] Поцелуев, кроме того, научился беспрекословно повиноваться всякому *старику,* то есть старому кадету, в широких, собственных брюках, в затяжке, в портупейке или ременном поясочке с медным набором и левиками. В классах было много кадетов, и каждым заниматься учителям было недосужно; поэтому они требовали, чтобы кадеты, по крайней мере, сидели тихо, не шумели и не кричали; и смирный поневоле считался прилежным».

«Итак, собственно кадетская жизнь оставила в Поцелуеве немного поэтических воспоминаний; но как он был зато счастлив и доволен, когда *вышел* в гардемарины и *пошёл* на плоскодонном фрегате до Красной горки! Тяжеленько мальчику сидеть из года в год за решёткой — неминуемая участь всех тех, у кого нет родных или сострадательных знакомых в столице. И как отрадно зато подышать воздухом на свободе, быть гребцом, марсовым, понимать и слушать команду вахтенного и чувствовать себя полезным и нужным на своём месте – отдать брам-фал, взять кливер на гитовы, по команде, или даже спустить зáсловом флаг или гюйс,

объедаться изюмом, орехами, пряниками, всегдашнею морской провизией гардемаринов, ходить в рабочей, измаранной смолою рубахе, подпоясавшись портупейкой, в фуражке на ремешке или цепочке, чтоб её не сорвало ветром; купаться, кататься на гребном судне, не ходить целый месяц в классы и двигать руки и ноги на свободе... О! это знает только тот, кто это испытал!»

«Но после одного раздольного и разгульного месяца следует одиннадцать однообразных, затворнических. Малодушие опять берёт верх. И, засыпая и просыпаясь, трёх-кампанец досчитывается уже по пальцам дня или, по крайней мере, месяца выпуска. Легко сказать, вольный казак-офицер, сам себе господин, в эполетах, с саблей, никто не смеет высечь — легко сказать, а воля ваша, голова закружится от этого внезапного перехода. Право, не мудрено, что многие в неистовой, необузданной радости своей кидаются в крайности и распоряжаются как новые, неопытные хозяева свободою своею довольно дурно».

В Морском корпусе Владимир Иванович пробыл до 17-летнего возраста. Понятно, что при той методе воспитания, какою руководились Горковенко и его помощники, нельзя было ожидать, чтобы будущий составитель монументального *Словаря живого великорусского языка* вынес из корпуса какие-либо полезные сведения по части русского языкознания. Ведь нельзя же, в самом деле, считать важным приобретением знание слов кадетского жаргона. Зато он вынес из корпуса другое, имевшее своё влияние на предстоявшие в последствии ему занятия в разработке русского языка. По словам В.И. Даля, ему, ещё ребёнку, всегда казалось странным, от чего это люди, получившие образование, говорят по-русски не так, как говорят простолюдины. Ещё более ему странно было то, что речь простолюдинов с её своеобразными оборотами всегда почти отличалась краткостью, сжатостью, ясностью, определительностью и в ней было гораздо больше жизни, чем в языке книжном и в языке, которым говорят образованные люди. И он полюбил народную речь, можно сказать, ещё с младенчества. «Ещё в корпусе, — говорит он, — полусознательно замечал я, что та русская грамматика, по которой учили нас с помощию розог и серебряной табатерки, ни больше ни меньше как вздор на вздоре, чепуха на чепухе. Конечно, я тогда не мог ещё понимать, что русской грамматики и до сих пор не бывало,

что та чепуха, которую зовут "русскою грамматикой", составлена на чужой лад, сообразно со всеми петровскими преобразованиями: неизученный, неисследованный в его законах живой язык взяли да и втиснули в латинские рамки, склеенные немецким клеем».

Это убеждение рядом с убеждением, что богатый и сильный язык наш почти два века портили и до сих пор не перестают портить внесением в него без всякой надобности иноязычных слов, постоянно носил покойный Даль до самой кончины.

В *Напутном слове* к *Словарю* он сказал: «С грамматикой я искони был в каком-то разладе, не умея применить её к нашему языку и чуждаясь её не столько по рассудку, сколько по какому-то тёмному чувству опасения, чтоб она не сбила с толку, не ошколярила, не стеснила свободы понимания, не обузила бы взгляда. Недоверчивость эта была основана на том, что я всюду встречал в русской грамматике латинскую и немецкую, а русской не находил».

Таково было убеждение Даля о русской грамматике. Оно не оставляло его с ранней молодости до кончины. Когда подобные речи говаривал Даль будучи мичманом или военным лекарем, на них можно было не обращать внимания, но, когда слова эти произнесены таким знатоком русского языка, как Даль, на склоне дней его, после 50-летних почти трудов над *Словарём живого великорусского языка,* для составления которого потребовалась бы целая академия и целое столетие, над сказанным стоит призадуматься. У нас была Российская Академия, есть теперь Второе отделение Академии наук, у нас во всех университетах и равных им заведениях существуют кафедры русского языка и словесности, во всех училищах, начиная с гимназий и кончая сельскими школами, учат русскому языку. А есть ли у нас русская грамматика? И можно ли в самом деле назвать русской грамматикой втиснутую как в тюремные колодки, по выражению Даля, в латинские рамки склеенную немецким клеем нашу своеобычную, своеобразную, развившуюся по собственным, неведомым чужеземцу законам, крепкую, сильную, могучую русскую речь?

Но пусть продолжает сам недавно почивший после многих и долгих трудов незабвенный наш труженик, инородец по крови, но по духу такой русский, каких, дай Бог, побольше в среде прямых и кровных сынов России.

«Мы (то есть русское образованное общество), — говорит он в том же *Напутном слове* к *Словарю,* — теперь только начинаем догадываться, что нас завели в трущобу, что надо выбраться из неё подобру-поздорову и проложить себе иной путь. Всё, что сделано было доселе, со времён петровских, в духе искажения языка, всё это как неудачная прививка, как прищепа разнородного семени, должно усохнуть и отвалиться, дав простор дичку, коему надо расти на своём корню, на своих соках и сдобриться холей и уходом, а не насадкой сверху. Если и говорится, что голова хвоста не ждёт, то наша голова или наши головы умчались так далеко куда-то в бок, что едва ли не оторвались от туловища; а коли худо плечам без головы, то не корыстно и голове без тула. Применяя это к нашему языку, сдаётся, будто голове этой приходится либо оторваться вовсе и отвалиться, либо опомниться и воротиться. Говоря просто, мы уверены, что русской речи предстоит одно из двух: либо испошлеть донельзя, либо, образумясь, своротить на иной путь, захватив при том с собою все покинутые второпях запасы. Взгляните на Державина, на Карамзина, на Крылова, на Жуковского, Пушкина и на некоторых нынешних даровитых писателей, не ясно ли, что они избегали чужеречий, что старались каждый по-своему писать чистым языком? А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладою он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений. Этому я не раз был свидетелем. Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный. Народный язык был доселе в небрежении, только в самое последнее время стали на него оглядываться, и то как будто из одной снисходительности и любознательности. Одни воображали, что могут сами составить язык; другие, вовсе не заботясь об изучении своего языка, брали готовые слова со всех языков где и как попало да переводили дословно чужие обороты речи, бессмысленные на нашем языке, понятные только тому, кто читает нерусскою думою своею между строк, переводя читаемое мысленно на другой язык. Знаю, что за мнение это составителю *Словаря* не сдобровать. Как сметь говорить, что язык, коим пишут оскорблённые таким приговором писатели, — язык не русский? Да разве можно писать мужицкою речью

Далева *Словаря,* от которого издали несёт дёгтем и сивухой или, по крайности, квасом, кислой овчиной и банными вениками? Нет, языком грубым и необразованным писать нельзя, это доказали все решавшиеся на такую попытку; но из этого ещё не следует, чтобы должно было писать таким языком, какой мы себе сочинили, распахнув ворота настежь на Запад, надев фрак и заговорив на все лады, кроме своего, а из этого следует только, что у нас нет ещё достаточно обработанного языка и что он должен выработаться из языка народного. Другого равного ему источника нет. Если же мы в чаду обаяния сами отсечём себе этот источник, нас постигнет засуха, и мы вынуждены будем ростить и питать свой родной язык чужими соками, как делают растения чужеядные. Пусть же всяк своим умом рассудит, что из этого выйдет..., мы отделимся вовсе от народа, разорвём последнюю с ним связь, мы испошлеем ещё более в речи своей, убьём и погубим последние нравственные силы свои в этой упорной борьбе с природой и вечно будем тянуться за чужим, потому что у нас не станет ничего своего, ни даже своей самостоятельной речи, своего родного слова. Нетрудно подобрать несколько пошлых речей или поставить слово в такой связи и положении, что оно покажется смешным или пошлым, и спросить, отряхивая белые перчатки, этому ли нам учиться у народа? Но, не гаерствуя, никак нельзя оспаривать истины, что живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придаёт языку стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной, разумной русской речи, взамен нынешнего языка нашего, каженника... Что выдет из речи нашей, если мы пойдем зря и без оглядки этим путём? Не понимая ни русской речи, ни друг друга, станем людьми без речей, бессловесными, или же поневоле будем объясняться по-французски».

Резкие, но правдивые, суровой истины преисполненные речи! В ком не замерло народное русское чувство, в ком не измельчала и не опошлилась до конца душа русская, тот призадумается над этими предсмертными словами Даля.

II

В конце царствования императора Александра I русский флот был в упадке. Наши корабли совершали плавание только по «Маркизовой луже», как называли тогдашние

моряки Финский залив, по имени морского министра маркиза де Траверсе, которого признавали главным виновником падения того учреждения, которое было любимым детищем Петра Великого. Далю, однако, посчастливилось: ещё, будучи гардемарином, сходил он не только до Красной Горки, как упоминает в своём *Мичмане Поцелуеве,* но и в Копенгаген. Там, с прочими русскими офицерами и гардемаринами, он был удостоен приглашения к обеденному столу датского короля. Не стану передавать рассказ Даля о том, как он провёл несколько часов во дворце королей своих дедов; упомяну о другом, более для нас важном: рассказ его о пребывании в Дании. «Когда я плыл к берегам Дании, — говаривал он, — меня сильно занимало то, что увижу я отечество моих предков, *моё* отечество. Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что Отечество моё Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков. Немцев же я всегда считал народом для себя чуждым»[11].

По свидетельству товарища Даля по Морскому корпусу, Д.И. Завалишина, Владимир Иванович, ещё будучи кадетом, занимался литературой. Он писал стихи и тогда уже в своих сочинениях старался избегать иностранных слов и несвойственных русской речи выражений и оборотов. В корпусе лучшие гардемарины задавали друг другу рассуждения по разным предметам[12]. Марта 2-го 1819 года В.И. Даль выпущен из Морского корпуса мичманом в Черноморский флот, двенадцатым по старшинству из 86. Через несколько дней он оставил Петербург. Ему было тогда 17 лет и четыре месяца.

Морозным вечером, в марте 1819 года, по дороге из Петербурга в Москву, тогда ещё не только не железной, но и не каменной, на паре почтовых лошадей, ехал молоденький мичман. Мичманская одежда с иголочки плохо его грела. Молоденький мичман жался в санях. Ямщик из Зимогорского Яма (дело было в Новгородской губернии) поглядел на небо и в утешение продрогшему до костей моряку указал на пасмурневшее небо — верный признак перемены к теплу.

— Замолаживает! — сказал он.

По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумелось.

— Как замолаживает? — спросил он.

Ямщик объяснил значение незнакомого мичману слова. А тот, несмотря на мороз, выхватывает из кармана записную книжку и окоченевшими от холода руками пишет:

«Замолаживать – иначе пасмурнеть – в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью...» Эти строки, написанные на морозе в 1819 году (они сохранились у Даля), были зародышем того колоссального труда, который учёному миру известен под названием *Толкового словаря живого великорусского языка.*

С тех пор с каждым днём книжка пополнялась. Записывались областные слова, особенные обороты народной речи, пословицы, поговорки, прибаутки. Лет через десять книжка превратилась в несколько толстых увесистых тетрадей, исписанных мелким, бисерным почерком Даля.

В Черноморском флоте, куда Владимир Иванович назначен был на службу по выпуске из Морского корпуса, он пробыл не больше трёх лет. Здесь постигла его невзгода, имевшая влияние на дальнейшее поприще службы. Живя в Николаеве, он хотя, по собственному сознанию, высказанному в автобиографии, не брал книги в руки, а больше шатался с ружьём по степи, продолжал, однако, тщательно собирать народные слова, записывать песни, сказки, пословицы и за то прослыл в своём кружке «сочинителем». Даль, как упоминает он в *Мичмане Поцелуеве,* пописывал и стихи в Николаеве. Случилось, что про одну еврейку, пользовавшуюся особенным покровительством тогдашнего командира Черноморского флота вице-адмирала Грейга, написано было хоть не очень складное, но метко попавшее в цель стихотворение. Горячо вступившийся за милую дщерь Израиля поседелый адмирал захотел во что бы ни стало узнать имя дерзкого, что осмелился пошутить над усладою поздних дней его... Кому же написать стихи?.. Разумеется, «сочинителю». Дело кончилось тем, что мичман Даль волей-неволей должен был оставить Черноморский флот и перейти на службу в Балтийский. С 1823 года он поселился в Кронштадте.

Года через полтора Владимир Иванович совсем оставил морскую службу. Он не видел в ней ничего для себя привлекательного, – в таком упадке была она в то печальное для русского флота время. Кроме того, по словам Д.И. Завалишина, во флоте совершались страшные злоупотребления, особенно по хозяйственному управлению, что впоследствии, как известно, было раскрыто формальным следствием. В то

время надо было иметь особенное призвание к морской службе, чтоб оставаться в ней не по необходимости. К тому же эти самые злоупотребления, избежать столкновения с которыми было невозможно, требовали или решимости на отважную и упорную борьбу с ними, к чему Даль, по его собственным словам, не имел ни средств, ни расположения, или пассивного подчинения и уживчивости с ними, к чему Даль был не способен[13]. Напрасны были попытки Даля перейти в инженеры, в артиллеристы, даже просто в армейские офицеры. Он вынужден был подать в отставку и, сняв мичманский мундир, отправился в Дерпт, где поселилась овдовевшая мать его для воспитания младшего своего сына. Здесь Владимир Иванович 20-го января 1826 года поступил в студенты медицинского факультета. Под особенным руководством профессора хирургии Мойера он слушал курс врачебных наук вместе с Пироговым и Иноземцевым, находившимися тогда в профессорском институте, учреждённом при Дерптском университете.

Даль не кончил ещё полного курса врачебных наук, как в 1828 году вспыхнула Турецкая война. В полковых врачах тогда крайне нуждались, ибо за Дунаем наши войска встречены были двумя врагами – турками и чумою. В 1828 году сделано было распоряжение: всех казённокоштных университетских студентов, годных к военно-медицинской службе, немедленно выслать в действующую армию[14]. Для Даля, как получившего во время неполного курса необычайно обширные познания, сделано было исключение. Ему дозволено было держать экзамен на доктора не только медицины, но и хирургии. Марта 29-го 1829 года он поступил в военное ведомство и зачислен во 2-ю действующую армию.

Прибывши в армию, Владимир Иванович назначен был в главную квартиру ординатором при подвижном госпитале и постоянно находился на глазах у главнокомандующего графа Дибича-Забалканского. В это время запас его для *Словаря* значительно увеличился. «Живо хватая на лету родные речи, слова и обороты, — говорит Даль в предисловии к *Словарю,* — когда они срывались с языка в простой беседе, где никто не чаял соглядатая и лазутчика, этот записывал их. И вот записки выросли до такого объёма, что при бродячей жизни стали угрожать требованием для себя особой подводы». В 1829 году у Даля накопилось столько записок, что для имущества его потребовался

вьючный верблюд. И вдруг, перехода за два до Адрианополя, в военной суматохе верблюд пропал. «Я осиротел, — пишет Даль, — с утратою своих записок, о чемоданах с одеждой мы мало заботились. К счастью, казаки отбили где-то верблюда и через неделю привели его в Адрианополь»[15]. Таким образом начало русского *Словаря* было избавлено от турецкого пленения.

Даль часто рассказывал, как обогащал он запасы свои областными словами и местными оборотами речи. «Нигде это не было так удобно, как в походах, — говаривал он. — Бывало, на дневке где-нибудь соберёшь вокруг себя солдат из разных мест, да и начнёшь расспрашивать, как такой-то предмет в той губернии зовётся, как в другой, в третьей; взглянешь в копилку, а там уж целая вереница областных речений». Преимущественно в Турецком да Польском походах, по словам Владимира Ивановича, изучал он наш язык со всеми его говорами.

Чтобы показать, до какой степени Даль изучил местные говоры, достаточно рассказать следующее: Владимир Иванович не любил бывать в больших обществах, на балах, вечерах и обедах, но, находясь на службе, иногда должен был являться на официальных обедах и т. п. Однажды он был на таком обеде в загородном доме. Приехав по некоторому недоразумению в приглашении на дачу рано, он застал хозяев ещё в суете и хлопотах. Дело было летом. Чтобы не мешать хозяевам, он вышел в палисадник, а тут за решетчатым забором собралось несколько нищих и сборщиков на церковное строение. Впереди всех стоял белокурый, чистотелый монах, с книжкою в чёрном чехле с нашитым жёлтым крестом. К нему обратился Даль.

— Какого, батюшка, монастыря?

— Соловецкого, родненький, — отвечал монах.

— Из Ярославской губернии? — сказал Даль, зная, что «родимый», «родненький» — одно из любимых слов ярославского простолюдина.

Монах смутился и поникшим голосом ответил:

— Нету-та, родненький, тамо-ди в Соловецком живу.

— Да ещё из Ростовского уезда, — сказал Владимир Иванович.

Монах повалился в ноги...

— Не погубите!..

Оказалось, что это был беглый солдат, отданный

в рекруты из Ростовского уезда и скрывавшийся под видом соловецкого монаха.

Во время десятилетнего пребывания в Нижегородской губернии В.И. Даль собрал множество материалов для географического указания распространения разных говоров. Нижегородская губерния в этом отношении представляет замечательное разнообразие. В ней, как, впрочем, и везде, по говорам можно добраться до исторического, так сказать, наслоения народностей, то есть можно заметить, где остались первобытные русские насельники, где поселились новгородцы, северяне, белоруссы и пр. Где живёт русское ныне племя, бывшее прежде в одних местах Мордвою, в других Горною Черемисою, в третьих Черемисою Нагорною. Когда я был начальствующим статистическою экспедицией в Нижегородской губернии, как членов экспедиции, приехавших со мной из Петербурга, так и губернских чиновников, находившихся в личном моём распоряжении, я познакомил с Владимиром Ивановичем, и они в его доме встретили самый радушный приём. В 1852 и 1853 годах мы объехали все 3700 населённых местностей губернии, собирая сведения по программе, составленной мною и Н.А. Милютиным, под главным руководством Надеждина. И меня и каждого из членов пред каждою поездкой Владимир Иванович просил записывать в каждой деревне говоры. «А главное, — говаривал он, — оканье, аканье, цоканье, чваканье и т.д.» Из этого у него накопился значительный материал, собранный уже после напечатания замечательной статьи Даля *О наречиях русского языка*[16]. В нескольких селениях Лукояновского уезда членом экспедиции Н.И. Зайцевским замечено было дзяканье, господство после *а* звука *у*, заменяющего *о, в* и даже *л*, произношение предлога *с* как *з*, обращение двугласных (*е, ыа, ю*) в твёрдые гласные (*а, у*) и изменение букв *г, к* в косвенных падежах на *з* и *ц*[17].

«Это белоруссы. Это также мензелинская шляхта», — сказал Владимир Иванович и просил меня порыться в архивах.

Архивы были тогда у меня под рукой. Поискали и нашли, что в XVII столетии, при царе Алексее Михайловиче, в нынешнем Лукояновском уезде, равно как в Мензелинске и других местах, была поселена *Литва,* то есть, собственно говоря, белоруссы. Тут объяснилось и то, что дзякающих лукояновцев окрестные жители зовут «панами», а иногда «панскими».

III

Только что воротился Даль с богатым запасом *Словаря* из Турецкого похода, как привелось ему идти в новый поход против возмутившихся поляков. Он был дивизионным врачом в 3-м пехотном корпусе, находившемся под командой генерал-адъютанта (впоследствии графа) Ридигера. В июле 1831 года, когда князь Паскевич уже обложил Варшаву, Ридигер находился в значительном от неё расстоянии, на правом берегу Вислы, и спешил прикрыть главную нашу армию с тылу и с боку. Польский генерал Ромарино был пред тем отправлен из Варшавы с двенадцатитысячным войском для истребления русского корпуса барона Розена, но, не успев в том, был преследуем сам Розеном и наступал на Ридигера. Лёгкие польские отряды, под командой Завадского и других, то и дело беспокоили наш корпус. Ридигер подходит к правому берегу Вислы у местечка Юзефова, — моста нет: поляки пред тем сожгли его. У Ридигера ни одного инженера. Опасность неминучая. Даль, расположивший в то время своих больных и раненых в опустелом винокуренном заводе, стоявшем на берегу реки подле Юзефова, увидел неподалёку пустые бочки и предложил генералу устроить мост и перевести отряд на противоположный берег. Ридигер согласился. Надо было прежде всего устроить на правом берегу мостовое укрепление и потом занять левый берег, находившийся в руках поляков. Июля 17-го Даль лично управлял десантом при занятии неприятельского берега Вислы против местечка Юзефова. Затем приступил он к постройке моста. Понтонов не было; он употребил бочки, плоты, лодки и паромы и навёл необыкновенный мост сначала у Юзефова, а потом, в другой раз, у местечка Казимиржа[18]. Наше войско перешло через эти мосты. Когда последние русские солдаты вступали на тот берег Вислы, отряд Завадского внезапно напал на мостовые укрепления. Даль с отборною командой 2-го сентября был оставлен Ридигером для уничтожения моста вслед за отступающими нашими войсками... Завадский подошёл к мосту, и поляки вступили на него. Впереди шло несколько офицеров, весело разговаривая. Даль подошёл к ним и объявил, что больные и раненые с врачами и лазаретною прислугой остались в винокуренном заводе, но что он вполне уверен в их безопасности, потому что война идёт с христианами, с людьми просвещёнными. Офицеры обнадёживают Даля в безопасности

больных, а сами подвигаются вперёд, весело разговаривая с русским лекарем. За ними вступают на мост передовые люди отряда. Подходя к середине моста, Даль ускорил шаги, прыгнул на одну бочку, где заранее был припасён остро наточенный топор. Разрубив несколькими ударами топора главные узлы канатов, связывавших постройку, он бросился в воду. Бочки, лодки, паромы понесло вниз по Висле, мост расплылся. Под выстрелами поляков Даль доплыл до берега и был встречен восторженными кликами нашего войска. Гарнизон мостового укрепления, наша артиллерия и вагенбург были спасены от неминуемой гибели, а польскому корпусу Ромарино отрезана дорога в Краковское и Сендомирское воеводство, куда он стремился по взятии русскими Варшавы.

«Когда происходили мостовые работы, — говаривал Владимир Иванович, — мы 26 августа слышали сильную канонаду. Наши брали Варшаву. Мне в тот день было не по себе. Тоска какая-то напала... То было предчувствие. Одним из слышанных нами выстрелов был смертельно поражён любимый брат мой Лев, служивший в артиллерии».

В формулярный список Владимира Ивановича Даля вписано следующее засвидетельствование генерал-адъютанта Ридигера: «По совершенному недостатку при корпусе генерал-адъютанта Ридигера инженерных офицеров он (Даль) имел от него (Ридигера) поручение заведовать построением через реку Вислу моста на плотах, лодках, паромах и бочках. Июля 17 (1831 года) лично управлял десантом при занятии неприятельского берега Вислы против местечка Юзефова; находился при спуске и наведении моста вновь при местечке Казимирже и при внезапном нападении отряда Завадского на мостовые укрепления. Сентября 2-го дня был оставлен с отборною командою для уничтожения моста вслед за отступающими войсками нашими, что и успел исполнить благополучно, несмотря на то что был окружён неприятелем, вступавшим уже на самый мост, и сим самым спас гарнизон мостового укрепления, равно артиллерию и вагенбург, от неминуемой гибели и отрезал польскому генералу Ромарино, преследуемому генералом бароном Розеном, дорогу и убежище в Краковское и Сандомирское воеводства».

Что же получил в награду наш инженер-самоучка за такой подвиг, за спасение войска? Строгий выговор начальства за то, что, взявшись не за своё дело, оставил пост при

лазарете и покинул находившихся на его попечении больных и раненых в руках неприятеля. Этим, по словам покойного Владимира Ивановича, он был обязан баронету Вилье, недоброжелательство которого к даровитым подчинённым так ярко очерчено в записках лейб-медика Тарасова, недавно напечатанных[19]. Впоследствии, когда император Николай Павлович из донесения главнокомандующего князя Паскевича, основанного на рапорте генерала Ридигера, узнал о подвиге Даля, он наградил его Владимирским крестом с бантом.

По окончании Польской кампании Владимир Иванович поступил ординатором в Петербургский военно-сухопутный госпиталь. Здесь он трудился неутомимо и вскоре приобрёл известность замечательного хирурга, особенно же окулиста. Он сделал на своём веку более сорока одних операций снятия катаракты, и все вполне успешно. Замечательно, что у него левая рука была развита настолько же, как и правая. Он мог левою рукой и писать, и делать всё что угодно, как правою. Такая счастливая способность особенно пригодна была для него как оператора. Самые знаменитые в Петербурге операторы приглашали Даля в тех случаях, когда операцию можно было сделать ловчее и удобнее левою рукой.

Даль делался уже знаменитостью Петербурга, и хотя был вполне русским, но, благодаря нерусскому происхождению, пользовался сочувствием и доброжелательством врачей-немцев, владычествовавших тогда в петербургской медицине и ревниво охранявших свою практику и свои доходы от врачей русского происхождения. В это самое время проникло в Россию учение Ганемана, и в Петербурге появилось несколько гомеопатов. Аллопаты встревожились и осыпали Даля почётом и благодарностями, когда он смело выступил против ганемановой системы и в блистательных статьях опровергал её.

В это время В.И. Даль вступил уже в дружеские отношения ко многим из лучших писателей того времени, в том числе к Алексею Алексеевичу Перовскому, попечителю Харьковского учебного округа, автору романа *Монастырка*, повестей: *Чёрная курица, Двойник* и др., известного в литературе под псевдонимом Антона Погорельского. Перовский был поклонник гомеопатии и сказал однажды Далю: «Чем спорить теоретически, отчего не испытать вам гомеопатического способа лечения на практике?» Даль

последовал его совету и вскоре, сделавшись горячим приверженцем гомеопатии, выступил с новыми статьями в её защиту. Необычайная тревога поднялась в медицинском лагере. Далю невозможно стало оставаться на службе, тем более что совесть ему уже не дозволяла заниматься делом, в которое он больше не верил, – и при том каким ещё делом? От которого зависит жизнь многих людей. Несмотря на то что не было у него никакого состояния, он вышел в отставку и совершенно оставил медицинскую практику, кроме хирургической. Были и другие обстоятельства, заставившие прямодушного и правдивого Даля покинуть военно-медицинскую службу, как рассказывает однокашник и близкий к нему человек, декабрист Д.И. Завалишин[20]: «Злоупотребления и неприятности, от которых он отчасти бежал из флота, встретили Даля и на медицинской карьере. Из множества рассказанных им мне случаев приведу один очень характерический, чтобы показать, до какой степени даже невольно приходилось ему вступать в столкновения с медицинским своим начальством. Начальство это требовало, например, чтобы месячные ведомости о больных в лазаретах и при полках доставлялись ему непременно к первому числу следующего месяца. Соображаясь с этим, Даль, когда ему пришлось в первый раз отправлять рапорты, закончил ведомости больных 25-м числом. Для доставления бумаг начальнику, при тогдашних средствах сообщения, и для собрания сведений нужно было не менее четырёх или пяти дней. Даль получил за свои первые ведомости строгое замечание и приказание доводить их непременно до 1-го числа. В следующий раз он так и сделал; но естественно, что к начальству бумаги могли дойти не ранее 4-го или 5-го числа. Тогда он получил строжайший выговор с приказанием доставлять ведомости непременно к 1-му числу. На это он в рапорте объяснил несовместимость этих требований, из которых одно непременно исключает возможность исполнить другое. За этим объяснением последовал выговор ещё строже с угрозами и с вопросом, как он смеет не подчиняться тому правилу, которое исполняется всеми другими? Даль отвечал, что ему неизвестно, имеют ли другие дар знать наперёд за пять дней, сколько у них будет больных и [с] какими болезнями, но что он такого дара не имеет, и потому, составляя ведомости до 1-го числа, он может лишь сдавать пакеты ночью в канцелярию для

отправки, как только успеет подвести итоги; если же будут давать ему несовместимые приказания и за невозможность исполнить присылать выговоры, то он перенесёт дело на апелляцию к высшему начальству. Только после этого его оставили в покое, но по службе доказали, что случая этого не забыли». Всё это возмущало, конечно, правдивость молодого Даля. Впоследствии, впрочем, Даль видел, как он рассказывал, что даже высшие администраторы, и при том имевшие ещё репутацию добросовестных, произвольно составляли ведомости, так, как им было нужно, без всякого уважения к системе.

IV

Ещё в Дерпте познакомился Даль с Жуковским[21]. В Петербурге это знакомство перешло в тесную дружбу. Дружба с Жуковским сделала Даля другом Пушкина, сблизила его с Воейковым, Языковым, Анною Зонтаг ([у]рождённая Юшкова), Дельвигом, Крыловым, Гоголем, кн[язем] Одоевским, с братьями Перовскими. В 1830 году, вскоре по возвращении из Турецкого похода, В.И. Даль напечатал первую свою литературную «попытку» в *Московском Телеграфе* Полевого[22]. Возвратясь из Польши и распростясь с медициной, он совершенно выступил на литературное поприще. Начал он русскими сказками. «Не сказки сами по себе были мне важны, – писал он впоследствии, – а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода – сказка послужила предлогом. Я задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком и говором, которому открывался такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке». Предупреждая мысль, будто он ставит свои сказки в пример слога и языка, Даль прибавляет: «Сказочник хотел только на первый случай показать небольшой образчик и право несказового конца – образчик *запасов,* о которых мы мало или вовсе не заботимся, между тем *как рано или поздно без них не обойтись*»[23].

Таков же был взгляд Даля и на все его повести и рассказы. В них имел он вдобавок целью изобразить черты народного быта в неподдельном его виде. Не забудем, что до рассказов Даля русский простолюдин выводился или в виде *пейзана* чуть не с розовым веночком на голове, как у Карамзина и его подражателей, или в грязном карикатурном виде,

как у Булгарина. В то время не было ещё ни *Мёртвых душ* Гоголя, ни *Записок охотника* Тургенева.

Цель — показать обращик запасов народного языка, — которую Даль постоянно преследовал в своих литературных произведениях, иногда вредит им в художественном отношении. Нанизывая слово за словом из народного языка, пословицу за пословицей, поговорку за поговоркой, Даль не заботится о том, что это идёт прямо в ущерб художественности произведения. Но он никогда и не считал себя художником. «Это не моих рук дело, — говаривал он в откровенных беседах, — иное дело выкопать золото из скрытых рудников народного языка и быта и выставить его миру на показ; иное дело переделать выкопанную руду в изящные изделия. На это найдутся люди и кроме меня. Всякому своё».

И действительно, золотою рудой, да ещё в виде самых крупных самородков, должно считать *Словарь* Даля, его рассказы, его повести, сказки, собранные им, песни, пословицы, поговорки, прибаутки, поверья и т.п. У каждого русского писателя, если хочет он писать чистым русским языком, труды Даля должны быть настольными книгами.

Первые сказки в числе пяти Даль издал в 1833 году, назвав себя *Казаком Луганским,* потому что родился в казачьей земле, в местечке Лугане[24]. Они встречены были с восторгом всеми лучшими писателями того времени; особенно Пушкин был от них в восхищении. Под влиянием первого пятка сказок Казака Луганского он написал лучшую свою сказку *О рыбаке и золотой рыбке* и подарил Владимиру Ивановичу её в рукописи с надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому сказочник Александр Пушкин».

Иначе взглянули на только что вступившего на литературное поприще Казака Луганского другого разряда писатели. Булгарин нашёл их грязными, неприличными и своё усердие о приличиях простёр за приличную черту. В одной из далевских сказок некоторые выражения были перетолкованы в дурную сторону[25]. Ранним утром, когда Даль обходил палаты больных, явились в военно-сухопутный госпиталь жандармы, взяли его и отвезли к статс-секретарю А.Н. Мордвинову, управлявшему тогда третьим отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Тот встретил его самыми обидными, самыми оскорбительными площадными словами, оборвал, что называется, и по-

садил под арест, объявив, что это делает он по Высочайшему повелению. Даль и сам не знал, как об этом проведали Жуковский, бывший уже тогда воспитателем Государя Наследника, и находившийся тогда в Петербурге дерптский профессор Паррот, близкий человек к императору Александру I и уважаемый императором Николаем Павловичем. Он полюбил Даля, когда ещё тот был дерптским студентом. И Жуковский и Паррот ходатайствовали пред государем о Дале. Жуковский объяснил, что слова сказки, повлёкшие беду на автора, выражают вовсе не то, что о них доложили. Вечером того же дня Даля освободили из-под ареста, и статс-секретарь Мордвинов рассыпался пред ним в самых изысканных любезностях. «Это, — как всегда говаривал Даль, — больше всего поразило меня в тот чёрный день». Любезный статс-секретарь на прощанье подал освобождённому арестанту руку. Не отвечая ни слова на любезности, Даль руки не подал, отвернулся и ушёл. Это ему не сошло даром.

Через несколько времени между кантонистами в разных городах развилось египетское воспаление глаз. Последовало Высочайшее повеление командировать лучшего окулиста для обзора госпиталей в военно-сиротских отделениях. Выбор пал на Даля. Командировка эта на долгое время отвлекла бы его от практики, им ещё не покинутой, и не представляла в будущем ничего приятного. К тому же Владимир Иванович в то время собирался жениться[26]. Но нечего делать — служба. Должен был покориться участи, устроенной баронетом Вилье и Мордвиновым, стал собираться в путь. Вдруг нежданная перемена. Вместо Даля послали другого. Впоследствии лейб-медик Аренд сказывал Владимиру Ивановичу, что, когда столь доброжелательный к нему баронет Вилье доложил о назначении в командировку Даля, император Николай сказал ему: «Даля нельзя, назначить другого, а то он может подумать, что его усылают за сказки». Владимир Иванович всегда с чувством умиления рассказывал о таком тонком и деликатном отзыве императора Николая Павловича, ярко обрисовывающем прекрасную его душу.

Происшествие с первыми сказками Даля имело, впрочем, влияние на судьбу его. Оно отвлекло Владимира Ивановича от готовившейся ему педагогической деятельности в том самом университете, где сам он получил образование. В то время в Дерпте, по выходе Воейкова, не было профес-

сора русского языка и словесности. Паррот, состоявший тогда, кажется, ректором университета, был в Петербурге и на праздную кафедру приглашал Даля, уже получившего известность знатока русского языка. Даль с охотой согласился на такое предложение, тем более что в то время начинал уже входить в разлад с медициной. Но встретилось препятствие. Хотя Владимир Иванович и был доктором, но не того факультета; по филологическому он не имел не только учёной степени, но и звания действительного студента. По совещании настойчивого Паррота с князем Ливеном, тогдашним министром народного просвещения, дело, однако, улаживалось. Вместо экзамена на учёную степень филологического факультета Даль должен был представить свои *Русские сказки* и, кроме того, прочитать две пробные лекции в Петербургском университете. Всё было готово, как вдруг разразилась над кандидатом в профессоры буря из-за тех самых сказок, которые он должен был представить. Хотя дело, как мы видели, и обошлось благополучно, но князь Ливен признавал неудобным, чтобы Далем представлено было то самое сочинение, из-за которого вышла неприятная история, произведшая переполох и в одобрившем книгу цензурном комитете, находившемся в его ведомстве. Пошли переговоры. Паррот между тем уехал в Дерпт. Дело тем и кончилось.

В 1833 году Даль оставил медицинскую практику и службу в военно-медицинском ведомстве. Брат его друга, Антона Погорельского, главный начальник Оренбургского края В.А. Перовский, пригласил его к себе на службу, и Владимир Иванович, оставив Петербург, отправился на берега Урала.

V

Самыми близкими людьми к Далю, до отъезда его в Оренбург и после того, были Жуковский, Пушкин и князь Одоевский. В конце 1836 года он с В.А. Перовским приехал в Петербург, а через месяц схоронил одного из этих друзей. В то время, когда всё было поражено преждевременною и столь печальною гибелью Пушкина, когда все знавшие и не знавшие его лично, самые даже иностранцы толпились в передней умиравшего и по набережной Мойки узнавать о ходе болезни, Даль все трое суток мучений Пушкина ни на минуту не оставлял его страдальческого ложа. Последние

слова князя русских писателей были обращены к Далю... Даль принял последний вздох дорогого всей России человека... Даль закрыл померкшие очи закатившегося солнца русской поэзии.

Известно, что Пушкин был несколько суеверен. Он носил на большом пальце перстень с изумрудом, называя его своим талисманом, и никогда не скидал его, говоря друзьям, что если он снимет этот перстень хоть на минуту, божественный дар поэзии его покинет... Когда Пушкин узнал, что нет надежды, что должно ему умереть, он скинул перстень и надел его на руку Даля. Этот перстень Владимир Иванович носил до смерти на той руке, которая написала *Словарь живого великорусского языка...* Незадолго до смерти Пушкин услыхал от Даля, что шкурка, которую ежегодно сбрасывают с себя змеи, называется по-русски *выползина*. Ему очень понравилось это слово, и наш великий поэт среди шуток с грустью сказал Далю: «Да, вот мы пишем, зовёмся тоже писателями, а половины русских слов не знаем! Какие мы писатели? Горе, а не писатели! А по-французски так нас взять — мастера». На другой день Пушкин пришёл к Далю в новом сюртуке. «Какая выползина! — сказал он смеясь. — Ну, из этой выползины я не скоро выползу. В этой выползине я такое напишу, что и ты не оха́ешь, не отыщешь ни одной французятины»[27]. Что в эти минуты занимало мысли великого поэта, это скрыла от нас тайна смерти: через несколько дней Пушкина не стало. Случилось же так, что Пушкин был ранен в этом самом сюртуке. И когда в предсмертной борьбе отдал он Далю свой талисман, дрожащим, прерывающимся голосом примолвил: «Выползину тоже возьми себе». Этот сюртук с дырою на правой поле долго хранился у Даля. Он передал его М.П. Погодину, у которого он хранится теперь под бюстом Пушкина[28].

Приведём слова Жуковского о Дале при умирающем Пушкине.

«— Худо, брат, мне, — сказал Пушкин с улыбкою вошедшему Далю. Но Даль, действительно имевший более других надежды, отвечал ему:

— Мы все надеемся, не отчаивайся и ты.

— Нет, — возразил он, — здесь не житьё; я умру, да видно так и надо.

В это время пульс его был ровнее и твёрже, начал показываться небольшой общий жар. Поставили пиявки[29], пульс

стал ровнее, реже и гораздо легче. Я ухватился, говорил Даль, как за соломинку, робким голосом провозгласил надежду и обманул и себя и других. Пушкин, заметив, что Даль был пободрее, взял его за руку и спросил:

— Никого тут нет?

— Никого.

— Даль, скажи мне правду, скоро ли я умру?

— Мы за тебя надеемся, Пушкин, право, надеемся.

— Ну, спасибо, — отвечал он.

Но, по-видимому, только однажды и обольстился он утешением надежды; ни прежде ни после этой минуты он ей не верил. Почти всю ночь (на 29-е число; эту ночь всю Даль просидел у его постели) он продержал Даля за руку, часто брал по ложечке воды или по крупинке льда в рот и всегда всё делая сам: снимал стакан с ближней полки, тер себе виски льдом, сам накладывал на живот припарки, сам их переменял и пр. Он мучился менее от боли, нежели от чрезмерной тоски.

— Ах, какая тоска! — иногда восклицал он, закладывая руки на голову, — сердце изнывает.

Тогда просил он, чтобы подняли его, или поворотили набок, или поправили ему подушку, и не давал кончить этого, останавливая обыкновенно словами:

— Ну так, так, хорошо; вот и прекрасно, и довольно, теперь очень хорошо. — Или: — Постой — не надо — потяни меня только за руку; ну вот и хорошо и прекрасно. — Всё это точные его выражения.

Вообще, говорит Даль, в обращении со мной он был поваддив и послушен, как ребёнок, и делал всё, чего я хотел. Однажды он спросил у Даля:

— Кто у жены моей?

Даль отвечал:

— Много добрых людей принимают в тебе участие, зала и передняя полны с утра до вечера...

— Ну спасибо, — отвечал он, — однакоже поди, скажи жене, что всё слава Богу легко; а то ей там, пожалуй, наговорят...

Послав Даля ободрить жену надеждою, Пушкин сам не имел никакой. Однажды спросил он, который час, и на ответ Даля продолжал прерывающимся голосом:

— Долго ли... мне... так мучиться?.. Пожалуйста... поскорей...

— Терпеть надо, друг, делать нечего, — сказал ему Даль, — но не стыдись боли своей, стонай, тебе будет легче.

— Нет, — отвечал он прерывчиво, — нет, не надо стонать, жена услышит, смешно же, чтобы этот вздор меня... пересилил... не хочу...

Мысли его были светлы; изредка только полудремотное забытьё отуманивало их. Раз он подал руку Далю и, пожимая её, проговорил:

— Ну, подымай же меня, пойдём, да выше, выше, ну, пойдём!

Но, очнувшись, он сказал:

— Мне было пригрезилось, что я с тобой лезу вверх по этим книгам и полкам, высоко и голова закружилась.

Немного погодя он опять, не раскрывая глаз, стал искать Далеву руку и, подняв её, сказал:

— Кончена жизнь.

Даль, не расслышав, отвечал:

— Да, конечно, мы тебя поворотили.

— *Жизнь* кончена, — повторил он внятно и положительно. — Тяжело дышать, давит.

Это были последние слова Пушкина. Все над ним молчали. Минуты через две я (Жуковский) спросил:

— Что он?

— Кончено, — отвечал Даль[30]».

VI

К восьми годам (с 1833 по 1841) пребывания Владимира Ивановича в Оренбургском крае относится большая часть его повестей и рассказов. К этому же периоду времени должно отнести и главнейшее пополнение запасов его для словаря, и собрание народных сказок, пословиц и песен. После *первого пятка* Казак Луганский продолжал свои сказки. Лучшие того времени журналы дорожили честью украшать свои страницы произведениями Даля. С 1834 по 1839 год его сказки являются в *Библиотеке для чтения* Сенковского[31].

Наряду со сказками начал он писать и повести из русского быта. Лучшими из них были: *Бедовик, Колбасники и Бородачи* и *Павел Алексеевич Игривый,* напечатанные в *Отечественных Записках,* которые начались (в 1839 году) первою из названных повестей Казака Луганского[32]. Живя в Оренбурге, Владимир Иванович совершенно изучил быт киргизов и уральских казаков и написал рассказы *Бикей и*

Мауляна[33], *Майна, Башкирская русалка.* Сюда же, пожалуй, можно отнести и восточную сказку *Бараны,* напечатанную в *Москвитянине* сороковых годов и наделавшую в своё время много говора и даже переполоху между окружными начальниками и другими губернскими чиновниками ведомства Государственных Имуществ. В иллюстрированном сборнике А.П. Башуцкого, издававшемся в начале сороковых годов под заглавием *Наши,* В.И. Даль поместил очерки: *Уральский казак, Чухонцы в Питере, Петербургский дворник, Деньщик* и *Находчивое поколение.* Странствование Даля по западному краю и в южной России и знакомство с бытом тамошнего народа дали ему возможность написать рассказы: *Цыганка, Болгарка, Подолянка;* зоолог и охотник на перо и на шерсть[34], он изучал и нравы животных. Его статьи *Медведь* и *Волк,* напечатанные в сороковых годах в петербургских иллюстрированных изданиях, представляют в высшей степени замечательные рассказы о нравах и быте этих животных[35]. Относительно естественной истории Владимир Иванович не ограничился этими, поистине мастерскими, но теперь, к сожалению, совершенно забытыми, затерявшимися в старых газетах, статьями; по вызову главного начальства над военно-учебными заведениями он написал превосходные учебники *Ботаники* и *Зоологии.* Они высоко ценились и естествоиспытателями и педагогами; но, когда в наших гимназиях ввели преподавание естественной истории, учебники Даля почему-то обошли, предпочитая им жалкие руководства, которыми неумелые педагоги набивали мальчикам головы. Что издания Владимира Ивановича Даля по части естественной истории были труды серьёзные, довольно сказать, что он был избран Академиею наук в члены-корреспонденты по первому, то есть физико-математическому её отделению. Разнообразная деятельность Казака Луганского этим не ограничивалась. Возник в тридцатых годах вопрос о том, что́ читать грамотному русскому человеку низших слоёв общества. Даль написал *Солдатские досуги* (пятьдесят два рассказа и несколько загадок). Эти *Досуги* не были похожи на искусственные в высшей степени, на каждом слове звучавшие фальшивою нотой, тогдашние рассказы генерала Скобелева, знавшего фронтового солдата, но не ведавшего русского человека и притом не имевшего ни малейшего образования, чем, однако, не стыдился хвастаться до цинизма. *Солдатские досуги* Даля не похожи были и на по-

зднейшие книжки для народного чтения, которые писались и пишутся неумелыми руками либо из-за одних денег, либо с предвзятыми тенденциями. Вскоре после того как было учреждено Министерство Государственных Имуществ, просвещённый министр, хотя и с образованием на французский лад, граф П.Д. Киселёв сознавал, что мало того, чтобы выучить крестьянина грамоте, надо дать ему полезное и сообразное с его понятиями чтение. Он поручил служившим при нём князю В.Ф. Одоевскому и А.П. Заболоцкому-Десятовскому составить *Сельское чтение*. Статьи Даля: *Не положив, не ищи, Что знаешь, о том не спрашивай,* притчи: *О дятле, О дубовой бочке, Ось и чека* и пр. были лучшими украшениями *Сельского чтения.* Впоследствии, уже в пятидесятых годах, когда Владимир Иванович Даль находился на полупокое в Нижнем Новгороде, Великий князь генерал-адмирал Константин Николаевич обратился к Далю с приглашением написать книжку для чтения матросов. Бывший мичман Черноморского флота в 1851 году написал *Матросские досуги,* состоящие из ста одиннадцати статей. И доселе нет в нашей литературе ничего лучше, ничего пригоднее для народного чтения, как *Солдатские* и *Матросские досуги* и статьи *Сельского чтения,* написанные первейшим знатоком русского простонародного быта, Казаком Луганским. А между тем о них и помину нет.

На всё был мастер Казак Луганский. Приятель его, художник Сапожников, около 1840 года нарисовал десятка три карикатур из быта петербургских немцев. Даль написал к ним текст под названием: *Похождения Виоль д'Амура,* напечатанный вместе с альбомом рисунков в *Библиотеке для Чтения*[36]. Казалось бы, что тут писать, чем себя выставить? Но Казак Луганский, говорим, на всё был мастер. Конечно, его *Виоль д'Амур* не художественное произведение; но сколько в нём весёлого юмора, так свойственного всем Далевым рассказам, сколько подмечено характерных черт, сколько задушевности, правды!

Написал Казак Луганский и драматическое произведение *Ночь на распутье, или Утро вечера мудренее.* Эта «старая бывальщина в лицах» написана В.И. Далем по настояниям Пушкина. Содержание её фантастическое. Тут кроме удельного князя Вышеслава, его дочери Зори и её женихов действуют Домовой, Водяной, Леший, Оборотень, Русалки, и все они действуют вполне по-русски, то есть вполне сообразно

с представлениями о них, созданными русским народом. В художественном отношении *Ночь на распутье* слаба, но она замечательна как опыт выставить на сцену русский сказочный мир. Даль рассказывал, что Глинка не раз ему говаривал, что после *Руслана и Людмилы* он непременно примется за *Ночь на распутье.* И какое бы в самом деле прекрасное либретто для русской оперы можно было сделать из этой «старой бывальщины!» В пятидесятых годах *Ночь на распутье* была поставлена на сцене Александринского театра в Петербурге. Поставлена она была в летние месяцы, разучена плохо, сыграна ещё хуже начинавшими и провинциальными актёрами. К довершению всего театральная дирекция сделала из *Ночи на распутье* нечто вроде балаганного представления, подобного Берговским на Адмиралтейской площади во время Масленицы или Святой недели. Сцены русалок на озере; превращение Оборотня в зайца, в полетушку, в сороку; наводнение покоев княжного родича Весны водою, текущею из волос похищенной русалки Порезвуши; Леший, идущий в лесу вровень с деревьями, а полем вровень с травою; кружение утопленников и утопленниц в воздухе над озером; Водяной с русалками, затопляющие лес и пр., — всё это дирекция могла бы, если бы захотела, поставить великолепно, но она поставила в такой степени безобразно, что, глядя на сцену, не верилось, что сидишь в Императорском театре, а не в ярмарочном балагане странствующих фокусников. Театральная дирекция, ухлопавшая около того времени тысяч сто на постановку безобразной оперы Верди *Сила судьбы*, едва ли пять рублей израсходовала на постановку *Ночи на распутье.* Пьеса, разумеется, пала. Если к этому прибавить, что *Ночь на распутье* была поставлена на сцене не только без согласия автора, жившего тогда в Нижнем, но даже вопреки его желанию, то можно до некоторой, впрочем, степени составить надлежащее понятие о степени добросовестности и уважения к отечественным писателям тогдашней дирекции с.-петербургских театров, не говоря уже о степени понимания ею русских драматических произведений. Узнав о постановке своей *Ночи на распутье* без желания автора, В.И. Даль хотел было протестовать, — но как и кому? Притом же дело сделано. Нарядив пьесу в балаганный костюм, дирекция театров успела, как говорится, ухлопать пьесу: дело стало непоправное. Автор пороптал и постарался забыть об этом.

В Оренбурге у Даля вполне созрела мысль о составлении

Словаря живого великорусского языка. Там же принялся он за изучение древних памятников нашей словесности. Он сблизился с инспектором классов Оренбургского Неплюевского военного училища Александром Никифоровичем Дьяконовым, о дружбе с которым поминает в *Напутном слове* к своему *Словарю.* Один только Дьяконов оказывал тогда в Оренбурге, по словам самого Даля, умное и дельное сочувствие к трудам его. Когда, лет через десять после того, я в Нижнем Новгороде каждый почти день бывал у Даля и мы целые вечера просиживали с ним над *Актами* археографической комиссии, над *Летописями и Житиями святых,* отыскивая в них по крохам старинные слова и объясняя их остатками, сохранившимися по разным закоулкам Русской земли, он, бывало, часто говаривал: «Вот точно так же Александр Никифорович Дьяконов в Оренбурге ходил ко мне с *Киршей Даниловым* да с *Памятниками русской словесности XII века,* и точно так же мы целые вечера просиживали над ними с покойником. Изучение старинных памятников утвердило тогда во мне намерение составить *Словарь,* а то, право, не раз приходило на ум бросить все запасы для него как ни на что не годный хлам. Дьяконов поддержал меня. Если будет когда-нибудь словарь, так спасибо вам с покойным Александром Никифоровичем».

Об этом В.И. Даль в *Напутном Слове* к своему *Словарю* так засвидетельствовал: «Помощников в отделке словаря найти очень трудно и, правду сказать, этого нельзя и требовать; надо отдать безвозмездно целые годы жизни своей, работая не на себя, как батрак. Таких помощников или сотрудников у меня и не было; мало того, по службе и жизни вдали от столиц, даже почти не было людей, с которыми бы можно было отвести душу и посоветоваться в этом деле. В сем отношении нельзя не помянуть мне, однако, двух дружески ко мне расположенных людей, в коих я находил умное и дельное сочувствие к своему труду: А.Н. Дьяконова, уже покойника, инспектора корпуса в Оренбурге, и П.И. Мельникова в Нижнем»[37].

В восемь лет жизни в Оренбургском крае Владимир Иванович изъездил его весь из конца в конец, вдоль и поперёк. Он не раз езжал с В.А. Перовским по обеим сторонам Урала. Он сопровождал царствующего ныне Государя Императора, обозревавшего в 1837 году Оренбургский край. Он сделал известный Хивинский поход 1839–1840 годов и оставил верное

изображение его в любопытных письмах к родным и знакомым, напечатанных лет шесть тому назад в *Русском Архиве*. Даль был всегда скромен и до крайности осторожен. Ни одним словом не упомянул он в этих письмах, ничем не выдал настоящего виновника неудачи тогдашнего похода в Хиву, но всегда и всем говаривал впоследствии, что виновником неудачи был командир кавалерии, злобный на Россию поляк, генерал Циолковский. Воспользовавшись прямодушием Перовского, он своими распоряжениями умышленно погубил в снежной степи всех до единого 12 000 верблюдов.

VII

После Хивинского похода В.А. Перовский решился оставить оренбургское генерал-губернаторство, но, заботясь о драгоценном для себя и для службы человеке, как называл он Владимира Ивановича, заблаговременно постарался его пристроить в Петербурге. Брат его, Лев Алексеевич Перовский, был тогда товарищем министра уделов, и Василий Алексеевич просил его взять к себе Даля. Вскоре по переводе Даля в Министерство Уделов Лев Алексеевич Перовский назначен был министром внутренних дел, с оставлением за ним и должности товарища министра уделов. Владимир Иванович, считаясь на службе по удельному ведомству, с сентября 1841 года сделался ближайшим сотрудником и правою рукой нового министра внутренних дел, то есть с самого вступления его в управление этим министерством, ознаменованного на страницах нашей истории неустанною и в полном смысле слова просвещённою деятельностию. Когда Перовский получил графское достоинство, на гербе нового графа был написан девиз, придуманный Далем: *Не слыть, а быть*. Это — верный девиз. Он вполне характеризует министра Перовского.

Всякий, кто знал Министерство Внутренних Дел во времена Перовского, вполне согласится, что он имел редкую способность выбирать людей. В его время на низшие даже должности в министерстве определяемы были не иначе как кончившие курс в университетах и других высших учебных заведениях. В то время как в других ведомствах недоброжелательно смотрели на чиновников, кроме службы занимавшихся наукою и литературой, когда за повести отправляли на службу в Вятку[38], а иной раз и подальше, Перовский любил окружать себя пишущими людьми, сознавал и открыто вы-

сказывал, что каждому истинно просвещённому министру так поступать необходимо. Без просьб, без ходатайств переводил он молодых людей, заявивших чем-нибудь себя в науке или литературе, из губерний в министерство, назначая их на места, которых тщетно добивались кандидаты с сильными протекциями. Он ходатайствовал пред Государем о возвращении учёных людей из ссылок и приближал их к себе, как, например, профессора Московского университета Н.И. Надеждина, сосланного в Усть-Сысольск за напечатание в *Телескопе* писем Чаадаева. Были примеры, что канцелярские департаментские чиновники, посланные в долгую командировку, туда, где есть университеты, чтоб обратить на себя внимание Перовского, возвращались в Петербург с дипломами на учёные степени, другие выдерживали кандидатские экзамены в Петербургском университете. На суммы министерства Перовский производил археологические изыскания в Крыму, в Новороссийских губерниях, в развалинах Сарая отыскивал место погребения князя Пожарского, торгового пути по России в доисторическую эпоху и пр. Кроме Надеждина, которого приблизил к себе с самого начала своего министерства, он пригласил на службу профессоров Московского университета П.Г. Редкина и А.И. Чивилёва. При Перовском служили граф Д.Н. Толстой, В.В. Скрипицын, доктор Рафалович, Н.А. Жеребцов, барон А.Ф. Штакельберг, П.П. Липранди. В числе молодых людей, служивших при Перовском, были: археологи граф А.С. Уваров, И.П. Сахаров, князь А.А. Сибирский, этнограф А.В. Терещенко, статистик А.И. Артемьев, ориенталисты П.С. Савельев, В.В. Григорьев, литераторы граф Сологуб и только ещё начинающие тогда И.С. Тургенев, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, граф А.К. Толстой, М.Н. Лонгинов и другие. При нём же находились А.В. Головнин и граф Д.А. Толстой, бывший и настоящий министры народного просвещения, Я.В. Ханыков, Н.А. Милютин, П.А. Валуев, граф А.К. Сиверс, А.К. Гирс, К.К. Грот, граф Ю.И. Стейнбок, граф Э.К. Чапский и многие другие[39]. Но ближе всех стоял к министру Владимир Иванович Даль. В этом человеке Лев Алексеевич Перовский нашёл не только неутомимого сотрудника, посвящённого им во все тайны государственной деятельности, но и преданного друга. Когда в последствии Даль удалился из Петербурга, граф Перовский, вполне чувствуя столь важную потерю, писал ему однажды в Нижний: «После вас я без рук».

Даль и Надеждин вели самые важные дела в министерстве под личным руководством самого министра, вели их весьма нередко помимо подлежащих департаментов. Мне самому, пред отъездом в одну командировку, случилось выслушать такое приказание графа Перовского: «О прямой цели поручения никому ни слова не говорите, кроме Даля, Надеждина и Милютина». Было бы слишком долго перечислять все работы, исполненные Владимиром Ивановичем, когда он находился при графе Перовском. Упомяну о главнейших. Он составил действующий доныне устав губернских правлений, принимал деятельное участие в делах по устройству бедных дворян и об улучшении быта помещичьих крестьян, составлял карантинные правила[40], по поводу возникших в западных губерниях дел написал исследование... Это исследование было напечатано в ограниченном числе экземпляров[41]. Под редакцией Даля составлялись ежегодные всеподданнейшие отчёты по министерству, всеподданнейшие доклады и все записки, предназначаемые для внесения в Государственный Совет и Комитет Министров. В 1844 году он написал по поручению графа Перовского чрезвычайно любопытную записку о законодательстве о скопцах[42], а вслед затем исследование о скопческой ереси. Из печатных экземпляров последнего из названных трудов уцелел единственный экземпляр, подаренный Далем в Чертковскую библиотеку. Когда это исследование, написанное по Высочайшему повелению, представлено было графом Перовским государю, он был очень доволен и спросил об имени автора. Когда же Перовский назвал Даля, император Николай Павлович поспешил осведомиться, какого он исповедания. Владимир Иванович был лютеранином, и государь признал неудобным рассылать высшим духовным и гражданским лицам книгу по вероисповедному предмету. Написать новое исследование поручено было Надеждину, который в свой труд внёс всю работу Даля.

В.И. Даль, служа при графе Л.А. Перовском, имел казённую квартиру в том же доме у Александринского театра, где жил и сам министр. Все знали, что значит Даль для министра, и потому было не удивительно, что губернаторы и другие важные лица, служившие по ведомству Министерства Внутренних Дел, все искатели мест и наград взбирались по девяноста ступеням в квартиру Владимира Ивановича; но он всегда был для них невидимкой. Зато вся-

кий знатный ли, незнатный ли, всякий совершенно даже безвестный человек, если приносил Казаку Луганскому несколько областных слов или несколько пословиц или поговорок, с самым тёплым участием был принимаем в его семействе. Но ему там и заикнуться не давали о службе или делах. По четвергам собирался у Владимира Ивановича кружок близких людей: тут бывали академики, профессора, литераторы, художники, музыканты, моряки, артиллеристы, военные инженеры, офицеры Генерального штаба, всё люди мысли, слова и искусства. Здесь-то, на этих четвергах, зародилась и выработалась мысль об учреждении Русского географического общества, которое бы находилось в ведении министра внутренних дел. В 1845 году граф Перовский исходатайствовал Высочайшее соизволение на учреждение этого Общества, самого деятельного из всех русских учёных обществ, сделавшего так много в 27 лет своего существования. Имя Владимира Ивановича значится в числе имён его учредителей.

И в Оренбурге при В.А. Перовском, и в Петербурге при графе Л.А. Перовском В.И. Даль успевал уделять время на ведение записок обо всём, что происходило вокруг него, обо всех делах, в которых он принимал участие как секретарь и как доверенное лицо обоих Перовских. Какой драгоценный материал для истории! Но ему не суждено было уцелеть. Уже более полутора стоп бумаги исписано было бисерным почерком Даля. Вслед за описанием Оренбургского края и любопытным сказаниям о быте уральских казаков, отбывании ими службы, рыболовстве и отношениях к киргизам в записках Даля подробно описана была Киргизская степь, помещено было множество рассказов вышедших из Хивы русских пленников[43], а равно и торговцев, посещавших Бухару, Ташкент и Кокан; рассказывалось об экономическом устройстве башкир, описан каждый кантон башкирский. Тут же находилось описание добывания соли на Илецкой защите, золотых приисков около Златоуста, рыбных ловов в Урале, Эмбе и на Каспийском море; записаны все происшествия (1834–1841), случившиеся в Оренбургском крае, сношения В.А. Перовского с среднеазиатскими независимыми владетелями, и в заключение был подробно описан Хивинский поход 1839–1840 годов. За время с 1842 по 1848 год описаны все замечательные происшествия в империи не только по официальным донесениям, но и по другим источ-

никам, тогда весьма доступным Далю, рассказано о всех важнейших делах, производившихся в высших государственных учреждениях, причём набросана была мастерская и правдивая характеристика почти всех тогдашних государственных деятелей и вообще людей, в каком-либо отношении замечательных. Тут были описаны дела по католицизму, сношения России с Римским двором, назначение в епископы-номинанты минского архидиакона Павла Равы и каноника Гинтило, реформы в хозяйстве латинских монастырей, действия графа Блудова в Риме, возведение на армянский патриарший престол католикоса Нерсеса, еврейские дела, дело эмиссара Канарского в западных губерниях, дело о расхищении денег в Комитете о Раненых Политковским и в Петербургской управе благочиния Клевенским, о контрабандистах в Петербурге, об остзейских делах при бароне Палене, Головине и князе Суворове, о пожарах и поджогах 1842 года, об убийствах Кроткова и других помещиков Симбирской губернии крестьянами, о лжеимператорах Константинах, появлявшихся в восточной части европейской России, и пр. При описании хода дел в высших правительственных учреждениях указано было на все закулисные интриги и описаны влияния разных частных лиц обоего пола. Словом, это была самая полная и при том совершенно правдивая летопись за целые пятнадцать лет (1833–1848). Тут же были описаны и дела литературные, действия некоторых учёных обществ, всё, что делалось в Академии Художеств, в театральной дирекции и пр.

В 1848 году граф Перовский, находившийся тогда в сильной борьбе с графами Орловым и Нессельроде, сказал однажды Далю: «До меня дошли слухи, которые могут быть истолкованы в дурную сторону... Что у вас за собрания по четвергам и какие записки вы пишете?» Владимир Иванович с полной откровенностью рассказал всё графу Перовскому, которому записки были вполне известны; он все их читал и даже многое сообщал Далю для их дополнений. Министр удовольствовался объяснением, но сказал: «Надобно быть осторожнее». С того дня четверги прекратились, а драгоценные записки погибли в камине. Впоследствии Даль часто жалел об утрате этих драгоценных материалов для нашей истории тридцатых и сороковых годов, но всегда прибавлял: «В то тяжёлое время поступить иначе мне было нельзя, я должен был беречь не себя, а министра; у него тог-

да было много врагов, стремившихся устранить его от государственной деятельности. Попадись тогда мои записки в недобрые руки, их непременно сделали бы пунктом обвинения Льва Алексеевича».

После того, утомленный служебными трудами и частыми бессонными ночами, В.И. Даль стал просить графа Перовского дать ему место управляющего одной из удельных контор. Перовский и слышать не хотел об удалении из Петербурга неутомимого своего сотрудника и самого преданного друга. Владимир Иванович жаловался на расстройство здоровья, Перовский отпустил его на целое лето в южные губернии для отдыха. Во время этого отдыха, если можно назвать его отдыхом, запасы для *Словаря* ещё значительно пополнились; но здоровье Даля, прежде крепкое, а в Петербурге сильно пошатнувшееся, не поправилось. Неотступные просьбы Даля и ходатайство В.А. Перовского склонили наконец министра на самую тяжёлую, как выразился он, жертву: в 1849 году Владимир Иванович получил место удельного управляющего в Нижнем Новгороде.

Отношения уехавшего в Нижний Даля к Перовскому нимало не изменились. Он был в постоянной с ним переписке. Министр иногда отвечал ему сам, и, кроме того, раза по два в месяц П.Г. Редкин передавал ему ответы графа или спрашивал от его имени мнения по разным делам, часто вовсе не относящимся до удельного управления. Эта переписка была мне известна. По указанию Владимира Ивановича я послан был графом Перовским в Нижегородскую губернию для ревизии городского хозяйства, а потом и в качестве начальствующего статистическою экспедицией, а также для исследований современного состояния раскола и для производства некоторых следственных дел по особенно важным случаям. Министром мне было приказано во всех действиях руководиться советами и указаниями Даля, что, впрочем, должно было оставаться секретом для местной администрации. Поэтому Владимир Иванович не таил от меня переписки с министром, а впоследствии даже ввёл меня самого в личную с ним переписку, помимо официальных донесений и рапортов. И я могу свидетельствовать, что граф Лев Алексеевич постоянно выражал сердечную скорбь свою о том, что лишился в Дале самого дельного чиновника в министерстве и самого преданного ему человека. «Таких сотрудников, как вы, до вас у меня не было, да и не будет», — писал он однажды Далю.

VIII

Частые объезды удельных имений, разбросанных по всей губернии, поправили несколько расстроенное долговременною сидячею жизнью здоровье Владимира Ивановича и значительно увеличили его запасы для *Словаря*. Мне нередко доводилось бывать в разных селениях при разговорах его с крестьянами об их быте, хозяйстве и т. п. Было чему и было у кого поучиться, как надо говорить с русским простолюдином! И как любил народ ласкового, всегда справедливого, а в случае надобности и строгого управляющего! Его слова для крестьян были законом не ради страха, но ради любви и доверия. Крестьяне верить не хотели, чтобы Даль был не природный русский человек. «Он ровно в деревне взрос, на палатях вскормлён, на печи вспоён», — говаривали они про него. И как он хорошо себя чувствовал, как доволен был, когда находился среди доброго и толкового нашего народа! «И до всякого-то, братцы, до крестьянского дела какой он доточный, — говаривали про своего управляющего крестьяне. — Там борону починил, да так, что нашему брату и не вздумать, там научил, как сделать, чтобы с окон зимой не текло да угару в избе не было, там лошадь крупинками своими вылечил, а лошадь такая уж была, что хоть в овраг тащи». Эти крупинки (гомеопатические) были всегда с Далем; разъезжая по деревням, он лечил и людей и скотину. Бывало, приедет в удельный приказ, крестьяне уже в сборе, дожидаются управляющего, а среди их больные, старики, женщины, дети. Прежде чем толковать о делах, Владимир Иванович обойдёт больных, кому сделать операцию (особенно много делал он глазных операций), кому даст врачебный совет, кому велит тут же при себе проглотить гомеопатические крупинки. Будучи ревностным поборником гомеопатии, он исходатайствовал у графа Перовского разрешение устроить в Нижнем Новгороде удельную гомеопатическую больницу и построить для неё обширный каменный дом. Она существовала до оставления Далем должности нижегородского удельного управляющего в 1859 году.

В Нижнем свободного времени у него было гораздо больше, чем в Петербурге. Здесь он, по желанию Великого князя Константина Николаевича, написал свои *Матросские досуги*. Эта книга вместе с его же *Солдатскими досугами* составляет, как уже сказано, лучшее собрание статей для народного чтения. Никто лучше Даля не писал для народа, а

между тем его *Досуги* забыты... А как бы они были пригодны теперь, когда грамотность стала, благодаря Бога, распространяться в низших слоях русского народа! Здесь же, в Нижнем, Даль возвратился к прежней своей литературной деятельности. Он писал очерки русской жизни и печатал их в *Отечественных записках*. Таких очерков написал он ровно сто. Они занимают два тома собрания его сочинений, изданных в 1861 году. В предисловии к ним или, по выражению его, в *Напутном слове,* он говорит: «Тридцать лет тому (*Московский Телеграф* 1830 года) как показались первые попытки писателя, который не ценит высоко сочинений своих, но полагает, что они могут быть полезны по направлению своему и по языку, особенно позднейшие. Такое направление высказалось было в нём в самом начале (*Сказки,* 1833), но посторонние обстоятельства пригнели его[44], а общий вкус тогдашней письменности требовал *повестей*. По сему двоякому поводу свойственное этому писателю стремление обнаружилось снова уже гораздо позднее, под конец деятельности его, в очерках и мелких рассказах, которые А.А. Краевский назвал *картинами русского быта*. Есть и между ними несколько пустых и пошловатых, но по языку они исправнее первогодних. За всем тем в издании этом собрано всё, что было напечатано, кроме газетных статеек и одной выкинутой повестушки[45]. Сочинитель сам многими весьма недоволен и неохотно стал бы перечитывать теперь всё, что на веку своём написал; но в поправки и переделки он не пускался: им не было бы конца».

С самого приезда в Нижний В.И. Даль стал приводить в порядок собранные им в количестве 37 тысяч русские пословицы. До тех пор все выходившие в свет русские пословицы (каждое собрание в пять или шесть раз меньше далевского) были располагаемы по алфавиту. «Но азбучный сборник, — как справедливо возразил Даль, — может служить разве для одной забавы: чтобы заглянуть в него поискать, есть ли там пословица, которая мне взбрела на ум, или она пропущена». В.И. Даль признал необходимым расположить свой запас пословиц по их смыслу. Он работал так: все собранные пословицы были у него переписаны в двух экземплярах на одной стороне листа, другая оставалась чистою. Разрезав их на «*ремешки*», он один экземпляр этих ремешков подклеивал в одну из ста восьмидесяти тетрадей, озаглавленных названием не предположенных, а явившихся сами собой во вре-

мя работы разрядов: Бог, Вера, Грех, Изуверство, Раскол, Ханжество, Судьба, Терпение и т. д. Затем разбирался каждый разряд. Пословицы подбирались по их последовательности и связи, по их значению. Другой экземпляр *ремешков* подклеивался в другую тетрадь, алфавитную по первым буквам не первого, но главного слова. Таким образом составлялись примеры, столь обильно рассыпанные по страницам *Толкового словаря.* За этой работой, которую мы шутя прозвали работою по «*ремешковой системе*», Даль просиживал каждый вечер часа по три, по четыре. Для него это было работой механическою. Бывало, режет и подклеивает ремешки, а сам рассказывает бывальщину, да так рассказывает, что только слушай да записывай. Но лишь только ударит 11 часов, Даль затушит стоявшие, бывало, пред ним свечи, встанет и, пожелав гостям доброй ночи, скажет: «Одиннадцать часов, спать пора». Вообще в распределении времени он был до крайности точен. Так повелось у него смолоду и кончилось со смертью. Когда в 1853 году началась Крымская война, он половину послеобеденного времени уделял на другое дело – на щипание корпии для раненых. Впоследствии здесь, в Москве, когда он кончил свой знаменитый *Словарь*, его каждый вечер можно было видеть за письменным столом, за которым он щипал корпию. Кажется, не один десяток пудов её отправлено было В.И. Далем в военное ведомство в продолжение последних 20 лет.

У *Сборника пословиц* до напечатания их в 1862 году была своя история, история мытарств и похождений. В предисловии к *Сборнику* Даль говорит: «Сборнику моему суждено было пройти много мытарств задолго до печати и при том без малейшего искательства с моей стороны, а по просвещённому участию и настоянию особы, на которую не смею и намекнуть, не зная, будет ли это угодно. Но люди, и при том люди учёные по званию, признали издание *Сборника* вредным, даже опасным... Нашли, что *Сборник* этот небезопасен, посягая на развращение нравов... *Это куль муки и щепоть мышьяку*[46], – сказали они. – Домогаясь напечатать *памятники народных глупостей*, г. Даль домогался дать им печатный авторитет. К опасным для нравственности отнесены пословицы: “Благословясь не грех”, “Середа да пятница хозяину в доме не укащица”. Находили непозволительным сближение сподряд пословиц или поговорок: “У него руки долги” (то есть власти много) и “У него руки длинны” (то есть вор)».

Дополню неясные слова Даля. Дело было на моих глазах. Одна из Высочайших особ пожелала видеть *Сборник пословиц* и, получив его в рукописи, признала полезным его напечатать, но предварительно препроводив его в Академию Наук, в которой В.И. Даль был членом-корреспондентом[17]. В Академии поручили разбор *Сборника* академику протоиерею Кочетову; он-то и нашёл щепоть мышьяку в далевых *Пословицах*. Даль отказался от печатания пословиц. Он писал в Академию: «Не знаю, в какой мере *Сборник* мой мог бы быть вреден или опасен для других, но убеждаюсь, что он бы мог сделаться небезопасным для меня. Если же, впрочем, он мог побудить столь почтенное лицо, члена высшего учёного братства, *к сочинению уголовной пословицы, то очевидно развращает нравы*. Остаётся положить его на костёр и сжечь. Я же прошу позабыть, что *Сборник* был представлен, тем более что это сделано не мною».

Лишь через девять лет после того *Пословицы* Даля нашли место в *Чтениях Императорского Общества истории и древностей российских*. Лишь в 1862 году появилась эта книга, столь необходимая и для филолога, и для этнографа, и для всякого литератора, который желает писать не по-французски, а по-русски.

Граф Перовский, управлявший уделами, скончался в конце 1856 года. Со смертью его служебные отношения Даля неминуемо должны были измениться. В Нижнем в то время занимал место губернатора бывший декабрист, основатель «Союза Благоденствия», А.Н. Муравьёв, человек вполне достойный, но, к сожалению, находившийся под влиянием окружавших его многочисленных родственников. Сначала он жил с Далем, что называется, душа в душу. Оба высоко-нравственные, оба высокообразованные люди, связаны были сверх того верою в учение Сведенборга. Но впоследствии между этими друзьями, вследствие наветов и бабьих сплетен, пробежала чёрная кошка. Произошло столкновение. Даль забыл, что не всякий министр есть Перовский, написал к его преемнику такое же откровенное письмо, какие привык писать к графу Льву Алексеевичу. Преемником графа Перовского был родной брат нижегородского губернатора. Владимир Иванович получил от него замечание (первое после постройки моста через Вислу) и подал в отставку.

IX

После десятилетнего пребывания в Нижнем Новгороде, в самом конце 1859 года, Владимир Иванович, переехав в Москву, поселился на Пресне, в доме, им купленном у г. Иваненка, а построенным историографом графом Щербатовым. В этом доме написана была *История Российского государства,* в этом доме (в нашествие Наполеона поплатившемся паркетом в гостиной, где какой-то французский генерал, не умея топить наши печи, разводил костры) кончены были работы по *Толковому Словарю.* Из Нижнего В.И. Даль привёз *Словарь,* окончательно обработанный до буквы П. В Москве недуги Даля усилились, а он работал, работал неутомимо, иногда до обмороков. Он часто, бывало, говаривал: «Ах, дожить бы до конца *Словаря*! Спустить бы корабль на воду, отдать бы Богу на руки!»

Желание его исполнилось, он дожил до свершения своего великого труда.

Но какая неустанная работа потребовалась для издания этого *Словаря*! Он напечатан шестью разными наборами не в абзацах, а в строку. Кто хоть несколько знаком с типографским делом, тот поймёт, какой труд, какое внимание надо было употребить для поверки такого набора. Даль держал *до четырнадцати корректур* трёхсот тридцати листов своего труда: в словаре малейшая опечатка не должна иметь места. В *Напутном слове* к *Словарю* В.И. Даль говорит: «Выбор, а затем частью и отливка шести разных наборов и другие приуготовительные печатни скрали почти полгода; правка такой книги, как *Словарь,* тяжела и мешковата, а тем более для одной пары старых глаз; вот причины медленности выхода *Словаря*; но что зависит от составителя, то, конечно, одна только смерть или болезненное одряхление могли бы остановить начатое».

Корректуру первого листа *Словаря* В.И. Даль послал в 1863 году на показ, между прочим, покойному Гречу, прося у него как у опытного лингвиста советов. «Когда я первый правочный лист *Словаря* выслал Н.И. Гречу, – говорит Владимир Иванович в *Напутном слове,* – чтоб он сообща со мною порадовался началу успеха заветного труда, то этот семидесятипятилетний деятель, несмотря на вражду мою с грамматикой, настоял на высылке к нему по почте (в Петербург) каждого правочного листа, возвращая его с поправками и заметками своими ко мне в Москву; а когда я отговаривал-

ся, совестясь затруднять его таким нескончаемым трудом, то он отвечал: "Дайте мне умереть за этою работой!" Заметки этого заслуженного уставщика русской грамоты были мне крайне полезны, охранив меня от многих промахов; и если они не все безусловно мною приняты, то это уже сделано сознательно или по необходимости, чтобы не нарушить целости принятых однажды, право или неправо, оснований».

Первое сочувствие знаменитый труд Даля встретил в Обществе любителей российской словесности, учреждённом при Московском университете. Бесспорная заслуга Общества! О сочувствии этом Владимир Иванович так рассказывает: «Составитель обязан объявить, по какому случаю *Словарь* его вовсе неожиданно поступил в печать. По прибытии его в Москву, зимою на 1860 год, Общество любителей русской словесности, почтившее его уже до сего званием члена своего, пожелало узнать ближе, в каком виде обрабатывается *Словарь* и что именно уже сделано. Отчёт в этом отдал он запискою, читанною в заседаниях Общества 1860 года (в частном заседании 25-го февраля и в публичном 6-го марта)[48]. Горячо и настойчиво отозвалось на это всё Общество под председательством покойного А.С. Хомякова, и тотчас же предложено было, не откладывая дела, найти средства для издания *Словаря*».

«Дело составителя было при сём заявить о всех затруднениях и неудобствах, какие он мог предвидеть, давно уже сам обсуждая это дело: *Словарь* доведён ещё только до половины и едва ли прежде восьми или десяти лет может быть окончен; собирателю под шестьдесят лет; издание станет дорого, а между тем, вероятно, не окупится; кому нужен неоконченный *Словарь*?»

«Но нашлось несколько сильных и горячих голосов, и первым из них был голос М.П. Погодина, устранивший все возражения эти тем, что, если видеть всюду одне помехи и препоны, то ничего сделать нельзя; их найдётся ещё много впереди, несмотря ни на какую предусмотрительность нашу; а печатать *Словарь* надо, не дожидаясь конца его и при том не упуская времени. Самая печать неминуемо должна продлиться несколько лет, а потому будет ещё время подумать об остальном, лишь бы дело пущено было в ход».

«Тогда поднялся ещё один голос, А.И. Кошелева, с другим вопросом: чего станет издание готовой половины *Слова-*

ря? И по ответу, что без 3000 руб. нельзя приступить к изданию, даже рассчитывая на некоторую помощь от выручки, деньги эти были, так сказать, положены на стол»[49].

Бывший в то время министром народного просвещения статс-секретарь А.В. Головнин, в сороковых годах служивший при графе Перовском под непосредственным начальством В.И. Даля[50], ещё в 1862 году докладывал Государю Императору о напечатанных *Пословицах русского народа* и о составлении Далем первой половины *Толкового Словаря.* Державный покровитель наук, в день празднования тысячелетия России, послал составителю этого *Словаря,* собирателю *Пословиц* и знаменитому русскому писателю Владимиру Далю Аннинскую ленту при Высочайшей грамоте, в которой изложены заслуги «знаменитого писателя» на поприще отечественной словесности. В 1864 году министр представил Государю Императору первый том *Толкового Словаря* (буквы А—З). Его Величеству угодно было даровать своему народу *Словарь* его живого языка. Все поддержки по изданию *Толкового Словаря* Даля Государь принял на свой счёт. Таким образом, если мы имеем теперь *Словарь,* смотря на который едва верится, чтоб это был труд одного человека, *Словарь,* подобного которому нет в других языках[51], то этим мы всецело обязаны народолюбивому и народом любимому Царю нашему, воспитаннику Далева друга, незабвенного Жуковского, от которого он научился любить и уважать отечественную литературу и родное слово[52].

Четыре огромные тома in 4-to в 330 листов, плод неустанных 47-летних трудов, в 1867 году явились пред русской публикой. Как бы загремело имя Даля, если б это был словарь французский, немецкий, английский! А у нас хоть бы одно слово в каком-нибудь журнале[53]. Ни один университет не выразил своего уважения к монументальному труду Даля возведением его на степень доктора русской словесности, между тем как дипломы на докторскую степень раздавались зря. Ни один университет не почтил составителя *Толкового Словаря* званием почётного члена или хотя простым приветом неутомимому труженику, окончившему столь великое дело!.. Я не знал человека скромнее и нечестолюбивее Даля, но и его удивило такое равнодушие. Впрочем, я ошибся: один университет, в России находящийся, с должным уважением отнёсся к труду Даля. Это университет немецкий, существующий в исконном русском городе Юрьеве,

ныне Дерптом именуемом. Оттуда прислали Далю за *русский Словарь* латинский диплом и немецкую премию[54]. Честь и слава российским университетам! А кажется в них сидели тогда не одни гг. Пыпины.

Когда *Толковый Словарь* был кончен печатанием, ординарный академик М.П. Погодин писал в Академию: «*Словарь* Даля кончен. Теперь русская Академия наук без Даля немыслима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из Академии вон, и упразднившееся место предоставить Далю. Выбывший займёт первую, какая откроется вакансия».

Академия наук единогласно избрала Владимира Ивановича в свои почётные члены. Затем она присудила *Толковому Словарю* Ломоносовскую премию. Разбор *Словаря* составлен ординарным академиком Я.К. Гротом. Кроме того, академиком Л.И. Шренком составлена была записка о зоологических названиях в *Толковом Словаре,* а академиком Ф.И. Рупрехтом — о ботанических названиях. Я.К. Грот составил также дополнения к *Словарю* Даля[55]. Владимир Иванович с благодарностью воспользовался замечаниями названных академиков. По издании *Словаря* к нему стали поступать из разных мест много дополнений, особенно от г. Микуцкого из Варшавы. Всё это, все присылаемые и самим замечаемые в сочинениях разных писателей слова, В.И. Даль вписывал в печатный экземпляр *Словаря,* дополнения находятся у его наследников. Покойный собирался издать их особо[56]. Теперь осталось в продаже весьма немного экземпляров *Толкового Словаря*[57], и если во второе издание его будут включены приготовленные составителем дополнения, то он будет почти в полтора раза обширнее.

В Обществе любителей российской словесности Даль был предложен в почётные члены председателем А.И. Кошелевым, действительными членами князем В.Ф. Одоевским и Мельниковым и секретарём П.Е. Щебальским. Пред заседанием, в котором должна была производиться баллотировка, предложение лежало на столе. Все члены Общества до единого присоединили свои подписи к предложению названных четырёх членов. Баллотировки произвести было нельзя, ибо все избиратели предложили Владимира Ивановича в почётные члены. Через несколько дней, когда изготовлен был диплом, депутация, состоявшая из председателя

Общества и многих членов, отправилась в дом Даля с просьбой: «сделать Обществу высокую честь — принять звание почётного его члена».

Императорское Русское географическое общество, мысль о котором возникла в сороковых годах на Далевых четвергах, увенчало труд его Константиновскою золотою медалью. Разборы были, по поручению этнографического отделения Общества, написаны ординарным академиком И.И. Срезневским и членом Общества П.И. Савваитовым. Кроме того, написал разбор ещё член Общества г. Пыпин. По поводу сего последнего разбора В.И. Даль напечатал в конце IV тома своего *Словаря* следующий *Ответ на приговор*: «Этнографическое отделение Русского географического общества, удостоивая *Толковый Словарь* мой Константиновской золотой медали, говорит по сему поводу: “Вполне соглашаясь с оценкой, сделанной труду г. Даля гг. Срезневским и Савваитовым, Отделение признало его заслуживающим Константиновскую медаль. Но вместе с тем, имея в виду рецензию на *Толковый Словарь* г. Пыпина, хотя и рассматривающего его со стороны чисто филологической, члены Отделения почли долгом заявить и со своей стороны, что было бы весьма желательно, чтобы такие слова (то есть слова не общеупотребительные в языке и как бы вновь составленные), как указанные г. Пыпиным и подобные им, были вносимы в *Словарь* не иначе как с оговоркою, *где именно и кем они сообщены составителю,* через что самое, по их мнению, устранится от этого важного и необходимого для всех издания, возможное в противном случае, нарекание на г. Даля, что он помещает в *Словаре* народного языка слова и речи, противные его духу и, следовательно, по-видимому, вымышленные, или, по крайней мере, весьма сомнительного свойства”. Так как я уже много лет за недосугом ничего не читаю, отдав все силы свои, всё время и все глаза *Словарю,* то я не видал и не слышал даже ничего об этом приговоре столь уважаемого учёного Общества, ниже о разборе г. Пыпина. Всё это дошло до меня только ныне, через пять лет, иначе я бы тогда же счёл долгом объясниться. Мне известен был доселе один только тёмный и безыменный намёк в том же духе, сделанный одним из гг. академиков[58]. Я тогда же писал к нему, просил прямых указаний и объяснений, но просил безуспешно; объяснений ни моих, ни своих, по-видимому, не желали; а так как намёк был очень тёмный и

мог относиться даже и не ко мне, то я и не мог настаивать на объяснении. Требование Отделения, кажется, простое и правое: укажи, где ты взял слова эти, мы их не знаем, не слыхали, в *Академическом Словаре* их нет; но задача трудна и даже неисполнима. Предвидя такое требование, я уже говорил о нём в *Напутном слове* своём к *Словарю.* Если словарь набирается только из книг, то, конечно, на них можно сослаться; будет побольше труда, ссылки займут много места, но исполнить это можно. Если составляется словарь обработанного, вполне устоявшегося языка, то в этом указании почти нет надобности; составитель нового французского или немецкого словаря едва ли найдёт много таких слов, коих бы не было ни в одном из вышедших уже словарей; язык давно уже перепотрошён на все лады, и каждое слово его перебрано и перещупано в пальцах. А что делать русскому словарнику, который один, своею душой, собрал гораздо за 80 000 слов, коих нет доселе ни в одном словаре, откуда они вытеснены условными, письменными речениями, частью плохо придуманными, частью взятыми из помянутых готовых немецких и французских словарей? Скажут – и у 80 000 слов можно сделать отметки; но спрашиваю, на что и на кого ссылаться? Этнографическое общество говорит: "Вносить с оговоркою, где именно и кем слова составителю сообщены". Академия могла бы это сделать при издании *Областного Словаря,* потому что ей сообщались слова за подписью собирателей, а я-то, сам собиратель, то есть подбиравший крохи эти случайно и сорок лет сряду, на кого я сошлюсь? Или мне выставить при каждом слове: *слышано в городе Ирбити, от купца Пряничникова,* или *в деревне Поповой, Семёновского уезда, Нижегородской губернии, от крестьянки Макаровой?* Ведь краткое указание на губернию, коли слово местное, у меня есть; множество слов, искажённых *Областным Словарём,* указаны либо исправлены мною, знак сомнения (?) выставлен при каждом подозреваемом мною слове – не знаю, что я мог сделать более? Записывая чуть ли не с 1819 года всякое новое для меня слово, где бы оно мне ни попадалось, мог ли я предвидеть подобное требование и мог ли его исполнить? Разве я ходил по слова как по грибы, набрал кузов, принёс домой и, пожалуй, подписал: "из такого-то бора"? Кто занимался этим делом, тот понимает, что на заказ слов не наберёшь, а хватаешь их на лету, в беседе, когда они безо всякого раздумья бывают сказаны. Люди,

близкие со мною, не раз останавливали меня, среди жаркой беседы, вопросом: "Что вы записываете?" А я записываю сказанное вами слово, которого нет ни в одном словаре. Никто из собеседников не может вспомнить этого слова, никто ничего подобного не слышал, и даже сам сказавший его, первый же отрекается; а когда я затем покажу, что записал: *горонить, замолаживать* или *увей* или что-нибудь подобное, то оказывается, что один не дослышал слова этого, другой спрашивает при сем случае, что оно значит, а третий дивится: чего тут записывать? слово обиходное, всякому известное!.. Что же я отмечу при таком слове — а их тысячи — чьё имя или свидетельство под ним выставлю? Имя этого собеседника? Но он никому из учёных не известен; Николаевых и Ведерниковых на Руси много, да наконец и он мог придумать слово это, так же как я; воля ваша, опричь случаев, где слово относится к весьма ограниченной местности или к какому-нибудь ремеслу, промыслу, трудно делать удостоверения или ручательство. Кроме нравственной поруки, другой нет; можно бы разве только пожелать, чтобы прежде подобного нарекания сами судьи ознакомились поближе с живым, не книжным языком, и, может быть, многие сомнения тогда бы сами собой исчезли. Я говорю прямо и по совести, что *Словарь* мой не заслужил на почве этнографии той высшей награды, которой он был удостоен, это моё искреннее убеждение, потому что в народописательном отношении в нём нет ничего полного, связного и цельного, но подобное заподо́зренье, в общих словах, заподо́зренье учёным обществом, лишает его в глазах современников даже и язычного достоинства: коли словарю нельзя верить, коли он набит офеньскими, то есть придуманными, словами вместо природных, то какой же это словарь? Множество таких офеньских, либо сочинённых или искажённых слов, я не принял из академического *Областного Словаря,* большое число их исправил или отметил их офеньскими или ставил при них знак сомнения, — и за тем буду сам придумывать свои слова?

Но я знаю, что потомство рассудит иначе и назовёт нарекание это, печатно высказанное, напраслиной. Русский язык станет со временем более доступным для образованных сословий, пишущие люди сроднятся с ним и, конечно, не найдут в *Словаре* моём того, что им предсказали современники. Я, впрочем, никогда и нигде не ободрял безусловно всего

без различия, что обязан был включить в *Словарь*: выбор предоставлен писателю.

Возьмём другой пример: по живому составу нашего языка или по свойству словообразования его каждый глагол сам собою даёт от себя целое гнездо производных, даёт существительные, прилагательные, наречия и пр. Из этих слов, как я указал примерами в передовой статье своей (к *Словарю*), и половины нет в прочих словарях; я старался пополнить пропуски эти, – но на что я пошлюсь, если бы потребовали у меня отчёта, откуда я взял такое-то слово? Я не могу указать ни на что, кроме самой природы, духа нашего языка, могу лишь сослаться на мир, на всю Русь; но не знаю, было ли оно в печати, не знаю, где, и кем, и когда оно говорилось. Коли есть глагол *пособлять, пособить*, то есть и *посабливать,* хотя бы его в книгах наших и не было, и есть: *посабливанье, пособленье, пособ* и *пособка* и пр. На кого же я сошлюсь, что слова эти есть, что я их не придумал? На русское ухо – больше ни на кого.

Всё это я писал, не видав разбора (г. Пыпина), на который Этнографическое отделение ссылается; расспросы мои наконец объяснили мне, что разбор этот никогда не был напечатан, и я с великим трудом добыл сведение о том, на какие именно слова моего *Словаря* разборщик ссылается. Он приводит их всего только *три,* говоря: "гармонию он (Даль) переводит: *соглас,* гимнастику – *ловкосилие,* автомат – *живуля*", и при последнем слове ставит два знака удивления. Основываясь на этих трёх словах разборщик (г. Пыпин) говорит: "рядом со словами общественными, словами областными, он (Даль) ставит *часто,* ничем их не обозначая, слова собственного сочинения".

Если бы до времени открыто было в *Словаре* моём не более этих трёх слов моего сочинения, то не лишку сказано, что составитель делает это *часто*? Но первое из них *соглас,* конечно, не моего сочинения; может быть, оно не печаталось доселе, писалось однако же, а ещё чаще говорилось: *по общему согласу нашему,* пишут в мирских приговорах; согласие или *соглас* – у старообрядцев круг, секта; их *соглас не берёт,* говорится в народе же не редко, и потому это слово не моё изобретенье; меня можно обвинить разве только в том, что я его поставил как толкование в числе тринадцати других слов, что я предложил слово это в таком значеньи, в каком оно, может быть, доселе не принималось; но посему-то

рядом с ним и поставлено ещё двенадцать других слов; кроме того слова *соглас* в значении *гармонии,* в красной строке, на своём месте, под буквою *с* — нет, а оно объяснено там как *согласие и согласность.* Второе слово, *живуля,* также сочинено не мною, оно есть в народе, и на сей раз я могу сослаться на загадку, как сделано и в *Словаре* моём. Или я сам сочинил и загадку эту? Что же мне отвечать на такое обвинение? Я могу только просить обвинителя моего подумать о том, что он делает, и при том наперёд подумать, а потом сказать. *Живуля* в народе нечто полуживое или по движениям своим подобно живому. *Сидит живая живулечка на живом стуличке, теребит живое мясцо* (младенец). Этого мало: слово это не только не выдумано мною, оно даже в самом значении своём, как *автомат,* взято из уст народа. Мужик рассказывал, что видел *живуль,* в том числе и Наполеона[59]; другой спросил, ходят ли они, и на отрицательный ответ продолжал: «Так это не *живуля,* а болваны, а я так видел *живулю,* куклу, четверти в три, и бегает она сама, одна, на кругах». Вот откуда я взял значение этого слова, и за всем тем при переводе его словом *автомат* поставил ещё вопросительный знак (см. *живой*). Наконец, третий пример *ловкосилие*, правда, слово моего сочинения, но и его нет на своём месте под буквой *л*, а оно поставлено только *как объяснительное* при слове *гимнастика* и при том также с вопросительным знаком. Итак, из числа трёх слов или примеров, на коих основан крайне тяжкий приговор, одно слово может служить к обвинению, но и это слово вставлено только ради объяснения, набрано теми же буквами, как все толкования, и при том с вопросительным знаком. Правда ли после этого, что "*он* (Даль) *ставит часто, ничем их не обозначая, слова собственного сочинения?*"

Утверждаю, что во всём *Словаре* моём нет ни одного выдуманного мною слова, то есть нет в красной строке, как слова объясняемого; в толкованиях могут попадаться, хотя весьма редко, слова, не бывшие доселе в обиходе; спрашиваю ещё раз не за себя, а за самое дело, можно ли после сего так о нём отозваться, как это случилось в помянутом разборе (г. Пыпина)? Ведь о таком труде говорить на мах нельзя; ведь найдутся же люди, не теперь, так со временем, кои сами вникнут в дело и разберут его по совести! А покуда это ещё не сделано, я сам знаю за *Словарём* своим более

недостатков, чем кто-либо; но порока, который добрые люди хотят навязать ему, в нём нет.

Если труд целой жизни человека поносится одним легкомысленно кинутым словом, то на это и отвечать было бы нечего; но если слово это содержит в себе прямое обвинение, то на него отвечать должно, и отвечать не ради личности своей, а ради дела. Чая в противнике своём (г. Пыпине) *честного человека*, я уверен, что он за сим сделает одно из двух: либо докажет не одним и даже не тремя примерами, что "Даль ставит часто, ничем их не обозначая, слова своего сочинения", либо объяснит, что он ошибся и что берёт слово своё назад».

Это было напечатано в январе 1867 года, с тех пор до кончины Даля протекло без малого шесть лет. *Честный человек*, как назвал Даль г. Пыпина, и не доказал, и не сказал, что он ошибся... Знамение времени!

Здесь нарочно приведено длинное объяснение В.И. Даля, чтобы показать, насколько основательно суждение г. Пыпина, послужившее, однако, источником мнений и сплетен в некоторых кружках о том, будто Даль сочинял слова, искони находящиеся в устах народа, но неведомые некоторым петербургским фельетонистам, которые страждут ничем не излечимым недугом самомнения и внутренней пустоты.

Кончив печатание *Словаря,* Владимир Иванович отдохнул от трудов. Он сделал всё: *Словарь* и *Пословицы* изданы, песни переданы в Общество любителей российской словесности для печатания их вместе с песнями Киреевского, сказки отданы для напечатания покойному А.Н. Афанасьеву. Разные записки и служебные бумаги — О.М. Бодянскому, который помещал и помещает их в *Чтениях Общества истории и древностей,* и П.И. Бартеневу для *Русского Архива,* некоторые бумаги — М.П. Погодину; большое собрание записок, относящихся до раскола, — мне. Раздав таким образом свои запасы, В.И. Даль говаривал, что он теперь спокоен, будучи уверен, что всё собранное им в течение полустолетия рано или поздно увидит свет Божий.

Казалось бы, с окончанием долговременных и тяжёлых трудов здоровье Владимира Ивановича должно было если не восстановиться, то хоть поправиться. Вышло наоборот. Ему некуда было девать часов, отведённых для занятий *Словарём.* Щипанье корпии, разумеется, не могло удовлетворить трудолюбца... Долговременная привычка к постоян-

ному труду, вдруг прекратившемуся, вредно повлияла на здоровье великого трудолюбца. Сам он сознавал это и, сознавая, стал опять писать *Картины русского быта* для *Русского Вестника*[60] и *Бытописание* для народного чтения.

Бытописание — это Моисеево Пятикнижие, изложенное применительно к понятиям русского простонародья. Труд замечательный по своей ясности, простоте и доступности пониманию малосведущих людей[61]. Особенно замечательны в нём нравственные толкования разных мест Св. Писания, применённые к быту и обычаям нашей сельщины-деревенщины. Некоторые из них отличаются не только чрезвычайною ясностью, но и такими применениями к жизни, которые ускользали от внимания современных церковных учителей. Для примера приведу следующее. Говоря о Синайском законодательстве, Даль объясняет каждую из десяти заповедей. Объясняя четвёртую, он говорит, что святить установленные праздники должно не гульбой, не пьянством и обжорством, а добрыми делами и помышлениями о Боге и будущей жизни. «Но если, — прибавляет он, — ты всё это исполнишь, то исполнил ты только половину Божией заповеди, другая за тобой. В ней сказано: "шесть дней делай и сотвориши в них вся дела твоя". Значит, каждый день трудись, опохмеляться в понедельник и думать не смей, все шесть дней работай, сотвори *все* твои дела до единого, никакой работы не смей оставлять до другой недели. Так Бог велел. Он сказал не просто "сотвори дела", а "сотвори *вся* дела"».

Бытописание Даля прошло много мытарств по цензурам. Иных смущало то, что вместо непонятной народу «скинии», у него стоит палатка, шатёр; вместо «брада Аароня» — Ааронова борода; вместо «стана израильского» (в пустыне) — еврейский табор. Другие недоумевали, можно ли допустить лютеранину поучать православный народ. Третьи находили несогласия с хронологией LXX толковников. Владимир Иванович сделал все указанные ему поправки, наконец во всём изложении не найдено ни малейшей не православной мысли, тем не менее затруднения не исчезали. В Московской духовной цензуре рукопись пролежала около двух лет, над нею всё думали и возвратили автору, что называется, без отказу без приказу. В 1869 году я отвёз рукопись *Бытописания* в Петербург. Тамошняя духовная цензура одобрила её к напечатанию, но *Бытописание* всё-таки осталось ненапечатанным, хотя одна особа и бралась его напечатать, ещё с

картинами. А как бы хорошо было теперь дать пробуждающемуся от тьмы невежества нашему народу эту книгу, доступную его пониманию! Как бы это было полезно! Теперь даже и того препятствия нет, что написал эту книгу иноверец. За год до смерти он вступил в лоно православной церкви, которую всегда признавал из всех христианских исповеданий ближайшею к учению Христа Спасителя. А между тем как явные и тайные препятствия воздвигаемы были против распространения Далева *Бытописания* в народе, в детской даже литературе то и дело появлялись рассказы из Библии с суждениями далеко не православными, а в некоторых народных школах преподавалось, что источник всякой жизни не Бог, а кислород, что мир не сотворён, а сам собой сделался... Но эти писатели и учители по всем актам значатся православными, а Даль — лютеранин. Из сего явствует, что их наставления народу полезны, а Далево *Бытописание* вредно[62].

Что же побудило Владимира Ивановича приложить последние труды свои к *Бытописанию*? На это он имел свои причины. В конце пятидесятых годов, когда у нас на Руси повеяло новым духом, когда всё встрепенулось и как бы ожило, много забот было положено на распространение грамотности в тёмной массе нашего простонародья. Умножались народные сельские училища; по городам появлялись небывалые дотоле воскресные школы; в полках стали учить солдат грамоте; открылись школы при церквах, на фабриках, в тюрьмах... В.И. Даль от души радовался этому, но, зная русский народ несравненно лучше и ближе горячившихся санкт-петербургских «народников», недоумевал над одним — что же будет читать народ, обучившийся грамоте? Готовы ли для него книги? «Нет спору, — говорил он, — что ученье свет, а неученье тьма и что грамоте учиться всегда пригодится, а когда будет больше грамотных, дураков поменьше будет; однако, — прибавлял он, — на одной грамоте далеко не уедешь. Нужно для народа чтение, а где оно? Не в тех ли книжках московского изделья, что офени по деревням в коробьях разносят, или те, что начали, как блины, печь петербургские борзописцы? Необходимо заготовить книги, да чтоб эти книги хоть бы были и не складны письмом, да были бы складны смыслом... А без них какой прок в грамоте? Разве что в кабаках фальшивые паспорты писать?» Эти мысли, живя ещё в Нижнем, постоянно и откры-

то высказывал Владимир Иванович и писал в письмах к друзьям, а в 1859 году, незадолго до переезда в Москву, изложил их в одной из столичных газет. Боже мой! какой гвалт подняли те, кого Даль обозвал борзописцами! Во всех газетах посыпались на него обвинения: Даль ретроград! Даль гасильник просвещения! и т.д. Разные в то время считавшиеся верхом ума и остроумия *Свистки* и *Гудки* завели такую katzenmusik пред Далем, что из-за неё не слышно было ни одного умного слова... Над Далем смеялись самые набольшие из вожаков тогдашнего так названного потом «нигилистического» направления литературы... Стало быть, другим тут умствовать было нечего: признавай все огулом Даля невеждой и гасильником, на том и делу конец. Не зная новоявленных чудотворцев российской словесности, зная литераторов по Пушкину, Жуковскому, Гоголю и другим, находившимся с Далем в дружбе и общении, не бывав десять лет в Петербурге, он предполагал, что там всё ещё обстоит по-прежнему, то есть что в среде пишущих «новых людей», как во время оно, царят и здравый смысл, та добросовестность, и знание. В этом убеждении он и выступил с объяснением, где доказывал, что произошло недоразумение, что его не поняли, что он не против народного образования, но против грамотности *без чтения,* что грамотность составляет не цель, а только средство для достижения цели. За это Даля обругали пуще прежнего. Он перестал писать.

Между тем беснование новоявленных чудотворцев бедной русской печати шло далее и далее, и чем дальше в лес, тем больше дров... Они сами, однако, поняли, что одной грамоты мало, что народу ученье нужно. И вот одни вздумали знакомить его преимущественно с естественными науками, а пуще всего с физиологией и особенно с рефлексами мозга; другие, не шутя, предлагали учить мальчиков в сельских школах политической экономии. Начали писать книги и книжки для народного чтения. Слава Богу, что они теперь позабыты... И вкривь и вкось в этих книжках обо всём говорилось в поучение народу, обо всём, кроме закона Божия и закона государственного. Много говорилось о правах, ни слова об обязанностях. Проскакивали глумления надо всем, что свято для народного мировоззрения... Занятый печатанием сначала своих *Пословиц*, а потом *Словаря,* Владимир Иванович скорбел душою, приглядываясь к шабашу Лысой горы, как он выражался, во всём безобразии разыгравшем-

ся в известных приходах нашей литературы. Когда же кончил он многотрудную работу над *Словарём,* принял намерение писать книги для народного чтения. С чего же начать? Конечно, с «вечной книги», со слова Божия. Кончив *Бытописание,* намеревался он продолжать труд свой, пройти всю Библию... Ещё в 1869 году он читал мне отрывки из *Иисуса Навина, Судей и Царств,* но затруднения, встреченные для напечатания *Бытописания,* заставили его положить перо и заняться исключительно щипаньем корпия для раненых.

X

В.И. Даль всегда, как сказано было прежде, признавал ближайшею к Христову учению церковь православную. Значительная часть наших бесед с Далем, в продолжение тридцатилетней приязни, посвящаема была историческим вопросам об исповеданиях и различных церковных расколах. Ещё лет двадцать пять тому назад (как теперь помню, это было в селе Чистом Поле, Семёновского уезда), он в первый раз высказал мне следующее: «Самая прямая наследница апостолов бесспорно ваша греко-восточная церковь, а наше лютеранство дальше всех забрело в дичь и глушь. Эти раскольники (Чистое Поле и его окрестные селения населены раскольниками) несравненно ближе ко Христу, чем лютеране. Лютеране — головеры. По учению Лютера: «веруй только во Христа, спасёшься ты и весь дом твой», добрых дел, значит, не нужно. Эдак не один благоразумный в Евангелии упоминаемый разбойник, но и всякий разбойник с большой дороги в царство небесное угодит, если только верует во Христа. Римское католичество в этом отношении лучше протестантства, но там другая беда, горшая лютеранского головерия, — главенство папы, признание смертного и страстного человека наместником Сына Божия. Православие — великое благо для России, несмотря на множество суеверий русского народа. Но ведь все эти суеверия не что иное, как простодушный лепет младенца ещё неразумного, но имеющего в себе ангельскую душу. Сколько я ни знаю, нет добрее нашего русского народа и нет его правдивее, если только обращаться с ним правдиво... А отчего это? Оттого что он православный... Поверьте мне, что Россия погибнет только тогда, когда иссякнет в ней православие... Расколы — вздор, пустяки; с распространением образования они, как пыль, свеются с русского народа. Раскол недолговечен, устоять ему нельзя; что

бы о нём ни говорили, а он всё-таки не что иное, как порождение невежества... Пред светом образования не устоять ни тёмному невежеству, ни любящему потёмки расколу. Суеверия тоже пройдут со временем. Да где же и нет суеверий? У католиков их несравненно больше, а разве протестантство может похвалиться, что оно совершенно свободно от суеверий? Но суеверие суеверию — рознь. Наши русские суеверия имеют характер добродушия и простодушия, на Западе не то; тамошние суеверия дышат злом, пахнут кровью. У нас непомерное, превышающее церковный закон почитание икон, благовещенская просфира, рассеянная вместе с хлебными зёрнами по полю ради урожая, скраденная частица Св. Даров, положенная в пчелиный улей, чтобы мёду было побольше, а там — испанские инквизиции, Варфоломеевские ночи, поголовное истребление евреев, мавров, казни протестантов!»

Так говаривал он много раз и впоследствии, и чем более склонялись дни его, тем чаще. Помню раз, года четыре тому назад, прогуливались мы с ним по полю около Ваганькова кладбища. Оно недалеко от Пресни, где жил и умер Владимир Иванович.

— Вот и я здесь лягу, — сказал он, указывая на кладбище.

— Да вас туда не пустят, — заметил я.

— Пустят, — отвечал он, — я умру православным по форме, хоть с юности православен по верованиям.

— Что же мешает вам, Владимир Иванович? — сказал я. — Вот церковь...

— Не время ещё, — сказал он, — много молвы и говора будет, а я этого не хочу; придёт время, как подойдёт безглазая, тогда... — И тут же поворотил на шутку: — Не то каково будет моим тащить труп мой через всю Москву на Введенские горы[63], а здесь любезное дело — близёхонько.

Выше было сказано, что В.И. Даль увлекался учением Сведенборга, когда я сблизился с ним, а это было ещё в сороковых годах, он уже был увлечён сочинениями шведского духовидца. Нравственное учение Сведенборга ничем не противно нравственности христианской; это одно из самых возвышенных нравственных учений. Но Даль увлекался видениями Сведенборга о состоянии человеческих душ в вечной жизни и его истолкованиями Св. Писания. В Нижнем, в 1852 году, он даже переложил *Апокалипсис* по словарю таинственных слов, указанных Сведенборгом. Вышла история христианской церкви после апостолов[64]. Пытливый и

несколько мечтательный дух Владимира Ивановича занят был на некоторое время и спиритизмом, но это продолжалось недолго. Приняв православие, он отверг Сведенборга и успокоил пытливость своего духа в учениях и преданиях восточной церкви. «Я всю жизнь искал истины и теперь нашёл её», — говорил он, вступив в ограду православия.

Осенью 1871 года с Владимиром Ивановичем случился первый лёгкий удар, и первым его делом было пригласить глубоко уважаемого им священника, отца Преображенского, для присоединения к нашей церкви и дарования таинства св. причащения по православному обряду. Удары повторялись один за другим, и после каждого он прибегал к божественному таинству. Сентября 22-го 1872 года он скончался.

Итак, скончал он жизнь свою в русской церкви. А был ли Даль русским по духу, он — датчанин по племени? Всегда, с ранней молодости.

Лет пять тому назад, в каком-то, не упомню, журнале напечатано было о славянах в Дании. Там было упомянуто о славянах Далях. Надо было видеть восторг Владимира Ивановича при этом известии!

Около того же времени поднялся в печати вопрос о немцах прибалтийского края. В это время дерптские друзья Даля требовали от него категорического ответа — кто он — русский или немец.

Вот что писал он им: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или иной народности. Дух, душа человека — вот где надо искать принадлежности его к тому или иному народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно проявлением духа — мыслию. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски».

Этим от души высказанным признанием кончу воспоминания о дорогом моём учителе и руководителе на поприще русской словесности, о русском великом трудолюбце, о русском православном человеке, Владимире Ивановиче Дале.

Вечная да будет ему память!

Примечания

[1] Русский Вестник. 1873. Март. С. 275—340. Читаны «Воспоминания» на годовом публичном собрании Общества любителей российской словесности, 25-го февраля 1873 г.

[2] Некоторые упоминаются в *Росписи* Смирдина, № 7.207 и 7.268.

[3] В ноябре 1871 года с ним случился первый удар; в феврале 1872 скончалась супруга его Екатерина Львовна (дочь оренбургского помещика Соколова). Всякий, кто хотя бы немного знал семейство Даля, согласится, что эта чета составляла редкий образец истинного христианского супружества. Начало автобиографической записки В.И. Даля (всего три страницы, до выпуска из Морского корпуса) напечатано в 11-й книжке *Русского Архива* 1872 года.

[4] «Вы человек?» – «Да, ваше высочество». – «Ну, стало быть, вы можете и прощать».

[5] Тогда флота лейтенант Николай Фёдорович Миллер.

[6] Полный адмирал, сенатор, адмиралтейств-коллегии член, александровский кавалер Пётр Кондратьевич Карцев.

[7] Капитан-лейтенант, а впоследствии капитан первого ранга, почётный член Морского учёного комитета.

[8] Такова была в самом деле наружность Даля. О родителях своих в автобиографической записке он говорит: «Отец был строг, но очень умён и справедлив; мать добра и разумна и лично занималась обучением нашим насколько могла; она знала кроме немецкого и русского ещё три языка». То же и в *Мичмане Поцелуеве,* хотя там горный врач датчанин, живший в Екатеринославской губернии, и представлен русским и екатеринославским помещиком.

[9] Повесть *Мичман Поцелуев* писана в тридцатых годах, и ссылка на давно прошедшее время имеет значение классической медовой лепёшки, которую вступавшие в Плутоново царство кидали Церберу, то есть Цензурному комитету. В тридцатых годах в Морском корпусе учился мой двоюродный брат Николай Жилин, лет через пять исключённый за малоуспешность. Когда мой дядя брал неудавшегося сынка из корпуса, с него истребовали 17 рублей за розги, употреблённые начальством на образование его детища. Из сего явствует, что в тридцатых годах, когда Даль писал *Поцелуева,* в Морском корпусе пороли чуть ли не здоровей прежнего, но так как барабанщики в то время уже вовсе не могли снабжать корпус необходимыми педагогическими пособиями, к тому же и окрестности Петербурга обедняли лесом, то, чтобы казённое заведение не понесло убытков, стали пороть кадетов на родительский счёт.

[10] Затем следуют 34 слова кадетского жаргона, перечисленные во время сочинения повести не по записи, а по памяти, как сказывал Владимир Иванович. Записи начинаются с Зимогорского Яма, в марте 1819 года, как будет сказано ниже.

[11] В.И. Даль произведён в гардемарины в 1816 году, то есть 15 лет от роду. Чин гардемарина считался в то время офицерским. В Копенгаген ходило двенадцать гардемаринов, в том числе Даль, Бутенев, Лихонин, убитый в Турецкую войну, декабрист Д.И. Завалишин, П.М. Новосильский, впоследствии директор Департамента иностранных исповеданий, а потом цензор, Н.И. Синицын, потом директор Ришельевского лицея, П.С. Нахимов, герой Синопа и Севастополя. Гувернёром при гардемари-

нах в этой морской кампании был капитан-лейтенант князь С.А. Ширинский-Шихматов (впоследствии афонский инок Аникита). Он очень любил Даля и высказывал сожаление о том, что он принадлежал к лютеранскому закону. «Хороший ты человек, друг мой Даль, жаль только, что немец!» — говаривал он ему. Во время плавания к датским берегам гардемарины обязаны были вести записки. Даль очень жалел, что его записки не сохранились.

[12] *Московские Ведомости.* 1872, № 267. «Заметки по поводу некролога В.И. Даля» Д.И. Завалишина.

[13] *Московские Ведомости* 1872, № 267. Статья Д.И. Завалишина.

[14] *Московские Ведомости* 1872, № 267. Статья Д.И. Завалишина.

[15] *Толковый Словарь живого великорусского языка,* т. 1, стр. 3.

[16] *Вестник Императорского Географического общества.* 1852 год, книжка 5. Перепечатана без прибавлений в предисловии к *Толковому Словарю.*

[17] Дзяканье: *дзядя* (дядя), *дцянуть* (тянуть) и т. п. Господство *у: ваук* (волк) и пр. *Трабуха* вместо требуха, *кручок* вместо крючок. *Ион лгёц* — он лжёт. *У сороци на хвисте* - у сороки на хвосте.

[18] Описание этого моста с чертежами было впоследствии напечатано особою брошюрой в Петербурге, в типографии Греча. Она теперь составляет библиографическую редкость. Брошюра была переведена на французский язык и напечатана в Париже.

[19] *Русская Старина,* издаваемая г. Семевским, 1872.

[20] *Московские Ведомости* 1872, № 267. Статья Д.И. Завалишина.

[21] В то время, когда В.И. Даль учился в Дерптском университете, там преподавал русскую словесность А.Ф. Воейков (автор *Дома сумасшедших,* потом редактор *Литературных прибавлений к Русскому инвалиду*), женатый на сестре Жуковского Александре Андреевне. Жуковский жил вместе с сестрой в Дерпте до самого того времени, как был назначен воспитателем царствующего ныне Государя Императора.

[22] См. предисловие ко 2-му тому *Сочинений Владимира Даля.* С.-Петербург, 1861.

[23] *Полтора века о нынешнем русском языке,* статья В.И. Даля, напечатанная в *Москвитянине* 1842, часть 1, стр. 549–550.

[24] *Русские сказки. Первый пяток.* Казака Луганского. Ныне чрезвычайная библиографическая редкость. В этом первом пятке заключаются следующие сказки: 1) *О Иване молодом сержанте, удалой голове, без роду без племени, спроста без прозвища.* Посвящена милым сёстрам моим Павле и Александре; 2) *О Шемякином суде и воеводстве и о прочем, была когда-то быль, а ныне сказка буднишная.* Посвящена Карлу Христофоровичу Кнорре; 3) *О Рогвольде и Могучане царевичах, равно и о третьем единоутробном их брате, о славных подвигах и деяниях их и о новом княжестве и княжении.* Посвящена Катеньке Мойер и Машеньке Зонтаг; 4) *Новинка-диковинка, или Невиданное чудо, неслыханное диво.* Посвящена Н. Языкову и всем товарищам нашим профессорского института при Дерптском университете; 5) *О похождениях чёрта-послушника, Сидора Поликарповича, на море и на суше, о неудачных соблазнительных попытках его и об окончательной пристрой-*

ке его по части письменной. Посвящена однокашникам моим Павлу Михайловичу Новосильскому и Николаю Ивановичу Синицыну. Первый пяток *Сказок* Даля перепечатан в VIII томе *Собрания* его сочинений 1861 года. Кнорре, которому посвящена вторая сказка, приятель Даля, был астрономом при обсерватории в Николаеве. Катенька Мойер — дочь дерптского профессора-хирурга, Иоганна Христиана Мойера, у которого учился Владимир Иванович. Машенька Зонтаг - дочь известной писательницы для детей Анны Зонтаг, урождённой Юшковой, родственницы Жуковского, жившей в Дерпте, когда там учился Даль. Н.М. Языков - известный поэт. Новосильский был впоследствии директором Департамента духовных дел, директором хозяйственного отделения Святейшего Синода, а под конец жизни — цензором Петербургского цензурного комитета. Н.И. Синицын был впоследствии директором Ришельевского лицея в Одессе.

[25] Сочинения Владимира Даля изд. 1861, т. VIII, стр. 4 и 5: «В некотором царстве, за тридесятым государством, жил был царь Дадон, Золотой Кошель. У этого царя было великое множество подвластных князей: князь Панкратий, князь Клим, князь Кондратий, князь Трофим, князь Игнатий, князь Евдоким, много других таких же и сверх того правдолюбивые, сердобольные министры: фельдмаршал Кашин, генерал Дюжин, губернатор граф Чихирь-Пяташная-Голова да строевого боевого войска Иван молодой сержант, удалая голова, без роду без племени, спроста без прозвища... Царь этот царствовал, как медведь в лесу дуги гнёт, гнёт — не парит, переломит — не тужит. Он послушал правдолюбивых сердобольных своих советников, приказал отобрать от Ивана молодого сержанта удалой головы, без роду без племени, спроста без прозвища - все документы царские, чины, ордена, злато-чеканные медали, и пошло ему опять жалованье солдатское, простое, житьё плохое, и стали со дня на день налегать на него более вельможи, бояре царские, стали клеветать, обносить, оговаривать». Указано было ещё на то, что в сказке *О похождениях чёрта-послушника Сидора Поликарповича*, во-первых, чёрт назван именем православного христианина, а во-вторых, что военная и морская служба оказалась для самого чёрта столь тягостною, что он бежал. Свежо предание, а верится с трудом. «По указанию Булгарина, — говаривал В.И. Даль, — обиделись пяташные головы, обиделись и алтынные, оскорбились и такие головы, которым цена была целая гривна без вычета».

[26] На девице Юлии Андре. От неё Владимир Иванович имел сына Льва Владимировича (род. 1834 в Оренбурге, теперь один из замечательнейших русских архитекторов и при том археолог) и дочь Юлию Владимировну (скончалась в Риме 1863 года, 24 лет от роду). Оба лютеранского закона. Во второй раз Владимир Иванович женился в Оренбурге на Екатерине Львовне Соколовой (скончалась в Москве 9-го февраля 1872 года), дочери помещика Бирского уезда, Уфимской (тогда Оренбургской) губернии. От неё Владимир Иванович имел трёх дочерей — Марью, Ольгу и Екатерину. Средняя замужем за нижегородским помещиком П.А. Демидовым (служит товарищем прокурора Московского окружного суда), старшая и младшая девицы.

[27] Так называл он галлицизмы и чужеречия, вводимые в русский язык.

[28] Я слышал от М.П. Погодина предположение его: «Когда будет в Москве воздвигнут памятник Пушкину, внизу его, в приличном вместилище положить этот сюртук как реликвию великого поэта, на память грядущим поколениям русских людей».

[29] Ставил их Даль своими руками.

[30] *Собрание сочинений Жуковского,* т. VI, стр. 356–361. *Последние минуты Пушкина.*

[31] Сказки Казака Луганского, явившиеся в тридцатых и отчасти в сороковых годах, были следующие: 1) *Сказка про жида вороватого, про цыгана бородатого.* 2) *Сказка про Емелю дурачка.* 3) *Сказка про Ивана лапотника.* 4) *Сказка о Егоре Храбром и о волке.* 5) *Сказка о воре и бурой корове.* 6) *Сказка о строевой дочери и о коровушке бурёнушке.* 7) *Сказка о прекрасной царевне Милонеге Белоручке.* 8) *Сказка о нужде, о счастии и о правде.* 9) *Сказка о бедном Кузе, бесталанной голове, и о перемётчике Будунтае.* 10) *Сказка о Лисе Патрикеевне.* 11) *Сказка о купце с купчихой и выкраденном у них сыне.* 12) *Илья Муромец, сказка Руси богатырской.* 13) *Как себе живут Василь Васильич с Марьей Васильевной.* 14) *Карай царевич и Булат молодец.* 15) *Клад, русская сказка.* 16) *Ведьма, украинская сказка.*

[32] Кроме трёх названных повестей из русского быта Владимир Иванович Даль написал ещё: 1) *Савелий Граб, или Двойник.* 2) *Вакх Сидоров Чайкин.* 3) *Мичман Поцелуев, или Живучи оглядывайся.* 4) *Гофманская капля* (нечто вроде фантастических рассказов Гофмана – неудачная). 5) *Отец с сыном – старая погудка на новый лад.* 6) *Небывалое в бывалом, или Былое в небывалом.* 7) *Отставной.* 8) *Расслах.* 9) *Хмель, сон и явь* (напечатана в *Москвитянине*).

[33] Она переведена на французский язык и напечатана в 1846 году в Париже под заглавием *Bikey et Maolina ou les Kirghiz-Kaissaks.* Par Dhale. Traduit du russe par Folormey.

[34] Охотничьи выражения – охота на птиц и на зверя.

[35] В *Собрании сочинений* Даля, С.-Петербург, 1861, этих статей нет.

[36] В *Собрании сочинений* Владимира Даля, изд. 1861 г., его нет.

[37] *Толковый словарь живого великорусского языка.* Том 1, стр. XIV.

[38] Салтыков, известный под псевдонимом Щедрина.

[39] Благодаря дружескому расположению Даля я сам был взят графом Перовским в министерство из провинциальных (нижегородских) губернаторских чиновников, не бывши до того в Петербурге, не просивши и не искавши места, казалось бы, по прежнему и по нынешнему, невозможного для незнаемого провинциала без сильных протекций. Впоследствии взят был Перовским из Казани известный статистик наш А.И. Артемьев и другие.

[40] Правила эти были гораздо облегчительнее прежних, а облегчения сделаны по влиянию Даля. Он не верил в прилипчивость чумы вследствие прикосновения здорового человека к какой-либо вещи, принадлежащей зачумленному. Он рассказывал много случаев, замеченных им во время

наблюдений над чумою в Турецкую кампанию 1829 года. Между прочим он сообщал следующее: «Только что наши войска перешли Балканские горы, в главную квартиру графа Дибича приехал курьером один офицер, кажется, с берегов Дуная. В главной квартире чумы тогда ещё не было, но в тех местностях, откуда приехал офицер, она уже развилась в сильной степени, хотя об этом не было ещё известно Дибичу и бывшему при нём штабу. Курьер приехал ранним утром, сведения, привезённые им, настолько были важны, что фельдмаршала разбудили, и он принял курьера в своей палатке. Пошли объяснения, Дибич разложил карту на своей постели и рассуждал с прибывшим. Этот придерживал карту, и своими потными и запылёнными руками оставил следы на подушке фельдмаршала, который, отпустив курьера, лёг спать. Курьер несколько времени ходил по лагерю, раздавая штабным офицерам привезённые письма, пил с ними чай и наконец в одной палатке лёг отдохнуть. Он не вставал более: оказалось, что он приехал уже зачумленный; на другой или третий день его не стало. Ни фельдмаршал, ни кто-либо из штабных офицеров не заболел чумою, а через несколько дней по смерти курьера вдруг появилась она между солдатами в той части лагеря, где не был курьер, привёзший, как думали тогда, чуму в главную квартиру». Тогда В.И. Даль находился при графе Л.А. Перовском, по его представлению отправлен был в Константинополь, в Сирию, в Египет доктор Рафалович для исследования чумы на местах сильнейшего её развития. Его наблюдения были приняты к соображению при составлении новых карантинных правил.

[41] Чрезвычайно редкая книга. Один экземпляр её находится в Чертковской библиотеке, находящейся ныне при Московском музее. Книги этой было напечатано до ста экземпляров. Оставшиеся от рассылки разным правительственным лицам экземпляры её находились у графа Л.А. Перовского, когда он, оставя Министерство Внутренних Дел, управлял Министерством Уделов, равно как и экземпляры напечатанных в ограниченном числе книг Ю.Ф. Самарина: *Общественное хозяйство города Риги* и Н.И. Надеждина: *Исследование о скопческой ереси.* Граф Перовский скончался в конце 1856 года. В то же время говорили, и кажется правдоподобно, что один незначительный и притом совершенно бездарный и не сведущий чиновник, состоявший при графе Л.А. для переписки неважных по содержанию бумаг, «мня службу приносити», поусердствовал. Он сжёг все эти экземпляры, хотя, впрочем, не был ни евреем, ни рижским бюргером, ни даже скопцом. Поусердствовал он на доблестном поприще сожжения книг единственно из любви к столь благородному искусству.

[42] Она напечатана (первая половина её) в IV книжке *Чтений в Обществе истории и древностей* 1872 года, в печатаемых там *Материалах для истории хлыстовской и скопческой ересей,* собранных мною. В моё собрание бумаг о расколе вошли, между прочим, переданные мне покойным В.И. Далем его бумаги по этому предмету, равно как и бумаги Н.И. Надеждина.

[43] Из них уцелели записанные в особые тетрадки два рассказа: 1) пленника Фёдора Фёдоровича Грушина и 2) вышедших из Хивы пленников об

осаде персиянами в 1837 и 1838 годах крепости Герата. Оба помещены во 2-м томе *Собрания сочинений В.Даля* издания 1861 года.

[44] Речь идёт о последствиях напечатания *Первого пятка* русских сказок, то есть о том, как В.И. Даль имел случай познакомиться с статс-секретарём Мордвиновым.

[45] *Похождения Виолъ д'Амура.*

[46] Такой пословицы в народе нет. Эта «уголовная», по выражению Даля, пословица сочинена покойным академиком протоиереем Кочетовым.

[47] Вскоре после того как Российская Академия была присоединена к Академии наук в виде второго её отделения, Даля, бывшего членом-корреспондентом по первому, то есть по физико-математическому отделению, не спросясь его, перевели во второе. Это очень оскорбило его.

[48] *Записка о Русском Словаре* напечатана в первой книжке *Русской Беседы* за 1860 год и потом перепечатана в предисловии к *Толковому Словарю живого великорусского языка,* стр. XVI–XXIV.

[49] *Толковый Словарь живого великорусского языка,* т. 1, стр. XIV.

[50] Он был секретарём особенной канцелярии министра, а Даль управлял ею.

[51] Говорится в том смысле, что на других языках нет такого словаря, в котором бы собраны были все областные речения, а примеры были бы заимствованы не из искусственной литературы, а *из уст самого народа, творца своего языка,* то есть из пословиц, песен, сказок, поговорок и т.п.

[52] Три тысячи рублей, первоначально данные на издание *Словаря,* были возвращены В.И. Далем А.И. Кошелеву, который не пожелал взять их обратно, но предоставил в распоряжение Общества любителей российской словесности для издания русских песен, собранных покойным Киреевским. В собрание это вошли и песни, собранные В.И. Далем. До сих пор издано девять выпусков песен под редакцией секретаря Общества П.А. Бессонова.

[53] Это очень понятно. Чтобы дельно писать о Далевом словаре, надо многое знать, надо знать, кроме того, наш народ и его живую речь во всех её изгибах; как бы ни велико было у взявшегося писать знание русской грамматики и книжного языка, этого не достаточно. Даль говорит прямо, что русской грамматики покамест ещё нет, а книжный язык, особенно язык писателей последнего времени, он отвергает. Вот сказать, что в *Словаре* помещены слова, составленные самим Далем, выдуманные им, как сделал это г. Пыпин, это нам с руки.

[54] Она учреждена вдовою немкою (забыл фамилию) и назначена для наград за знаменитые успехи в области языкознания.

[55] Разбор Я.К. Грота и записки его, Л.И. Шренка и Ф.И. Рупрехта напечатаны в *Собрании статей, читанных в Отделении Русского языка и словесности Императорской Академии Наук,* том VII, 1870 года.

[56] Часть их помещена была при *Словаре* в виде дополнений. Эти дополнения печатались на одной стороне листа в видах приспособления их к работе по «ремешковой системе». Ремешки эти можно подклеивать и в самый *Словарь* на подлежащих местах.

[57] Не более 150 из 1500. Замечательно, что много экземпляров *Толкового Словаря* выписано от иностранных книгопродавцев за границу.

[58] Покойным академиком Коркуновым, редактировавшим *Областной словарь Академии наук.*

[59] В ярмарочном балагане с восковыми фигурами.

[60] *Картины русского быта,* напечатанные в *Русском Вестнике* 1867 и 1868 годов. Это были последние, напечатанные при жизни В.И. Даля, его сочинения.

[61] В.И. Даль имел также намерение передать Евангелие на языке простонародья, но в самых строгих выражениях и при том, разумеется, буквально. Переведённая таким образом XIII глава Евангелия Матвея находится теперь в рукописи у М.П. Погодина.

[62] Пред кончиною В.И. Даль своё *Бытописание* передал в рукописи свояченице своей Наталье Львовне Соколовой.

[63] На Введенских горах единственное в Москве лютеранское кладбище. Оно в верстах восьми от Пресни.

[64] Это переложение (в рукописи) находится у М.П. Погодина. Кстати о Сведенборге. Однажды, ещё в Нижнем, мы читали с В.И. Далем *Arcana Coelestia* именно то место, где Сведенборг говорит, что он просил Бога дозволить ему заживо испытать всё, что испытывает человек при разлучении души с телом, и имел после того видение. Тогда я только что знакомился ещё с учением Сведенборга. Упомянутая книга была для меня новостью. Когда мы прочли видение, я с удивлением сказал: «Помилуйте, Владимир Иванович, да ведь это наши Феодорины мытарства, *Житие Василия Нового*, только внешние формы несколько не те, а смысл тот же самый...» Он отвечал: «Да ведь говорил же я вам, что у Сведенборга ничего нет противного христианству. А вы вот о чем подумайте: у католиков вместо мытарств - чистилище, а у протестантов нет чистилища, но нет и мытарств; православия Сведенборг не знал, он нигде ни одним словом о нём не коснулся, даже в описании Страшного Суда, где говорит обо всех исповеданиях христианских и нехристианских. О народных верованиях русского народа, о *Житии Василия Нового* никакого понятия он не имел, а написал то же или почти то же самое. И во всех его *арканах*, то есть таинствах, меньше всего сообразного с католическими и лютеранскими воззрениями и больше всего с православными преданиями. А православия, говорю, он не знал ни русского, ни византийского, не был знаком не только с *Житием Василия Нового*, но даже и с важнейшими писателями православной церкви – Василием Великим, Григорием Богословом и другими». – «Что ж из всего этого?» – спросил я. «А то, – отвечал он, – что в преданиях вашей веры правды гораздо больше, чем в воззрениях нашей». Это было сказано в пору самого сильного увлечения его сведенборгизмом.

И.С. Аксаков

РЕЧЬ О А.Ф. ГИЛЬФЕРДИНГЕ, В.И. ДАЛЕ И К.И. НЕВОСТРУЕВЕ*

Милостивые Государи!

Тяжёл был для нас прошлый високосный год. Выбыли силы, нелегко заменимые, и убыль значительно перевесила прибыль. Русская словесность, а с нею и небольшой круг людей, составляющих наше Общество, понесли важные утраты: 20 июля мы лишились Александра Фёдоровича Гильфердинга, 22 сентября скончался Владимир Иванович Даль, а 29 ноября не стало и Капитона Ивановича Невоструева.

Неодинакова судьба и неодинаково значение этих трёх подвижников русской науки и русского слова; различны дарования, — мы и не намерены их сравнивать, но при всём различии немало и общего — особенно во внутреннем содержании их деятельности.

Один, именно Гильфердинг, сошёл в могилу в самой лучшей поре своих лет, не успев докончить самой главной своей работы, для которой всю свою предшествовавшую, полезную деятельность считал только подготовлением. Столько уже было дано и совершено им одним на всех разнообразных поприщах его кратковременной жизни, что этого дела достало бы на заслугу многим, и многие тем бы и удовлетворились; но не в природе Гильфердинга было ослабевать и успокаиваться, да и мы не переставали простирать всё новые и высшие требования к этой ведомой нам силе труда и таланта. Он не был художником слова; для него — человека науки и мысли — русская речь служила по преимуществу средством для объяснения истин исторических, этнографических, политических, однако ж и филология входила в круг его научных исследований, а в последнее время привлекла его к себе область русского песенного народного творчества, и не только привлекла, но и напрягла его учёную любознательность до крайней степени самоотвержения, далее которой не может идти человек: он пожертвовал ей

---

* *Аксаков И.С.* Сочинения. Т. 7. М.-, 1887. С. 784–794. Вступительная речь председателя И.С. Аксакова на годовом публичном заседании Общества любителей российской словесности 25 февраля 1873 г.

здоровьем и самою жизнью, — болезнь и смерть застигли его в самом странствии — в поисках за былинами и сказаниями. Он умер на 41 году своего возраста.

Напротив того, ровно и мерно дошёл Даль до края своего долгого земного поприща, успевши оправдать всю полноту возлагавшихся на него надежд, — дать всё, что по собственному его сознанию он в силах был дать, и под конец жизни воздвигнув себе вековечный памятник своим *Толковым Словарём живого великорусского языка.* Даль также не может быть назван художником — созидателем в тесном смысле этого выражения, но русское слово не было для него только средством: нет, оно само по себе было для него предметом и целью преимущественно с художественной стороны, — не наше книжное, искалеченное, чахлое слово, а именно слово живое, которое он всю жизнь, везде и всюду подбирал из уст самого народа. Поэтому и в произведениях Даля, относящихся по своей внешней форме к разряду «изящной словесности», видится одна главная задача: воспроизвести собственно это же слово в его жизненной обстановке, во всей его меткости и уместности! Оттого и язык его повестей и рассказов — не столько органическая, творческая речь самого автора, сколько живой талантливый подбор народных выражений, поговорок, пословиц, — будто нити, нанизанные зёрнами. Все мы слышим кругом себя народную речь, всюду она раздаётся, но она скользит мимо нас, не задерживая на себе нашего внимания; нужно обладать особенным художественным слухом и глубоким сочувствием к народу для того, чтоб в слышимом говоре услышать его живые особенности, его красоту, подметить, уловить все изгибы и оттенки смысла и таким образом обратить их в достояние науки, словесности, — вообще народного самосознания. Этим слухом, этим сочувствием и обладал в высшей степени Владимир Иванович Даль. Если обратиться воспоминанием к самому началу его литературной деятельности под именем Казака Луганского, — нельзя не поразиться смелостью и самостоятельностью его почина и вообще всею его нравственною оригинальною фигурою, с отчётливыми, строго определёнными очертаниями, — так резко выдающеюся на сером фоне наших тогдашних литературных и общественных нравов, нашей — столько модной в то время псевдоаристократической распущенности и легкомысленного, полупрезрительного отношения к русской простонароднос-

ти. Точность слова, точность намерений, точность действий, точность в жизни общественной и домашней... всё у Даля было точное и словно точёное. И вся эта нравственная особенность и сила применена была к труду, а самый труд — труд всей жизни — приложен к изучению русского простонародья. Моряк, медик, механик, чиновник, практик, во всём умелый, всюду бывалый, — таков был этот собиратель живого народного слова. Но ошибался тот, кто при жизни Даля признавал его сочувствие к народу чисто внешним и самого Даля вполне завершённым и удовлетворённым внутренно. Нет, этот практический, положительный человек, датчанин и лютеранин по рождению, невольно подчинялся духовному влиянию русской народности, тяготился противоречием своего религиозного внутреннего строя с народным и наконец разрешил это противоречие, окончательно объединившись с народом в вере за несколько месяцев до кончины. Бестрепетно, без судорожных прицепок к жизни, с упованием, верный самому себе, встретил он смерть, — и в то же время с обычною точностью расчёта определил заранее день и час кончины и распорядился всеми мелочными подробностями похорон.

И Гильфердинг и Даль — оба не русские по крови; но тем более причины для нас радоваться той нравственно-притягательной силе русской народности, которая умела не только вполне усыновить себе этих иностранцев по происхождению и привлечь их к разработке своих умственных богатств, но и одухотворить их не русское трудолюбие русской мыслью и чувством. Да, страстно преданные России и русскому народу, оба они - и Гильфердинг и Даль - в то же время не по-русски (к счастию, может быть, для дела) относились к труду. Это не русское свойство видим мы в упорстве труда, в размеренном и вместе неослабном, настойчивом движении к цели, в правильном распределении работы, одним словом, в таком отношении к труду, которое не нуждается во внешнем возбуждении, чуждо запальчивости, не знает ни скачков, ни перерывов, ни лени, ни уныния, не ищет одолеть задачу сразу, приступом или запоем, — что так свойственно нам, природным русским, — но которое является действием высокого самообладания, всегда бодрой, спокойно и ровно напряжённой воли.

Некоторые готовы умалять нравственное достоинство подобного отношения к труду, полагая, что так трудиться

способны будто бы только натуры односторонние и что при разнообразии талантов, при той многосторонней даровитости — так выходит из слов — которою как бы страдает русская природа, сосредоточение сил на одной какой-либо задаче, в тесных рамках какой-либо специальности для неё почти невозможно. На этом основании склонны — и очень склонны у нас — не только извинять русскую лень и распущенность, но и возводить их чуть не в достоинство. Но если и справедливо, что живость ума и широкая даровитость менее способны к формальному сосредоточенному труду, то тем необходимее для них усвоение того знания и тех приёмов труда, без которых самый блестящий талант остаётся бесплодным, — тем почётнее борьба с искушениями собственного духа и тем добычливее победа. Пример гениальных учёных и художников чужих стран свидетельствует, что трудолюбие нисколько не несовместно с самою широкою гениальностью, но, напротив, оно-то и оплодотворяет. У нас же наоборот. Мы не умеем работать, не уважаем трудолюбие, — оттого при всей нашей даровитости мы так мало производительны: пропорциональное отношение цельных, законченных учёных и литературных у нас трудов к сумме дарований, которыми изобилует Россия, поразительно скудно.

Но есть и у нас исключения, которые тем почтеннее, что они одиноки, всем обязаны себе самим, а не среде, в которой возникли, — и вот одним из таких исключений, и при том самым крупным, был наш покойный сочлен Капитон Иванович Невоструев.

В самом деле, в Невоструеве — этом скромном, до сих пор мало знаемом в России и великом труженике, — трудолюбие является уже не только похвальным и полезным качеством, а истинно высокою добродетелью, восходит на степень духовного подвига. Если оно не отличалось, быть может, тем методическим характером, какой замечается у Даля и Гильфердинга, то в нём выступает иная, особенная, нравственная и совершенно русская народная черта — черта безграничного смирения, способность трудиться без всякой подпоры извне, без поощрения, без утешений славы, в нужде и скорби, одним словом, не приемля здесь мзды своея.

Вся жизнь его была посвящена изучению и исследованию памятников церковнославянской письменности — работе тяжёлой и неблагодарной — в том именно смысле, что она ме-

нее всего была способна доставить ему у нас в России видное положение, выгоды материальные и ободряющую популярность. А между тем его учёные разыскания драгоценны для нашего исторического самосознания, — и одно уже его описание рукописей Синодальной библиотеки способно увековечить его имя в русской науке. Но всё это не помешало Невоструеву жить и умереть преждевременно, в совершенной бедности, — почти непризнанным и неоценённым, как бы в загоне. Только опустивши его в могилу, поздно спохватились и поняли у нас, какая схоронилась, вместе с ним, громада учёного знания, какая исполинская сила труда — и какая нравственная доблесть, какое величие смирения!

Памяти этих трёх трудолюбцев, подвизавшихся на поприще русской словесности, мы и посвящаем наше настоящее, в то же время очередное годичное заседание. Почтим и дело, совершённое ими, и нравственный подвиг их жизни: да назидаются их примером живые. После годичного отчёта, который прочтёт г. секретарь, вы услышите, Милостивые Государи, более подробные воспоминания о трёх покойных сочленах, изложенные по очереди в порядке утрат, понесённых нашим Обществом, — именно о Гильфердинге прочтёт вам Н.А. Попов, о В.И. Дале — его сотрудник и ученик П.И. Мельников, столько известный в литературе под псевдонимом Андрея Печерского, псевдонимом, который придуман был для него самим Далем, а о Невоструеве — Е.В. Барсов. Но так как статья Н.А. Попова касается только одних учёно-литературных трудов Гильфердинга, то я позволю себе здесь, так сказать, предвосполнить его статью сообщением некоторых, недостающих ей биографических данных.

Он родился в 1832 году, в Варшаве, от отца-лютеранина, происхождением, кажется, из Голландии, но уже русского уроженца и воспитанника Московского университета, и от матери-католички, уроженки острова Цейлона. По желанию отца Александр Фёдорович, при самом рождении, был окрещён по обряду православного исповедания. Его отец, достойно подвизавшийся на государственной службе и преимущественно на дипломатическом поприще, пользовавшийся с молодых лет дружбою и уважением Хомякова и Погодина, которого он был университетским товарищем, — хотел непременно, чтобы и сын докончил воспитание в Москве и в Московском университете. Ещё студентом усердно

посещал Александр Фёдорович Алексея Степановича Хомякова, и под его-то благотворным сильным влиянием определилось в юноше Гильфердинге то направление деятельности, которому он остался верен всю жизнь и которое в истории нашей литературы и общественного внутреннего развития получило название «славянофильского». Таким образом, в основание труженичества Гильфердинга легли с самого начала живые сочувствия и живая мысль. Работать, сколько хватит сил, на пользу русского народного самосознания и славянской взаимности — вот задача, которую он поставил себе при выходе из Университета в 1852 году, будучи 20 лет от роду и которой послужил неизменно до конца, т.е. ещё 20 лет своей жизни. Эти 20 лет были одно непрерывное деланье. Труд был его стихией, но труд не только отвлечённо-научный. Кабинетный учёный, проводивший ночи в разборе болгарских и сербских древних рукописей, публицист, всегда беспристрастным и трезвым словом судивший о самых жгучих политических вопросах современности, отважный путешественник, совершавший хладнокровно самые опасные странствования, консул — дипломат между славянами, порабощёнными Турцией, всегда высоко державший русское знамя, замечательный работник в канцеляриях Государственного Совета и Главного Комитета по крестьянскому делу, — везде и всюду имел Гильфердинг пред собою одну заветную цель, подвигаясь к ней спокойно, шаг за шагом, неутомимо, упорно. Поэтому не отказывался он от участия и ни в каком общественном, даже невидимом, постороннем для него, деле, если только мог быть ему полезен и улучить для него хоть минуту досуга. Но как ни был он много и разнообразно занят, всегда отыскивалось у него столько досуга, чтобы ободрить и облегчить чужой начинающийся труд в родной ему области науки, сообщая трудящемуся, даже без его просьбы, учёные пособия и указания. Особенно много послужил Гильфердинг славянскому делу: это была его специальность. Его неоднократные путешествия по славянским землям, его исторические исследования и статьи по современным вопросам славянского мира, всегда отличавшиеся ясностью мысли и изложения, особенно сильно содействовали установлению живых отношений к славянам и возбуждению к ним разумного и просвещённого сочувствия в среде русского общества. Я не стану перечислять его сочинений, об этом вам подробнее сообщит Н.А. Попов. Скажу только, что ни

учёная, ни общественная его деятельность не прерывалась ни разу.

Избранный в 1871 году в председатели Этнографического отдела Русского географического общества, Гильфердинг, как ни занят был службой и другими делами, однако же, верный своим правилам, не отказался от этого звания, и здесь привлёк его к себе новый могучий интерес, близко, впрочем, связанный с главным предметом его занятий, — русское народное эпическое творчество. Несмотря на слабость своего телосложения и хилость здоровья, он отправился летом 1871 г. на поиски в Олонецкую губернию, в самые глухие её места, и, преодолев всевозможные лишения и даже опасности, возвратился оттуда с огромным запасом им записанных былин и песен. Поместив в «Вестнике Европы» чрезвычайно интересное описание своего путешествия и наблюдений своих над певцами и над самим процессом современного устного сказания древних былин и песен, приготовив к изданию всё им собранное, Гильфердинг летом 1872 года вновь поспешил в Олонецкий край, чтоб пополнить своё собрание. Переплывая Онежское озеро, толкаясь на барке среди рабочих, он заразился тифом, и в несколько дней его не стало. Он погиб, как боец, в честном бою, в самом разгаре и на поле своей деятельности, жертвой любви к русской науке и русской народности.

Он умер, не дождавшись появления в свет тех трудов своего учителя, вечно памятного председателя нашего Общества Алексея Степановича Хомякова, на издание или, вернее, на учёную редакцию которых он положил столько добросовестной работы и столько горячей любви. Я разумею III и IV тома Сочинений Хомякова, содержащие в себе «Записки о Всемирной Истории», вышедшие два месяца тому назад.

Здесь, кстати, могу я возвестить, что в непродолжительном времени выйдут из печати труды, также сподвижника и друга Хомякова, К.С. Аксакова. Я разумею здесь собственно его филологические труды, которые составят два большие тома — II и III тома Полного собрания его сочинений. В III томе помещается его «Опыт русской грамматики», посвящённый нашему Обществу; — первый выпуск этой Грамматики появился в печати ещё перед кончиной автора. Многие обстоятельства помешали, к сожалению, своевременному изданию этих томов; но смею думать, что появление их и теперь не может быть признано запоздалым.

В заключение, Милостивые Государи, обращаясь к годичной деятельности нашего Общества, я должен сказать, что она сосредоточивалась преимущественно на учёной разработке и на увековечении в печати произведений нашего народного устного творчества. Благодаря неутомимым трудам нашего достоуважаемого секретаря П.А. Бессонова, издан под его редакцией в прошлом 1872 г. 9-й выпуск песен, собранных Киреевским, под заглавием «Восемнадцатый век в русских исторических песнях после Петра Первого». Остаётся издать ещё один выпуск — 10-й и уже последний, содержащий в себе песни новейшие, первой половины нынешнего столетия, — и тем завершится наконец издание этого драгоценного Собрания. К 9-му выпуску приложены г. Бессоновым и собственные его исследования о песнетворчестве XVIII века, раскрывающие нам тот внутренний процесс разложения и перерождения, который совершался в народной песне после петровского переворота, под влиянием разных новых и чуждых, вторгшихся в русскую жизнь элементов, и, наконец, того взаимодействия, которое установилось в конце прошлого столетия между поющим народом и целою возникшею литературою печатных и рукописных песенников. В эту эпоху появляется авторство, доселе почти неизвестное в народной безличной поэзии, — можно соследить историю многих песен, и г. Бессонов представил нам, между прочим, историческую монографию одной из таковых песен, озаглавленную им: «Графиня Прасковья Ивановна Шереметева, крестьянка села Кускова». Смею обратить ваше особенное внимание на эту монографию, интересную не для одних учёных, но заключающую в себе все данные для художественного романа из русской жизни конца XVIII века, простонародной и барской.

При содействии же нашего Общества изданы и «Причитания Северного края», собранные нашим сочленом, Е.В. Барсовым, именно часть первая, заключающая в себе: «плачи похоронные, надгробные и надмогильные»: это единственный вид ещё пребывающего покуда, ещё не иссякшего народного творчества. Это не отпетое, окостеневшее и только по памяти передающееся слово народной старины, но живое, творящееся слово народного вдохновения в настоящую пору, в современной действительности. Важность труда г. Барсова, сумевшего почерпнуть для нас струю народной поэзии из её живого источника, так очевид-

на, что не требует и объяснения; она оценена не только русскою, но и заграничною критикой, чему доказательством служат отзывы английских журналов *Athenaeum* и *Akademy*, а также славянских *Politik*, *Correspondance Slave* и др. Остаётся только пожелать скорейшего появления в свете остальных частей его Сборника.

Могут заметить, что наше Общество ограничивается почти исключительно одною издательскою деятельностью. Это замечание справедливо. Общество действительно занимается тем, что едва ли не всего более на потребу в настоящее время. Мы живём в эпоху быстрого разложения бытовых, народных основ — неминуемое последствие неминуемых преобразований — давно прошенных и желанных и наконец к счастию, совершившихся. Старый исторический склад народной жизни рушится и задвигается целыми слоями новизны ещё видоизменяющейся, ещё не окрепшей и не устоявшейся. Всё ещё бродит, ищет, чает, ничто не сложилось, не осело, ничто не прочно, живётся день за день. Такая эпоха брожения, эпоха переходная, вообще неблагоприятна ни для спокойного труда мысли, ни для художественного авторского созидания, но она ещё гибельнее для художественного народного творчества, — так как сам быт художника-творца, самый быт народа, — он-то и в переделе. Рядом с наплывом внешних экономических интересов, так долго пренебрежённых, но зато и чересчур уже сильно овладевших теперь умами и оттеснивших на задний план интересы чисто духовные, десять тысяч школ предлагают народу просвещение, если скудное в смысле духовном и нравственном, то всевыводящее его из стихийной области быта в область сознания или, по крайней мере, полусознания. — Таков роковой, но неминуемый ход вещей, вероятно, только временный, ведущий нас к новой поре исторической жизни. Поэтому надо спешить собрать и уберечь от неизбежной гибели последние звуки народного эпоса и того непосредственного народного поэтического творчества, которое видимо отживает. Лет через 10, в помутившейся народной памяти не останется от них и следа. На чьей же обязанности лежит по преимуществу эта забота о сбережении сокровищ нашей народной поэзии, как не на Обществе любителей русского слова? И оно, Милостивые Государи, как вы видите, строго сознаёт и по мере сил своих исполняет эту высокую обязанность.

ИЗ ПЕСНИ СЛОВА НЕ ВЫКИНЕШЬ

Р.Н. Клеймёнова

ВКЛАД ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА. 1811–1930

В.И. Даль был не одинок в своём увлечении собиранием слов, памятников народного творчества, изучением русской народности. Занимались этим и члены Общества любителей российской словесности. То, что Общество способствовало появлению в свет «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, без которого сегодня трудно себе представить работу филолога, это не случайность. С первых лет своего существования оно осознавало необходимость изучения русского языка, фольклора, русской народности, старалось поддерживать исследования в этих направлениях. В.И. Даль в меру своих сил и возможностей принял участие в жизни Общества.

В первый период своей деятельности с 1811 по 1837 г. Общество было научным центром, в котором сосредоточилась исследовательская работа не только по литературе, но и по языкознанию, русскому, древнерусскому и старославянскому языкам[1]. В тесной связи с этим было изучение фольклора, русских древностей. В это время уже начали обсуждаться вопросы о меняющемся взаимодействии и соотношении русской и церковнославянской стихий в истории русского литературного языка, о заимствовании чужих слов, о народных основах русского литературного языка, о необходимости составления новой систематической, основательной, полной русской грамматики и толкового словаря, о церковнославянском языке как основе древнерусского письменного языка, о становлении русской научной лексики, де-

лалась попытка дать периодизацию истории русского литературного языка[2].

Отношение к *языку* у членов Общества было серьёзным. Для них слово означало «бессмертное знамение величия народного, главная сила ума, орган наук, орудие поучения и нравов, порядка и устройства гражданского, проповедование истины, света и Бога»[3].

С развитием языка связывалось и общественное развитие: «Образуется природный язык — и таланты в народе раскрываются; получает речь определённые свои правила — и являются гении; приобретают слова точный смысл — и законы общественные становятся внятны, ясны и государственное правление утверждается на основе незыблемой». Общество не надеялось на быстрый успех, оно было готово к тому, что если их наблюдения, изыскания, опыты будут «слабы», то они, по крайней мере, проложат путь другим к дальнейшим успехам.

Много сил Общество приложило к собиранию материалов для словарей. Оно считало, что подготовленный Академией наук словарь русского языка не может быть «оконченным или последним». На заседаниях обсуждались статьи, предложения, рекомендации о том, как собирать слова, составлять словники с объяснением значения слов — синонимов, антонимов, слов, изменивших своё значение, диалектных.

П.Ф. Калайдович начал собирать синонимы, так как до сих пор имелись только некоторые опыты их разбора. Калайдович на заседаниях Общества разбирал некоторые из них, дал им своё определение. Принял участие в собирании синонимов и С.Г. Саларёв. Он замечал, что «при объяснении синонимов должно смотреть не только на общее и частное значение слов, но ещё на их корень и старинное значение; ибо много находится таких слов, которые в своём знаменовании весьма изменились». Калайдович и Саларёв ссылались на Дюмарсе, который говорил, что «ни в одном языке нет двух равнозначных слов, в противном случае один язык заключал бы в себе два языка»[4]. Саларёв к этому добавлял, что одинаковые по значению слова могут быть, если одно заимствовано. П.Ф. Калайдович выпустил книжечку «Синонимов», о чём он докладывал на заседании Общества. Интересно отметить, что он разбирал как синонимы «ближний — искренний», которые сейчас как синонимы не воспринимаются.

Наряду с синонимами П.Ф. Калайдович собирал слова, изменившие своё значение: «Мёртвый язык есть вечный памятник ума, характера, просвещения и гражданской образованности народа. История слов есть предмет, достойный внимания филологов»[5]. П.Ф. Калайдович привёл, например, такие слова: *горница* — теперь комната, прежнее значение кровля; *гривна* — прежнее значение ожерелье; *дряхлый* — прежнее значение печальный; *изрядный* — порядочный, обыкновенный, а раньше — из ряда вон выходящий; *измена* — прежнее перемена, выкуп; *наказание* — муж наказан, т.е. учён; польское *казань* — проповедь; *напрасно* — вдруг, внезапно, нечаянно; *прелесть* — церковно-книжное прельщение, соблазн; *страсть* — церковно-книжное бедность, напасть, страдание; *труд* — в Святом Писании бедствие, страдание душевное; *хитрость* — искусство, художество и т.п.

П.Ф. Калайдович в статье «Определения» привёл примеры антонимов. Он считал, что определять — это значит «полагать пределы», и делил определения на «логические» и «риторические». Риторическими он называл антонимы. Например: истинно — ложно, радость — печаль, жизнь — смерть и т.д. При объяснении их значений он приводил пословицы, поговорки и даже целые притчи. «Много — мало» он объяснил так: «Не требуйте от людей многого, и вы будете ими довольны. Принимайте и малое с благодарностью, и вы получите многое». При определении «начало — продолжение — конец» он привёл пословицы: «Не начинай того, чего нельзя кончить», «Продолжай, пока кончишь», «Умей сводить концы».

А.Г. Глаголев в рассуждении «О русских пословицах» нападал на тех, кто вводил в русский язык несвойственные ему выражения. Он считал, что такие словосочетания, ставшие приветствиями, как «честь имею кланяться», «честь имею рекомендовать себя», «добрый вечер», «к вашим услугам», «вы найдёте во мне вашего покорнейшего слугу», «пьём ваше здоровье», «льщу себя приятною надеждою», являются неправильными, так как они заимствованы: «...будет священным нашим долгом жить в простоте русской, говорить без французских затей, писать письма, сколько позволит приличие, без хитрых и протяжённо сложных формул, которые наш грамматик называет немецкими париками»[6].

Писатель И.И. Лажечников прислал в ОЛРС отрывок «О похвальных словах». Похвала — потребность человека.

Похвальные слова появились ещё у первобытных людей и постепенно совершенствовались, развивались вместе с развитием цивилизации. Лажечников дал характеристику похвальным словам, их недостаткам и достоинствам, злоупотреблениям. При злоупотреблениях «виноват не род сочинения, а посредственность натяжная, пристрастная к нему назло природе, на утомление бедных слушателей или читателей»[7].

Особое внимание Общество уделило собиранию диалектных слов. Для этого через попечителя Московского учебного округа Общество обязало все иногородние гимназии присылать «областные речения», которые обсуждались на заседаниях и регулярно публиковались в летописях. Писатель И.И. Лажечников прислал в Общество слова Саратовской губернии (30 апр. 1824 г.). Особый интерес к диалектным словам проявил М.Н. Макаров. Он в 1822 г. на одном из заседаний убеждал сочленов в необходимости создания словаря из провинциальных слов, что ему и было поручено сделать. В 1824 г. он уже докладывал, что такой словарь у него почти готов, не хватает только слов Новгородской и Псковской губерний, в чём Общество ему обещало помочь.

Главные силы членов Общества были направлены на создание «Словаря по этимологическому порядку расположенного». Решение об этом было принято на одном из первых заседаний. Каждый из членов Общества был обязан собрать слова на определённую букву. По мере подготовки словников они публиковались в летописях. Предварительно для обсуждения печаталось экземпляров двадцать пять. Нужно отметить, что уже имелся академический словопроизводный словарь. Но члены Общества считали его далёким от совершенства.

А.Ф. Мерзляков составил записку для собирателей слов, в которой писал: «Язык есть изображение всего, что существовало, существует и будет существовать, — всего, что только может обнять и постигнуть мысленное око человека». Словарь же — плод наук позднейших. Перед собирателем и составителем этимологического словаря стоят такие проблемы, как определение корней производных слов, порядок глаголов, которые не имеют «верной системы», пределы употребления древнеславянских слов, слов из других языков, простонародных и «низких». Мерзляков говорил, что «язык есть единственно верный и прочный памятник просвещения

народного; а потому в нём должно быть только то, что может свидетельствовать о духе народа, пространстве его познаний, об его высокой промышленности, о силе и благородстве его мыслей, о высшей его образованности»[8].

В 1816 г. А.В. Болдыреву и И.И. Давыдову было поручено составить план российского словаря. И.И. Давыдов составил проект «О издании русского словопроизводного словаря». А.В. Болдырев и С.Г. Саларёв сделали на него свои замечания, и в 1817 г. были опубликованы «Правила печатания словаря» (Труды ОЛРС. Ч. 8. С. 188–191), в которых предлагалось собирать в словарь общеупотребительные слова, исключая имена собственные, областные, предлагалось включать также слова-корни для употребительных слов, общеупотребительные церковнославянские и иностранные (с указанием источника). Но эта работа Общества осталась незавершённой.

В 1826 г. П.Ф. Калайдович представил правила для составления словаря современного русского языка с приложением пробных листов. План был одобрен, и Калайдовичу было предложено составить предварительно полную букву такого словаря. В дальнейшем в Общество поступали различные материалы к словарям, но, так как Общество уже не занималось издательской деятельностью, они не были опубликованы. Возможно, что в 60-х годах XIX в. все эти материалы через М.П. Погодина попали в руки В.И. Даля при издании Обществом его словаря.

Общество любителей российской словесности во второй период своей деятельности (1858–1877) проблемы языка, фольклора рассматривало через изучение народности. Если в начале XIX в. решались вопросы формирования грамматических правил, то в 60–70-е гг. шло философское осознание языка, изучение языка как средства познания народа. Очень поэтично высказывание Хомякова о языке: «Язык наш, ... в его вещественной наружности и звуках, есть покров такой прозрачный, что сквозь него просвечивает постоянно умственное движение, созидающее его»[9]. Отсюда такой повышенный интерес Общества к работе В.И. Даля по сбору словаря живого языка. Сбором слов занимались в это время и другие члены Общества, в частности, К.С. Аксаков и В.Ф. Одоевский.

К.С. Аксаков издал в 1860 г. «Опыт русской грамматики» и посвятил его Обществу любителей российской словеснос-

ти. К.С. Аксаков хотел создать самобытную теорию русского языка, не зависимую от существующей грамматики. К.С. Аксаков назвал «Опыт русской грамматики» «философиею русского языка». Русское слово для Константина «само по себе было предметом и целью преимущественно с художественной своей стороны, не наше книжное, искалеченное, чахлое слово, а именно слово живое, которое он всю жизнь, везде и всюду подбирал из уст самого народа»[10].

Члены ОЛРС и члены Академии Ф.И. Буслаев и И.И. Срезневский раскритиковали «Грамматику». Хомяков на заседании Общества выступил в её защиту. Он нашёл в ней много положительного. Впоследствии с этим согласился и Ф.И. Буслаев. Хомяков отметил, что цель всех вышедших грамматик до «Грамматики» К.С. Аксакова «не изучать русский язык, но создать правильный русский язык». «Это были издания для употребления европейцам». К.С. Аксаков «отправился от убеждения, что русский народ имеет и искони имел полное и непререкаемое право на свой язык; или, лучше сказать, он признал язык тем, что он есть, — словесным выражением народа». Русский язык — «живое проявление мысли самобытной и самоуправной», поэтому «в употреблении надобно искать самих форм, а в формах можно только угадывать их законы». «Всякий язык самобытный представляет словотворческую силу ума человеческого в особенностях его народного прочтения. Грамматика частная тут соприкасается с грамматикою общею точно так же, как всякая отдельная система философская составляет только часть общего развития человеческого ума». Именно эту сторону «Грамматики» К.С. Аксакова Хомяков называл главной. Он соглашался с ним, что «нет в русском языке ничего осадочного или кристаллического; всё волнует, дышит, живёт». Аксаков поставил для себя очень трудную задачу: «Выразить, выяснить эту особенность, посредством её выделить русский язык из всех других языков и в то же время связать его с другими посредством общих законов человеческого словотворящего ума». В оправдание недостатков «Грамматики» Хомяков привёл латинскую пословицу: успеть — была бы великая слава, но и попытаться — уже немалая честь. По мнению Хомякова, если в словаре В.И. Даля «в порядке букв увидим ту живую мысль, которую привыкли называть языком народным», то К.С. Аксаков посвятил свой труд «другой стороне той же живой мысли, стороне грамматической»[11].

К.С. Аксаков представил для обсуждения в Обществе проект областного словаря (16 января 1860 г.) и прочитал отрывок из составляемого им «Опытного словаря» с объяснениями слов: *алый, алеет, ау* и *аристократия* (6 февраля 1860 г.)[12]. Были планы по изданию небольшого «Великорусско-областного словаря» и у В.Ф. Одоевского, который собрал 20 тысяч слов на карточках в 7 картонках. Но после первого выпуска словаря В.И. Даля он посчитал свой труд бесполезным и передал собранные слова в Общество любителей российской словесности в качестве «материала» «для разных работ по этой части»[13], о чём он написал в письме от 3 ноября 1862 г.

В.И. Даль принят в члены ОЛРС 4 марта 1859 г. Он бывал на заседаниях, на которых в это время присутствовали М.П. Погодин, А.З. Зиновьев, К.С. Аксаков, П.А. Бессонов, М.Н. Лонгинов, С.А. Соболевский, В.М. Ундольский, П.И. Бартенев, гр. А.С. Уваров, И.Д. Беляев, А.Е. Викторов, Н.С. Тихонравов, С.И. Баршев и др. В 1859 г. Даль вместе с другими членами подписал письмо к императору с просьбой о бесцензурном издании трудов ОЛРС. Он участвовал в обсуждении предполагаемого издания словаря русских писателей. Предлагалось составить словарь всех русских писателей, или «ограничить задачу» биографиями и библиографией ранних писателей, сочинения которых «наиболее подходят к специальности Общества», или «начать словарь с авторов, принадлежавших и принадлежащих Обществу»[14]. В.И. Даль поддержал ограничение словаря, так как, «если всех — то задача непосильная»[15]. В результате был подготовлен и издан в 1911 г. «Словарь членов Общества любителей российской словесности».

Одновременно с обсуждением «Грамматики» К.С. Аксакова решался вопрос и об издании словаря В.И. Даля. Члены Общества 6 февраля 1860 г. просили В.И. Даля познакомить их с составляемым им словарём, 23 февраля 1860 г. Даль представил план и содержание словаря, читал выдержки из него, в тот же день Кошелев дал деньги, 6 марта 1860 г. Н.П. Гиляров-Платонов прочитал присланную В.И. Далем записку «О составленном “Словаре русского языка”» (напечатана в первой книжке «Русской Беседы» за тот же год), и уже 24 апреля 1860 г. Хомяков «с радостью» показывал на заседании пробные листы словаря.

О том, как начал издаваться словарь, В.И. Даль написал в «Напутном слове». Первый вариант «Напутного слова» был

прочитан в ОЛРС 21 апреля 1862 г. и опубликован в 4-м выпуске словаря. Затем оно повторялось во всех изданиях.

В.И. Даль благодарил в «Напутном слове» всех, кто присылал ему слова для словаря, называл среди присылавших и Общество любителей российской словесности, благодарил Н.И. Греча, который в свои 75 лет взялся прочитывать все корректурные листы словаря: «Заметки этого заслуженного уставщика грамоты были мне крайне полезны, охранив меня от многих промахов...»[16]. Н.И. Греч был членом Общества любителей российской словесности и в 1823 г. присылал в Общество на отзыв корректурные листы своей грамматики.

М.П. Погодин докладывал Обществу, что В.И. Даль, помимо слов для словаря, имеет «второй, великого значения, труд» – это собрание пословиц, для которого «много потрудился» после Богдановича, Новикова, И.М. Снегирёва, Буслаева и предложил «многие счастливые объяснения». «Собрание пословиц Даля оставляет за собою далеко все прежние, как своим количеством, так и расположением»[17]. Погодин предлагал Обществу издать оба труда: «Немедленное издание может, кажется, принести пользу возбуждением общего внимания и подать повод местным любителям присылать замечания и дополнения». И уже в этом своём выступлении Погодин удивлялся, почему до сих пор Даль не академик, «должны бы, кажется, с готовностью уступить ему по значению его трудов, если нет на эту пору праздного кресла»[18]. Пословицы «числом до 30 тысяч» напечатало Общество истории и древностей российских в «Чтениях» в 1862 г.[19]

Общество следило за изданием словаря, обсуждало его на своих заседаниях. Ещё в 1860 г. по предложению К.С. Аксакова Общество «обратилось ко всем желающим с вызовом сообщать оному местные слова и выражения». М.Н. Лонгинов в отчёте писал: «Сообщения эти поступают к нам из разных местностей и передаются действительному члену В.И. Далю, который пользуется ими в своих филологических работах»[20].

В архиве Общества сохранились «Болховские слова и речения», присланные М.П. Лисицыным; собрание слов, употребляемых в Харьковской губернии, присланное Н.П. Гусевым[21]; местные слова и выражения г. Тюмени и округа – Н. Чукмандиным[22].

М.П. Погодин 26 февраля 1861 г. сообщил, что из печати вскоре выйдет первый выпуск словаря. Ещё 12 октября

1860 г. учёному секретарю П.А. Бессонову было поручено продавать первый выпуск словаря В.И. Даля по 1 рублю[23]. За 1861 г. продано первого выпуска 300 экземпляров.

Как только появились первые выпуски словаря, Погодин предложил Далю представить его на Демидовскую премию, но Даль отвечал: «На Демидовскую награду словаря не пошлю: 1) потому что за недоконченную вещь ничего не дадут; 2) что мне в особенности ничего не дадут; вы видели по предисловию к пословицам, как Академия ко мне расположена. Впрочем, каждому академику, если не ошибаюсь, предоставлено обращать внимание Академии на сочинения, не представленные, но стоящие наград; стало быть, если захотят, то дадут и без моих поклонов; но этого не будет. А потому удовольствуйтесь тем, что вы первый виновник появления словаря в печати; без ваших настояний — неизвестно и весьма сомнительно, что бы было»[24].

Тем не менее в 1862 г. ОЛРС сочло возможным выдвинуть первый и второй выпуски словаря на соискание Демидовской премии. В отношении в Академию наук говорилось: «...само уже это начало стоит многих законченных изданий и свидетельствует о важности предприятия, об успехах того, что совершено, и высоком значении того, что подготовлено. Продолжение труда, хорошо известное Обществу, до половины отделанное набело, вчерне же совершенно законченное, вполне соответствует началу. Во всяком случае, и в настоящем виде своём, и даже по первым двум отпечатанным выпускам, словарь далеко опережает всё то, что до сих пор сделано на этом поприще русскою наукою. Тогда как прежде изданные русские словари останавливались преимущественно или на языке письменном, или том главном говоре московском, который господствует в письменности, или на областных подражаниях, или, наконец, на выражениях технических и зашедших словах иностранных. Словарь В.И. Даля заключает в себе все эти отделы, с полнотою, доселе у нас невиданною и с теми особенностями..., которые резко отличают его. Ограничение у него только одно — язык "живой", доселе живущий в устах народа и на письме: но и при этом в необязательной части труда приведено и разъяснено столько старых слов и выражений, сколько нельзя встретить в других специальных глоссариях древности... В словаре окажется не менее 60 тыс. слов... собирали материал на местах, и потому показания его отлича-

ются особенною точностью. Примеры выбраны особенно удачно: большая часть их заимствована прямо из пословиц и поговорок, живущих в народе, другая же состоит из наречий»[25]. О выдвижении ОЛРС словаря В.И. Даля на Демидовскую премию было сообщено в «Московских ведомостях» № 8, 1862 г. Даль получил Демидовскую премию, но в 1867 г. Общество в своём поздравлении напомнило, что оно первое выдвигало В.И. Даля на эту премию.

На заседании Общества 17 ноября 1863 г. после выхода шести выпусков словаря М.П. Погодин воздал достойную хвалу В.И. Далю за его «Толковый словарь»: «Прискорбно, – говорил Погодин, – что наша учёная публика оказывает мало внимания этому важному изданию, которое должно бы сделаться настольною книгою у всякого писателя; последних выпусков разошлось вдвое меньше, чем первых, так что продолжение, за расходом всех денег, и основных и вырученных, может затрудниться. Обращаем на это внимание тех, кому о том ведать надлежит. Польский словарь Линде и чешский словарь Юнгмана расходились не сотнями, а тысячами экземпляров. Все польские и чешские учёные и литераторы принимали деятельное участие в этих словарях и старались об их полноте, исправности и распространении. Труд В.И. Даля – монументальный труд. Русское общество провинилось бы непростительным равнодушием ко всему родному, если бы не поддержало бы этого труда»[26].

Погодин продолжил кампанию в печати о необходимости избрания В.И. Даля в академики. Резкие высказывания Погодина вызвали возражения у некоторых учёных. Своё несогласие высказали Ю.Н. Бартенев, академики П.С. Билярский и Я.К. Грот. А.Н. Аксаков написал Погодину о том, что, вместо того, чтобы расхваливать Даля, не лучше ли было бы подумать о том, как ему практически помочь – взять на себя денежные дела, выделить помощника для технической работы. Но помочь В.И. Далю было трудно. У Даля был, помимо Н.И. Греча, ещё один помощник, – Микуцкий, воспитанник Московского университета[27].

Выступления Погодина не были безрезультатными. В конце концов Академия наук сопричислила В.И. Даля к своему сословию. Академик А.В. Никитенко 14 декабря 1863 г. записал в своём дневнике: «Вчера, в заседании академии, по предложению графа Д.Н. Блудова, выбрали в п.ч. П.Г. Буткова и Рейтерна, а сама академия – В.И. Даля. Стыдно пре-

зиденту, что он навязал нам такого господина, как Бутков... От М.Н. Каткова мы кое-как отделались»[28].

В 1864 г. царю был поднесён первый том словаря В.И. Даля (буквы А–З). В результате на издание словаря было выделено 2500 рублей серебром, и, начиная с девятого выпуска, словарь начал издаваться на эти средства[29]. В.И. Даль счёл своим долгом прислать в Общество отчёт по изданию словаря, который был зачитан 17 ноября 1864 г. Секретарь Общества М.Н. Лонгинов в своём отчёте за этот год подчёркивал, что «автор выразил желание продолжать называть Словарь свой изданием Общества, которому обязан он первым появлением своим в свет»[30].

Секретарь Общества А.А. Котляревский после выхода 17-го выпуска Словаря в 1866 году писал: «Словарь... весь готов к печати, выход его денежно обеспечен, и пройдёт какой-нибудь год, как русская наука, литература, всё общество будут иметь памятник, достойный величия русского народа. ...грубо ошибаются те, что ограничивают значение его лишь обыкновенным практическим употреблением в смысле справочной книги: словарь – это вся внутренняя история народа, это – выражаясь словами человека дорогого русскому сердцу – зерцало его бытия и деятельности, потому что он не только сподручная книга истории, но и основание и главный материал, из которого он выводит свою художественную постройку, потому что никакой другой источник не имеет той внутренней правды, той чистоты, чуждой прихотливого искажения, как свободное, покоряющееся лишь верховному закону слово исторического развития – человеческое слово, нигде жизнь народа не выражается с такою наивной искренностью и теплотой, так живо и широко, с мельчайшими подробностями, как в языке, и недаром многострадальные народы, перенося самые страшные удары судьбы, не могут лишь перенести погибели родного слова – и гибнут вместе с ним или переходят в "язык ин и племя ино"». Котляревский причислял словарь В.И. Даля к явлениям историческим, имеющим значение «историческое»: «Словарь недаром носит название словаря живого языка: он собран не из книг в тиши кабинета, а, что неизмеримо труднее, прямо из живой среды народной речи. Изумительным, почти непонятным кажется нам – как почти без надёжных предшественников, один, поддерживаемый лишь святою любовью к родному слову, талантливым и железным терпе-

нием – этот человек мог совершить такое громадное предприятие. Тем более чести русской науке, – тем более признательности с нашей стороны к его подвигу»[31]. Последний, 21-й выпуск вышел в 1867 г. Так закончилось первое издание словаря. До своей смерти в 1872 г. В.И. Даль продолжал работать над вторым изданием словаря.

В одном из писем к М.П. Погодину И.И. Срезневский писал о словаре Даля: «В свободные минуты рассматриваю Словарь Даля. Кое-что не так, как бы хотелось видеть; но, зато, сколько и прекрасного. Особенно дороги народные выражения и синонимы. Авось либо хоть в этот Словарь станут заглядывать наши писатели»[32].

В издании последних выпусков Общество уже не участвовало, хотя продолжало пересылать В.И. Далю все приходившие замечания и дополнения. Когда университетская библиотека обратилась в Общество с просьбой передать ей 10-й выпуск словаря, то Общество не смогло выполнить эту просьбу. Объяснило свой отказ так: 10-й выпуск словаря «не составляет его собственности»[33].

В Обществе 1 апреля 1867 г. было зачитано письмо В.И. Даля, в котором он писал, что «по болезненности своей не в силах участвовать в трудах и собраниях Общества, а потому просит не считать его более членом оного»[34]. Общество избрало В.И. Даля своим почётным членом. В.И. Даль 22 декабря 1867 г. сообщил о готовности возвратить Обществу выданные ему на издание словаря 3000 рублей.[35]

После смерти В.И. Даля в 1872 г. Общество почтило его память. На заседании 5 октября 1872 г. Общество решило провести специальное заседание памяти умерших Ф.А. Гильфердинга и В.И. Даля. Это заседание было проведено 25 февраля 1873 г., на нём был помянут ещё один член Общества, К.И. Невоструев. И.С. Аксаков, как председатель, произнёс вступительное слово, посвящённое А.Ф. Гильфердингу, В.И. Далю и К.И. Невоструеву, в котором дал оценку деятельности трёх учёных, их вклада в развитие науки. Для Аксакова ценность этих людей заключалась прежде всего в том, что они помогли развиваться русской народности, русскому самосознанию. Общество любителей российской словесности гордилось тем, что оно вовремя поддержало монументальный труд В.И. Даля.

На этом же заседании выступили с сообщениями Н.А. Попов – «А.Ф. Гильфердинг как славист», Е.В. Бар-

сов – «О К.И. Невоструеве». С воспоминаниями о Дале выступил П.И. Мельников. Это было его первое выступление в Обществе, хотя он был избран членом Общества в 1867 г., когда переселился в Москву. П.И. Мельников (Андрей Печерский) дал первую полную биографическую справку о жизни В.И. Даля. Они вместе работали в Нижнем Новгороде. В Москве писатель поселился в доме Даля. Под его влиянием, под придуманным им псевдонимом он начал литературную деятельность в начале 50-х гг.

В.И. Даль собирал памятники народного творчества: былины, притчи (передал П.В. Киреевскому), сказки (передал А.Н. Афанасьеву). Когда Общество принялось за издание песен, собранных П.В. Киреевским, в Комиссию по их изданию вошёл и В.И. Даль.

Ещё в XVIII в. были выдвинуты проблемы, ставшие надолго в центре дальнейших исследований по *фольклору* и к решению которых присоединилось Общество. Изучением фольклора Общество начало заниматься сразу после своего открытия. Оно собирало и издавало памятники народного творчества, пыталось определить место и роль фольклора в создании национальной литературы и определить значение его в построении национальной истории и в познании национального характера, в решении вопроса о месте русской народной поэзии среди других памятников мирового творчества и об органических связях между ними. Стоял вопрос, насколько народная поэзия необходима дворянской культуре, которая начала развиваться с Петра I.

А.Ф. Мерзляков ещё до создания ОЛРС восклицал в 1808 г.: «О! каких сокровищ мы себя лишаем! – Собираем древности чуждые, не хотим заняться теми памятниками, которые оставили знаменитые предки наши! – В русских песнях мы бы увидели русские нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть! – В них бы полюбили себя снова и не постыдились так называемого первобытного своего варварства. – Но песни наши время от времени теряются, смешиваются, искажаются и, наконец, совсем уступят блестящим безделкам иноземных трубадуров. – Неужели не увидим ничего более подобного несравненной песне Игорю!...»[36]

Общество с интересом заслушивало сообщения о народной культуре, народном быте, народной поэзии. В Обществе наиболее активно занимались изучением фольклора, быта

народа И.М. Снегирёв, М.Н. Макаров, А.Г. Глаголев. Последний на страницах «Трудов», на заседаниях знакомил членов с русскими застольными, хороводными, историческими, военными, любовными песнями, с русскими приветствиями. По мнению А.Г. Глаголева, песни отражают характер народа. Почему русские песни томны, заунывны? Характер их сложился исторически: переселение на север, суровые финны, нашествие татар, суровый климат. Песня – это прежде всего выражение чувства, а радости у россиян было мало.

Застольные же песни пришли с изобилием, говорил Глаголев. Это можно видеть на примере греков. У нас, в основном, песни эти состоят только из припевов, вероятно, из-за того, что по обычаю во время еды за столом молчат. Есть круговые песни стариков, женщин. К основным песням или богослужебным добавляются «многие лета».

Хороводы и хороводные песни сохранились ещё от язычества славян. Хороводы древние: Красная горка – первое воскресенье после Светлого воскресенья; Кума – кумоводство – собираются к березе, называемой кумою, заламывают на ней венки, целуются через них и передают через них яйца, пляшут и поют песни; крещенье кукушек – проводится в пятое, шестое или седьмое воскресенье после Светлой недели; Семик – на седьмой неделе после Пасхи ставят дома березу и идут в лес, там плетут венки, поют, венки хранят до Троицы; в Троицын день плетут венки, веселятся, вечером бросают венки в воду; Каляда – 24 день декабря, вечером ходят ряженые, поют перед домом, их обязательно одаривают; Овсень – в первый день января поздравляют с Новым годом. Новые хороводы возникли не ранее XVI столетия. В эти же праздники появились драматические представления, в которых, по мнению Глаголева, наблюдается холодность и отсутствует «прелесть» стиха. Во взглядах Глаголева чувствуется умиление нежностью, задушевностью песен, в народных обрядах он видел картины невинности, простоты и беспечности.

М.Н. Макаров в «Письме из Мещеры», рассуждая о происхождении названий некоторых мест в Мещерах, дал характеристику быта. Мещеряки поселились в тех местах от нужды, прячась от врагов. Он предполагал, что слово «погост» первоначально означало «далеко от сёл», и жители время от времени приезжали туда погостить. Другой вариант происхождения слова – от «покост» (кладбище по отно-

шению к костям). В записанных М.Н. Макаровым преданиях об урочище Курьи Ножки, об озере Ильмень рассказывалось о появлении этих названий. Название озера Ильмень произошло от девичьего имени Умила, или Ильмене, или Альмене. Девушка Умила не захотела жить в неволе и бросилась в озеро. В статье «О старинных русских праздниках и обычаях» Макаров разобрал этимологию некоторых встречавшихся ему географических названий, слов. Например, название притока Оки Трубеж он объяснил так: Тпрубеж — постой бежать; праздник Овцар значит овечий праздник; распутье означает перекрёсток или пятницу: ставили идолов на перекрёстках, при христианстве часовни с изображением святой Параскевы Пятницы для встреч-провожаний. Был и такой праздник: Гречишница, или день посева гречихи, 13 день июня. С этим днём связана сказка «О девице Крупеничке». Угнали королевну татары, обратил её ветер в зёрнышко и принёс обратно, и опять она превратилась в девушку, а шелуха в гречиху[37].

И.М. Снегирёв свой «Опыт рассуждения о русских пословицах» напечатал в «Сочинениях в прозе и стихах» ОЛРС и затем отдельной книжечкой за счёт Общества (1823). Пословицы — опыт, «умственное богатство целого народа». Они отличны от поговорок, присловий, притч. Снегирёв дал историю возникновения некоторых пословиц. Например, Лиса Патрикеевна в пословицах появилась от имени литовского князя Патрикия, посеявшего вражду между новгородцами. Снегирёв считал, что необходимо собрать все пословицы, которые являются обильным материалом для историка, философа, филолога.

С Обществом связано ещё одно исследование И.М. Снегирёва. Это статья «О простонародных изображениях»[38], положившая основание исследованиям в этой области. В ней дана подробная характеристика лубочных картинок: история их появления, способ печатания (дерево, медь), места печатания, разбор сюжетов религиозных, исторических, мифологических, сатирических. Определено их значение в жизни народа. Нужно отметить, что В.И. Даль тоже собирал лубочные картинки.

Увлечение собиранием старины не всем членам Общества нравилось. Так, Снегирёв в дневнике 23 мая 1823 г. записал: «Водяным поэтам, литературным карбонариям русская старина не нравится»[39].

Во второй период своей деятельности Общество одну из главных своих задач видело в изучении фольклора как средство познания народности. Секретарь Общества М.Н. Лонгинов писал, что направление деятельности Общества определяется «современным движением науки и общественности, направленным к собиранию и изучению долгое время пренебрежённых сокровищ народного языка и литературы». Учёные, изучавшие народный быт, фольклор, стали группироваться около Общества «как около нравственного центра». Членами Общества были фольклористы П.Н. Рыбников, В.Ф. Одоевский, П.А. Бессонов, А.Н. Афанасьев, А.Ф. Гильфердинг, Е.В. Барсов, Н.Д. Квашнин-Самарин, А.А. Котляревский, В.Ф. Миллер, Н.А. Цертелев, П.В. Шейн, бывший «из числа немногих ревностнейших и, может статься, последних собирателей» народного творчества[40]. В.И. Даль также входил в их число.

Учёные, присматриваясь ближе к предмету, находили в нём всё новые стороны. Выдвинутые теории были ещё далеки от совершенства. На заседаниях Общества были прочитаны специальные доклады, посвящённые фольклору: А.А. Котляревский «О семейном элементе русских народных сказов»(1866)[41], Е.В. Барсов «Народные Олонецкие причитания» (1870), «О свадебных обрядах в Олонецкой губернии» (1871) и «Народные рассказы о Петре Великом в Олонецком крае»(1872)[42], Н.И. Костомаров «Историческое значение южнорусского народного песенного творчества» (1872), П.А. Бессонов «Обзор русских исторических песен с первых веков до наших дней» (20 января 1874 г.) и «О судьбах литовско-латышского племени с образцами лучших произведений его устного песнетворчества в новом русском переводе» (22 декабря 1874 г.). И.Н. Лобойко передал Обществу свой архив, состоявший из его разработок народных памятников и исследований по связям литовского края с русской литературой[43].

Н.А. Попов в воспоминаниях о А.Ф. Гильфердинге 25 февраля 1873 г. говорил о нём как о талантливом собирателе былин, члене Общества с 1860 г., умершем в 41 год от роду в Каргополе, куда он поехал собирать памятники народного творчества, впервые открытые здесь П.Н. Рыбниковым. В 1873 г. в Петербурге были изданы «Онежские былины», собранные А.Ф. Гильфердингом. Эти записи имели особую ценность, так как они впервые были сделаны «по петому».

За 38 дней он выслушал 70 певцов и записал 318 былин. Н.А. Чаев 23 марта 1873 г. выступил с воспоминаниями о М.А. Максимовиче, С.А. Юрьев прочитал неизданное его произведение «Сказание о колиивщине». Общество поддерживало контакт с Археологическим обществом, которое также собирало фольклор. В 1872 г. П.А. Бессонов, Е.В. Барсов и В.И. Родиславский были посланы Обществом на третий Археологический съезд в Киеве[44].

Главным делом Общества в 1860–1870-е гг. было издание песен, собранных П.В. Киреевским, членом Общества с 1833 г. Работу над архивом начинали М.В. Киреевская вместе с П.И. Якушкиным, но по различным причинам продолжить её не могли. ОЛРС взяло на себя издание песен по инициативе М.П. Погодина. В конце 1859 г. на заседании в Обществе Погодин сообщил, что собрание П.В. Киреевского хранится у его брата В.А. Елагина, что подготовленный Якушкиным том уже два года не выходит в свет, и предложил: «Нужно принять особые меры в таком необыкновенном случае: драгоценное собрание подвергается опасностям; пожар, пропажа, потеря могут случиться, как уже и случились с некоторыми отделениями». Говоря о важности собрания Киреевского, Погодин перечислил тех, кто содействовал собиранию песен: Пушкин, трое Языковых, Даль, Вельтман и прочие: «Я имел случай, при издании журналов, получать из разных сторон много песен, которые все передавал ему. В последнее время помогал ему Стахович, Бессонов, особенно Якушкин; материала у него набралось, как говорил он мне в одно из последних свиданий, томов на восемь». Погодин в издании народных песен видел содействие развитию русской словесности: «Издать собрание народных песен – это есть насущная, вопиющая потребность русской словесности в наше время. Здесь положено, или, лучше сказать, подложено будет ей твёрдое основание; филология, история, этнография, психология, право, поэзия получат драгоценные, ни с чем несравненные данные для своих исследований. Работы на несколько поколений, – и какое неисчерпаемое богатство представляет этот почти нетронутый рудник народного духа!»[45]

16 января 1860 г. К.С. Аксаков на заседании Общества объявил, что братья В.А. Елагин и Н.А. Елагин изъявили своё согласие на предоставление ОЛРС права издать собрание песен П.В. Киреевского. Общество выбрало их и их мать, Е.П. Елагину, в свои члены. В.А. Елагин принял учас-

тие в подготовке песен к изданию. Общество уже на заседании 25 февраля 1860 г., тогда же, когда обсуждался словарь В.И. Даля, постановило приступить к изданию песен. Для этого была создана специальная комиссия, в которую вошли К.С. Аксаков, П.А. Бессонов и В.И. Даль. К ней вскоре присоединились Н.П. Гиляров-Платонов и С.А. Соболевский. Комиссия начала работу в марте 1860 г.

После того, как комиссия разработала план издания, К.С. Аксаков 15 марта 1860 г. представил его в Общество. Хочется подчеркнуть, что в составлении этого плана участвовал и В.И. Даль. Было решено при издании песен не ограничиваться только наличным собранием песен П.В. Киреевского, но «дополнить оное, по возможности, всеми песнями, доселе изданными». Комиссия руководствовалась тем, что сам Киреевский так поступал, и считала, что «таким образом Общество достигает двух целей: оно издаёт Сборник русских песен, составленный П.В. Киреевским, воздвигая этим ему достойный памятник, издаёт вместе с этим Собрание русских песен, где оно уже приносит свой труд на это ... народное дело». Все добавленные песни должны были «отличаться особыми буквами». В данном случае комиссия следовала существовавшей традиции издания фольклорных сборников. Далее комиссия решила помещать примечания к текстам былин и отказалась от составления «образцового текста». Тут комиссия не последовала за П.В. Киреевским, хотя единственный сборник из духовных песен, изданный им в 1848 г., включал «образцовые» тексты, составленные им самим.

Песни были распределены по следующим разделам: I. Песни духовные, или Стихи; II. Песни былевые, или Исторические; III. Песни бытовые; IV. Песни житейские. Терминология несколько отличалась от предложенной П.И. Якушкиным: I. Стихи духовного содержания; II. Песни исторические; III. Песни лирические; IV. Песни обрядные. Именно терминология Якушкина была принята в дальнейшем. Комиссия решила издавать песни выпусками по мере их готовности, не задерживаясь.

При обсуждении более частных вопросов между членами комиссии возникали споры, в частности о порядке размещения песен. Остановились на предложении Бессонова — в начало помещать песни из собрания Киреевского, список которых был сделан М.В. Киреевской, затем тексты из других

изданий по списку, составленному С.А. Соболевским. К текстам делались примечания. Первый выпуск песен об Илье Муромце был подготовлен к 7 мая 1860 г. и отдан Бессонову для передачи в печать, который дополнил издание двумя пропущенными песнями, сличил списки с оригиналами и «подвёл цитаты», подготовил предисловие.

Бумага для первого выпуска была куплена С.А. Соболевским и передана типографщику А. Семену. Летом сборник уже печатался. С.А. Соболевский в это лето находился за границей, В.А. Елагин в деревне, поэтому Бессонов всё обговаривал с К.С. Аксаковым до его отъезда в середине августа за границу, после с В.И. Далем, который сделал некоторые поправки. 1 октября 1860 г. появилось объявление в газетах о продаже сборника[46].

Общество собирало песни не только по изданным сборникам, но и получало новые от собирателей. Поэт Н.Ф. Щербина принёс в дар Обществу своё рукописное собрание русских народных песен, записанных им в деревнях Петербургской, Псковской, Костромской, Владимирской и Московской губерний, а также от волжских бурлаков. Собрание заключало в себе песни обрядовые, хороводные, лирические и др., представлено им как «материал для сличения и вариантов с собранием, издаваемым Обществом, песен П.В. Киреевского и как дополнение к сему последнему». На заседании 3 ноября 1862 г. оно было передано П.А. Бессонову[47].

В архиве Общества хранятся материалы, присланные для пополнения словаря В.И. Даля и песен Киреевского. Так, в 1860–1861 гг. М.П. Лисицын вместе с Болховскими «речениями» прислал 28 бытовых и обрядовых песен, им собранных, и просил у Общества руководства для дальнейшего собрания песен[48]. Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический, прислал притчу «Зарождение и судьба Днепра»; поступили в Общество «Нравоучительные притчи и сказки, рассказываемые Михайлихой»[49].

В 1860–1861 гг. вышли первые три выпуска песен[50]. Погодин в речи 26 февраля 1861 г. беспокоился о четвёртом выпуске, так как умер председатель комиссии К.С. Аксаков. Он говорил: «Мы приложим все возможные старания ускорить по возможности издание четвёртого и в этом отношении надеемся на неутомимую деятельность нашего почтенного сочлена П.А. Бессонова, принявшего на себя труд издания»[51].

С 4-го выпуска можно предположить, что песни готовились и издавались одним Бессоновым. Следующие три выпуска вышли в 1862–1864 гг. Распространялись песни довольно хорошо. Каждый последующий выпуск печатался на средства, полученные от продажи предыдущих. Общество постоянно выражало признательность Бессонову за его труды[52]. Получив субсидию, в 1863 г. оно отказало в просьбе своему старому члену И.М. Снегирёву, попросившему деньги на издание своих сочинений, на том основании, что ему не на что будет печатать песни П.В. Киреевского[53].

П.А. Бессонов в 1855 г. издал два тома «Болгарских песен». Одновременно с песнями Киреевского он издал с 1861 по 1864 г. шесть выпусков «Калик перехожих» и «Песни», собранные П.Н. Рыбниковым.

П.А. Бессонов «Калик перехожих» посвятил ОЛРС, после выхода в 1861 г. третьего выпуска которых он писал М.П. Погодину, что у него не хватает средств для их дальнейшего издания, что он уже обращался ко многим за помощью, но пока безрезультатно. Академия наук отказала Бессонову на основании мнений И.И. Срезневского и П.С. Билярского, сочтя подобное издание для академии «сторонним» «и при том не вполне согласное с планом и методою, которых отделение считало бы необходимым держаться в подобном труде». Такое заключение очень обидело Бессонова. Он считал, что «сделал не меньше всей Академии II-го Отделения, и сделал бескорыстно». На Демидовскую премию Бессонов отказался подавать, так как это требовало переписки всего труда. В результате ему помогло ОЛРС. 24 апреля 1870 г. из денег, пожертвованных А.И. Кошелевым на издание словаря В.И. Даля и возвращённых последним, ему было выделено 500 руб. на издание «Белорусских песен» и «Калик перехожих»[54].

М.Н. Лонгинов в отчёте за 1861 г. высоко отзывался о первых трёх выпусках «Калик перехожих». Он говорил, что это «богатое собрание духовных стихов... посвящено Обществу в память А.С. Хомякова и пополняет недостаток подобного отдела в сборнике П.В. Киреевского». Здесь нужно отметить, что Бессонов включал в «Калики перехожии» и песни из собрания Киреевского, так как раздел духовных песен в планируемое Обществом издание не вошёл.

Идея членов комиссии по изданию песен, собранных Киреевским, как издания свода всех известных песен сразу же

оказалась невыполнимой, так как собрание П.Н. Рыбникова открывало «новый тайник», который ранее был неизвестен собирателям. Собрание П.Н. Рыбникова начало выходить параллельно и как бы дополняло собрание Киреевского.

М.Н. Лонгинов в отчёте за 1861 г. писал, что в этом году «вышли книги, хотя и не напечатанные Обществом, но издание коих находится в тесной связи с его деятельностью, таковы "Песни, собранные П.Н. Рыбниковым", замечательное собрание это, изданное под смотрением Д.А. Хомякова и члена Общества П.А. Бессонова, посвящено Обществу от имени покойного его председателя А.С. Хомякова»[55].

П.Н. Рыбников сдружился с главой славянофилов А.С. Хомяковым. Под его влиянием он начал собирать былины. Исследователь наследия Рыбникова А.Е. Грузинский так писал об этом: «...в области исследования старого быта и духовной жизни русского народа лежал главный пункт соприкосновения и сближения тогдашнего Рыбникова и московских славянофилов; начавшиеся после смерти Петра Киреевского заботы об издании его собрания, деятельность П. Якушкина, одно время стоявшего у этой работы, появление в хомяковском кружке как раз в это время П. Шейна из Сибирской губернии со сборничком былин и исторических песен (напечатан Бодянским в "Чтениях Общества истории и древностей российских" в 1859 году), интерес К. Аксакова к былинам – всё это должно было стимулировать Рыбникова, вызвать наружу его собственные влечения и симпатии». Свои записи былин П.Н. Рыбников начал в мае 1860 г., когда он был сослан в Петрозаводск за участие в работе студенческих кружков. Первые тетради он посылал А.С. Хомякову. Сыновья А.С. Хомякова выделили деньги на издание первых двух выпусков (1860, 1862), посвящённых ОЛРС.

Грузинский рассказал о том, как Бессонов готовил первые два выпуска. Бессонов писал Рыбникову: «Все рассуждения и выводы о богатырях и их эпохе, об их личностях, характерах и т.п., то есть всё, что можно сделать, сидя в кабинете над готовым материалом, предоставьте нам, тюремным сидельцам. Вы соприкасаетесь с народом непосредственно, с глазу на глаз, вы собиратель (пока), вы практик». И далее набросал план статьи, которую он желал бы получить от Рыбникова и которой никто другой не мог бы написать[56]. Рыбников последовал совету Бессонова.

Бессонов начал издание былин из собрания Рыбникова по сюжетам, так же как и собрание Киреевского. Но здесь этот принцип не оправдал себя, так как Рыбников продолжал собирать песни. В результате песни с одинаковыми сюжетами оказались в разных сборниках.

Песни Рыбникова были удостоены Демидовской премии. О первом выпуске был восторженный отзыв И.И. Срезневского[57]. Бессонов снабдил песни комментариями, за громоздкость которых подвергся резкой критике. (Особенно поражала «Заметка» во втором томе, занимавшая 364 страницы текста на 354 страницы текста песен). На деньги, возвращённые В.И. Далем, 5 октября 1866 г. Ф.И. Буслаев предлагал продолжить издание песен, собранных Рыбниковым[58], но деньги были даны П.А. Бессонову и Е.В. Барсову. Главные недостатки собрания Рыбникова «порождены тем, что оно печаталось по мере составления сборника, на протяжении семи лет, под руководством разных лиц»[59].

Вклад Бессонова в издание фольклорных сборников, особенно песен П.В. Киреевского, огромен. После отъезда Бессонова в 1865 г. в Вильну Общество пыталось найти ему замену для издания песен П.В. Киреевского. 23 января 1866 г. была создана новая комиссия в составе В.А. Елагина, А.Н. Афанасьева, секретаря Общества А.А. Котляревского[60]. Но издание остановилось на четырёх листах 7-го выпуска, отпечатанных под редакцией А.Н. Афанасьева. Комиссия из-за отсутствия некоторых членов прекратила свою работу. Здесь имелся в виду, вероятно, отъезд в Петербург А.А. Котляревского. 22 октября 1866 г. Общество опять говорило о возобновлении издания песен, но, в конце концов, вынуждено было констатировать, что издание «приостановилось по не зависящим от Общества обстоятельствам».

Издание песен возобновилось только в 1867 г. после возвращения Бессонова из Вильны. В протоколе Общества за 1867 г. с удовлетворением отмечалось, что издание песен, «в течение нескольких лет приостановившееся, ныне снова пущено в ход, главный двигатель этого издания П.А. Бессонов, возвратясь в Москву от отлучки, продолжавшейся несколько лет, приготовляет к печати 7-й выпуск и за истощением 1-го выпуска приступил ко второму изданию оного в двойном числе экземпляров против прежнего». «Подлинник этих песен – рукопись покойного Киреевского, со времени передачи её В.А. Елагиным в распоряжение Об-

щества хранилась в частных руках; в нынешнем году Общество, признавая слишком драгоценным автографом этот памятник трудов целой жизни покойного собирателя и желая сохранить его для будущих времён, поместило его в Московский общественный музей, где ещё не так давно славянские гости Москвы рассматривали его с участием и уважением...»[61]. Рукопись для сдачи в архив была подготовлена С.А. Соболевским, «согласно предложению В.А. Елагина и п. 3 протокола 228 заседания Общества любителей российской словесности»[62].

7-й выпуск вышел из печати в 1868 г., тогда же вышло 2-е издание 1 выпуска тиражом 1200 экземпляров, подготовлен «вчерне» 8-й выпуск. Секретарь Общества П.К. Щебальский писал, что «сборник Киреевского есть самый полный из всех подобных сборников; изданные семь выпусков объемлют весь круг народной поэзии до петровского периода, а 8-й выпуск, уже приготовленный к печати, открывает эпоху преобразований»[63]. И Общество снова выразило Бессонову «признательность» «за успешное издание»[64].

Однако ни в 1868, ни в 1869 г. восьмой выпуск из печати не вышел. Причиной задержки стало «неожиданное богатство содержания». Считалось, что эпоха Петра I и сам он не оставили следа в народном песнетворчестве. В собрании П.В. Киреевского имелось лишь несколько образцов. Бессонов с помощью других собирателей обнаружил почти 200 песен.

Общество 24 октября 1869 г. обсуждало вопрос о представлении издания песен Киреевского на соискание академической (Уваровской) премии, обращалось с этим предложением к В.А. Елагину. Через два месяца этот вопрос снова возник, но решено было «положиться на мнение В.А. и Н.А. Елагиных», которых, вероятно, это не волновало. Больше всех в этой премии был заинтересован Бессонов, но и он 3 января 1870 г. отказался представить песни на соискание премии — «миновал срок»[65].

Бессонов в своём отчёте за 1870 г. назвал вышедший в свет 8-й выпуск «*первым народным* памятником державному русскому исполину, воздвигнутым *собственными* народными средствами и трудом издателей», что «ещё несколько лет и колосс был бы разбит, рассыпан и растерян окончательно в звуках народного голоса». И продолжал: «Издание предварило собою и отчасти предсказало мысли и хлопоты, погло-

щающие ныне энергию Москвы, приготовления к Политехнической выставке в честь двухсотлетнего юбилея рождения Петра в будущем 1872 году. 30 мая должно ожидать больших торжеств. Но они *начаты* Обществом любителей российской словесности и начаты *самым лучшим* даром великой Петровской тени – даром творческого народного слова, благодарного за былое, вековечного на будущее». Экземпляр 8-го выпуска был подарен для выставки. В этом же отчёте сказано, что издательская деятельность Общества была сосредоточена «на области словесности *народной*, которая и без того, за отсутствием других русских деятелей, поручена доселе его *преимущественному* попечению»[66]. Сюда же, на издание народных памятников, были направлены денежные средства Общества.

Н.С. Аксаков с облегчением сообщал, что в 1872 г. под редакцией П.А. Бессонова вышел 9-й выпуск песен «Восемнадцатый век в русских исторических песнях после Петра Первого». Оставался последний выпуск, 10-й, которым должно было «завершится, наконец, издание этого драгоценного Собрания». Бессонов в приложении к 9-му выпуску раскрыл в песнетворчестве XVIII в. «тот внутренний процесс разложения и перерождения, который совершался в народной песне после петровского переворота под влиянием разных новых и чуждых, вторгшихся в русскую жизнь, элементов, и, наконец, того взаимодействия, которое установилось в конце прошлого столетия между поющим народом и целою возникшею литературою печатных и рукописных песенников». В эту эпоху появилось авторство, «доселе почти неизвестное в народной безличной поэзии». Бессонов представил в этом выпуске историческую монографию одной из таких песен, озаглавленную им «Графиня Прасковья Ивановна Шереметьева, крестьянка села Кускова». Монография заключала в себе все данные для художественного романа из русской жизни конца XVIII в., простонародной и барской[67].

Выпуск 10-й охватывал песни исторические наравне с памятниками XIX в. О его выходе в свет было сообщено 15 декабря 1873 г. В этом же году Общество выпустило вторым изданием 2-й выпуск песен Киреевского, тиражом 600 экземпляров.[68]

Бессонов хотел продолжать издание. Он докладывал Обществу 15 декабря 1873 г., что в 11-м выпуске может быть «продолжено пополнение и заключение выпусков былевых

и исторических: песни безымянные и молодецкие». В богатырский эпос в песнях Киреевского вошли все тексты до 60-х гг. Из более поздних Бессонов перепечатал песни, собранные Н.И. Костомаровым и А.Н. Мордовцевой. Из Олонецкой же губернии попали былины, опубликованные в «Олонецких губернских ведомостях». Бессонову было разрешено приобретать для 11-го выпуска новые песенные рукописные сборники.

Ходатайство о субсидии для продолжения издания было отправлено министру народного просвещения 4 мая 1875 г. В нём Общество подвело итог проделанной работе за 14 лет. Издание «Песен» Киреевского в 10 т. Общество осуществляло на собственные средства и пособие Кошелева. Вышедшее собрание составило «эпоху в истории русской словесности, а для отечества, его героев и подвигов исторических представляет прочный памятник известности и славы». Для продолжения этого издания в «других отделах» Общество имеет обильный материал. Несмотря на то что песни успешно распространялись как в России, так и за границей, подобное издание «не может быстро восстанавливать расходов». Из-за недостатка средств «печатание замедляется», и «от медленности сей как терпит вообще русская литература, так и Общество может постепенно лишиться... способных и деятельных для издания рук». Общество просило выделить средства на издание песен ещё на 15 лет[69]. Но получило отказ. Оставшиеся неизданными песни из собрания Киреевского были переданы на хранение в Румянцевский музей.

29 октября 1877 г. на заседании под председательством Ф.И. Буслаева, в присутствии А.И. Кошелева, Ф.Б. Миллера, Д.В. Аверкиева, А.Е. Викторова, Ф.А. Гилярова, В.И. Родиславского было решено переиздать 2-м изданием 3-й и 4-й выпуски, так как имеется «необходимость повторить» их. На их издание было выделено 200 рублей из суммы Кошелева. П.А. Бессонову была выражена «признательность как за результаты, им достигнутые при изданиях, так и за труд, на то положенный»[70].

Помимо песен Киреевского П.А. Бессонов продолжал издание «Калик перехожих», издал сборник русских народных стихов с рисунками и нотами, посвящённых Обществу, в 1868 г. – «Детские песни» и в 1871 г. – «Белорусские песни», также посвящённые Обществу. «Белорусские песни» он издал на деньги, выделенные Обществом «заимообразно»[71]

по материалам П.В. Киреевского. Мысль об издании «Белорусских песен» возникла у него в 1863 г., когда он говорил: «В то жалкое время, когда нынешняя так называемая *Западная Русская губерния*, а правильнее – области *Белой Руси*, считались в голове многих Польским краем и не привлекали нашего должного общественного внимания, в то злое старое время, недавно, впрочем, для нас минувшее, около 30 лет тому назад П.В. Киреевский, покойный сочлен наш, посвятил всему Белорусскому краю глубочайшее внимание, изучил его по возможности во всех доступных отношениях и на собственный счёт, платя дорого ополяченным белоруссам, литовцам и полякам, а также своими личными трудами успел записать и собрать значительное количество *белорусских народных песен...*»[72].

Из суммы, пожертвованной А.И. Кошелевым, с его согласия Общество выделило также 24 апреля 1870 г. 500 рублей (заимообразно) Е.В. Барсову на издание первой части «Причитаний Северного края» (1872). Барсову выделили средства, «с тем, чтобы содействие Общества упомянуто было в заглавии книги, а возврат был совершён после первой продажи»[73].

ОЛРС в 1870 г. с удовлетворением констатировало: «Продолжено издание помянутого сборника Барсова, дополняющего собой труд Рыбникова и вместе с ним составляющего своего рода эпоху для открытий в мире народного русского творчества»[74]. После выхода первого выпуска в 1872 г. И.С. Аксаков писал: «При содействии же нашего Общества изданы и «Причитания Северного края», собранные нашим сочленом Е.В. Барсовым, именно часть первая, заключающая в себе... плачи похоронные, надгробные и надмогильные». «Это единственный вид ещё пребывающего покуда, ещё не иссякшего народного творчества. Это не отпетое, окостеневшее и только по памяти передающееся слово народной старины, но и живое, творящееся слово народного вдохновения в настоящую пору в современной действительности. Важность труда г. Барсова, сумевшего почерпнуть для нас струю народной поэзии из её живого источника, так очевидна, что не требует и объяснения; она оценена не только русскою, но и заграничною критикой, чему доказательством служат отзывы английских журналов *Athenaeum* и *Akademy*, а также славянских *Politik*, *Correspondance Slave* и др. Остаётся только пожелать ско-

рейшего появления в свет остальных частей его Сборника»[75].

Е.В. Барсов выданную ему Обществом ссуду решил употребить по мере возврата от продажи первого тома на печатание второго, о чём он сообщил на заседании ОЛРС 28 февраля 1875 г., и просил оказать ему помощь в распространении издания. П.А. Бессонов, заведующий хранением и распространением, согласился принять некоторое количество экземпляров «Причитаний» для совместной продажи и публикации о продаже с изданиями Общества. В том же году труд Барсова был удостоен премии от Академии наук [76].

Средств на продолжение изданий по фольклору у Общества не осталось. Бессонов 2 октября 1878 г. занял кафедру славянских наречий в университете в Харькове и до своей смерти в 1898 г. прожил там. Перед отъездом он «как бумаги и протоколы, так списки книг и изданий» сдал казначею Ф.Б. Миллеру[77].

Члены Общества осознавали важность проводимой ими работы по изданию фольклора. И.С. Аксаков говорил: «Общество действительно занимается тем, что едва ли не всего более на потребу в настоящее время. Мы живём в эпоху быстрого разложения бытовых народных основ... такая эпоха брожения, эпоха переходная, вообще неблагоприятная ни для спокойного труда мысли, ни для художественного авторского созидания, но она ещё гибельная для художественного народного творчества... Десятки тысяч школ предлагают народу просвещение, если и скудное в смысле духовном и нравственном, то всё же выводящее его из стихийной области быта в область сознания или, по крайней мере, полусознания... Поэтому надо спешить собрать и уберечь от неизбежной гибели последние памятники, последние звуки народного эпоса и того непосредственного народного поэтического творчества, которое видимо отживает». И.С. Аксаков видел назначение Общества любителей российской словесности в «сбережении сокровищ нашей народной поэзии»[78].

Общество, благодаря трудам Бессонова, выполнило свою основную задачу – опубликовало значительную часть фольклорных текстов, известных к 50–70-м гг. XIX в., на достаточно высоком научном уровне. Бессонов собранные песни «обставлял» «указаниями, где, когда и как записано»[79].

Ошибкой Общества было то, что оно решило издавать песни из собрания Киреевского, дополнив их песнями из других собраний, как это делалось в 50–60-е гг. Как подсчитал А.Д. Соймонов, коллекция Киреевского составила только одну треть из всего издания[80].

Другим недостатком были комментарии Бессонова, которые были чересчур обширны и не всегда верны. Современники критиковали Бессонова за то, что он, «в одно и то же время, толкует былину и её героев как миф, как аллегорию и как реальное историческое изображение»[81], за то, что в его комментариях «без достаточного критического основания сентиментально прикрашивалась старина»[82]. Среди тех, кто высказывал эти замечания, был и Ф.И. Буслаев. Но само издание песен Буслаев, будучи председателем Общества, поддержал. Общество любителей российской словесности и малыми средствами, бескорыстно сделало всё от него зависящее для публикации народных памятников, осознавая огромную ценность и важность таких публикаций.

Общество занималось не только публикацией текстов, но и их исследованием. Во 2-м и 3-м выпусках «Бесед» напечатаны статьи П.А. Бессонова «О славянском народном песнетворчестве», Д.Д. Дашкова «Стихи и сказания про Алексия Божия человека», также помещены статьи о древнерусской литературе, славяноведении А.А. Майкова, М.П. Полуденского, Н.В. Сушкова, В.М. Ундольского, Е.В. Барсова, В.Ф. Миллера, М.П. Погодина.

На съезде славян в 1867 г. на заседании ОЛРС П.А. Бессонов говорил о значении народного развития и в особенности народного песнетворчества в деле возрождения славян. По силе народного творчества, говорил Бессонов, славяне уступают только грекам. Он приводил примеры народного эпоса русского, чешского, сербского. Говорил о деятельности ОЛРС по извлечению из «праха народного творчества», о собирателях народного творчества.

Общество в третий и четвёртый периоды своей деятельности (1878–1930) продолжало изучать фольклор, хотя и не так активно, в то время как проблемами языка заниматься прекратило. По сложившейся ещё в 60–70-е гг. традиции собиратели народного творчества присылали в Общество свои наблюдения, записки. В архиве хранится рукопись «Из Галицко-русских рассказов» гуцула Осипа Федьковича, буковинского народного поэта и беллетриста[83]. Здесь же

сохранился отзыв (без указания даты) Пругавина на народные песни, собранные и присланные в Общество учителем Шумилиным (Массальский уезд Калужской губернии). Шумилин собрал 49 песен и 2 прибаутки. Среди них было несколько общеизвестных. Немало так называемых «лакейских» песен — исковерканных романсов («Давно мне сердце говорило»), предмет которых — большей части песен — любовь, жалоба девушки на неудачную любовь, самоубийство. На песнях чувствовалось влияние города. Они характеризовали семейные отношения в крестьянской среде. Были песни тюремные и разбойничьи. Записаны песни Шумилиным довольно небрежно, причём почти совсем не отмечены особенности местного говора и наречия. Деление песен на строчки неправильное и произвольное. Пругавин писал, что «следует признать, что собранные г. Шумилиным народные песни могли бы получить известную ценность, если бы Общество любителей российской словесности поставило себе целью собирание и издание народных песен по возможности со всех мест России» (записка от 10 октября без указания года). Общество не откликнулось на такое предложение.

В конце 90-х гг. все подобные материалы давались на отзыв Н.А. Янчуку. В 1897 г. к нему попали на отзыв народные песни и ноты, записанные Н.Ф. Щербиною. О просмотренных им этнографических материалах он отчитывался перед Обществом 29 января 1899 г.[84] В 1912–1913 гг. Общество приобрело частушки у Князева[85].

Общество продолжало снабжать своих членов «открытыми листами к местным властям» для собирания народных песен, преданий, былин и других образцов народного творчества. Такие листы получили А.С. Пругавин (в Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Рязанскую и Калужскую губернии) и Д.Н. Мамин-Сибиряк[86].

Впервые 17 октября 1915 г. на заседание Общества была приглашена исполнительница былин и скоморошин М.Д. Кривополенова. Ю.М. Соколов сообщил свои наблюдения над её исполнением, дал сведения о той местности, откуда родом была исполнительница, обрисовал её жизнь до приезда в Москву, дал объяснения песням. Она исполнила песни «О Добрыне и Змее Горынчище», «Об Иване Грозном и его сыне Фёдоре», «О Кострюке, старшем брате Марии Темрюковны», скоморошину «О Вавиле», «Усишшы», «Небы-

лицы в лицах», «Стих о Вознесении». Скоморошина «О Вавиле» была записана только один раз г. Григорьевым. В этот же день выступил г. Шергин, исполнитель старообрядческих духовных стихов, которые впервые были им услышаны от удалившегося в «пустынь» водовоза Пафнутия и от крестьянки Натальи Петровны Бугаевой[87]. Члены Общества с интересом обсуждали услышанное.

В архиве А.Е. Грузинского сохранилось письмо С.Н. Шиль от 2 января 1917 г., в котором она писала, что летом 1916 г. она собрала песни села Миленина Курской губернии Фатежского уезда: около 300 песен свадебных, скакальных, праздничных, детских, военных и 445 частушек. Она свою работу посылала Н.А. Янчуку, Вере Николаевне Харузиной, Е.Н. Елеонской. Собиралась просить Сакулина найти средства для их издания в Петербурге[88]. Но всё её собрание, вероятно, затерялось.

Со своими исследованиями о былинах знакомил членов Общества В.Ф. Миллер. Он 28 сентября 1894 г. в реферате «О русских былинах» разобрал прелюдии, зачины былин, параллелизмы, ретардации, эпитеты. Он считал, что техника исполнения былин передавалась как традиция через профессиональных певцов, скороходов, которые участвовали в «сложении» (обработке) былин. В прениях участвовали В.О. Ключевский, А.Н. Веселовский, А.И. Кирпичников, П.Д. Боборыкин, М.С. Корелин. 24 февраля 1896 г. В.Ф. Миллер выступил с рефератом «Былина о Батые». Замечания сделали Д.И.Иловайский, М.С. Корелин, А.Н. Веселовский, Н.И. Стороженко, Н.А. Чаев[89]. 23 февраля 1895 г. Ахилл Милье подарил Обществу свою книгу на французском языке «Песни русского народа» («Les chants oraux du peuple Russe»).

А.Е. Грузинский работал над изданиями: «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева (3-е изд., т. 1–2, М., 1897), «Сборник народных детских песен, игр и загадок» П.В. Шейна (М., 1898), «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым» (2-е изд., т. 1–3, М., 1909–1910); отдельно опубликован «П.Н. Рыбников. Биографический очерк» (М., 1909), материал Грузинский расположил по местностям и сказителям; приурочения отдельных былин к певцам проверил и дополнил на основании внимательного изучения всех пояснений первого издания и указаний А.Ф. Гильфердинга; о каждом сказителе дал заметку, сводящую вместе сведения Рыбнико-

ва и Гильфердинга. Примечания Бессонова обозначил буквой «Б», некоторые из них, слишком своеобразно окрашенные, выпустил[90].

Это издание было отмечено специалистами как огромный труд, заключавшийся в издании не по сюжетам, а по районам бытования былин и по сказителям. Но, к сожалению, Грузинский не имел доступа к архиву Рыбникова, что затруднило его работу. В результате в издании имелась «ошибочность паспортизации материала», повторение всех текстологических ошибок первого издания[91]. Но это была не его вина. Во время подготовки переиздания песен, собранных Рыбниковым, Грузинский вёл активную переписку с его наследниками. В архиве Грузинского сохранились письма С.П. Рыбникова и Е.А. Телешовой, сына и племянницы этнографа П.Н. Рыбникова. Они сообщали, что многое было украдено, остальное хранилось в деревне[92].

В Обществе А.Е. Грузинский 1 октября 1900 г. выступил с речью «Памяти Павла Васильевича Шейна», собирателя народной русской поэзии. 3 мая 1908 г. он возбудил вопрос о желательности переиздания «Легенд» Афанасьева, которые «почти полвека» находились под запретом, составляли «большую библиографическую редкость», сохраняли «высокую научную цену». Грузинский надеялся, что «при современных цензурных условиях» «опальная книга» выйдет в свет. Н.А. Янчук поддержал Грузинского и предложил дать «общий сборник русских легенд, разработанных теперь по разным специальным изданиям». В поддержку предложения Грузинского выступили Н.Д. Телешов, П.Н. Сакулин, М.Н. Розанов. Материалы было поручено подготовить Грузинскому и Янчуку. Но 27 сентября 1908 г. эту идею пришлось пока отложить, так как найти владельца прав на издание «Легенд» не удалось[93].

П.Н. Сакулин, В.В. Каллаш, Б.М. Соколов, Е.Н. Елеонская, А.Е. Грузинский 17 ноября 1912 г. на заседании Общества рассуждали о северных сказках, по поводу сборника Н.Е. Ончукова. В.В. Сиповский 9 ноября 1913 г. делился со слушателями своими наблюдениями над эволюцией христианской лирики и лиризмом народной песни. 15 марта 1914 г. Е.Н. Елеонская выступила с сообщением «О составе сборника сказок А.Н. Афанасьева (по поводу нового издания)». Доклад был сделан по архиву Географического общества в Петербурге, по собранию Даля. 12 ноября 1916 г. Б.М. Соко-

лов, в связи с 80-летием со дня рождения Е.В. Барсова, говорил о его трудах по русской народной словесности.

Общество продолжало рассылать изданные им фольклорные сборники, так, оно послало для библиотеки Музея 1812 года десять выпусков песен Киреевского, куда вошли песни о войне 1812 г.

В 1922 г. сказитель Н.Н. Широких исполнял в Обществе былины, духовные стихи, лирические песни и сказки. По этому поводу академик М.Н. Сперанский сделал доклад «Русское устное народное творчество». Грузинский выступил 20 февраля 1922 г. на траурном заседании памяти Н.А. Янчука. В архиве к этому сообщению Грузинского приложены собранные Янчуком белорусские песни и к ним ноты (автограф). Интересы Янчука «касались очень разнообразных вопросов русской и общеславянской литературы, начиная от былинного эпоса апокрифов и старых допетровских повестей до Пушкина, Кольцова и Тургенева, захватывая и древнесербские исторические песни, и украинские предания, и белорусскую литературу с её недавним возрождением, и польский романтизм в лице Ю. Словацкого, и чешскую беллетристику XIX века»[94]. В том же 1922 г. А.С. Орлов читал доклад «Средневековое миросозерцание». В 1924 г. Ю.М. Соколов выступил с сообщением «Из наблюдений над жизнью современного фольклора». П.Н. Сакулин в 1926 г. признавался, что Общество в последние годы в основном занималось новой русской литературой, что доклады по фольклору и старой письменности были лишь спорадическими[95].

Вспоминало Общество и о богатстве, имевшемся у него, — о песнях, собранных П.В. Киреевским. Работа над архивом возобновлена в 1907 г. Для этого создана комиссия, в которую вошли В.Ф. Миллер, А.Е. Грузинский, М.Н. Сперанский, С.О. Долгов, Н.А. Янчук, А.В. Марков. Начала готовиться новая серия под редакцией В.Ф. Миллера и профессора М.Н. Сперанского. В новую серию должны были войти лирические песни как обрядовые, так и внеобрядовые. М.Н. Сперанский и другие члены комиссии не раз делали сообщения о ходе подготовки сборника. 25 сентября 1910 г. сообщалось, как готовится издание песен Киреевского, были показаны образцы отпечатанных листов. К 1911 г. был подготовлен первый выпуск (22 печатных листа). 30 апреля 1911 г. биография Киреевского, составленная

М.О. Гершензоном в значительной степени по неизданным материалам, была заслушана в Обществе. Гершензон за неё получил гонорар от Общества[96].

Закрытое с гостями специальное заседание, посвящённое архиву П.В. Киреевского, Общество устроило 15 октября 1911 г. в 8 часов вечера в Правлении университета, на котором М.Н. Сперанский сделал доклад «П.В. Киреевский и его собрание песен» и А.Е.Грузинский прочитал выдержки из доклада В.Ф. Миллера – «Песни, собранные П.В. Киреевским» (Из предисловия к изданию ОЛРС). М.Н. Сперанский подсчитал, что из собрания Киреевского, имеющего от десяти до пятнадцати тысяч песен, было не издано до пяти тысяч. Найденные профессором В.Ф. Миллером в Румянцевском музее тетради с песнями, собранными Киреевским, дают возможность этот пробел пополнить. Киреевский «осуществлял не только свои идеалы, но и идеалы передового русского общества, стремившегося к изучению народа»[97].

1-ый выпуск песен вышел к 100-летнему юбилею Общества, за что собрание выразило В.Ф. Миллеру и М.Н. Сперанскому благодарность за их труды по обработке и изучению собрания песен Киреевского. На заседании 11 февраля 1912 г. М.Н. Сперанский, подводя итоги проделанной работе, сказал, что песен Киреевского осталось на один том. После смерти В.Ф. Миллера 23 ноября 1913 г. было предложено подготовить два выпуска (в одном томе) песен Киреевского и посвятить ему.

Осенью 1917 г. под редакцией М.Н. Сперанского был подготовлен 2-й выпуск, который должен был стать последним. Октябрьская революция приостановила издание, вышла только 1-я часть 2-го выпуска объёмом 8 печатных листов[98]. После этого выпуска песен Общество долго не могло ничего издавать. Все его усилия, как говорилось в одном из протоколов, «оказывались безуспешными по причинам, которые известны каждому научному работнику». Только в 1926 г., как писал Сакулин, «явилась надежда, что Главнаука отпустит средства на издание, под редакцией академика М.Н. Сперанского, заключительного выпуска песен П. Киреевского, который давно уже приготовлен к печати и имеет для науки первоклассное значение»[99]. В архиве П.Н. Сакулина сохранилась корректура «Песен, собранных П.В. Киреевским», изданная Обществом в 1929 г.[100]

Сакулин в своём предисловии писал, что этим изданием завершается почти столетняя работа самого собирателя и членов Общества, занимавшихся подготовкой к печати его материалов по истории устно-поэтического творчества. Сакулин повторил, что это труд коллективный, так как в собирании принимали участие, кроме П.В. Киреевского, Пушкин, Гоголь, Языков, Кольцов, Даль, Вельтман, Якушкин, Погодин, Шевырёв, Снегирёв, Востоков, Соболевский и другие из тех же общественных кругов. В этом огромном материале имеются все основные стихотворные жанры устной поэзии. Это песни времён Пушкина и ближайших за ним десятилетий. Перед исследователями «заманчивая задача» определения исторических судеб устной поэзии. «Как ни трудно это, но *история* устной поэзии должна быть написана». Сакулин считал П.В. Киреевского первым учёным фольклористом, за ним следовали Рыбников, Гильфердинг и другие. Без песен Киреевского невозможен далее широкий охват «всего процесса литературной жизни» за период, возглавляемый Пушкиным. Сакулин отмечал, что наряду с творчеством Пушкина и других дворян народ «жил своей, устной поэзией, отражавшей стародавние культурные начала». И эта поэзия стала составной частью дворянской поэзии, которая до сих пор (150 лет) развивалась на основе «европеизма». Произошёл синтез «европеизма» и «народности». Это сближение продолжалось. Дворянско-аристократическая и буржуазная культуры постепенно вытесняются культурами демократической и народной и, наконец, пролетарской. Актуальны народные песни особенно в это революционное время. По этим высказываниям можно наблюдать, как историко-культурный подход у Сакулина менялся на классовый. Сакулин в заключение писал: «Общество считает своим долгом засвидетельствовать, что оно могло закончить свой многолетний научный труд лишь благодаря материальной и нравственной поддержке, которую оказала ему Главнаука Наркомпроса в лице Ф.Н. Петрова и М.П. Криста, а затем Главискусство в лице А.И. Свидерского и Л.Л. Оболенского»[101].

Вклад Общества любителей российской словесности в собирание, изучение и издание фольклорных памятников до сих пор по достоинству не оценён. Лишь в 1960 г., в 100-летний юбилей начала публикации песен, собранных П.В. Киреевским, появилось скромное признание того факта, что

«основная часть былинной коллекции П.В. Киреевского, как и других произведений эпической поэзии, была введена в научный обиход Обществом любителей российской словесности при Московском университете...»[102]

Близкими для Общества и для В.И. Даля были *просветительские задачи*. Всеобщим был интерес к изучению, с одной стороны, истории просвещения и, с другой, — к проблемам просвещения народа. При возрождении в 1858 г. Общество приняло участие и в решении проблемы распространения просвещения. После доклада С.А. Маслова «О всенародном распространении грамотности и учреждении народных библиотек» (21 октября 1859 г.) Погодин призвал распространять в языке русские слова вместо иностранных и помогать в образовании народа через указание «примечательных произведений»[103]. Хомяков предложил составить указатели для народных библиотек для руководства при создании в городах и сёлах публичных библиотек. Историк С.М. Соловьёв принял на себя составление указателя лучших русских книг по истории; В.М. Ундольский — по русской археологии; Ф.В. Чижов — по технологии, механике и по истории изящных искусств; Г.Е. Щуровский — по естественным наукам; И.В. Селиванов — по русскому праву и его истории. Гилярову-Платонову было поручено составление букваря для первоначального обучения[104]. Выслушав присланную из Пскова статью Лободы «О равнодушии нашем к собственной народности», Общество поручило Кошелеву изучить историю вопроса создания на Руси общества трезвости («О побудительных причинах основания общества трезвости в России и об историческом ходе сего явления»)[105].

По мнению Погодина, народ жаждал читать Псалтирь, Евангелие, Апостол, Часовник, Молитвенник, Жития святых, но и их издание «составляет желать много лучшего». Книги Ив. Фёдорова «берут преимущественно перед многими нынешними». Для улучшения положения в этом вопросе Погодин предложил улучшить работу духовных типографий. Из русских писателей он советовал распространять среди учащейся молодёжи собрание сочинений С.Т. Аксакова и для этого издать его стотысячным тиражом. Погодин считал, что «для образования молодых поколений весьма полезны сборники по разным отраслям наук», и такие сборники выходили, но Погодин недоумевал: почему же они не

пользовались спросом? В 1861 г. в Обществе была прочитана статья К.С. Аксакова «О воспитании в России».

Главное своё назначение Общество видело в популяризации русской литературы, и этим оно помогало просвещению и воспитанию многочисленных любителей словесности. Первый председатель Общества, профессор А.А. Прокопович-Антонский говорил: «...ревнуя об успехах природного языка, стараясь раскрывать его богатство, величество, красоты, мы исполним святой долг любви к Отечеству, мы принесём достойную его жертву на алтарь просвещения»[106]. В конце XIX и начале XX в. Общество не занималось непосредственно проблемами русского языка. Фольклором продолжало заниматься, но не так активно, как раньше. Оно содействовало развитию отечественного языка и успехам литературы через изучение памятников русской литературы.

Примечания

1 См. более подробно: *Клейменова Р.Н.* Одичалые слова // Res linguistica. М., 2000. С. 313–331.

2 *Виноградов В.В.* Русская наука о русском литературном языке // Уч. зап. МГУ. Вып. 106. Т. 3. Кн. 1. С. 39–47.

3 Труды ОЛРС. 1819. Ч. 14. Кн. 21. С. 19.

4 Труды ОЛРС. 1817. Ч. 7. Кн. 11. С. 124, 133.

5 Труды ОЛРС. 1820. Ч. 18. Кн. 27. С. 83.

6 Труды ОЛРС. 1816. Ч. 5. Кн. 7. С. 232.

7 Сочинения в прозе и стихах. 1828. Ч. 7. Кн. 19. С. 106.

8 Труды ОЛРС. 1819. Ч. 16. С. 234–236.

9 *Хомяков А.С.* Соч. Т. 3. С. 453.

10 *Аксаков И.* Соч. Т. 7. С. 778.

11 *Хомяков А.С.* Соч. Т. 3. С. 451, 452–453, 455.

12 *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды Погодина. Т. 17. С. 417; Моск. Ведом. 1860. № 60.

13 ОР РГБ. Ф. 207. П. 6. № 1. Л. 44.

14 ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 10. Л. 38.

15 ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 12. Л. 45.

16 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Напутное слово. Т. 1. С. XXYII–XXYIII.

17 *Погодин М.П.* Речи. Т. 3. С. 331.

18 Там же. С. 331.

19 Там же. С. 348.

20 *Лонгинов М.Н.* Соч. Т. 1. С. 555.

21 ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 2. Л. 2.

22 ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 3. Л. 10.

[23] ОР РГБ. Ф. 207. П. 6. № 1. Л. 16, 24. Далее в архивах появляются сообщения о выходе очередных выпусков словаря. За печатание 1 и 2 выпусков было выплачено 769 р. 50 к. – ОР РГБ. Ф. 207. П. 6. № 1. Л. 52. Первоначально предполагалось, что будет десять выпусков. В 1862 г. вышли 3, 4, 5; в 1863 г. 6 и 7; в 1864 – 8 и 9; 1865 – 10, 11, 12. – Там же. П. 5. № 7. Л. 2 об., 28, 33. В 1866 – 13, 14, 15, 16, 17. – Московские университетские известия. 1866–1867. Кн. 5. 1867. С. 200.

[24] *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды Погодина. Т. 18. С. 392.

[25] ОР РГБ. Ф. 207. П. 6. № 1. Л. 4, 4 об., 6 об., 17 об.

[26] *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды Погодина. Т. 21. С. 272–273.

[27] Там же. С. 274–275, 278.

[28] Там же. С. 278–279.

[29] ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 28.

[30] *Лонгинов М.Н.* Соч. 1. С. 572.

[31] ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 39–40.

[32] *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды Погодина. Т. 21. С. 391.

[33] ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 9. Л. 28.

[34] ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 9. Л. 37.

[35] ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 10. Л. 7.

[36] *Мерзляков А.Ф.* О духе, отличительных свойствах поэзии / Речь 30 июня 1808 г. в МУ.

[37] Труды ОЛРС. 1820. Ч. 17. Кн. 25. С. 108–135.

[38] Сочинения в прозе и стихах. Ч. 4. Кн. 10. С. 119–148.

[39] *Снегирёв М.М.* Дневник. С. 107.

[40] ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 53 об.

[41] ОР РГБ. Ф. 207. П. 2. № 19–20. Л. 92. 19 мая 1866 г.

[42] ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 8. 1872 год.

[43] ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 14 об.

[44] ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 14, 11, 9.

[45] *Погодин М.П.* Речи. Т. 3. С. 329, 330–331.

[46] Подробная записка была составлена Бессоновым и прочитана в Обществе 22 октября 1860 г. Все материалы заседаний комиссии Бессонов предложил сдать в библиотеку Общества или в архив, «чтобы они могли послужить руководством для дальнейшего издания». Подлинники песен, так как они могут понадобиться при дальнейшем издании, Бессонов предложил пока оставить в комиссии. В своей записке Бессонов также сообщил, что отпечатано 1200 экз., за что отдано 191 руб. 60 коп. серебром, каждый экземпляр состоит из 9 листов текста, продаваться выпуск будет по 50 коп. – ОР РГБ. Ф. 207. П. 6. № 1. Л. 9–9 об.; Л. 11.

[47] Словарь членов ОЛРС. М., 1911. С. 323.

[48] ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 9–11. Л. 13, 7.

[49] ОР РГБ. Ф. 207. № 4. Л. 2.

[50] За 2-й вып. в тип. А. Семена было заплачено 90 руб. 05 коп. за 1200 экз. – ОР РГБ. Ф. 207. П. 6. № 1. Л. 25.

[51] *Погодин М.П.* Речи. Т. 3. С. 348.

[52] ОР РГБ. П. 5. № 7. Л. 26 об. 1863 г.; П. 8. № 1. Л. 5 об.

[53] Общество любителей российской словесности при Московском университете. Историческая записка за сто лет. М., 1911. С. 77.

[54] ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 12. Л. 13–14.

[55] ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 15 об.

[56] Цит. по: *Грузинский А.Е.* Вступит. статья. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. В 3 т. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1909. С. XX–XXII, XLYIII.

[57] *Срезневский И.И.* Известия АН. Т. X. С. 248.

[58] ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 9. Л. 2. Но Общество распорядилось деньгами иначе. Рыбникову пришлось изыскивать средства самостоятельно. 3-й выпуск был издан Олонецким губернским статистическим комитетом, под ред. П.Н. Рыбникова (Петрозаводск, 1864), 4-й выпуск – в Санкт-Петербурге, под ред. О.Ф. Миллера (СПб., 1867).

[59] *Грузинский А.Е.* Вступит. статья. С. XXII.

[60] ОР РГБ. Ф. 207. П. 2. № 19–20. Л. 75.

[61] ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 33, 40, 46.

[62] ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 9 Л. 38.

[63] ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 49.

[64] ОР РГБ. Ф. 207. № 10. Л. 29–31.

[65] ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 11. Л. 3–3 об.; № 12. Л. 35; № 13. Л. 10.

[66] ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 55–56.

[67] *Аксаков И.С.* Соч. Т. 7. 1887. С. 791, 792. Цена за 9-й выпуск была назначена 1 руб. 50 коп. Напечатан он был в типографии Каткова и К° тиражом 1200 экз. Печатание обошлось в 193 руб. 50 коп. Счёт от 18 июня 1871 г. – ОР РГБ. П. 51. № 2. Л. 8 об.; П. 6. № 1. Л. 115.

[68] Издание 10-го выпуска в типографии Каткова и К° обошлось Обществу в 1105 руб. 30 коп. Резко увеличилась себестоимость выпуска. Денег на дальнейшие выпуски не осталось. Отметим, что издание первых выпусков обходилось в среднем по 200 руб. Они печатались в типографии А. Семена, 7-й – в типографии П. Бахметева и Мамантова, 8-й – в типографии П. Бахметева. 8-й выпуск был значительно большего объёма и стоил 303 руб. – ОР РГБ. Ф. 207. П. 6. № 1. Л. 109, 119, 94.

[69] ОР РГБ. Ф. 207. Л. 126, 126 об., 127, 128.

[70] ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 13. Л. 34.

[71] ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 2. Л. 13–14; № 13. Л. 15.

[72] *Бессонов П.А.* Объяснения. – Библиотека для чтения. № 1. 1864. С. 10.

[73] А.И. Кошелев подтвердил в 1872 г., что 1000 руб., из 3000 им пожертвованных, Бессонов и Барсов должны «возвращать ссуду из первых сумм, которые выручатся от продажи издаваемых книг». Бессонов вернул 150 руб. за издание «Белорусских песен» 15 декабря 1873 г. – ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 11. Л. 2 об.; П. 51. № 2. Л. 8, 9.

[74] ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 55 об.

[75] *Аксаков И.С.* Соч. Т. 7. 1887. С. 792–793.

[76] Общество терпеливо ждало возвращения денег, но в 1877 г., оставшись совершенно без средств для дальнейшей работы, вынужденное про-

вести подписку среди членов, оно решает обратиться к Барсову касательно возвращения ссуды, выданной на издание «Причитаний». Но деньги Барсов не вернул и на этот раз. Деньги были возвращены только после выхода второй части в 1882 г. – ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 17; Л. 18; П. 5. № 2. Л. 21 об.

[77] ОР РГБ. Ф. 207. П. 31. № 41. Л. 1. (Письмо П.А. Бессонова от 9.IV. 1885 г.).

[78] *Аксаков И.С.* Соч. Т. 7. 1887. С. 793–794.

[79] *Бессонов П.А.* Объяснения... С. 1, 7–8, 9, 13, 17, 18, 25, 26, 28.

[80] *Соймонов А.Д.* Записи былин... С. 369.

[81] *Пыпин А.Н.* История рус. этнографии. Т. 2. С. 246.

[82] *Пыпин А.Н.* Хар-ка лит. мнений... С. 225.

[83] ОР РГБ. Ф. 207. П. 30. № 24. 12 л. (печатная, 1911 г.).

[84] ОР РГБ. Ф. 207. П. 11. № 28. Л. 10 об.; П. 12. № 7. Л. 11.

[85] Общество 16 марта 1912 г. поручило В.Ф. Миллеру ознакомиться с частушками, собранными Князевым. Всего им было собрано 20 000 частушек. 21 апреля 1912 г. В.Ф. Миллер сообщил письмом, что частушки Князевым украдены и что вся эта история «мало внушает доверия». Тем не менее 9 марта 1913 г. Общество купило у Князева за 200 руб., правда, уже не 20 000, а 10 000 частушек. 6 апреля 1913 г. создана комиссия в лице А.Е. Грузинского, Н.А. Янчука, Е.Н. Елеонской, Н.П. Сидорова для издания частушек Князева. Князеву решено выдать сверх 200 руб. ещё от 25 до 75 руб. Но 27 сентября было решено издание частушек отложить и передать их на просмотр Н.А. Янчуку. Далее эти частушки, вероятно, надо искать в архиве Н.А. Янчука. – ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 10–19. Л. 9 об., 13 об.; № 20–29. Л. 15, 16 об.; № 36. Л. 1 об.

[86] ОР РГБ. Ф. 207. П. 10. № 16. Л. 3.

[87] ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 45–52. Л. 9.

[88] ЦГАЛИ. Ф. 126. Оп. 1. № 314. Л. 1.

[89] ОР РГБ. Ф. 207. П. 11. № 13. Л. 18; № 24. Л. 5.

[90] *Грузинский А.Е.* Вступительная статья. – Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. М., 1909. С. IV–V.

[91] *Ухов П.Д.* Об издании песен Рыбникова Бессоновым и Грузинским / Рус. фольклор, IY, 1959, с. 162, 167.

[92] 7 апреля и 1 августа 1908 г. ЦГАЛИ. Ф. 126. Оп. 1. № 258; № 68.

[93] ОР РГБ. Ф. 207. П. 15. № 44. Л. 1 об.; № 45. Л. 1.

[94] ЦГАЛИ. Ф. 126. Оп. 1. № 37. Л. 2.

[95] Может быть, отход Общества от фольклорной темы произошёл по той причине, что специалисты по этому вопросу вошли в комиссию ГАХН по изучению историко-литературных явлений всех жанров и всех периодов. Эта комиссия работала под председательством Н.Л. Бродского и сменившего его 26 ноября 1926 г. С.В. Шувалова при секретаре М.М. Клевенском. Интересно, что в это время продолжали организовываться фольклорные экспедиции. Два члена Общества – Б.М. и Ю.М. Соколовы в 1926–1928 гг. возглавили экспедицию по сбору былин по следам П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга. По собранным материалам со вре-

менем вышли «Онежские былины» (науч. ред. Ю.М. Соколова, подгот. к печати В. Чичеров, М., 1948. Летописи, кн. 13).

[96] В первый том вошло более 3000 русских обрядовых и лирических песен. – ОР РГБ. Ф. 207. П. 15. № 44. Л. 1. 1 об.

[97] ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 7. Л. 19.

[98] ОР РГБ. Сак. П. 77. № 10. 37 л. (Материалы по изданию «Песен, собранных П.В. Киреевским»). 1 июня 1918 г. говорилось о том, что вышла 1-я часть 2-го выпуска песен под ред. М.Н. Сперанского. Цена за 1-й выпуск песен была увеличена до 5 руб., а 1-я часть 2-го выпуска – до 4 руб. – ОР РГБ. Ф. 207. П. 19. № 10. Л. 1.

[99] Печать и революция. 1927. Кн. 7. С. 304.

[100] ОР РГБ. Сак. П. 77. № 10. Л. 37 л. (1929 г.). М.Н. Сперанский в предисловии к новой серии писал, что был принят порядок печатания песен географический, начиная с Севера. Отдельные небольшие собрания одного лица обозначались второй цифрой (в скобках) следующей за номером песни. В сборник вошли песни необрядовые, есть алфавитный указатель. Черновая опись собрания песен Киреевского, составленная П.И. Якушкиным и В.А. Елагиным, издаётся из архива П.И.Щукина. В составлении указателя принимал участие А.Д. Седальников, подготовил М. Сперанский. На основе собрания Киреевского вышли «Русские народные стихи», подготовленные самим П.В. Киреевским (Чтения ОИДР, 1848, кн. 9), «Калики перехожие» (М., 1861–1864, вып. 1–6) под редакцией П.А. Бессонова, «Песни, собранные П.В. Киреевским» (М., вып. 1–10, 1860–1874) под редакцией П.А. Бессонова, «Белорусские песни» (М., 1871) под редакцией всё того же Бессонова, «Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия» (М., 1911, 1918, 1928) под ред. В.Ф. Миллера и М.Н. Сперанского, «Пушкин как поэт-этнограф» В.Ф. Миллера (Этнографическое обозрение, 1899), «К истории собрания песен Гоголя» М.Н. Сперанского (Нежин, 1912) и другие издания. В «Русской Беседе» 1856 г. пользовались собранием Н.О. Лернер, Н. Трубицын. Архив Киреевского был передан Обществом в Румянцевский музей, но небольшая часть была передана для обработки П.А. Бессонову (умер 22.II.1898 г.) и попала в архив П.И. Щукина, который был передан в Государственный исторический музей в Москве. Этот материал вошёл во 2-ю часть 2-го выпуска. Опущены песни, взятые Киреевским из старинных печатных песенников. – ОР РГБ. Сак. П. 77. № 10. Л. 35.

[101] ОР РГБ. Сак. П. 77. № 10. Л. 29–34 (4 мая 1929 г.).

[102] *Соймонов А.Д.* Записи былин... С. 368.

[103] *Погодин М.П.* Речи. Т. 3. С. 338.

[104] ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7, Л. 3 об.

[105] ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 17 об. (23 марта 1875 г.).

[106] Труды ОЛРС. 1817. Ч. 9. Кн. 13. С. 12, 14–16.

Р.Н. Клеймёнова

ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР НА ЗАСЕДАНИЯХ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. 1811–1930
Библиография

В.И. Даль и Общество любителей российской словесности.

1860

1. *Аксаков К.С.* Обращение ко всем желающим сообщать местные слова и выражения. [Сообщения поступали из разных местностей и передавались В.И. Далю, который пользовался ими в своих филологических работах. В свою очередь В.И. Даль просил «разные подробности, касающиеся до языка и жизни народа», передавать дворянину В.А. Слепцову, предпринявшему с этою целью путешествие по России] / Отчёт ОЛРС за 1860 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 9 об.

2. *Даль В.И.* Записка о плане и содержании словаря [В ответ на предложение рассказать о плане и содержании составляемого им словаря] / 135 обыкн. засед., 27 января 1860 г.; 138 обыкн. засед., 23 февр. 1860 г. // Общество любителей российской словесности при Московском университете. Историческая записка и материалы за сто лет. М., 1911. Прилож. С. 103. (Историч. зап. Прилож.).

3. *Даль В.И.* О составленном «Словаре русского языка». Статья / Читал Н.П. Гиляров-Платонов / 140 публ. засед., 6 марта 1860 г. // Историч. зап. Прилож. С. 104.

4. Об изданиях Общества [Продажа 1-го вып. словаря В.И. Даля поручена П.А. Бессонову по 1 руб.] / Протокол 149 обыкн. засед., 22 окт. 1860 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 6. № 1. Л. 16.

5. Об изданиях Общества [Словарь, составленный д.ч. В.И. Далем, печатается им от имени Общества] / Отчёт ОЛРС за 1860 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 10.

6. *Хомяков А.С.* Вступительная речь по поводу предпринятых Обществом изданий «Словаря русского языка» В.И. Даля и «Собрания народных песен» П.В. Киреевского / 140 публ. засед., 6 марта 1860 г. // Историч. зап. Прилож. С. 103.

1861

7. Об изданиях Общества [Изданы 1-й и 2-й вып., приготовлен 3-й вып. словаря В.И. Даля; За печатание 1-го и 2-го вып. заплачено 769 руб. 50 коп. Будет 10-й вып.; За продажу 1-го вып. за 300 экз. получено 270 р.] / Отчёт ОЛРС за 1861 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 15 об., 17 об.; П. 6. № 1. Л. 52.

1862

8. *Даль В.И.* Предисловие к составленному им и издаваемому Обществом «Толковому словарю живого великорусского языка», имеющее быть напечатанным при 4-м вып. оного / 169 обыкн. засед., 21 апр. 1862 г. // Историч. зап. Прилож. С. 111.

9. Об изданиях Общества [Изданы 3-й, 4-й, 5-й вып. словаря В.И. Даля] / Отчёт ОЛРС за 1862 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 20.

10. *Одоевский В.Ф.*, кн. Письмо от 3 ноября 1862 г. [Одоевский собирался издать небольшой «Великорусско-областной словарь». Но после выхода 1-го вып. словаря Даля он счёл свой труд бесполезным и передал свои 20 000 собранных слов на карточках в 7 картонках Обществу в качестве «материала» «для разных работ по этой части»] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 6. № 1. Л. 44; Словарь членов Общества любителей российской словесности. М., 1911. С. 211.

11. Отношение ОЛРС в Академию наук о присуждении Демидовской премии Толковому словарю Даля // ОР РГБ. Ф. 207. П. 6. № 1. Л. 17 об.; П. 5. № 7. Л. 16 об.

1863

12. Об изданиях Общества [Изданы 6-й и 7-й вып. словаря, который «ожидает подобающих ему академических почестей». 8-й вып. уже находится в печати. Царь выделил 2500 руб. серебром на издание словаря Даля с 9-го вып. «Автор выразил желание продолжать называть словарь свой изданием Общества, которому обязан он первым появлением своим в свет»] / Отчёт ОЛРС за 1863 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Лл. 26 об., 28; *Лонгинов М.Н.* Соч. М., 1915. С. 572.

1864

13. *Даль В.И.* Краткий отчёт о ходе печатания словаря / 198 частн. засед., 17 нояб. 1864 г. // Историч. зап. Прилож. С. 116.

1865

14. Об изданиях Общества [Изданы 10-й и 11-й вып. словаря] / Отчёт ОЛРС за 1865 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 33.

1866–1867

15. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Вып. 1–21. 1861–1867; Т. 1–4. М., 1863–1866. (Годы, указанные на тит. листах первого издания словаря: т. 1 – 1863, т. 2 – 1865, т. 3 – 1865, т. 4 – 1866).

16. Об изданиях Общества [Изданы с 13-го по 17-й вып. словаря. Справка: О достоинствах словаря В.И. Даля] / Отчёт ОЛРС за 1866 г. // Моск. университет. известия. 1866–1867. С. 290.

1867

17. *Даль В.И.* Письмо в ОЛРС [В.И. Даль писал, что «по болезненности своей не в силах участвовать в трудах и собраниях Общества, а потому просит не считать его более членом оного»] / 234 обыкн. засед., 1 апр. 1867 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 9. Л. 37.

18. *Даль В.И.* Речь с признательностью за избрание в почётные члены / 247 чрезвыч. засед., 29 дек. 1867 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 10. Л. 8, 13.

19. *Котляревский А.А.* О значении «Толкового словаря великорусского живого языка» В.И. Даля / 234 обыкн. засед., 1 апр. 1867 г. [Предложено написать его для помещения в «Беседах»]; 241 обыкн. засед., 24 окт. 1867 г.; 247 чрезвыч. засед., 29 дек. 1867 г.; 248 публ. засед., 31 дек. 1867 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 39–40; П. 8. № 9. Л. 83; № 10. Л. 13. Историч. зап. Прилож. С. 123, 124.

20. *Кошелев А.И.* Письмо в ОЛРС / Зачитал председатель Н.В. Калачов. [В.И. Даль сообщил Кошелеву о том, что он возвращает деньги, пожертвованные им ОЛРС на издание словаря. Пока для этих денег «не приискано полезного употребления», А.И.Кошелев просил хранить их или на текущем счету в Купеческом банке, или иметь в билетах казначейства, или в металлических 300-рублёвых билетах] / 246 обыкн. засед., 22 дек. 1867 г. // Историч. зап. Прилож. С. 123; ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 10. Л. 7.

21. Об изданиях Общества [Сумма 3000 руб. Кошелева, «будучи выручена продажею словаря, снова имеет возвратиться в кассу». «Цель жертвователя состоит в том, чтоб внесённая сумма была употреблена исключительно на издания особенной важности»] / Отчёт ОЛРС за 1867 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 45.

22. Отношение Совета университета в ОЛРС от 9 марта 1867 г. с просьбой передать в университетскую библиотеку 10-й вып. словаря В.И. Даля [Отказ ОЛРС, так как словарь «не составляет его собственности»] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 9. Л. 28.

23. Сообщение о получении В.И. Далем Демидовской премии / Отчёт ОЛРС за 1867 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 45 об.

1868

24. *Даль В.И.* Об издании словаря русских писателей. [Мнение В.И. Даля: «Общество сузило задачу, но в то же время если всех – то задача непосильная»] / 252 обыкн. засед., 19 апреля 1868 г. // Ф. 207. П. 8. № 12. Л. 45.

25. *Котляревский А.А.* «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля // Беседы в ОЛРС. 1868. Вып 2. С. 91–94.

26. Сообщение об избрании В.И. Даля почётным членом ОЛРС / Протокол торжест. годич. собр., 6 янв. 1868 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 10. Л. 1.

1872

27. Сообщение о смерти д.ч. А.Ф. Гильфердинга и п.ч. В.И. Даля. Решено будущее заседание посвятить их памяти / 286 распоряд засед., 5 окт. 1872 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 8 об.

1873

28. *Аксаков И.С.* Речь памяти А.Ф. Гильфердинга, В.И. Даля и К.И. Невоструева / 287 публ. засед., 25 февр. 1873 г. // Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 9.

29. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Вып. 1–3: А–Г. М., 1873. (Словарь издавался от имени ОЛРС).

30. *Мельников П.И.* (Андрей Печерский) Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале / Пригот. засед., 29 января 1873 г.; 287 публ. засед., 25 февр. 1873 г. // Историч. зап. Прилож. С. 132; ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 16. Л. 1 об.; П. 51. № 2. Л. 9. [Справка о Мельникове П.И.: Выбран д.ч. ОЛРС 9 марта 1867 г. На заседаниях Общества читал 10 ноября 1874 г. «Воспоминания о Казанском университете», 22 дек. 1874 г. окончание «В лесах», 27 апреля 1875 г. отрывок из романа «На горах». ОЛРС 10 нояб. 1874 г. чествовало П.И. Мельникова «по поводу 35-летия его литературных занятий» (1839—1874). Д.И. Иловайский прочитал «обзор протекшей деятельности юбиляра» и дал «характеристику обширных заслуг его в области русской литературы». «Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале» опубликованы в Русском Архиве. 1875. Кн. 1. С. 77—85 и в сочинениях В.И. Даля].

Языкознание

1811

31. *Болдырев А.В.* Рассуждение о глаголах / 5 обыкн. засед., 30 дек. 1811 г. // Историч. зап. Прилож. С. 62.

32. *Прокопович-Антонский А.А.* О преимуществах и недостатках российского языка / 1 обыкн. засед., 29 сент. 1811 г. // Историч. зап. Прилож. С. 61.

33. *Прокопович-Антонский А.А.* О различии ударений в одних и тех же словах и примеры оным по церковному и гражданскому произношению / 2 обыкн. засед., 28 окт. 1811 г. // Историч. зап. Прилож. С. 61.

1812

34. *Болдырев А.В.* Рассуждение о средствах исправить ошибки в глаголе / 8 обыкн. засед., 24 февр. 1812 г. // Историч. зап. Прилож. С. 63; Труды ОЛРС. 1812. Ч. 3. Кн. 5. С. 30—50.

35. *Болдырев А.В.* Рассуждение о глаголах // Труды ОЛРС. 1812. Ч. 2. Кн. 3. С. 65—84.

36. *Калайдович П.Ф.* Рассуждение о синонимах / 7 обыкн. засед., 27 янв. 1812 г. // Историч. зап. Прилож. С. 63; Труды ОЛРС. 1812. Ч. 2. Кн. 3. С. 3—32.

37. *Прокопович-Антонский А.А.* Предложение для разбора: о различии ударений в одних и тех же словах и примеры к оным по церковному и гражданскому произношению // Труды ОЛРС. 1812. Ч. 4. Летописи. С. 71—77.

1816

38. *Болдырев А.В.* Об издании словаря / 23 чрезвыч. засед., 16 дек. 1816 г. // Историч. зап. Прилож. С. 68.

39. *Болдырев А.В.* Ответ на замечания о глаголах / 14 обыкн. засед., 29 янв. 1816 г. // Историч. зап. Прилож. С. 66; Труды ОЛРС. 1816. Ч. 6. Кн. 9. С. 112—130.

40. *Давыдов И.И.* Об издании Русского словопроизводного словаря / 23 чрезвыч. засед., 16 дек. 1816 г. // Историч. зап. Прилож. С. 68.

41. *Давыдов И.И.* Опыт о порядке слов / 22 обыкн. засед., 25 нояб. 1816 г. // Историч. зап. Прилож. С. 68; Труды ОЛРС. 1816. Ч. 5. Кн. 7. С. 113–127.

42. Замечания на новую теорию русских глаголов. Рецензия. Без подписи. // Труды ОЛРС. 1816. Ч. 6. Кн. 9. С. 101–111.

43. *Каченовский М.Т.* Рассуждение о славянском языке вообще и в особенности церковном. Читал Ф.Ф. Кокошкин / 21 обыкн. засед., 28 окт. 1816 г. // Историч. зап. Прилож. С. 68.

44. *Подшивалов В.С.* Чтение и письмо: Об Азбуке. Публикация А.А. Прокоповича-Антонского / 16 обыкн. засед., 18 марта 1816 г. // Историч. зап. Прилож. С. 66; Труды ОЛРС. 1816. Ч. 5. Кн. 7. С. 82–112.

45. *Прокопович-Антонский А.А.* Мнение о том, какую честь принесло бы гг. членам и сколь бы полезно было вообще любителям словесности составление нового Российского словаря, по этимологическому порядку расположенного / 18 чрезвыч. засед., 20 мая 1816 г. // Историч. зап. Прилож. С. 67.

1817

46. *Болдырев А.В.* Об издании словаря // Труды ОЛРС. 1817. Ч. 8. Летописи. С. 123–134.

47. *Давыдов И.И.* Об издании русского словопроизводного словаря // Труды ОЛРС. 1817. Ч. 8. Летописи. С. 114–122.

48. *Давыдов И.И.* Опыт о порядке слов. Продолжение / 25 обыкн. засед., 24 февр. 1817 г. // Историч. зап. Прилож. С. 69; Труды ОЛРС. 1817. Ч. 7. Кн. 11. С. 80–93; Ч. 9. Кн. 13. С. 47–61.

49. Замечания касательно плана, предначертанного к составлению словаря. Письмо от неизвестной особы из Украины / 29 торж. засед., 15 июня 1817 г. // Историч. зап. Прилож. С. 71.

50. *Калайдович П.Ф.* Синонимы. Материалы для словаря / 30 обыкн. засед., 27 окт. 1817 г. – Историч. зап. Прилож. С. 72; Труды ОЛРС. 1817. Ч. 9. Кн. 13. С. 112–134.

51. *Каченовский М.Т.* О славянском и в особенности церковном языке // Труды ОЛРС. 1817. Ч. 7. Кн. 11. С. 5–27.

52. *Каченовский М.Т.* Исторический взгляд на грамматику славянских наречий / 29 торж. засед., 15 июня 1817 г. // Историч. зап. Прилож. С. 71; Труды ОЛРС. 1817. Ч. 9. Кн. 13. С. 17–46.

53. *Остолопов Н.Ф.* Из словаря древней и новой поэзии // Труды ОЛРС. 1817. Ч. 9. Кн. 13. С. 62–83.

54. Правила для издания русского производного словаря после рассмотрения плана, представленного А.В. Болдыревым и И.И. Давыдовым // Труды ОЛРС. 1817. Ч. 8. Летописи. С. 188–191.

55. *Прокопович-Антонский А.А.* О пользе просвещения, о влиянии на оное языка и об удовольствиях, доставляемых упражнением в науках и словесности / 29 торж. засед., 15 июня 1817 г. // Историч. зап. Прилож. С. 70–71.

56. *Саларёв С.Г.* Замечания по составлению производного словаря / 26

чрезвыч. засед., 10 апр. 1817 г. // Историч. зап. Прилож. С. 70; Труды ОЛРС. 1817. Ч. 8. Летописи. С. 239–245.

57. *Саларёв С.Г.* Синонимы. Материалы для словаря / 24 обыкн. засед., 27 января 1817 г.; 31 обыкн. засед., 30 нояб. 1817 г. // Историч. зап. Прилож. С. 69, 72; Труды ОЛРС. 1817. Ч. 7. Кн. 11. С. 124–134.

58. Собрание особенных слов, употребляемых во Владимирской губернии в Покровском уезде между крестьянами / Собрал П.Ф. Горенкин // Труды ОЛРС. 1817. Ч. 8. Летописи. С. 147–151.

59. *Сокольский Г.В.* Речь о пользе правил словесности // Труды ОЛРС. 1817. Ч. 8. Летописи. С. 69–74.

1818

60. *Болдырев А.В.* Рассмотрение опытов производного словаря, именно же слова, начинающиеся с букв И и Х. [Определено: собранные слова напечатать в летописях Общества для образца с тем, что всякое и от посторонних даже замечание принято будет Обществом с должною признательностью] / 36 чрезвыч. засед., 18 мая 1818 г.; 37 чрезвыч. засед., 22 июня 1818 г.; 38 чрезвыч. засед., 26 окт. 1818 г. // Историч. зап. Прилож. С. 74, 75.

61. Записка о наречиях между крестьян Рязанской и Калужской губерний в селениях Спасского, Серпейского и Жиздринского уездов. – Труды ОЛРС. 1818. Ч. 12. Летописи. С. 10–11.

62. *Каразин В.* Статья об имени славян // ОР РГБ. Ф. 207. П. 2. № 5. 4 л.

63. Материалы для «производного» словаря, опубликованные с 1818 по 1828 г. : А, Б / Собрал А.А. Прокопович-Антонский // Труды ОЛРС. 1819. Ч. 16. Летописи. С. 103–109, 171–233; В, Г / Собрал А.Ф. Мерзляков // Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 2. Кн. 6. С. 302–362, 1824. Ч. 4. Кн. 12. С. 309–348; Д / Собрал Н.А. Бекетов // Соч. в прозе и стихах. 1828. Ч. 7. Кн. 21. С. 250–281; Е / Собрал И.И. Давыдов // Соч. в прозе и стихах. 1824. Ч. 5. Кн. 15. С. 391–399; Ж / Собрал Л.А. Цветаев // Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 2. Кн. 6. С. 289–302; З / Собрал А.З. Зиновьев // Соч. в прозе и стихах. 1826. Ч. 6. Кн. 18. С. 308–328; И / Собрал А.В. Болдырев // Труды ОЛРС. 1818. Ч. 12. Летописи. С. 161– 169; У, Ф / Собрал А.М. Гаврилов // Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 1. Кн. 3. С. 299–312); Х / Собрал А.В. Болдырев // Труды ОЛРС. 1818. Ч. 2. Летописи. С. 170–192.

64. Опыт решения вопроса: На каком языке писана «Песнь о полку Игоря», на древнем ли славянском, существовавшем в России до перевода книг священного писания, или на каком-нибудь областном наречии // Труды ОЛРС. 1818. Ч. 11. Кн. 17. С. 3–32.

65. Прокопович-Антонский А.А. представил сочинение неизвестного «Общие замечания о правописании» / 38 чрезвыч. засед., 26 окт. 1818 г. // Историч. зап. Прилож. С. 75.

66. *Саларёв С.Г.* О силе предлогов в значении слов / 32 обыкн. засед., 26 янв. 1818 г. // Историч. зап. Прилож. С. 72; Труды ОЛРС. 1818. Ч. 12. Летописи. С. 24–33.

67. *Саларёв С.Г.* Синонимы. Материалы для словаря / 24 обыкн. засед., 27 янв. 1817 г.; 31 обыкн. засед., 30 нояб. 1817 г. // Историч. зап. Прилож. С. 69, 72; Труды ОЛРС. 1817. Ч. 7. Кн. 11. С. 124–134; 1818. Ч. 10. Кн. 15. С. 54–61; 1819. Ч. 14. Кн. 21. С. 29–35; 1820. Ч. 18. Кн. 27. С. 54–63.

68. *Шаликов П.И.* Об уравнительных степенях в русском языке / 34 чрезвыч. засед., 30 марта 1818 г. // Историч. зап. Прилож. С. 73; Труды ОЛРС. 1818. Ч. 12. Летописи. С. 42–46.

1819

69. *Болдырев А.В.* Нечто о сравнительной степени / 47 чрезвыч. засед., 20 дек. 1819 г. // Историч. зап. Прилож. С. 78; Труды ОЛРС. 1819. Ч. 15. Кн. 23. С. 150–158.

70. *Давыдов И.И.* О порядке слов и влиянии его на развитие и совершенствование способностей ума человеческого. Продолжение и окончание рассуждения / 43 обыкн. засед., 25 апр. 1819 г. // Историч. зап. Прилож. С. 77.

71. Корни и изменения слов // Труды ОЛРС. 1819. Ч. 13. Кн. 19. С. 82–127. (Подпись: Любослов).

72. *Кошанский Н.Ф.* О русском синтаксисе / 47 чрезвыч. засед., 20 дек. 1819 г. // Историч. зап. Прилож. С. 78; Труды ОЛРС. 1819. Ч. 15. Кн. 23. С. 86–118.

73. *Макаров М.Н.* Записка о некоторых словах, употребляемых крестьянами Рязанской губернии, с объяснением их значения и с замечаниями об их обрядах, одежде и пр. / 45 чрезвыч. засед., 25 окт. 1819 г. // Историч. зап. Прилож. С. 77.

74. *Мерзляков А.Ф.* Особая записка по составлению производного словаря // Труды ОЛРС. 1819. Ч. 16. Летописи. С. 234–237.

75. *Мерзляков А.Ф.* Читаны и сообразно плану для производного словаря рассмотрены слова, начинающиеся с буквы Г, составленные д.ч. А.Ф. Мерзляковым / 45 чрезвыч. засед., 25 окт. 1819 г. // Историч. зап. Прилож. С. 77.

76. Особая записка о некоторых словах // Труды ОЛРС. 1819. Ч. 16. Летописи. С. 102.

77. Примечания на некоторые статьи о глаголах А.В. Болдырева // Труды ОЛРС. 1819. Ч. 15. Кн. 23. С. 119–141. (Подпись А.М.Б.).

78. *Прокопович-Антонский А.А.* Слова, начинающиеся на букву А. [Рассуждаемо было о некоторых в особой записке означенных словах и сделано положение, куда их отнести должно] / 42 чрезвыч. засед., 28 марта 1819 г. – Историч. зап. Прилож. С. 76.

79. *Саларёв С.Г.* Синонимы. Материалы для словаря. Продолжение / 41 обыкн. засед., 8 марта 1819 г. // Историч. зап. Прилож. С. 76; Труды ОЛРС. 1819. Ч. 14. Кн. 21. С. 29–35; 1820. Ч. 18. Кн. 27. С. 54–63.

80. *Саларёв С.Г.* Синонимы. Материалы для словаря / 24 обыкн. засед., 27 янв. 1817 г.; 31 обыкн. засед., 30 нояб. 1817 г. // Историч. зап. Прилож. С. 69, 72; Труды ОЛРС. 1817. Ч. 7. Кн. 11. С. 124-134; 1818.

Ч. 10. Кн. 15. С. 54-61; 1819. Ч. 14. Кн. 21. С. 29–35; 1820. Ч. 18. Кн. 27. С. 54–63.

81. *Шаликов П.И.* Статья о том, что нужна осмотрительность в слоге / 47 чрезвыч. засед., 20 дек. 1819 г. // Историч. зап. Прилож. С. 78.

1820

82. *Востоков А.Х.* Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам. Прислано при письме М.Т. Каченовскому / 48 обыкн. засед., 13 янв. 1820 г. // Историч. зап. Прилож. С. 78; Труды ОЛРС. 1820. Ч. 17. Кн. 25. С. 5–61.

83. *Дмитревский Д.И.* Собрание провинциальных простонародных наречий, употребляемых в разных округах Владимирской губернии / Собрал Д.И. Дмитревский // Труды ОЛРС. 1820. Ч. 20. Летописи. С. 197–230.

84. *Калайдович П.Ф.* О словах, изменивших своё значение / 51 обыкн. засед., 5 июня 1820 г. // Историч. зап. Прилож. С. 80; Труды ОЛРС. 1820. Ч. 18. Кн. 27. С. 83–93; Соч. в прозе и стихах. 1826. Ч. 6. Кн. 16. С. 118–136.

85. *Калайдович П.Ф.* О синонимах. Продолжение / 49 обыкн. засед., 28 февр. 1820 г. // Историч. зап. Прилож. С. 79.

86. *Калайдович П.Ф.* Синонимы. Материалы для словаря / 30 обыкн. засед., 27 окт. 1817 г. // Историч. зап. Прилож. С. 72; Труды ОЛРС. 1817. Ч. 9. Кн. 13. С. 112–134; 1820. Ч. 17. Кн. 25. С. 136–144; Соч. в прозе и стихах. 1823. Ч. 3. Кн. 7. С. 43–50; 1824. Ч. 4. Кн. 10. С. 149–163.

87. *Макаров М.Н.* Краткая записка о некоторых простонародных словах Рязанского, Пронского, Скопинского, Михайловского, Ряжского и Спасского уездов Рязанской губернии, с объяснением их значения и с некоторыми замечаниями об их обрядах, одежде и пр. / Составил М.Н. Макаров // Труды ОЛРС. 1820. Ч. 20. Летописи. С. 12–26.

88. Письмо с замечаниями о некоторых выражениях русского языка. От неизвестного / 49 обыкн. засед., 28 февр. 1820 г. // Историч. зап. Прилож. С. 79; Труды ОЛРС. 1820. Ч. 17. Кн. 25. С. 148–154.

89. Провинциальные слова Ярославской губернии; Углича; Тульской губернии; Рязанской губернии; Рязанской губернии Касимовского уезда; Костромской губернии; г. Нерехты и его уезда / Составил Я. Шулыгин; г. Галича и его уезда / Составили Д. Ржевский и Я. Аквилев; Костромской губернии / Составил В. Чижев; г. Чухломы и его уезда / Составил Н. Нерехотский; Костромской губернии / Составил А. Светогорский; Тверской губернии; г. Кашина и его уезда; Сокрытые от прочих и между одними торговцами того же города и уезда употребляемые названия денег, счетов и других вещей; Отличные выражения, употребляемые бежецкими гражданами в торговле // Труды ОЛРС. 1820. Ч. 20. Летописи. С. 104–173.

90. Собрание провинциальных слов, употребительных в Зарайском уезде Рязанской губернии // Труды ОЛРС. 1820. Ч. 20. Летописи. С. 194–195.

91. *Саларёв С.Г.* Синонимы. Материалы для словаря. Продолжение / 51 обыкн. засед., 5 июня 1820 г. // Историч. зап. Прилож. С. 80; Труды ОЛРС. 1820. Ч. 18. Кн. 27. С. 54–63.

92. *Саларёв С.Г.* Синонимы. Материалы для словаря / 24 обыкн. засед., 27 янв. 1817 г.; 31 обыкн. засед., 30 нояб. 1817 г. // Историч. зап. Прилож. С. 69, 72; Труды ОЛРС. 1817. Ч. 7. Кн. 11. С. 124–134; 1818. Ч. 10. Кн. 15. С. 54–61; 1819. Ч. 14. Кн. 21. С. 29–35; 1820. Ч. 18. Кн. 27. С. 54–63.

93. *Успенский А.А.* Реестр и список словам офенского наречия, объясняющим полный смысл оного на российском языке / Собрал А.А. Успенский // Труды ОЛРС. 1820. Ч. 20. Летописи. С. 239–243; Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 1. Кн. 3. С. 320–324.

94. *Фортунатов А.* Вологодский провинциальный словарь / Собрал А. Фортунатов // Труды ОЛРС. 1820. Ч. 20. Летописи. С. 38–42.

95. *Шаликов П.И.* Замечания о наречиях / 48 обыкн. засед., 13 янв. 1820 г. // Историч. зап. Прилож. С. 78; Труды ОЛРС. 1820. Ч. 17. Кн. 25. С. 145–147.

1822

96. *Глаголев А.Г.* О развитии языков / 60 обыкн. засед., 18 марта 1822 г. // Историч. зап. Прилож. С. 84.

97. *Дмитревский А.* Провинциальные слова Касимовского уезда / Собрал А. Дмитревский // Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 1. Кн. 3. С. 255–260; 1824. Ч. 5. Кн. 15. С. 326–329.

98. *Калайдович К.Ф.* О белорусском наречии // Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 1. Кн. 1. С. 67–80.

99. *Калайдович К.Ф.* О древнем церковном языке славянском / 60 обыкн. засед., 18 марта 1822 г. // Историч. зап. Прилож. С. 83; Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 2. Кн. 4. С. 57–71.

100. *Калайдович П.Ф.* Синонимы. Продолжение / 64 чрезвыч. засед., 9 дек. 1822 г. // Историч. зап. Прилож. С. 85.

101. *Калайдович П.Ф.* Синонимы. Материалы для словаря / 30 обыкн. засед., 27 окт. 1817 г. // Историч. зап. Прилож. С. 72; Труды ОЛРС. 1817. Ч. 9. Кн. 13. С. 112–134. 1820. Ч. 17. Кн. 25. С. 136–144; Соч. в прозе и стихах. 1823. Ч. 3. Кн. 7. С. 43–50; 1824. Ч. 4. Кн. 10. С. 149–163.

102. *Макаров М.Н.* Рассуждение о пользе для российской словесности делаемых собраний провинциальных речений [Предлагал мнение о необходимости составить из них словарь для удобнейшего обозрения слов] / 59 чрезвыч. засед., 4 февр. 1822 г. // Историч. зап. Прилож. С. 83.

103. *Макаров М.Н.* Начало словаря особенных, в некоторых только сторонах России употребительных, речений / 61 чрезвыч. засед., 19 мая 1822 г. // Историч. зап. Прилож. С. 84.

104. *Макаров М.Н.* О некоторых словах, употребительных крестьянами Саратовской губернии в Балашевском уезде / Собрал М.Н.Макаров // Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч.1. Кн. 3. С. 213–217.

105. *Макаров М.Н.* Собрание слов, употребляемых между крестьяна-

ми Рязанской губернии / Сообщил М.Н.Макаров // Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 1. Кн. 3. С. 312–320.

106. *Суровцев Н.* Список слов особливых Вологодской губернии: А – Я / Собрал Н. Суровцев // Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 1. Кн. 3. С. 229–245, 261–287.

107. *Филомафитский Е.М.* О знаках препинания вообще и в особенности для российской словесности / 59 чрезвыч. засед., 4 февр. 1822 г. // Историч. зап. Прилож. С. 83; Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 2. Кн. 4. С. 72–134.

108. *Фортунатов А.* Дополнение к Вологодскому провинциальному словарю / Собрал А. Фортунатов // Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 1. Кн. 3. С. 193–213.

109. *Цветаев Л.А.* Буква Ж для производного словаря / 61 чрезвыч. засед., 19 мая 1822 г. // Историч. зап. Прилож. С. 84.

110. *Чаплин А.Ф.* О разделении глаголов // Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 1. Кн. 1. С. 37–44.

111. *Шаховский А.А.* Слова, употребляемые в Северо-Восточной Сибири / Собрал А.А. Шаховский // Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 2. Кн. 6. С. 285–288.

112. *Шаховский А.А.* Слова, употребляемые крестьянами Курской губернии в Дмитре-свапском уезде / Собрал А.А. Шаховский // Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 2. Кн. 6. С. 281–285.

1823

113. *Войцехович И.П.* Собрание слов малороссийского наречия / Собрал И.П. Войцехович // Соч. в прозе и стихах. 1823. Ч. 3. Кн. 9. С. 284–326.

114. *Глаголев А.Г.* О постепенном развитии первообразных языков // Соч. в прозе и стихах. 1823. Ч. 3. Кн. 7. С. 15–28.

115. *Калайдович И.Ф.* О степенях прилагательных и наречиях качественных / 65 чрезвыч. засед., 3 февр. 1823 г. // Историч. зап. Прилож. С. 86; Соч. в прозе и стихах. 1823. Ч. 3. Кн. 7. С. 107–132.

116. *Калайдович К.Ф.* В ответ на замечания В.В. Капниста о древности языка русского пред славянским / 66 обыкн. засед., 24 февр. 1823 г. // Историч. зап. Прилож. С. 86; Соч. в прозе и стихах. 1823. Ч. 3. Кн. 9. С. 342–348; ОР РГБ. Ф. 207. П. 2. № 13. 4 л. Автограф.

117. *Калайдович П.Ф.* Синонимы. Материалы для словаря / 30 обыкн. засед., 27 окт. 1817 г. // Историч. зап. Прилож. С. 72; Труды ОЛРС. 1817. Ч. 9. Кн. 13. С. 112–134; 1820. Ч. 17. Кн. 25. С. 136–144; Соч. в прозе и стихах. 1823. Ч. 3. Кн. 7. С. 43–50; 1824. Ч. 4. Кн. 10. С. 149–163.

118. *Полевой Н.А.* О древнем языке словенском / 67 чрезвыч. засед., 23 мая 1823 г. // Историч. зап. Прилож. С. 87; Соч. в прозе и стихах. 1824. Ч. 4. Кн. 10. С. 24–43.

119. *Снегирёв И.М.* представил краткий словарь «Омонимов», т. е. речений одинаковых, и различных по своему значению / 65 чрезвыч. засед., 3 февр. 1823 г. // Историч. зап. Прилож. С. 86.

120. *Сокольский Г.В.* Речь о пользе правил словесности // Соч. в прозе и стихах. 1823. Ч. 3. Кн. 9. С. 329–334; ОР РГБ. Ф. 207. П. 2. № 1. 4 л. Рук.

1824

121. *Бекетов Н.А.* Читана буква Д словаря, составленного д.ч. Бекетовым / 71 чрезвыч. засед., 30 апр. 1824 г. // Историч. зап. Прилож. С. 88.

122. *Давыдов И.И.* Представил составленную им для производного словаря букву Е / 73 чрезвыч. засед., 1 ноября 1824 г. // Историч. зап. Прилож. С. 89.

123. *Земницкий.* Слова и выражения, употребляемые в г. Калуге / Собрал Земницкий. 72 чрезвыч. засед., 7 июня 1824 г. // Историч. зап. Прилож. С. 88; Соч. в прозе и стихах. 1824. Ч. 5. Кн. 15. С. 304–307. (Здесь указан Зельницкий).

124. *Калайдович И.Ф.* Замечания о родах грамматических в языке русском // Соч. в прозе и стихах. 1824. Ч. 5. Кн. 13. С. 171–205.

125. *Калайдович И.Ф.* О залогах глаголов русских / 67 чрезвыч. засед., 23 мая 1823 г. // Историч. зап. Прилож. С. 87; Соч. в прозе и стихах. 1824. Ч. 4. Кн. 10. С. 70–101.

126. *Калайдович И.Ф.* Опыт правил для составления русского производного словаря с некоторыми замечаниями на правила, принятые Обществом // Соч. в прозе и стихах. 1824. Ч. 5. Кн. 15. С. 330–390.

127. *Калайдович И.Ф.* О грамматических родах в русском языке / 72 чрезвыч. засед., 7 июня 1824 г. // Историч. зап. Прилож. С. 88.

128. *Калайдович И.Ф.* Синонимы / 70 обыкн. засед., 1 марта 1824 г. // Историч. зап. Прилож. С. 88; Соч. в прозе и стихах. 1824. Ч. 4. Кн. 10. С. 149–163.

129. *Калайдович П.Ф.* Синонимы. Материалы для словаря / 30 обыкн. засед., 27 окт. 1817 г. // Историч. зап. Прилож. С. 72; Труды ОЛРС. 1817. Ч. 9. Кн. 13. С. 112–134; 1820. Ч. 17. Кн. 25. С. 136–144; Соч. в прозе и стихах. 1823. Ч. 3. Кн. 7. С. 43–50; 1824. Ч.4. Кн. 10. С. 149–163.

130. *Кох Н.* Синонимы / 70 обыкн. засед., 1 марта 1824 г. // Историч. зап. Прилож. С. 88; Соч. в прозе и стихах. 1824. Ч. 4. Кн. 10. С. 164–171.

131. *Лажечников И.И.* Несколько провинциальных слов, употребительных по Саратовской губернии / Собрал И.И. Лажечников // Соч. в прозе и стихах. 1824. Ч. 5. Кн. 15. С. 308–311.

1825

132. *Васильев Д.Г.* О языке страстей / 74 чрезвыч. засед., 31 янв. 1825 г. // Историч. зап. Прилож. С. 89.

133. *Снегирёв И.М.* Синонимы «Остроумие и Острота», «Страсть и Пристрастие» / 75 обыкн. засед., 9 марта 1825 г. // Историч. зап. Прилож. С. 89.

134. *Калайдович П.Ф.* О словах, изменивших своё знаменование / 75 обыкн. засед., 9 марта 1825 г. // Историч. зап. Прилож. С. 89; Труды ОЛРС. Соч. в прозе и стихах. 1826. Ч. 6. Кн. 16. С. 118–136.

135. Замечания об изъяснении некоторых русских слов. Присланы неизвестным / 76 чрезвыч. засед., 31 окт. 1825 г. // Историч. зап. Прилож.

С. 90; Соч. в прозе и стихах. 1826. Ч. 6. Кн. 18. С. 329–337. (Подпись: Любитель русского языка).

1826

136. *Калайдович И.Ф.* Краткое изложение правил для составления словаря нынешнего русского языка с приложением пробных листов оного / 79 чрезвыч. засед., 3 апр. 1826 г. // Историч. зап. Прилож. С. 91.

137. *Калайдович И.Ф.* Несколько слов на статью «Замечания об изъяснении некоторых русских слов» // Соч. в прозе и стихах. 1826. Ч. 6. Кн. 18. С. 338–341.

138. *Калайдович И.Ф.* Новая теория спряжений русских глаголов: Из теории русских глаголов / 79 чрезвыч. засед., 3 апр. 1826 г. // Историч. зап. Прилож. С. 91; Соч. в прозе и стихах. 1826. Ч. 6. Кн. 16. С. 143–168.

139. *Калайдович И.Ф.* Прибавление к замечаниям о родах грамматических в языке русском // Соч. в прозе и стихах. 1826. Ч. 6. Кн. 18. С. 351–359.

140. *Калайдович П.Ф.* Ещё несколько слов о степенях прилагательных / 79 чрезвыч. засед., 3 апр. 1826 г. // Историч. зап. Прилож. С. 91; Соч. в прозе и стихах. 1826. Ч. 6. Кн. 16. С. 137–142.

141. *Погодин М.П.* Об употреблении наречий / 79 чрезвыч. засед., 3 апр. 1826 г. // Историч. зап. Прилож. С. 91; Соч. в прозе и стихах. 1826. Ч. 6. Кн. 16. С. 169–182.

1828

142. *Калайдович И.Ф.* Определения // Соч. в прозе и стихах. 1828. Ч. 7. Кн. 21. С. 45–54.

143. *Раич С.Е.* О происхождении итальянского языка / 84 обыкн. засед., 27 февр. 1828 г. // Историч. зап. Прилож. С. 92; Соч. в прозе и стихах. 1828. Ч. 7. Кн. 19. С. 55–66.

144. Слова, произносимые в Рязанской губернии в Раненбургском уезде // Соч. в прозе и стихах. 1828. Ч. 7. Кн. 19. С. 295–297.

145. *Успенский А.А.* План для расположения слов офенского наречия; Сравнение офенских слов с напечатанными в «Трудах» Общества словами неизвестного языка, употребительными у жителей разных российских провинций // Соч. в прозе и стихах. 1828. Ч. 7. Кн. 19. С. 282–294.

146. *Успенский А.А.* Щетной (счётный) список, составленный по офенскому наречию / Собрал А.А. Успенский // Соч. в прозе и стихах. 1828. Ч. 7. Кн. 19. С. 298–301.

1829

147. *Голионкевич Ф.* Статья о простонародном русском наречии в Белостокской области // ОР РГБ. Ф. 207. П. 2. 12 (3) л. Рук.

148. *Кулжинский И.Г.* (учитель Нежинской гимназии). О необходимости и пользе славянского языка [Сочинение представлено Обществу д. ч. Макаровым 7 ноября 1828 г. Определено: Сочинение хранить при делах. Г-на Кулжинского избрать в сотрудники и поручить собрание провинциальных слов в Нежинском округе] / 90 экстр. засед., 15 мар-

та 1829 г. // Историч. зап. Прилож. С. 93; ОР РГБ. Ф. 207. П. 4. № 5. Л. 3; П. 2. № 12. 6 (1) л. Рук.

149. *Лобойко И.И.* О простонародном наречии, употребляемом в Белостокской области [Сочинение поручено рассмотреть И.И. Давыдову] / 92 обыкн. засед., 27 апр. 1829 г. [И.И. Лобойко помянут в Отчёте Общества за 1861 год: Умер И.И. Лобойко, известный «40 лет назад среди деятелей по разработке памятников нашей народности, потом долгое время посвятивший себя на ознакомление Литовского края с русской литературой»] // Историч. зап. Прилож. С. 93; ОР РГБ. Ф. 207. П. 4. № 5. Л. 14; П. 5. № 7. л. 14 об.

150. *Писарев А.А.* Предложение издать отдельною книгой все опубликованные в «Трудах» сочинения по русскому языку [Поручено И.И. Давыдову составить план] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 4. № 5. Л. 16.

1830

151. *Макаров М.Н.* Опыт словаря областных речений. Сочинение, поступившее в ОЛРС в февр. 1830 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 4. № 5. Л. 48.

1832

152. *Мальцев В.* Замечания об омонимах // ОР РГБ. Ф. 207. П. 2. № 10. 12 (1) л. Рук.

1838

153. *Андрузский Г.Д.* Письмо с Вечорки Полтавской губернии, Пирятинского уезда, с приложением стихотворения // ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 15. 2 л. авт.

154. О занятиях Общества [Решено собирать синонимы] / 109 чрезвыч. засед., 10 нояб. 1838 г. // Историч. зап. Прилож. С. 95.

1859

155. *Аксаков К.С.* О предметах деятельности Общества и между прочим о необходимости занятий по составлению «Русского словаря» / 118 обыкн. засед., 11 февр. 1859 г. // Историч. зап. Прилож. С. 96.

156. *Бартенев П.И.* Об ощущаемом в современной литературе недостатке в обработке слога у многих писателей, о причинах такого явления и о пользе ближайшего знакомства с памятниками старинной русской письменности и народною речью / 118 обыкн. засед., 11 февр. 1859 г. // Историч. зап. Прилож. С. 96.

157. *Берг Н.В.* О значении московского наречия в области русского слова / 120 обыкн. засед., 11 марта 1859 г. // Историч. зап. Прилож. С. 97.

158. *Лавдовский.* О сущности замечаний на Академический словарь / 126 обыкн. засед., 29 апр. 1859 г. // Историч. зап. Прилож. С. 99.

159. О занятиях ОЛРС [Н.П. Гиляров-Платонов занимался составлением букваря для обучения народа; А.И. Кошелев – изучением истории об обществах трезвости в России; многие члены принялись за составление каталогов лучших русских книг по разным отраслям знаний для руководства желающим заводить библиотеки; составление указателя погрешностей против языка наиболее встречаемых во всякого рода пуб-

личных актах и документах и пр.] / Отчёт за 1859 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 3 об.

160. *Погодин М.П.* Речь о планах ОЛРС: а) следить за искажениями языка во всякого рода официальных актах, публичных сообщениях и т.п.; б) принимать меры к искоренению подобных погрешностей и в) заниматься собранием и изданием некоторых изготовленных уже разными лицами трудов, имеющих целью распространение знакомства с богатствами отечественного языка, а также озаботиться о мерах для возможно дешёвого издания сочинений, которые представляют лучшие образцы его / 129 обыкн. засед. от 7 окт. 1859 г. // Историч. зап. Прилож. С. 100; ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 3 об.

161. *Погодин М.П.* Речь об обязанностях Общества противодействовать искажению русского языка в официальных актах, публичных извещениях и т.д. / 131 публич. засед., 29 окт. 1859 г. // Историч. зап. Прилож. С. 101.

1860

162. *Аксаков К.С.* Предложение о составлении Обществом собрания особенностей областной речи и проект обращения к лицам, занимающимся изучением русского языка, о доставлении в Общество материалов для такого труда / 134 обыкн. засед., 16 янв. 1860 г. // Историч. зап. Прилож. С. 101.

163. *Аксаков К.С.* Из составляемого опытного словаря объяснения слов: «алый», «алеет», «ау» и «аристократия» / 137 чрезвыч. засед., 6 февр. 1860 г. // Историч. зап. Прилож. С. 102.

164. *Аксаков К.С.* Опыт русской грамматики. Ч. 1. М., 1860. 4, XII, 186 с.

165. *Аксаков К.С.* Несколько мыслей об отношениях жизненной цельности к условности отвлечённой среды, в особенности в применении к деятельности Общества / 134 обыкн. засед., 16 янв. 1860 г. // Историч. зап. Прилож. С. 102.

166. *Воинов.* Письмо о наблюдениях над особенностями русских наречий // ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 13. 2 (1) л. Авт.

167. *Громов Константин.* Несколько слов и выражений, употребляемых во Владимирской губернии // ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 6. 2 л. Рук.

168. *Гусев Н.П.* Собрание слов, употребляемых в Харьковской губернии // ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 2. 2 л. Рук.

169. *Чукмандин (Чукмалдин?) И.М.* Письмо с приложением собрания слов, употребляемых исключительно в наречии жителей Тобольской губернии и в особенности в Тюменском уезде оной / 151 обыкн. засед., 7 дек. 1860 г. // Историч. зап. Прилож. С. 106; ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 3. 10 л. Рук.

1861

170. *Лисицын М.П.*, учитель русского языка в Болховском уездном училище. Два письма с препровождением продолжения собрания Болховских слов и речений, начало которого было доставлено Обществу за под-

писью «Л» / 153 обыкн. засед., 4 февр. 1861 г. // Историч. зап. Прилож. С. 107; ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 9–11. 13 л., 7 (1) л. Рук.

171. Об изданиях Общества [В 1861 г. вышли книги, хотя и не напечатанные Обществом, но издание коих находится в тесной связи с его деятельностью. Таковы Сочинения К.С. Аксакова, т. 1, напечатанные под ред. чл. Общества И.С. Аксакова; Сочинения А.С. Хомякова, т. 1, изданные под его же редакцией. Тут помещены все речи, говоренные им в нашем Обществе] / Отчёт за 1861 г. – ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 15 об.–16.

172. *Чукмандин (Чукмалдин?) И.М.* Письмо, г. Тюмень // ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 12. 2 л. Рук.

1863

173. *Хавский П.* Описание жизни Давыдова И.И. [Давыдов применил «впервые общесравнительное изучение языка»] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 7. Л. 11. Рук.

1865

174. *Мизко Николай.* Ломоносов как поэт, оратор и законодатель языка // ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 1. 100 л. Рук.

1867

175. *Щебальский П.К.* Отчёт секретаря П.К. Щебальского о приёме славянских депутатов [о всеславянском языке] / Из протокола от 23 мая 1867 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 47–48; П. 8. № 9. Л. 49.

1875

176. О поступлениях в библиотеку Общества [*А.А. Потебня* «Из записок по русской грамматике»] / 313 обыкн. засед., 22 дек. 1875 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 18 об.

1876

177. О поступлениях в библиотеку Общества [*А.А. Потебня* «К истории звуков» и *Я.К. Грот* «Филологические разыскания»] / 317 обыкн. засед. от 20 нояб. 1876 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 19.

1877

178. О поступлениях в библиотеку Общества [*П. Галатери* «Alphabet commun»] / 322 обыкн. засед. от 29 янв. 1877 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 20.

1891

179. *Буслаев Ф.И.* Отзыв о программе русского языка и словесности, составленной учителями гимназий Московского учебного округа на съезде 1866 г. в Москве // Сб. ОЛРС. 1891. С. 87–96.

180. *Гоголь Н.В.* Сборник слов простонародных, старинных и малоупотребительных / Составил Н.В. Гоголь // Сб. ОЛРС. 1891. С. 24–54.

181. *Тихонравов Н.С.* Заметки о словаре, составленном Н.В.Гоголем // Сб. ОЛРС. 1891. С. 101–114.

1905

182. *Фадеев Т.Д.* Проект об изменении орфографии, внесённый представителем студенческой медицинской издательской комиссии Т.Д. Фаде-

евым в Московский союз издателей [На основе проекта Союз решил ввести изменения в издаваемую им литературу — отказаться от лишних букв] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 15. № 13. Л. 7, 8.

1920

183. Наркомпрос, Научный отдел. Письмо о желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию республики [ОЛРС создало специальную комиссию, которая решила, что для бесписьменных языков «научная точка зрения требует прежде всего ответа на вопрос: какой шрифт полнее всего выражает многообразные звуковые особенности языка данной народности», что «введение латиницы не только не облегчит, а скорее затруднит иностранцам изучение русского языка»] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 19. № 34. Л. 16, 18, 20—21 об.

1922 (?)

184. *Грузинский А.Е.* Материалы по подготовке Ленинского словаря русского языка [Замечания и инструкция по составлению словаря и отрывочные записи заседаний его составителей]. Б/д. // ЦГАЛИ. Ф. 126. П. 1. № 67. 9 л.

Фольклористика

1818

185. *Глаголев А.Г.* О характерах русских народных песен / 35 обыкн. засед., 4 мая 1818 г. // Историч. зап. Прилож. С. 74; Труды ОЛРС. 1818. Ч. 11. Кн. 17. С. 33—51.

1820

186. *Макаров М.Н.* Предание об урочище Курьи Ножки / 50 чрезвыч. засед., 17 апр. 1820 г. // Историч. зап. Прилож. С. 80; Труды ОЛРС. 1820. Ч. 20. Летописи. С. 174—177.

187. *Макаров М.Н.* О старинных русских праздниках и обычаях / 48 обыкн. засед., 13 января 1820 г.; 49 обыкн. засед., 28 февр. 1820 г. // Историч. зап. Прилож. С. 78, 79; Труды ОЛРС. 1820. Ч. 17. Кн. 25. С. 108—135; Ч. 18. Кн. 27. С. 64—82.

1821

188. *Глаголев А.Г.* О характерах русских застольных и хороводных песен / 54 обыкн. засед., 5 февр. 1821 г. // Историч. зап. Прилож. С. 82; Труды ОЛРС. 1821. Ч. 19. Кн. 29. С. 62—82.

1822

189. *Макаров М.Н.* Ильмена, Альмена, Alemene, или Умила // Соч. в прозе и стихах. 1822. Ч. 2. Кн. 4. С. 149—156.

190. *Снегирёв И.М.* Опыт рассуждения о русских пословицах / 64 обыкн. засед., 9 дек. 1822 г. // Историч. зап. Прилож. С. 85.

1823

191. *Макаров М.Н.* О старинных русских праздниках и обычаях / 68 чрезвыч. засед., 10 нояб. 1823 г. // Историч. зап. Прилож. С. 87.

192. *Снегирёв И.М.* Опыт рассуждения о русских пословицах // Соч. в прозе и стихах. 1823. Ч. 3. Кн. 7. С. 51–97; М., 1823. (ОЛРС за напечатание особо 100 экз. выделило 41 руб. 47 коп.) // ОР РГБ. Ф. 207. П. 4. № 7. Л. 1 об.

193. *Снегирёв И.М.* О простонародных картинках / 66 обыкн. засед., 24 февр. 1823 г. // Историч. зап. Прилож. С. 86.

1824

194. *Глаголев А.Г.* О русских приветствиях / 72 чрезвыч. засед., 7 июня 1824 г. // Историч. зап. Прилож. С. 88; Соч. в прозе и стихах. 1824. Ч. 5. Кн. 13. С. 206–232.

195. *Снегирёв И.М.* О простонародных изображениях (о лубочных картинках) // Соч. в прозе и стихах. 1824. Ч. 4. Кн. 10. С. 119–148.

1828

196. *Лажечников И.И.* О похвальных словах: отрывок // Соч. в прозе и стихах. 1828. Ч. 7. Кн. 19. С. 206–232.

1830

197. *Иванчин-Писарев Н.Д.* О старинной русской поэзии // ОР РГБ. Ф. 207. П. 2. № 9. 14(2) л. Авт. черн.

1859

198. *Максимович М.А.* Мнение о личности «Словутного певца» XIII в. – Митусы, т.е. Дмитрия / 127 обыкн. засед., 6 мая 1859 г. // Историч. зап. Прилож. С. 99.

199. О занятиях Общества [в) Приготовление к изданию собрания русских пословиц; г) тоже по изданию сборника песен покойного П.В. Киреевского] / Отчёт за 1859 г. // ОР РГБ.Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 3 об.

200. *Шевырёв С.П.* и *Соловьёв С.М.* Мнение о присланной в Общество статье *Лободы* «О равнодушии нашем к собственной народности» / 126 обыкн. засед., 29 апр. 1859 г. // Историч. зап. Прилож. С. 99.

1860

201. *Аксаков К.С.* Сообщения [Н.А. Елагин изъявил своё согласие на предоставление Обществу права издавать собрание песен брата его, П.В. Киреевского; Дело о передаче Обществу права на издание собрания народных песен П.В. Киреевского братьями В.А. и Н.А. Елагиными приведено к окончанию; В.А. Елагин выразил желание принять участие в трудах по изданию; «барыши» от издания обратить в пользу малолетних наследников покойного] / 134 обыкн. засед., 16 янв. 1860 г.; 138 обыкн. засед., 29 февр. 1860 г. // Историч. зап. Прилож. С. 102, 103.

202. *Аксаков К.С.* Представление Обществу рукописи собрания песен П.В. Киреевского, полученной от В.А. Елагина для издания / 139 обыкн. засед., 23 февр. 1860 г. // Историч. зап. Прилож. С. 103.

203. *Бессонов П.А.* Краткий отчёт от 22 окт. 1860 г. об издании 1-го вып. песен Киреевского [Печатается в тип. А. Семена. Начат в июле, закончен 27 сент., за печатание 1200 экз. – 191 руб. 60 коп. сер. Один экз. стоит Обществу менее 16 коп. серебром. 2-й вып. передан в тип. Семена.

За 1200 экз. — 90 руб. 05 коп. 4-й вып. будет дополнительный к первым трём. Его объём вдвое больше прежних] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л.9, 9 об., 11, 14, 30.

204. *Бессонов П.А.* О некоторых народных стихах / 139 обыкн. засед., 29 февр. 1860 г.; 143 публич. засед., 20 марта 1860 г. // Историч. зап. Прилож. С. 103, 105.

205. *Иннокентий, арх. Херсонский и Таврический.* Зарождение и судьба Днепра // ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 4. 2 л. Рук.

206. *Киреевский П.В.* Материалы для изучения народной словесности. Народные песни, собранные Киреевским в разных губерниях. [Есть исправления красными чернилами, указаны губернии, где собраны] // ОР РГБ.Ф. 207. П. 26. № 1. 457 л.; № 2. 223 л.; П. 27. № 1. 307 л.; № 2. 301 л.; П. 28. № 1. 172 л.; № 2. 107 л.; № 3. 132 л.; № 4. 48 л.; № 5. 71 л.; № 6. 104 л.; № 7. 113 л.; № 8. 300 л.; № 9. 21 л.; П. 29. № 1. 300 л.; № 2. 300 л.; № 3. 300 л.; № 4. 300 л. Рук.

207. *Киреевский П.В.* Материалы для изучения народной словесности. Народные песни, собранные Киреевским // ОР РГБ. Ф. 125. Оп. 76. П. 30. (Архив П.В. Киреевского и П.А. Бессонова, которым пользовался П.Д. Ухов. См. его статью «Об издании песен Рыбникова Бессоновым и Грузинским» // Русский фольклор. IV. 1959).

208. О комиссии для издания сборника народных песен П.В. Киреевского. [Доклад с приложением плана, которому комиссия полагает следовать при издании] / 142 обыкн. засед., 15 марта 1860 г. // Историч. зап. Прилож. С. 104.

209. *Михайлиха.* Нравоучительные притчи и сказки, рассказываемые Михайлихой // ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 8.

210. Об изданиях Общества [Издан 1-й вып. песен, собранных П.В. Киреевским: Песни об Илье Муромце с приложением, 1200 экз. Под надзором комиссии, состоящей из К.С. Аксакова, П.А. Бессонова, Н.П. Гилярова-Платонова, С.А. Соболевского, В.И. Даля и В.А. Елагина. После выручки затраченной Обществом суммы «барыши» поступят в пользу наследника собирателя; 2-й вып. песен уже готов к печатанию на прежнем основании; Обществу посвятили книги: д.ч. П.А. Бессонов «Сборник духовных стихов», П.А. Бессонов и сын председателя Д.А. Хомяков «Сборник русских былин», составленный П.Н. Рыбниковым] / Отчёт ОЛРС за 1860 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 9 об.—10 об.

211. *Хомяков А.С.* Вступительная речь по поводу предпринятых Обществом изданий «Словаря русского языка» В.И. Даля и «Собрания народных песен» П.В. Киреевского / 140 публ. засед., 6 марта 1860 г. // Историч. зап. Прилож. С. 103.

212. *Юрков В.П.* (Симбирск). Письмо М.П. Полуденскому с прилож. старинного стихотворения, вырезанного из рукописной тетради под названием «Цветы российских муз». 1803 // ОР РГБ. Ф. 207. П. 7. № 31. 5 л.

1861

213. *Бессонов П.А.* Калики перехожие: Сборник стихов и исследований. Ч. 1–2. М., 1861–1863 // 852 с., 1 л. фронт., 4 л. илл., нот; 938 с., 3 л. фронт., илл., нот.

214. *Лисицын М.П.* (учитель рус. яз. в Болховском уездном училище). Письмо с препровождением в Общество 28 бытовых и обрядовых песен, им собранных, и просьбой руководства онаго для дальнейших трудов по собиранию песен / 160 обыкн. засед., 14 окт. 1861 г. // Историч. зап. Прилож. С. 109.

215. Об изданиях Общества [Изданы 2-й и 3-й вып. песен П.В. Киреевского, приготовлен 4-й. В 1861 г. вышли книги, хотя и не напечатанные Обществом, но издание которых находится в тесной связи с его деятельностью. Таковы «Песни», собранные П.Н. Рыбниковым. «Замечательное собрание это, изданное под смотрением Д.А. Хомякова и члена Общества П.А. Бессонова, посвящено Обществу от имени покойного его председателя А.С. Хомякова»; «Калики перехожие», вып. 1, 2, 3. «Это богатое собрание духовных стихов, издаваемое трудами П.А. Бессонова, также посвящено Обществу в память А.С. Хомякова и пополняет недостаток подобного отдела в сборнике П.В. Киреевского»; «Сочинения» И.В. Киреевского, изданные А.И. Кошелевым, под ред. М.А. Максимовича] / Отчёт за 1861 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 15 об.–16.

216. *Рыбников П.Н.* Песни, собранные П.Н. Рыбниковым // Т. 1–4. М., 1861–1867. [Д.А. Хомяков выделил деньги на первые два выпуска. 3-й вып. под ред. П.Н. Рыбникова был издан Олонецким губернским статис. комитетом, (Петрозаводск, 1864). 4-й вып. – под ред. О.Ф. Миллера в Петербурге, 1867].

1862

217. *Бессонов П.А.* Об изданиях памятников народной литературы / 173 обыкн. засед., 4 окт. 1862 г. // Историч. зап. Прилож. С. 111.

218. Об изданиях Общества [Издан 4-й вып. (двойной) песен Киреевского] / Отчёт за 1862 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 20.

219. *Щербина Н.Ф.* Дар ОЛРС рукописного сборника народных песен, собранных д.ч. Н.Ф. Щербиною / Отчёт за 1862 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 20 об.

1863

220. *Бессонов П.А.* О белорусских песнях. [К статье представлено собрание песен, составленных П.В. Киреевским и им самим. В дополнение прочитана статья «Голос белорусского народа», полученная от неизвестного через В.Н. Лешкова] / 186 обыкн. засед., 16 октября 1863 г. // Историч. зап. Прилож. С. 113, 114.

221. Об изданиях Общества [Издан 5-й вып. (двойной по объёму), печатаются 6-й и 7-й, которыми заключается 2-я часть сборника песен Киреевского. Общество «неоднократно выражало по справедливости признательность свою д.ч. П.А. Бессонову, неусыпным старанием которого

оно обязано успешным ходом этого издания». Общество предполагает приступить к изданию сборника белорусских песен под ред. П.А. Бессонова] / Отчёт за 1863 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 26, 26 об.

1864

222. *Бессонов П.А.* О распространении песен Киреевского [Продано на 335 руб. 87 коп. «Принести Бессонову искреннюю благодарность Общества за заботы по распространению изданий Общества»] / 195 распорядит. засед., 4 апр. 1864 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 1. Л. 5 об.

223. О поступлениях в библиотеку Общества [*А.Н. Афанасьев* «Сказка и миф»] / 199 засед., 24 нояб. 1864 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 1. Л. 11 об.

224. Об изданиях Общества [Издан 6-й вып. песен Киреевского (об Ив. Грозном)] / Отчёт за 1864 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 30 об.

1865

225. *Бессонов П.А.* Отчёт по изданию первых шести выпусков песен из собрания П.В. Киреевского и план дальнейшего их издания / 201 обыкн. засед., 9 янв. 1865 г. // Историч. зап. Прилож. С. 116.

226. Об изданиях Общества [Издание «Песен» из собрания П.В. Киреевского остановилось на 4 листах 7-го вып., отпечатанных под ред. А.Н. Афанасьева. Комиссия по изданию песен, за отсутствием некоторых членов, прекратила свои действия] / Отчёт за 1865 г. – ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 33.

1866

227. *Буслаев Ф.И.* Предложение Ф.И. Буслаева напечатать на счёт Общества собрание русских народных песен П.Н. Рыбникова, 4 тома / 224 засед., 5 окт. 1866 г. [Общество не смогло выделить деньги на это издание] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 9. Л. 2.

228. О поступлениях в библиотеку Общества [«Сборник памятников народного творчества в Северном крае». Вып. 1. 1866] / 224 засед., 5 окт. 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 9. Л. 1.

229. *Котляревский А.А.* О семейном элементе русских народных сказок / 222 публич. засед., 19 мая 1866 г. // Историч. зап. Прилож. С. 119; ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 4. Л. 92.

230. Об изданиях Общества [В видах ускорения издания народных русских песен, собранных П.В. Киреевским, Общество просило В.А. Елагина, А.Н. Афанасьева и секретаря А.А. Котляревского озаботиться скорейшим составлением нового плана издания, чтобы можно было немедленно приступить к печати. Издание «Песен» «приостановилось по обстоятельствам, совершенно независимым от доброй воли Общества — и даже непредвиденным. Сознавая, однако, важное значение этого предприятия для русской нации и высоко ценя память такого почтенного деятеля, коим был П.В. Киреевский», Общество решило продолжать издание] / 216 чрезвыч. и 225 обыкн. засед., 19 янв. и 22 окт. 1866 г. // Историч. зап. Прилож. С. 118–119; ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 4. Л. 75; № 7. Л. 40 об.; П. 8. № 9. Л. 7.

1867

231. *Бессонов П.А.* О значении народного развития и в особенности народного песнетворчества в деле возрождения славян [О деятельности Общества по извлечению из праха народного творчества, о собирателях народного творчества с примерами народного эпоса русского, чешского, сербского] / 238 чрезвыч. и 239 публич. засед., 15 мая и 20 мая 1867 г. // Историч. зап. Прилож. С. 122; ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 9. Л. 51–52.

232. Об изданиях Общества [П.А. Бессонов, «возвратясь в Москву из отлучки, продолжавшейся несколько лет», готовит к печати 7-й вып., и 2-е изд. 1-го вып. «в двойном числе экз. против прежнего» песен П.В. Киреевского. Решение о переиздании 1-го вып. принято 9 марта 1867 г.] / Из Отчёта за 1867 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 46; П. 8. № 9. Л. 29.

233. *Соболевский С.А.* О сохранении архива П.В. Киреевского [Соболевский С.А. приготовил рукописи Киреевского к сдаче в музей. Решено «просить председателя, чтобы он предупредил начальство музея о желании Общества согласно предложению д.ч. В.А. Елагина и п. 3 протокола 229 заседания ОЛРС, сдать помянутые рукописи на хранение в музей. Общество, признавая слишком драгоценным автографом этот памятник трудов целой жизни покойного собирателя и желая сохранить его для будущих времён, поместило его в Московский общественный музей, где ещё не так давно славянские гости Москвы рассматривали его с участием и уважением»] – ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 9. Л. 38, 66.; П. 5. № 7. Л. 46.

1868

234. О поступлениях в библиотеку Общества [Бессонов П.А. «Детские песни»] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 12. Л. 44.

235. Об изданиях Общества [Изданы 7-й вып. и 1-й, вып. 2-е изд. песен, собранных Киреевским. Подготовлен 8-й вып. 1-й вып. 2-го изд. – 1200 экз., 117 р.; вып. 1-й и 7-й – печатались в тип. Мамонтова и Бахметева, себестоимость одного экз. 35 и 45 коп., назначить цену 60 коп. Признательность Бессонову за успешную работу] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 49; П. 8. № 10. Л. 29, 30, 31; П. 6. № 1. Л. 82, 84.

1869

236. *Бессонов П.А.* Отчёт об издании песен Киреевского. [Издание 8-го вып. задержалось, виною того неожиданное богатство содержания. «Утвердилось мнение, что эпоха Петра I и сам он не оставили следа в народном песнетворчестве. Точно самый сборник Петра Киреевского представлял тому лишь несколько образцов: но благодаря вкладам других собирателей редакции издания удалось достигнуть до цифры почти 200 номеров, и все они дают более или менее живую картину и высокого лица, и обстоятельств его времени, при том, что особенно замечательно, в выражениях искреннего сочувствия к истинному смыслу великих событий той эпохи. Дело это потребовало усиленного труда и напряжённых разысканий. Зато надеемся, оно восполнит значительный пробел в нашей науке и литературе с точки зрения совершенно уже беспристраст-

ной и неподдельной, одним словом, народной»] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 51.

237. *Бессонов П.А.* Предложение представить две части песен П.В. Киреевского на Уваровскую премию в Академию наук [Решено положиться на мнение В.А. и Н.А. Елагиных] / 265 обыкн. засед. от 24 окт. 1869 г. [«Издатель (П.А. Бессонов?) заявил, что в виду некоторых современных обстоятельств он отлагает со своей стороны соискание премии, тем более, что таковому миновал уже срок на сей год»] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 12. Л. 34; № 11. Л. 3–3 об.

238. О поступлениях в библиотеку Общества [Юго-Славянская Академия, недавно основанная у хорватов, «вошла с нами в живые прочные отношения и в течение года усердно высылала Обществу многочисленные превосходные труды свои. Разбирая их и подвергая оценке в своих обыкновенных заседаниях, Общество не могло не остановиться с живейшим сочувствием преимущественно на тех произведениях хорватских, которыми, можно сказать, создано «народное обычное право» древних славян, между прочим, на основании русских памятников, изданных Обществом.»] / Отчёт за 1869 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 52–52 об.

239. *Кошелев А.И.* Заявление о выдаче заимообразно 500 руб. П.А. Бессонову на издание «Калик перехожих» и «Белорусских песен» / 259 обыкн. засед., 8 янв. 1869 г. // Историч. записка. Прилож. С. 127.

240. Об изданиях Общества [Воспоминания, читанные о кн. В.Ф. Одоевском в публичном собрании Общества, изданы наскоро особою книжкой] / Отчёт за 1869 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 53.

241. *Цертелев Н.А.* и *Бессонов П.А.* О былинах [Н.А. Цертелев передал две части 3-го тома собственного ещё не изданного сборника великорусских былин. Секретарь Общества П.А. Бессонов прочёл записку о деятельности Н.А. Цертелева, исследователя народных песнетворческих произведений малороссийских и великороссийских, современника Востокова и Калайдовича. Решено: приобщить вновь доставленные памятники народного творчества, по примеру других подобных, к изданиям сборника П.В. Киреевского] / Протокол 262 засед., 2 апр. 1869 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 12. Л. 26.

1870

242. *Барсов Е.В.* Народные олонецкие причитания / 274 публич. засед., 5 апр. 1870 г. // Историч. зап. Прилож. С. 129; ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 11. Л. 2.

243. *Барсов Е.В.* Обрядовые народные причитания, собранные в Олонецкой губ., предназначаемые к изданию при содействии Общества [Переданы на рассмотрение Комиссии: П.А. Бессонов, И.В. Беляев, Н.А. Чаев] / 273 обыкн. засед., 2 апр. 1870 г. // Историч. зап. Прилож. С. 129; ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 11. Л. 2.

244. *Бессонов П.А.* Записка о деятельности покойного д.ч. кн. Н.А. Цертелева в собирании и объяснении памятников народной словесности /

268 годич. засед., 18 янв. 1870 г. // Историч. зап. Прилож. С. 129; ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 11. Л. 3 об. (Записка опубликована в Вестнике Европы. 1870. Кн. 6. С. 867–871).

245. *Бессонов П.А.* Сообщение о выходе 8-го вып. песен, собранных П.В. Киреевским / 275 обыкн. засед., 24 апр. 1870 г. // Историч. зап. Прилож. С. 130.

246. О занятиях Общества [В сотрудники избраны А.Н. Цертелев, который собрал наследие отца, и П.В.Шейн, из числа немногих «ревностнейших собирателей памятников народного творчества»] / 267 обыкн. засед., 3 янв. 1870 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 11. Л. 3.

247. Об изданиях Общества [Большой сборник песен белорусских, куда вошло частью и собрание П.В. Киреевского; сборник Барсова, дополняющий собой труд Рыбникова и вместе с ним составляющий своего рода эпоху для открытий в мире народного русского творчества; 8-й вып. собрания П.В. Киреевского подарен готовящейся Политехнической выставке в честь 200-летнего юбилея рождения Петра в 1872 г. Счёт тип. П. Бахметева за печатание 1210 экз. 8-го вып. песен Киреевского – 303 руб.] / Отчёт за 1870 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 55–55 об.; П. 6. № 1. Л. 94.

248. Об изданиях Общества [Отсрочена на год ссуда П.А. Бессонову для издания народных памятников; Общество постановило выдать г. Барсову заимообразно на издание «Олонецких народных причитаний» 500 руб.] / 269 и 275 засед., 7 февр. и 24 апр. 1870 г. // Историч. зап. Прилож. С. 130; ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 11. Л. 2 об., 3 об.

249. Славянские связи ОЛРС [Избраны Кулевич-Сакцинский из Загреба, «тесно связавший своими трудами мир югославянский с русским»; М.Ю. Миличевич из Белграда, «исследователь местного народного быта и переводчик с русского»; Медакович, «описатель Чёрной горы, в самые бурные эпохи родины умевший устоять за единение славянских интересов и связь их с Русью»; О. Данил, «горячий блюститель народных интересов Далмации, устремивший ныне взоры своей родины от немцев и Италии к единому славянскому знамени; «главный ратоборец и подвижник», «готовый понести на себе и первую тяжесть немецкого негодования», д-р Франц Владислав Ригер; Умер п.ч. ОЛРС чешский собиратель Карл Яромир Эрбен, который восстановил целый мир чешских песен и народных напевов, перевёл на чешский язык Летопись Нестора, Слово о полку Игореве] / Отчёт за 1870 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 5. № 7. Л. 56 об.

1871

250. *Барсов Е.В.* О свадебных обрядах в Олонецкой губернии / 279 публич. засед., 21 марта 1871 г. // Историч. зап. Прилож. С. 130; ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 6.

251. *Бессонов П.А.* О продолжении печатания 9-го вып. «Песен» П.В. Киреевского: народное творчество XVIII века / 281 обыкн. засед., 18 дек. 1871 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 7.

252. *Бессонов П.А.* Белорусские песни, с подробными объяснениями их

творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. М., 1871. 262 с.

253. Поступления в библиотеку Общества [Барсов Н. «Духовные стихи секты людей божиих», Ян Головацкий прислал «Акты Виленской комиссии», Юго-Славянская Академия – «Древности», «Труды», В. Богитич «Словенски музеум», «Правни обичаи у словена», «Прилози за гисторию», «Monumenta», «Старияисцы хрватски», «Старине»] / 281 обыкн. засед., 18 дек. 1871 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 7.

254. Об изданиях Общества [Принято предложение об издании трудов кн. Н.А. Цертелева на средства семейства и от имени ОЛРС в полную его собственность, за отчислением экземпляров семейству. Под ред. П.А. Бессонова, тир. 600 экз.] / 279 публ. засед. от 21 марта 1871 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 6 об.

1872

255. *Барсов Е.В.* Народные рассказы о Петре Великом в Олонецком крае / 284 публич. засед., 9 апреля 1872 г. // Историч. зап. Прилож. С. 131; ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 14. Л. 1; П. 51. № 2. Л. 8.

256. *Барсов Е.В.* Причитания Северного края. Ч.1–2. М., 1872–1882. XXXI, 327, XXXIII с.; IV, 335 с.

257. О поступлениях в библиотеку Общества [От Юго-Славянской Академии «Памятники», «Письменные законы на Славянском Югу», «Пословицы» изд. г. Даничичем; от библиотекаря Британского музея через П.А. Бессонова В.Р.С. Рольстон «The songs of the Russian people»; от П.А. Зарубина через Чаева «Тёмные и светлые стороны русской жизни»; от Ф.А. Гилярова «Сказания о Русской земле», от Виленской комиссии «Акты», «Ординация королевских пущ», от Е.В. Барсова изданные с пособием Общества «Причитания Олонецкого края» и др.] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 8, 8 об.

258. *Костомаров Н.И.* Историческое значение южнорусского народного песенного творчества / 284 публич. засед., 9 апр. 1872 г. // Историч. зап. Прилож. С. 131; ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 14. Л. 1; П. 51. № 2. Л. 8.

259. Об изданиях Общества [Издан 9-й вып. песен Киреевского. XVIII век после Петра Великого. Подготовлен 10-й – последний – былево-исторический, с Александра I до наших дней. Цена 1р. 50 к.] / Протокол 285 засед., 22 мая 1872 г. – ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 8 об.

1873

260. *Аксаков И.С.* Вступительное слово, посвящённое А.Ф. Гильфердингу, К.И. Невоструеву и В.И. Далю / 287 публич. засед., 25 февр. 1873 г. // Историч. зап. Прилож. С. 132.

261. *Барсов Е.В.* О К.И. Невоструеве / Пригот. засед., 29 янв.1873 г.; 287 публич. засед., 25 февр. 1873 г. // Историч. зап. Прилож. С. 132; ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 16. Л. 1; П. 51. № 2. Л. 9.

262. *Бессонов П.А.* Отчёт за 1873 г. [Возвращена часть ссуды 150 руб., выданной на издание «Белорусских песен», отпечатан 10-й вып. и 2-м изд. вып. 2-й песен П.В. Киреевского] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 9.

263. *Бессонов П.А.* Письмо с просьбой об издании 11-го вып. песен П.В. Киреевского // ОР РГБ. Ф. 207. П. 6. № 1. Л.109.

264. Поступления в библиотеку Общества [*Ф.Б. Миллер* «Литовские песни», Юго-Славянская Академия «Труды», «Древности», «Древние писатели хорватские», «Акты о Петре Зринском», «Франченане», Сербское учёное общество (Белград) «Гласник»] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 9, 9 об.

265. Решение приобретать в библиотеку Общества песенные рукописные сборники // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 9 об.

266. Об изданиях Общества [Подготовлен к печати вып. 10-й песен исторических, обнимающий наравне памятники нашего века (счёт за 10-й вып. из Университетской тип. Каткова и К° за 1200 экз. – 1105 руб. 30 коп.), подготовлен вып. 11-й (песни безымянные и молодецкие), близко к концу издание сочинений кн. Н.А. Цертелева] / Из Отчёта за 1873 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 9 об.; П. 5. № 7. Л. 59; П. 6. № 1. Л. 110.

267. *Попов Н.А.* Воспоминания об А.Ф. Гильфердинге как слависте / Пригот. засед. 29 янв. 1873 г.; 287 публич. засед., 25 февр. 1873 г. // Историч. зап. Прилож. С. 132; ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 16. Л. 1; П. 51. № 2. Л. 9.

1874

268. *Барсов Е.В.* Воспоминания об учёной и литературной деятельности покойного сочлена И.Д. Беляева / 289 год. публ. засед., 20 янв. 1874 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 10.

269. *Бессонов П.А.* О судьбах литовско-латышского племени, с образцами лучших произведений его устного песнетворчества в новом русском переводе / 298 публич. засед., 22 дек. 1874 г. // Историч. зап. Прилож. С. 134; ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 14.

270. *Бессонов П.А.* Обзор русской исторической песни с первых веков до наших дней / 289 публич. засед., 20 янв. 1874 г. // Историч. зап. Прилож. С. 132; ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 10.

271. Поступления в библиотеку Общества [*А.А. Котляревский* «О древностях и истории поморских славян в XII веке»; *П.И. Савваитов* «О зырянских календарях», «Путешествие Антония»; *И.И. Срезневский* «Сказания об Антихристе» – переписка А.Х. Востокова, «Выбор» (Чешский музей), «Часопись», *Палацкий* «Деины» и др.] / 294 обыкн. засед., 19 окт. 1874 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 12, 13, 14, 15.

272. *Киреевский П.В.* Песни, собранные П.В. Киреевским. Ч. 1–3. Вып. 1–10. М., 1860–1874.

273. *Максимович М.А.* Сказание о Колиевщине. Неизданное произведение, прочитанное С.А. Юрьевым / 293 публич. засед., 23 марта 1874 г. // Историч. зап. Прилож. С. 133; ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 11.

274. Об изданиях Общества [Ходатайство ОЛРС Министру народного просвещения о помощи для продолжения издания песен Киреевского] / 294 засед. от 19 окт. 1974 г.; 4 мая 1875 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 12; П. 6. № 1. Л.126–128. (В просьбе было отказано).

275. *Чаев Н.А.* Воспоминания о д.ч. М.А. Максимовиче. Очерк его

жизни, деятельности и заслуг / 293 публич. засед., 23 марта 1874 г. // Историч. зап. Прилож. С. 133; ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 11.

1875

276. Поступления в библиотеку Общества [*А. Рамбо* «L'empire grec», «Rapports an Ministre», «La Russie epique». А. Рамбо посвятил свою книгу о русской народной словесности Обществу, за что оно его благодарило. Куплен сборник «Lutnia»] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 18, 18 об., 19.

277. *Барсов Е.В.* Сообщения [Выданную ссуду из денег Кошелева на печатание 1-го тома «Причитаний» Барсов решил употребить по мере возврата от продажи на печатание 2-го и просил оказать ему помощь в распространении издания. П.А. Бессонов согласился принять некоторое количество экз. для совместной продажи и публикации с изданиями Общества; «Причитания» удостоены премии от Академии наук] / 300 публ. и 308 засед., 19 янв. и 24 окт. 1875 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 17, 18.

278. Письмо о А.Н. Цертелеве от его родственников / 300 публ. засед., 9 нояб. 1875 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 51. № 2. Л. 18.

1877

279. Поступления в библиотеку Общества [От Императорской Академии наук, Харьковского университета, Виленской Археографической комиссии, Московского этнографического музея, Нижегородского статистического комитета, Юго-Славянской Академии, Сербо-Лужицкой матицы; п.ч. *А. Рамбо* «Francais et Russes», В.Ф. Миллер «Очерки армянской мифологии», *Н.А. Попов* «Об Археологическом обществе в Праге», *Ф.Д. Нефедов* «Этнографические наблюдения на Волге», *Ф.А. Гиляров* «Царство Сербское» и др.] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 11. Л. 1—1 об.

280. Об изданиях Общества [Приступить к переизданию 3-го и 4-го вып. песен П.В. Киреевского. Выделить на это 200 руб. из пожертвованных Кошелевым. Обратиться за ссудой к Барсову, выделенной на издание «Причитаний». Выразить П.А. Бессонову «признательность» как за результаты, им достигнутые при изданиях, так и за труд, на то положенный] / 328 обыкн. засед. от 29 окт. 1877 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 11. Л. 1 об.; № 13. Л. 34; П. 51. № 2. Л. 21 об.

1878

281. Об изданиях Общества [Издан 3-й вып. 2-го изд. песен Киреевского. Вскоре выйдет 4-й. Представлен Отчёт об этом издании с самого начала. Выразить Бессонову признательность, просить по мере возможности «продолжать и впредь» «на тех же основаниях и в той же установленной учёной системе». Секретарь Общества П.А. Бессонов по случаю перемещения его на кафедру в Харьковский университет в заключение заседания обратился к Обществу с прощальной речью] / 333 обыкн. засед., 23 декабря 1878 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 8. № 13. Л. 43, 45.

1879

282. Барсов Е.В. О рекрутских причитаниях / 336 публич. засед., 18 фев. 1879 г. // Историч. записка. Прилож. С. 142.

283. *Киреевский П.В.* Песни, собранные П.В. Киреевским // Ч. 1. Вып. 1–4. 2–е изд. М., 1868–1879.

1885

284. *Пругавин А.С.* Просьба в ОЛРС [А.С. Пругавин 7 марта 1885 г. просил снабдить его «открытым листом к местным властям» для собирания народных песен, преданий, былин и др. образцов народного творчества». Собранные материалы обещал представить в распоряжение Общества; Общество 19 апреля 1885 г. выдало свидетельство А.С. Пругавину в Тверскую, Ярославскую, Костромкую, Рязанскую и Калужскую губернии «для этнографического исследования и собирания народного песнетворчества по заранее составленной и одобренной Обществом программе. 19 апреля получено письмо Пругавина о плане этнографической экспедиции] – ОР РГБ. Ф. 207. П. 10. № 3. Л. 1–1 об.; № 1. Л. 11, 14 об.

1886

285. *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Баймаган. Киргизская сказка. Прочитала Л.Ф. Маклакова / 386 публич. засед., 7 декабря 1886 г. // Историч. зап. Прилож. С. 151.

286. Об изданиях Общества: [Напомнить Барсову о долге в 500 руб.] / 376 годич. засед., 1 марта 1886 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 10. № 4. Л. 7 об.

287. *Пругавин А.С.* Отзыв о народных песнях, собранных учителем Шумилиным в Массальском уезде Калужской губернии (Песен 49 и 2 прибаутки). [Постановлено послать копию с этого отзыва г. Шумилину. Просьба к Пругавину «составить программу собрания народных песен»] / 384 очеред. засед., 24 окт. 1886 г. // Историч. зап. Прилож. С. 151; ОР РГБ. Ф. 207. П. 23. № 20. Л. 1–2; П. 10. № 4. Л. 33.

288. *Шумилин А.* (учитель). Песни, собранные из Массальска / 382 очеред. засед., 19 мая 1886 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 10. № 4. Л. 37.

1889

289. *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Письмо с просьбой выдать ему от Общества открытый лист для собирания народных песен и сказок [Решено выдать] / 411 очеред. засед., 25 февр. 1889 г. // Историч. зап. Прилож. С. 142; ОР РГБ. Ф. 207. П. 10. № 16. Л. 3.

1891

290. *Барсов Е.В.* Сообщение о возвращении 500 руб. и благодарность Обществу за помощь / Протокол 428 обыкн. засед., 15 янв. 1891 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 11. № 5. Л. 1 об.

1894

291. *Миллер В.Ф.* Реферат о русских былинах [В прениях участвовали В.О. Ключевский, А.Н. Веселовский, А.И. Кирпичников, П.Д. Боборыкин, М.С. Корелин] / 456 очеред. засед., 28 сент. 1894 г. // Историч. зап. Прилож. С. 164; ОР РГБ. Ф. 207. П. 11. № 13. Л. 18.

1895

292. *Миллер В.Ф.* К былинам о Чуриле Пленковиче // Почин. 1895. С. 286–301.

293. *Милье Ахилл.* Письмо, при котором препровождена книга «Песни русского народа» («Les chants oraux du peuple Russe») / 464 очеред. засед., 23 февр. 1895 г. // Историч. зап. Прилож. С. 166; ОР РГБ. Ф. 207. П. 11. № 18. Л. 4.

294. Плач холопов прошлого века / Предисловие Н.С. Тихонравова // Почин. 1895. С. 9—14.

1896

295. *Миллер В.Ф.* Былина о Батые. Реферат. Замечания Д.И. Иловайского, М.С. Корелина, А.Н. Веселовского, Н.И. Стороженко, Н.А. Чаева / 473 очеред. засед., 24 февр. 1896 г. // Историч. зап. Прилож. С. 167; ОР РГБ. Ф. 207. П. 11. № 24. Л. 5; Почин. 1896. С. 348—371.

296. *Миллер В.Ф.* Доклад о песнях Киреевского, хранящихся в Московском Румянцевском музее / 473 очеред. засед., 24 февр. 1896 г. // Историч. зап. Прилож. С. 167; ОР РГБ. Ф. 207. П. 11. № 24. Л. 5.

1897

297. Щербина Н.Ф. Народные песни и ноты [Присланы Н.Ф. Щербиною. Решено дать их на рассмотрение Н.А. Янчуку] / 488 очеред. засед., 10 окт. 1897 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 11. № 28. Л. 10 об.

1900

298. *Грузинский А.Е.* Памяти Павла Васильевича Шейна (по поводу недавней его кончины) / 510 публич. засед., 1 окт. 1900 г. // Историч. зап. Прилож. С. 173.

1904

299. Об изданиях Общества [Секретарь (В.В. Каллаш) доложил о предполагаемом переиздании 5-го вып. песен П.В. Киреевского. Вопрос постановлено отложить до переговоров с В.Ф. Миллером] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 14. № 52. Л. 5 об.

300. *Янчук Н.А.* Н.Ф. Щербина и его бумаги [Янчук Н.А. сообщил краткие биографические сведения (Щербина умер в 1869 г.), отметил его интерес к народоизучению, заметил, что «научный интерес представляют только записи, сопровождаемые музыкальными напевами, иногда хорошо сохранившимися и вообще интересными». Предложил передать их в Музыкальную комиссию Этнографического отдела. Остальные бумаги — передать на хранение в Рукописное отделение Румянцевского музея. Принято Обществом] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 14. № 32. Л. 16.

1906

301. *Миллер В.Ф.* Предложение об избрании в д.ч. А.В. Маркова и включении его в Комиссию по изучению рукописи сборника лирических песен, собранных П.В. Киреевским, и хранящегося в Румянцевском музее. Предложение принято // ОР РГБ. Ф. 207. П. 15. № 22—27. Л. 1 об.

1908

302. *Грузинский А.Е.* Предложение приступить к изданию бумаг П.В. Киреевского, содержащих в себе записи русских лирических песен [Проф. В.Ф. Миллер выразил согласие взять на себя общее заведование

изданием и написать предисловие. В состав комиссии, кроме В.Ф. Миллера, изъявили согласие вступить: А.Е. Грузинский, С.О. Долгов, А.В. Марков, М.Н. Сперанский и Н.А. Янчук] / 575 закр. засед., 3 марта 1908 г. // Историч. зап. Прилож. С. 187; ОР РГБ. Ф. 207. П. 15. № 44. Л. 1.

303. *Грузинский А.Е.* Предложение о переиздании «Легенд» Афанасьева [«Легенды» почти полвека были запрещены и не переиздавались, а между тем сохранили научную ценность. Постановлено: просить Н.А. Янчука представить более точные соображения о составе и характере проектируемого издания. Отказались от издания, так как не найдены наследники, имевшие право на их издание] / 575 закр. засед., 3 марта 1908 г. // Историч. зап. Прилож. С. 187; ОР РГБ. Ф. 207. П. 15. № 45. Л. 1. (В архиве А.Е. Грузинского хранятся: Щепкина А.В. Воспоминания об Афанасьеве Александре Николаевиче. Б/д. // ЦГАЛИ. Ф. 126. П. 1. № 341. 7 л. Рук.; Материалы по подготовке сборника былин, собранных П.Н. Рыбниковым. Материалы к биографии Рыбникова. Совпадения Рыбникова и Гильфердинга. Листы из старых изданий былин и оглавление и др. Б/д. // ЦГАЛИ. Ф. 126. П. 1. № 68. 84 л.; Переводы, сказки, рассказы. «Волшебная бочка», «Счастье и несчастье» и др. Китайские сказки. Перевод. Б/д. // ЦГАЛИ. Ф. 126. П. 1. № 71; «О поэте Дореиде, его благородном характере и его любви к знаменитой поэтессе Тумандир Эль Ханза» Восточные сказки. Б/д. // ЦГАЛИ. Ф. 126. П. 1. № 77. 4 л.; «Охотники», «Лгало и подлыгало». Русские сказки. Б/д. // ЦГАЛИ. Ф. 126. П. 1. № 78. 2 л.; Русские песни и сказки, записи Грузинского А.Е. в Речинском уезде Минской губернии в 1891–1894 гг. // ЦГАЛИ. Ф. 126. П. 1. № 79. 65 л.; «Сон Махмеда», «Семеро глухих» и другие восточные сказки. Б/д. // ЦГАЛИ. Ф. 126. П. 1. № 80.)

304. О подготовительных работах Комиссии по изданию русских лирических песен, собранных П.В. Киреевским / 576 закр. засед., 27 сент. 1908 г. // Историч. зап. Прилож. С. 187; ОР РГБ. Ф. 207. П. 15. № 44. Л. 1 об.

305. *Марков А.В.* Отчёт комиссии по изданию песен, собранных П.В. Киреевским / 577 закр. засед., 8 нояб. 1908 г. // Историч. зап. Прилож. С. 187; ОР РГБ. Ф. 207. П. 15. № 46. Л. 1.

1910

306. *Сперанский М.Н.* Сообщение об отказе возвратить, а затем о возвращении Румянцевским музеем Обществу рукописей Киреевского [Решено выплатить гонорар Гершензону за статью о Киреевском, написанную для сборника песен] / 594 закр. засед., 6 марта 1910 г. // Историч. зап. Прилож. С. 191; ОР РГБ. Ф. 207. П. 17. № 1. Л. 3; № 3. Л. 5.

307. *Сперанский М.Н.* Сообщение о ходе работ по изданию песен Киреевского [Показаны образцы отпечатанных листов. Решено статью о Киреевском Гершензона заслушать на ближайшем заседании] / 596 закр. засед., 25 сент. 1910 г. // Историч. зап. Прилож. С. 192; ОР РГБ. Ф. 207. П. 2. № 4. 2 л.; П. 17. № 5. Л. 9.

1911

308. Поступления в библиотеку Общества [От Федьковича Осипа, бу-

ковинского народного поэта и беллетриста, гуцула, книга «Из галицко-русских рассказов», печ.] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 30. № 24. 12 л.

309. *Гершензон М.О.* Биография П.В. Киреевского / Засед. 30 апр. 1911 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 5. Л. 14.

310. *Киреевский П.В.* Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия / Под ред. В.Ф. Миллера и М.Н. Сперанского. Вып. 1–2. М., 1911–1929. (Вып.1: Миллер В.Ф. Предисловие; Гершензон М.О. П.В. Киреевский. Биография; Сперанский М.Н. П.В. Киреевский и его собрание песен).

311. *Миллер В.Ф.* Песни, собранные П.В. Киреевским. Из предисловия / Прочитал А.Е. Грузинский [Собрание выразило благодарность В.Ф. Миллеру и М.Н. Сперанскому за труды по обработке и изучению собрания песен П.В. Киреевского] / Закр. (с гостями) засед., 15 окт. 1911 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 17. № 9. Л. 5; П. 18. № 7. Л. 19.

312. О занятиях Общества [В библиотеку Музея 1812 г. посланы 10 выпусков песен П.В. Киреевского] / Отчёт Общества за 1911 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 5. Л. 13 об.

313. *Сперанский М.Н.* П.В. Киреевский и его собрание песен / Закр. (с гостями) засед., 15 окт. 1911 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 17. № 9. Л. 5; П. 18. № 7. Л. 19 об.

1912

314. *Князев.* Собрание частушек. [В Общество Князевым были предложены собранные им частушки. Решено: дать их В.Ф. Миллеру для ознакомления. Письмо В.Ф. Миллера: Частушки Князевым украдены, и вся эта история «мало внушает доверия»] / Засед. 16 марта и 21 апр. 1912 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 10–19. Л. 9 об., 13 об.; П. 32. № 47. 4 л.

315. *Маклакова Л.Ф.* Былина «Безумец» / Засед. от 15 дек. 1912 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 10–19. Л. 26.

316. *Сиповский В.В.* О северных сказках (по поводу сборника Н.Е. Ончукова) [В обсуждении приняли участие П.Н. Сакулин, В.В. Каллаш, Г. Соколов, Е.Н. Елеонская, А.Е. Грузинский] / Засед. 17 нояб. 1912 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 10–19. Л. 25–26.

317. *Сперанский М.Н.* Сообщение о песнях, собранных П.В. Киреевским, которых осталось на один том / Засед. 11 февр. 1912 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 10–19. Л. 5 об.

1913

318. *Князев.* Собрание частушек. [Приобретено 10 000 частушек у Князева. Решено создать комиссию для их издания в составе А.Е. Грузинского, Н.А. Янчука, Е.Н. Елеонской, Н.П. Сидорова. Князеву выдать сверх 200 р. ещё от 25 до 75 р.] / Засед. 9 марта и 6 апр. 1913. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 20–29. Л. 15., 16 об.

319. Об изданиях Общества [Предложено 2-й вып. песен Киреевского посвятить В.Ф. Миллеру. Председателем комиссии по изданию песен избран М.Н. Сперанский] / Засед. 23 ноября 1913 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 20–29. Л. 30 об.

320. *Сиповский В.В.* К вопросу о лиризме народной песни / Засед. 9 нояб. 1913 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 7. Л. 22 об.

321. *Сиповский В.В.* Наблюдения над эволюцией христианской лирики / Засед. 9 нояб. 1913 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 7. Л. 22.

1914

322. *Елеонская Е.Н.* О составе сборника сказок А.Н. Афанасьева (по поводу нового издания). [Доклад по Архиву Географического общества в Петербурге. Собрание В.И. Даля] / Засед. 15 марта 1914 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 34. Л. 1.

323. *Князев.* Собрание частушек [Издание частушек Князева отложить. Передать их на просмотр Н.Д. Янчуку] / Засед. 27 сент. 1914 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 36. Л. 1 об.

324. О занятиях Общества [Решено послать в Ясский университет (Румыния) на семинар по славистике по просьбе последнего песни Киреевского и все последние издания Общества]. / Засед. 29 нояб. 1914 г. — ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 36. Л. 1 об.

1915

325. *Кривополенова М.Д.*, исполнительница былин и скоморошин. О Добрыне и Змее Горынчище; Об Иване Грозном и его сыне Фёдоре; О Кострюке, старшем брате Марии Темрюковны; Скоморошина о Вавиле; Усишшы; Небылицы в лицах; Стих о Вознесении / Засед. 17 октября 1915 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 45–52. Л. 9.

326. *Соколов Ю.М.* Наблюдения над исполнением былин М.Д. Кривополеновой [Сообщены сведения о местности, откуда родом М.Д. Кривополенова, обрисована её жизнь до приезда в Москву, даны объяснения песням и скоморошинам о Вавиле, записанным только один раз г. Григорьевым] / Засед. 17 окт. 1915 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 45–52. Л. 9.

327. *Шергин.* Старообрядческие духовные стихи: О Василии и Снофеде(?); Несть спасенья в мире, несть; О Соловецком разорении; Древян гроб. [Песни эти им впервые были услышаны от удалившегося в пустынь водовоза Пафнутия и от крестьянки Натальи Петровны Бугаевой] / Засед. 17 окт. 1915 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 18. № 45–52. Л. 9.

1916

328. *Озаровская О.Э.* Жена-еретица. Сказка, драматич. произведение [В обсуждении приняли участие Б.М. Соколов, А.Е. Грузинский, П.Н. Петровский, Н.А. Янчук] // ОР РГБ. Ф. 207. П. 19. № 2–3. Л. 2.

329. *Соколов Б.М.* Труды Е.В. Барсова по русской народной словесности. К 80-летию со дня рождения Бугаевой / Засед. 12 нояб. 1916 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 19. № 2–3. Л. 1.

1918

330. Об изданиях Общества [Вышел 2-й вып. песен Киреевского. Решено увеличить цену 1-го вып. до 5 руб., вып. 2-го до 4 руб.] / Засед. 1 июня 1918 г. // ОР РГБ. Ф. 207. П. 19. № 10–18. Л. 1.

1922

331. *Грузинский А.Е.* Доклад на траурном заседании памяти Н.А. Янчука, с приложением собранных Янчуком белорусских песен и нот к ним // ЦГАЛИ. Ф. 126. П. 1. № 37. 16 л. Рук.

1928

332. *Сакулин П.Н.* Материалы по изданию песен, собранных П.В. Киреевским // ОР РГБ. Ф. 264 Сак. П. 77. № 10. 37 л. (Корректура. 6.VII.28. «Наука и просвещение». «Песни необрядовые». Предисловие П.Н. Сакулина. Издание ОЛРС, 1928; л. 25: Черновая опись Собрания песен П.В. Киреевского, составленная П.И. Якушкиным и В.А. Елагиным; Л. 26: текст для издания, этот список издаётся из архива П.И. Щукина; в составлении указателя корректуры принимал участие А.Д. Седальников, М. Сперанский).

333. *Сперанский М.Н.* Предисловие [На основе собрания П.В. Киреевского вышли: 1) «Русские народные стихи». Ред. П.В. Киреевский // Чтения ОИДР, 1848, кн. 9; 2) «Калики перехожие». Ред. П.А. Бессонов. Вып. 1–6. М., 1861–1864. 3) Песни, собранные П.В.Киреевским. Ред. П.А. Бессонов. Вып. 1–10. М., 1861–1874; 4) Песни, собранные П.В. Киреевским. Ред. П.А. Бессонов. Вып. 1–4. 2-е изд. М., 1868–1874; 5) Белорусские песни. Ред. П.А. Бессонов. М., 1871; 6) Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Ред. В.Ф. Миллер и М.Н. Сперанский. Вып. 1–2 (Ч.1 и 2). М., 1911, 1917, 1929; 7) Пушкин как поэт-этнограф. В.Ф. Миллер. Этнографическое обозрение. 1899; 8) К истории собрания песен Гоголя. М.Н. Сперанский. Нежин, 1912. Архивом Киреевского пользовались «Русская Беседа, 1856 г.; Н.О. Лернер, Н. Трубицын и др. Архив Киреевского поступил в ОЛРС и сейчас находится в Ленинской библиотеке, но небольшая часть была передана для обработки П.А. Бессонову (умер 22.11.1898) и попала в архив П.И. Щукина, который передан в Государственный исторический музей в Москве. Этот материал вошёл во 2-ю часть 2-го вып. Опущены песни, взятые Киреевским из старинных печатных песенников] // ОР РГБ. Ф. 264 Сак. П. 77. № 10. Л. 35.

334. *Сакулин П.Н.* Записи [Осенью 1917 г. должен был выйти последний 2-й вып. песен, собранных Киреевским. Октябрьская революция приостановила издание. Вышла только 1-я часть 2-го выпуска объёмом 8 п. л. «Общество считает своим долгом засвидетельствавать, что оно могло закончить свой многолетний научный труд лишь благодаря материальной и правительственной поддержке, которую оказала ему Главнаука Наркомпроса в лице Ф.Н. Петрова и М.П. Криста, а затем Главискусство в лице А.И.Свидерского и Л.Л.Оболенского. 4 мая 1929 г.] // ОР РГБ. Ф. 264 Сак. П. 77. № 10. Л. 32.

1929

335. *Киреевский П.В.* Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия / Под ред. В.Ф. Миллера, М.Н. Сперанского. Вып. 1, 2: Ч. 1 и 2. М., 1911, 1917, 1929.

Р.М. Коломцева

В ДОМЕ ДАЛЯ СЕГОДНЯ

Жить – это знать
В.И. Даль

Владимир Иванович Даль вошёл в отечественную науку и культуру как выдающийся лексикограф, создатель «Толкового словаря живого великорусского языка», писатель, этнограф. В 1859 г. В.И. Даль, уже известный писатель, действительный статский советник, выйдя в отставку, переехал из Нижнего Новгорода в Москву и поселился с семьёй в доме у Пресненских прудов (ныне Б. Грузинская ул., д. 4/6). В.И. Далю очень понравилась местность, где был расположен особняк. Стоял он на небольшом холме, с которого открывался прекрасный вид на Пресненские пруды. Этот дом с колоннами, высокими окнами и террасой главенствовал над всей местностью. За домом был парк, доходивший до нынешней Садово-Кудринской улицы. Вековые липы этого парка сохранились до наших дней. Дом был построен в 1780 г. князем М.М. Щербатовым, автором семитомной «Истории Российской от древнейших времён», доведённой им до начала XVII века.

Именно в этом доме (его прежний адрес: Пресня, 475) В.И. Даль подготовил к изданию своё первое полное собрание сочинений в 8 томах (1861), сборник «Пословицы русского народа» (1862) и завершил труд всей своей жизни «Толковый словарь живого великорусского языка» (1860–1866). У В.И. Даля часто бывали М.П. Погодин, А.Ф. Вельтман, С.Т. Аксаков с сыновьями, А.Ф. Писемский, Б.Н. Алмазов, П.М. Третьяков, В.Г. Перов и многие другие видные деятели русской истории и культуры. Писатель П.И. Мельников-Печерский, проживший несколько лет во флигеле этого дома, написал здесь роман «В лесах».

Владимир Иванович Даль умер 22 сентября 1872 г. Похоронен он на Ваганьковском кладбище. Дом, в котором В.И. Даль прожил свои последние, особенно плодотворные, тринадцать лет, стало принято называть Домом Даля. Сын В.И. Даля, Лев Владимирович Даль, академик архитекту-

ры, первооткрыватель памятников русского деревянного зодчества, реконструировал этот дом, внеся в его облик элементы деревянного зодчества, сохранив при этом характерные особенности классицизма, в результате чего дом стал оригинальным, неповторимым особняком Москвы 70-х гг. прошлого столетия.

Последующая судьба Дома Даля складывалась непросто. Деревянный особняк, чудом сохранившийся во время пожара 1812 г., пережил ещё много невзгод. Весной 1942 г. рядом с домом упала фашистская фугаска, но не взорвалась. Когда сапёры её обезвредили, то оказалось, что она начинена вместо взрывчатки песком, и чья-то добрая дружеская рука вложила туда чешско-русский словарь.

Из-за современной застройки этого уголка Москвы Дом Даля оказался во дворе административного здания, поэтому стал невидимым со стороны Б. Грузинской улицы. К 1960-м гг. Дом пришёл в такое ветхое состояние, что его считали утраченным. Над зданием нависла угроза сноса. Московское городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (МГО ВООПИиК) забило в набат.

За сохранение Дома Даля выступили известные деятели науки и культуры: архитектор-реставратор П.Д. Барановский, академики И.Г. Петровский, Д.С. Лихачёв, И.В. Петрянов-Соколов, Б.А. Рыбаков, писатели И.Л. Андроников, Л.М. Леонов, Н.С. Тихонов, художник А.А. Пластов и другие. Молодёжные посты спасали дом от бульдозеров. И Дом был спасён для современников и будущих поколений. 17 мая 1971 г. по решению Мосгорисполкома он был передан Центральному филателистическому агентству («Союзпечать») и отреставрирован по проекту архитектора В.В. Виноградова в облике 70-х гг. XIX в. согласно сохранившимся подлинным чертежам. В решении о Доме Даля предусматривалось выделение в нём двух комнат для размещения музейной экспозиции о жизни и деятельности В.И. Даля.

В 1992 г. на фасаде Дома Даля установлена охранно-мемориальная доска с текстом: «Памятник истории. В этом доме в 1859–1872 гг. жил и работал Владимир Иванович Даль, лексикограф, этнограф, писатель, создатель «Толкового словаря живого великорусского языка». Охраняется государством». Охранно-мемориальная доска исполнена по ини-

циативе МГО ВООПИиК силами мастеров Реставрационной ассоциации за счёт средств Главного управления охраны памятников истории и культуры Москвы. Она как исторический документ свидетельствует о признании нашими современниками значительного вклада Владимира Ивановича Даля в сокровищницу русской истории и культуры. По установившейся традиции посетители осматривают Дом Даля как объект музейного показа: паркет из цветного дерева, печи, облицованные керамикой начала XIX в. с живописными узорами; знакомятся также с характерными особенностями классицизма в оформлении дома и элементами деревянного зодчества: с резным орнаментом на фронтонах здания и двумя входами с нарядными крылечками, исполненными из дерева.

В 1981 г. в связи со 180-летием со дня рождения В.И. Даля общественность остро поставила вопрос перед государственными органами о необходимости создания музея В.И. Даля, Главное управление культуры Мосгорисполкома в специальном письме в Краснопресненский райисполком сообщило о передаче вышеназванных двух комнат Краснопресненскому отделению МГО ВООПИиК в целях создания в них музея В.И. Даля согласно решению и о получении принципиального согласия Института русского языка АН СССР и Государственного литературного музея оказать необходимую помощь в создании музея В.И. Даля.

Государственные органы Краснопресненского района Москвы отреставрировали в Доме В.И. Даля выше названные две комнаты, завезли соответствующее оборудование для создания в них музейной экспозиции и рекомендовали Краснопресненскому районному отделению Общества охраны памятников получить в Бюро технической инвентаризации ордер на эти две комнаты в Доме Даля, определить место работы ответственного секретаря районного отделения МГО ВООПИиК в этих комнатах и «принять все необходимые меры для создания Музея В.И. Даля» и позже — «решить вопрос о создании Музея В.И. Даля». Таким образом, Краснопресненское районное отделение МГО ВООПИиК наряду со своими основными обязанностями приступило на общественных началах к работе по созданию музейной экспозиции, отражающей жизнь и деятельность В.И. Даля. В дальнейшем в решении многих задач, возникавших перед музеем, помогали и государственные органи-

зации. Мы признательны А.Г. Бочарову — бывшему главе районной управы «Пресненское» и его заместителям, умевшим поддержать начинания нашей общественности не только морально, но и материально. Мы благодарны также настоящему хозяину Дома Даля Л.К. Манукяну — генеральному директору издательско-торгового центра «Марка» Министерства Российской Федерации по связи и информации и вверенному ему коллективу сотрудников.

В основу метода создания Музея В.И. Даля были положены закон Российской Федерации «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и «Устав Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры», а также накопленный уже опыт в деле выявления, охраны и пропаганды знаний о памятниках истории и культуры нашего Отечества. В работе по созданию музейной экспозиции вместе с нами трудилась группа энтузиастов, опытных высококвалифицированных специалистов, богатых духовно и нравственно, одержимых желанием знать глубже и больше о творческом наследии В.И. Даля и осознанием необходимости того, чтобы об этом наследии знали другие и, прежде всего, молодёжь. В нашей работе нас консультировала д.ф.н., ст. науч. сотр. ИРЯ РАН, лексикограф Смолицкая Галина Петровна. В результате кропотливой работы в библиотеках, архивах и в личных собраниях книголюбов, потребовавшей много времени и сил, была создана научно-популярная иллюстративная выставка по следующему научно-методическому плану: 1. История Дома Даля; 2. Основные даты жизни и деятельности В.И. Даля; 3. В.И. Даль — лексикограф, создатель «Толкового словаря живого великорусского языка»; 4. В.И. Даль — писатель; 5. В.И. Даль — этнограф; 6. Фотовоспроизведение портрета В.И. Даля художника В.Г. Перова; 7. Витрина, в которой представлены: а) «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (М., 1955); б) Сборник «Пословицы русского народа» В.И. Даля (М., 1957); в) В.И. Даль «Полное собрание сочинений» в 10 томах (СПб.; М., 1897).

С признанием значимости труда создателей научно-популярной выставки пока в одной комнате выступили представители государственных органов. Она была одобрена Главным управлением культуры Мосгорисполкома, Научно-методическим отделом Музея истории и реконструкции Москвы, Отделом культуры Краснопресненского райсове-

та. На основании акта от 26 сентября 1986 г. выставка «могла быть использована в научно-просветительской работе». Выставка вызвала большой интерес у посетителей, которые в Книге отзывов благодарили создателей выставки, для большинства из них в Музее В.И. Даля была открыта новая, ранее для них мало известная, страница истории науки и культуры нашего Отечества.

Средства массовой информации отмечали, что «выставка с первого взгляда скромна, но при внимательном знакомстве с её материалами можно составить полное представление о многогранном таланте замечательного русского учёного — В.И. Даля». Вместе с этим общественность выражала надежду на то, что со временем многогранное наследие В.И. Даля будет освещено полнее и шире.

В целях дальнейшей научно-исследовательской и более широкой научно-просветительской работы среди населения Москвы и гостей столицы председатель Президиума Совета МГО ВООПИиК Сергей Владимирович Королёв издал приказ, согласно которому: 1. Музейная комната В.И. Даля была введена в систему МГО ВООПИиК и 2. Была выделена штатная единица — директора Музея В.И. Даля, которым была назначена Раиса Михайловна Коломцева — историк-архивист, заслуженный работник культуры России, бывшая ранее ответственным секретарём Краснопресненского отделения г. Москвы ВООПИиК. С этого времени Музейная комната В.И. Даля работает в системе МГО ВООПИиК на правах его подразделения с последовательным участием и поддержкой С.В. Королёва. Эти меры дали возможность Музею развиваться, искать новые формы работы.

По материалам выставки был подготовлен и в 1995 г. издан буклет «Золотое звено Владимира Ивановича Даля». К буклету постоянно проявляют интерес посетители, особенно молодёжь, преподаватели и учащиеся учебных заведений, школ. Наново был оформлен интерьер музейной комнаты, приобретена соответствующая мебель, необходимое оборудование: телевизор, магнитофон, расширили, конечно, работу с посетителями. При содействии д.ф.н., заведующей Сектором лексикографии и лексикологии ИРЯ РАН Г.А. Богатовой был сформирован Научно-методический совет из числа высококвалифицированных специалистов, готовых оказать конкретную помощь Музею. Для актива из студенческой молодёжи был прочитан цикл лекций по темам: 1. Майя Бессараб (писа-

тельница, автор книги «В.И. Даль», М., 1972) «О жизни и деятельности В.И. Даля»; 2. Д.ф.н. Г.А. Богатова «Картотека русского языка XI–XVII вв.»; 3. К.ф.н. Е.И. Державина «Теория и практика составления словарей»; 4. К.ф.н. Е.И. Костинский «В.И. Даль – создатель «Толкового словаря живого великорусского языка»» и др.

Совместно с дирекцией Учебно-педагогического колледжа № 5 и его преподавателями русского языка и литературы была проведена работа по подготовке экскурсоводов из числа студентов для проведения экскурсий. 25 апреля 1998 г. в этом колледже прошли первые Далевские чтения, что положило начало научно-исследовательской работе по изучению творческого наследия В.И. Даля среди молодёжи.

С группой специалистов-энтузиастов библиографами В.В. Сорокиным, К.С. Левитиной, историком-архивистом А.В. Котовым и художниками М.Л. Харитоненко и В.М. Черченцевым, начиная с 1997 г., мы осуществили большой комплекс работ по подготовке стенда «А.С. Пушкин и В.И. Даль» к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина (1999 г.) и к грядущему 200-летию В.И. Даля (2001 г.). Мы благодарны нашим коллегам из Петербурга, Оренбурга и Н. Новгорода, которые живо откликнулись на наши просьбы и передали в Музей для экспозиции фотоснимки и необходимую литературу, отражающую исторические памятные места встреч великих сынов нашего Отечества Пушкина и Даля, которых объединяла искренняя дружба и любовь к Русскому народу и его высшей ценности – русскому языку.

В создании «Толкового словаря живого великорусского языка» Далю помогали многие писатели, в том числе и Пушкин, о чём не раз говорилось на заседаниях Общества любителей российской словесности при Московском университете, помогавшего В.И. Далю в издании словаря. В.И. Даль «Напутное слово» к словарю впервые произнёс 21 апреля 1861 г. на заседании Общества в Актовом зале Московского университета (снимок здания МГУ, что на Моховой, 9, помещён на стенде). Владимир Иванович Даль вспоминал: «А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладою он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений – я не раз бывал свидетелем».

К 200-летию со дня рождения В.И. Даля мы значительно расширили экспозицию, отражающую работу В.И. Даля над созданием Словаря. Ныне в экспозиции представлены экспонаты, свидетельствующие о том, что Словарь был создан на базе двух источников: на материале уже изданных словарей и на собранных Далем лично словах. Это отражают фотоснимки: с факсимильного издания «Остромирова Евангелия» 1056–1057 г. (М.; Л., 1988), «Словаря» 1282 г., «Азбуковника» XVII в., «Словаря русского языка XI–XVII вв.», «Российского целлариуса, или Этимологического русского лексикона» 1771 г. (в этом труде впервые фиксируется слово «Словарь»), «Словаря Академии Российской» (СПб., 1789–1794), «Словаря церковнославянского и русского языка» (СПб., 1847), «Областного великорусского словаря» (СПб., 1847). Здесь же помещён и «Словарь древнерусского языка» И.И. Срезневского (СПб., 1893–1912), материалы которого были использованы Далем до его издания. Тем самым экспозиция показывает как из глубины веков тянется неразрывная, единая, нескончаемая цепь словарей, каждый из которых был знаменательным событием в общественной жизни нашего государства, в истории науки, русского языка, в русской лексикографии, являясь одновременно свидетельством интеллектуальной мощи наших соотечественников и частью мировой цивилизации.

В размещённых в этой витрине текстах в краткой и ёмкой форме освещены приёмы и методы собирания лексического и этнографического материала самим В.И. Далем и его друзьями-единомышленниками. Но усилия Даля и его друзей были бы недостаточны, если бы Даль не прибегал ещё к одному важному способу сбора лексического материала. Литературная известность В.И. Даля в 40–50-х гг. XIX в., занимаемое им высокое положение и широкое знакомство с представителями различных общественных кругов дали ему возможность подготовить и разослать «Этнографический циркуляр» — обращение ко всем должностным лицам России. Циркуляр был опубликован в «Записках Императорского русского географического общества», в «Отечественных записках», «Москвитянине», «Московских ведомостях». В.И. Даль просил составлять и собирать «описания местных обрядов, поверий, годов жизни, семейного и домашнего быта простолюдина, пословицы, поговорки, присловия, похвалки, присказки, прибаутки, бай-

ки, побаски, притчи, сказки, былины, предания, загадки, скороговорки, причитания, песни, думы, рассказы о нраве и быте, простонародный язык в выражениях своих, оборотах, слоге, складе и словах (с показанием ударения), обычаи, обряды, игрища, игры, празднества, месяцеслов земледельца, особенности в промыслах и занятиях, поверья, суеверья, приметы, заклятия, заговоры, волховство, волшебство, знахарство, колдовство, народное врачевание, зелья, привески, ладанки и прочая и прочая и прочая». Оговаривалось, что «чем ближе и вернее сведения эти будут описаны со слов народа, тем они будут драгоценнее».

«Этнографический циркуляр» находил горячий отклик на местах. Он распространялся в течение 25 лет. Весь поступавший словарный материал Даль с помощью своих друзей и сослуживцев бережно обрабатывал. Это в целом явилось вторым источником для словаря. Вместе с тем, благодаря такому методу и широкому размаху по привлечению образованных служащих по всей стране, был собран тот огромный лексический и этнографический материал из живой стихии языка, из уст самого народа, который сделал Словарь В.И. Даля неповторимым.

На стенде (планшете), отражающем многолетнюю работу В.И. Даля над Словарём, можно видеть фотовоспроизведение бережно хранимой В.И. Далем картотеки Словаря, которую нам удалось найти. Ныне она хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. В небольших ящиках тысячи карточек с записями слов, их значений и употреблений в разных губерниях России. Некоторые из них показаны в экспозиции с пояснениями метода создания картотеки. М.К. Станишева, родственница Даля, вспоминала: «Каждое слово В.И. Далем записывалось вместе с объяснением к нему на листке бумаги (1/16 листа). Эти листки собирались в довольно толстые пачки, перевязывались нитками и складывались в картонные коробки (35 см) открытые сверху, которые склеивались самим Далем». На стенде фотовоспроизведено первое издание Словаря 1863–1866 гг.

Словарь В.И. Даля содержит около 200 000 слов, более 80 000 из них собраны В.И. Далем впервые. Он собирал, по возможности, все слова русского языка. Наряду с лексикой литературного языка первой половины XIX в., т. е. языка Пушкина и Гоголя, в словаре представлены общенародные,

областные слова, а также терминология разных профессий и ремёсел. Словарь содержит громадный иллюстративный материал, в котором первое место принадлежит пословицам и поговоркам, их в Словаре более 30 000. Использование для объяснений значений слов многочисленных синонимов, пословиц, поговорок, наконец, объяснение бесчисленного количества реалий народного быта составляют как бы второй этнографический план словаря.

Многолетняя работа над созданием Словаря помогла Далю выступить и как лингвисту-теоретику: в работе «О наречиях русского языка» (1852) он предложил классификацию русских диалектов, т. е. В.И. Даль стоял у истоков диалектологии как научной дисциплины.

Славу свою за создание Словаря В.И. Даль заслужил при жизни, что и отмечено в экспозиции Музея. В 1867 г. члены Общества любителей российской словесности при Московском университете во главе с председателем пришли к Далю в его дом на Пресне, и просили его оказать Обществу высокую честь — принять звание почётного члена.

За подготовку Словаря В.И. Даль был удостоен Ломоносовской премии Академии наук и звания почётного академика. Географическое общество наградило В.И. Даля золотой медалью. Дерптский университет присудил бывшему своему питомцу премию за успехи в языкознании.

На стенде приведены слова и нашего выдающегося современника, академика В.В. Виноградова, чьё имя теперь носит ИРЯ РАН: «Как сокровищница меткого народного слова, Словарь Даля всегда будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком».

В музейной экспозиции представлена и такая реликвия, как книга из личной библиотеки В.И. Даля. Это альбом картин на 51 листе, рисованных известным художником А.П. Сапожниковым. Это иллюстрации к повести, шуточному рассказу В.И. Даля «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета». Книга была подарена музею правнучкой В.И. Даля О.В. Станишевой, как и фотоснимки из семейного альбома, представленные рядом с книгой.

Материалы музейной экспозиции отражают также и международное значение творческого наследия В.И. Даля как лексикографа, писателя и фольклориста. На выставке

экспонируется книга на немецком языке, содержащая переписку В.И.Даля в 1847–1852 гг. с немецким учёным этнографом Августом фон Хакстхаузеном по вопросам диалектологии русского языка. Книга подарена Музею Готфридом Кратцем, научным работником Университетской библиотеки города Мюнстера во время его посещения Музея в 1988 г. Перевод книги осуществлён Е.Н. Громыхиной, преподавателем гимназии № 1520.

Фонды музея постоянно пополняются. Среди новых поступлений – предметы, представляющие большую ценность. В канун 200-летия со дня рождения В.И. Даля поступил 4-х томный «Толковый словарь живого великорусского языка» – это один из 300 экземпляров, изданных при жизни В.И. Даля в 1863–1866 гг. Названное издание как ценнейший уникальный экспонат займёт достойнейшее место в экспозиции музея в ряду иных прижизненных книг В.И. Даля.

В конце 1871 г. к В.И. Далю явился известный уже всей Москве П.М. Третьяков и убедил его позировать художнику В.Г. Перову, которому он заказал его портрет на память потомкам о великом труженике. Через полгода портрет был закончен. В музейной комнате – портрет В.И. Даля, исполненный В.Г. Перовым. Это фотокопия. Оригинал находится в Третьяковской галерее. Мы, глядя на портрет, видим, как из массивного, домашнего, академического кресла светло и благостно смотрит на нас седой, длиннобородый старик. Его глаза излучают силу ума и силу духа. Даль изображён в покое. Жизнь его сложилась в совершенное здание. Он стремился к цели и достиг её. Мы знаем эту цель – это четырёхтомный Словарь.

Музей В.И. Даля посещают рабочие, служащие, организованно группами учащиеся со своими учителями. В заключение встречи кто-либо из юных посетителей зачитывает изречение В.И. Даля, приведённое в экспозиции: «Живой народный язык, сберёгший в жизненной свежести дух, который придаёт языку стойкость, силу, ясность, цельность, красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи», затем напоминание И.И. Срезневского: «Словарь отечественного языка есть одна из самых необходимых настольных книг для всякого образованного человека. Хороший словарь должен удовлетворять каждого из тех, кто к нему прибегает. Чем образованнее народ, чем значительнее в нём масса людей

просвещённых, тем у него лучше, богаче, полнее, удовлетворительнее словарь его языка. Равнодушие, ленивое или невежественное, одно не нуждается в словаре; напротив того, образованность не постыдится никогда брать в руки словарь и останавливаться на объяснении слов, неизвестных или не совсем понятных». После обмена мнениями о прочитанном с большим интересом посетители знакомятся с приветствием Музею В.И. Даля академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва: «В Музей В.И. Даля в Москве. Сохранить русский язык — это сейчас самая важная задача русской культуры. Сохранить можно только с помощью словарей русского языка и в первую очередь — Словаря Даля. Пользоваться словарями нужно приучать детей с самого раннего возраста. И на примере Владимира Ивановича Даля — учить детей любить свой язык! Если датчанин Даль так любил русский язык, что посвятил ему свою жизнь, то как же сильно должны мы любить русский язык! Дм. Лихачёв. 18.I.96». (На бланке: Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград, наб. Макарова, д. 4).

Итак, созданный силами и за счёт средств Московского городского отделения Всероссийской общественной организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Музей Владимира Ивановича Даля работает. Музей скромен, однако, экспозиция музея, пояснительный текст экскурсовода и телевизионный фильм о В.И. Дале отражают самое главное, самое существенное и актуальное в богатейшем творческом наследии нашего великого соотечественника Владимира Ивановича Даля и вызывают благодарные, восторженные отзывы у посетителей музея: москвичей, гостей столицы и особенно у молодёжи.

А.Н. Тихонов

ДАЛЕВСКИЙ СПОСОБ ГНЕЗДОВАНИЯ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ И РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Словарь В.И. Даля содержит около 200 000 слов. В русской лексикографии он имеет самый большой словник. При его составлении В.И. Даль добросовестно и придирчиво проанализировал словники всех имеющихся словарей. По поводу формирования словника он писал: «При обработке словаря своего составитель его следовал такому порядку: идучи по самому полному из словарей наших, по академическому, он пополнял его своими записями; эта же работа пополнялась еще словарями: областным академическим, Бурнашёва, Анненкова и другими, все это сводилось вместе, на очную ставку, иногда, по словопроизводству, делались справки у Рейфа и Шимкевича, и затем, собрав слова по гнёздам, составитель пополнял и объяснял их по запискам своим и по крайнему своему разумению, ставя вопросительные знаки где находил что-либо сомнительное».[1]

В академическом словаре зафиксировано 114 749 слов. Из них В.И. Даль отобрал около 100 000. «Из прочих словарей добавлено может быть, до 20 т.; сколько слов пополнено вновь из записок моих, я могу сказать только по окончании своего труда, но знаю, что их будет никак не менее 70-ти и до 80-ти т.»[2]

Словники существовавших словарей плохо отражали современную лексику. Они нуждались в существенных дополнениях. Как отмечает В.И. Даль: «При самых простых, обиходных глаголах, в словарях наших недостаёт половины производных:

При гл. *давать* у меня добавлено, противу других словарей 11 слов: *дажба* (давание), *дачница, давица, даватель, -ница, датчик, -чица, даятельный, дательный, дательствовать, давасы,* литки, магарычи.

При гл. *давить,* 14 слов; при гл. *досиживать,* 12; при гл. *жалеть*, 19; при гл. *дарить,* 26; при гл. *жать*, 14; *жевать*, 17; *жечь*, 10; *гнести,* 13; при сущ. *голос*, 11 слов; при *глина*, 12; при *год,* 17 и т.д. Я не выбираю на выбор, а беру примеры сподряд» (с. XXXIX).

В этом направлении в словаре проделана огромная и очень кропотливая работа по сбору слов, проверке их в словарях и размещению собранного материала по гнёздам, разработке найденных слов. Все это делалось впервые в нашей лексикографии.

Необходимо отметить, что все заимствованные из разных источников слова глубоко проработаны В.И. Далем семантически. При их разработке в словаре он добавил много значений: «Независимо от пополненного, противу прочих словарей, числа слов, много прибавлено объяснений, по различным значениям. Казалось неудобным показывать число этих значений резким их разделением, цифрами, а потому они отделены одно от другого знаком (| |)»[3].

В.И. Даль хорошо продумал условия и принципы отбора слов из разнообразных источников, и они строго соблюдались. По его мнению «прибавка состояла вся из слов коренных или неслыханных доселе областных выражений; напротив, девять десятых из них простые, обиходные слова, не попавшие только доселе в наши словари именно по простоте, по безвычурности и обиходности своей: словари набирались из книг, а книги пишут, взбираясь на ходули и подмостки. Мы с неба звезды хватаем, а под ногами ничего не видим»[4].

В.И. Даль стремился как можно полнее охватить лексику ж и в о г о великорусского языка: «Желание собирателя было составить словарь, о котором бы можно было сказать: «Речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные; обиходные, научные, промысловые и ремесленные; иноязычные усвоенные и вновь захожие, с переводом; объяснение и описание предметов, толкование понятий общих и частных, подчиненных и сродных, равносильных и противоположных, с одно(тожде)словами и выражениями окольными; с показанием различных значений в смысле прямом и

переносном или инуречиями; указания на словопроизводство; примеры, с показанием условных оборотов речи, значениями видов глаголов и управления падежами; пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и пр.»[5]

Говоря о составе словаря В.И. Даля, необходимо привести ещё одно высказывание: «Торговые, промышленные и ремесленные выраженья, сколько мне удалось собрать их, помещены без изъятий, но собранье это далеко не полно; от этого, местами, вышла несоразмерность: одно мастерство описано полнее, другое только по верхам. Чем выравнивать несообразность эту выключкою избыточного, лучше выждем, чтобы кто-нибудь исправил её добавкою опущенного»[6].

Диапазон охвата русской лексики оказался необычайно широк, но это наилучшим образом обеспечивало полноту гнёзд. А для составителя гнездового словаря это самое желанное условие. Просто несбыточная мечта.

Словарь В.И. Даля вошел в историю русской лексикографии как гнездовой словарь. До него в нашей лексикографии уже были оба типа размещения гнёзд в толковом словаре — гнездовой и алфавитный. По гнездовому принципу построен «Словарь Академии Российской» (СПб., 1789–1794), созданный под руководством и при авторском участии Е.Р. Дашковой. В словаре 43 257 слов. Словарь был переиздан. При этом был принят в нём азбучный порядок расположения слов. «Первая часть издана в 1806, а шестая и последняя в 1822 году, содержит в себе 51 388 слов» [«Словарь церковнославянского и русского языка». СПб., 1867. С. X].

Однокоренные слова даются в словаре в одной словарной статье. В качестве заголовочного (исходного) выступает производное слово. Примеры:

ГЛУПЫЙ

Г л у п ы й, -пая, -пое. Глуп, -па, -по. Умен.: г л у п е н ь к и й, -кая, -кое. Глупенек, глупохонек, -ньки, -нько. Прил. Несмыслённый, бестолковый, безрассудный. *Глупой человек. Глупой слуга. Девочка глупохонька.*

Г л у п е ц, -пца, с.м. Дурак, безрассудный, нессмысленной, бестолковой. *Едакой глупец.*

Г л у п о с т ь, -сти, с.ж. 1) Дурачество, безумие, незнание, несмысленность. Качество глупого, несмысленного человека. *Глупость человечества столь велика, что...* 2) Означает также и самое глупое, безрассудное дело, поступки глупого. *Эдакая глупость. Сделать глупость.*

Г л у п о, *глупенько*, нар. Безумно, безрассудно, несмысленно. *Поступает глупо. Это сделано глупо.*

Г л у п о в а т ы й, -тая, -тое. Глуповат, -та, -то. Прил. Несколько глуп, дураковат, и по большей части употребляется в усечённом окончании.

Г л у п о в а т о, нар. Несколько глупо, дураковато, плоховато.

Г л у п е ю, -ешь, -петь, гл. ср. Глупым, дураком, делать, становлюсь.

О Б Е Д

О б е д, -да и умал. О б е д е ц, -дца. с.м. 1) Время около полудня, назначенное для вкушения пищи. *Время обеда. Перед обедом, после обеда, в продолжении обеда.* 2) Самая пища, приготовленная к обеду. *Великолепной, умеренной обед.*

О б е д е н н ы й, -ная, -ное и о б е д н и й, -няя, -нее. Прил. Принадлежащий, относительный к обеду. *Обеденный стол. Обеденное время.*

О б е д а ю, гл. ср. Обедаю, -ешь, -дать, гл. ср. Употребляю пищу во время обеда. *Время обедать.*

О б е д а н и е, -ния, с. ср. Употребление в обед пищи.

О т о б е д а т ь, -бедал, -даю, гл. ср. недост. 1) Окончить обед. *Отобедали во втором часу.* 2) То же, что о б е д а т ь. *Прошу ко мне вместе отобедать.*

П о о б е д а т ь, -бедал, -даю, гл. ср. То же, что о т о б е д а т ь.

В предисловии отмечается, что академия расположила слова «по чину словопроизводному», «ибо через оный корень, сила, различное в разных случаях употребление, сложность, уклонение или прехождение в другой смысл, преносительность, и иносказательность слов и зависящих от них речей, в одном толкуются и объясняются вместе» (с. X). Здесь же излагаются вопросы составления г н е з д о в о г о толкового словаря: состав словаря, место в нём заимствованных и областных слов, устаревших или устаревающих слов, принципы отбора слов с приставкой *не-*, выбора исходных слов, порядок размещения производных слов и др.

Гнёзда часто комплектуются по этимологическому принципу. В одно гнездо сплошь и рядом объединяются слова, связанные по происхождению, но уже окончательно утратившие смысловые связи. Ср., например: *ветую, ветия, витияя, витиеватый, витиевато, витийский, витийствую;*

завет, заветный, ветхозаветный, новозаветный...; изветую, извет; наветую, навет, наветник...; обетовать, обетование, обет, обетный; ответ, ответный, ответчик, отвечака...; соответствую, соответственный...; приветник, привечаю, привет, приветливый...; развет и др. Из них искусственно извлечён корень вет (как общая часть родственных слов) и помещён в начале гнезда в качестве исходного слова.

Такое смешение этимологии с синхронным словообразованием объясняется прежде всего состоянием развития лингвистики того времени, когда еще даже не обсуждались принципы определения границ диахронии и синхронии. Как объект дискуссии они были выдвинуты в 20-е годы XIX века Обществом любителей российской словесности при Императорском Московском университете, которое опубликовало в своих «Трудах» «Правила для составления русского производного словаря» и пробные статьи для такого Словаря. Примеры гнёзд: ЖИДКИЙ. Ум. жиденький, жидковатый, жидко. Ум. жиденько, жидковато, жижа. Ум. жижица, жидеть, отжидеть, пережидеть, разжидеть, разжиделый, жидить, пережидить, разжидить, разжижение. ЖЁЛТЫЙ. Жёлтенький, желтёхонький, желтёхонек, желтёнок, жёлто, жёлтенько, желтёхонько, желтоватый, желток, ум. желточек, желчь, желчный, желтуха, желтизна, желчь, жёлкнуть, зажёлкнуть, пожёлкнуть, пожёлклый, желтеть, желтеться, зажелтеть, зажелтеться, пожелтеть, пожелтелый, желтить, выжелтить, зажелтить, пожелтить, прожелть.

С анализом пробных статей выступил Иван Калайдович[8]. По его мнению, в связи с составлением такого словаря «следует решить три вопроса: какие слова должно помещать в Словаре производном? В каком порядке помещать их? и что можно присовокупить в пользу Грамматики?»[9]

И. Калайдович высказал интересные соображения по поводу выбора исходных слов гнезда, определения направления производности в однокоренных словах, размещения их в гнезде и других важных вопросов составления «производного словаря».

По принципам гнездования к «Словарю Академии Российской» и производному словарю «Общества любителей российской словесности» «Русско-французский словарь», в котором русские слова расположены по происхождению, или «Этимологический лексикон русского языка», составленный Филиппом Рейфом (СПб., 1835). По мнению автора

изучение слов гнёздами даёт возможность познать тончайшие смысловые оттенки их, ускоряет овладение им (с. IX).

Русские слова в словаре переведены на французский язык:

АЛЫЙ (turo al s, vermeil) dim. аленький ct аловатый, ая, ое; augm. алёшенек, нька, нько; adj rouge-clair, vermeil, incarnat; светло-алый, incarnadin. Ало, adv. dún rouge clair. Алеть, I. 4. поалеть, v. n. devenir vermeil, rouge-clair incarnat; -ся, заалеться, v. r. paraitre dún rouge-clair, commencerá devenir incarnat.

И в этом словаре наблюдается явная архаизация гнёзд. Ср. слова одного гнезда: ГОРЛО, горлышко, горловина, горластый, горлатый, горлица, гортань или ВЫКНУТЬ, звычайный, чрезвычайный, навыкать, обычай, обычно, привыкать, учить, учение, учебный, и т. п.; БАЯТЬ, бить, бахарь, обаяние, балы, балагурить, баламутить, балакать, баловать, баснь, прибаутка и др.

Гнездование слов осуществлено произвольно, без учёта структурно-семантической соотносительности однокоренных слов.

Сравнительно небольшой промежуток отделяет Словарь В.И. Даля от «Словаря Академии Российской», материалов производного словаря Общества любителей российской словесности, словаря Ф. Рейфа, корнеслова Шимкевича. В.И. Даль кропотливо изучал опыт своих предшественников. В результате он «старательно избегал ошибочного производства (чему множество примеров у Рейфа) и боялся приговоров в таком тёмном деле», «ошибочная натяжка слов к чужому корню, по одному созвучию, много вредит изучению языка, лишая слова природной связи и жизни». Корнеслов Шимкевича вообще «составлен гораздо основательнее Рейфа и с русским чувством, но у него почти голый список корней, без показания относимых к нему слов, что нередко ставит читателя в недоумение»[10].

В.И. Далю были хорошо известны академические алфавитные словари: «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847), «Опыт областного великорусского словаря» (1852), «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» (1858) и др.

По мнению В.И. Даля, алфавитный способ расположения слов «крайне туп и сух», ибо «самые близкие и сродные речения... разносятся далеко врозь и томятся тут и там в

одиночестве; всякая живая часть речи разорвана и утрачена; слово, в котором не менее жизни, как и в самом человеке, терпнет и коснеет; одни и те же толкования должны повторяться несколько раз; читать такой словарь нет сил, на десять слов ум притупеет и голова вскружится, потому что ум наш требует во всем какой-нибудь разумности, постепенности и последовательности» (с. XVI).

Выбирая гнездовой способ размещения слов, В.И. Даль ясно представляет себе трудности предпринятого дела: «Второй способ корнесловный, очень труден на деле, при всём том основан на началах шатких и тёмных, где без натяжек и произвола не обойдёшься; сверх того порядок корнесловный, при отыскивании слов, предполагает в писателе и читателе не только разные познания, но и одинаковый взгляд и убеждения, насчет отнесения слова к тому или другому корню...» (с. XIX).

Учитывая недостатки и достоинства обоих способов размещения однокоренных слов, В.И. Даль выбрал нечто среднее между азбучным и корнесловным словарями: «Вот тот порядок, то устройство словаря, на которое составитель решился: собрать по семьям или гнёздам все очевидно сродственные слова, устранив однако же предложные (приставочные — *А.Т.*) и те производные, в которых изменяются начальные буквы; это попытка на способ средний, между голословным и корнесловным словарями» (с. XXI).

Таким образом, слова одного и того же гнезда у В.И. Даля оказались на разные буквы. Например, гнездо *мазать* включает *мазанить* (твер.), *мазывать, мазнуть, мазанье, мазка, маз,* (отглаг. имя), *маз* (нвг.; любовник), *мазик, мазиха* (нвг.; любовница), *мазок, мазовый, мазковый, мазочный, мазистый, мазоватый, мазиковатый, мазево, мазаница, мазня, мазанка* и мн. др. даны на М (*мазать*). Префиксальные производные разрабатываются в соответствии с алфавитным местом каждой приставки: *вмазать, вмазнуть, вмазывать* что во что, *-ся, вмазыванье, вмазанье, вмаз, вмазка, вмазчивый* (искать на букву В); *вымазать, вымазывать, -ся, вымазыванье, вымазанье, вымаз, -ка; вымазной, вымазочный, вымазковый* (на В); *домазать, домазнуть, домазывать, -ся, домазыванье, домазанье, домаз, домазка* (на Д); *замазать, замазывать, -ся, замазыванье, замазанье, замазка, замава, замазура, замазуля, замазной, замазочный, замазковый, замазливый, замащик, (замазчик), -ица* (на З);

и т. д. *Измазать* со всеми производными на И, *намазать* со всеми производными на Н и т. д.

Такой способ дробления гнёзд безусловно облегчает поиск производных того или иного гнезда, хотя и расщепляет гнездо, лишает его цельности. В нужном случае читатель сам должен комплектовать гнездо. При этом могут возникнуть определённые трудности. Отчасти их можно было бы избежать, перечислив в гнезде исходного глагола все приставки, сочетающиеся с этим глаголом, или все приставочные слова. Это была бы хорошая отсылка, сохраняющая цельность гнёзд.

Однако предлагаемый В.И. Далем способ гнездования имеет своё преимущество: он позволяет обойтись без алфавитного указателя производных слов, размещённых в гнёздах.

При изъятии префиксальных образований далевские гнёзда оказываются в словаре неполными, частичными. Учитывая это, такой способ гнездования, может быть, следует назвать ч а с т и ч н ы м гнездованием? Хотя для него, пожалуй, больше подходит название алфавитно-гнездовой способ размещения производных однокоренных слов.

В исследовательской лексикографической практике он использован в первых трёх томах семнадцатитомного словаря современного русского языка. Составители его пишут: «Система гнездования групповых объединений исходит в основном из современных живых, ясных и близких связей слов, а не из широких этимологических построений и коренного принципа (чем настоящий Словарь отличается от Толкового Словаря Даля в изданиях 1863–1866 гг. и 1880–1882 гг.). На этом основании у нас объединяются, например, в одной статье слова: *вода* (заголовочное слово), *водичка, водный, водник, водяной, водяность, водяник, водянистый, водянисто, водянистость, водянка, водяночный, водянеть,* но слово *водка* с его производными *водочка, водочный*, а также *водород* с его производными *водородный, водородистый,* составляют самостоятельные гнездовые статьи, отделённые от статьи *вода*» (с. VIII).

Для наиболее активных частеречных типов гнёзд перечислены группы производных слов, которые разрабатываются гнездовым путём.

Гнёзда имён с у щ е с т в и т е л ь н ы х включают следующие словообразовательные типы: 1) *дом – домик, ветер –*

ветерок; 2) *лев – львёнок, орёл – орлёнок;* 3) *жемчуг – жемчужина, горох – горошина*; 4) *студент – студенчество;* 5) *учитель – учительница; газета – газетчик, рыба – рыбак; толстовство – толстовец* и т. п. Слова других частей речи: *дом – дома, домой; лето – летом; сестра – сестрин, отец – отцов, отцовский; борода – бородатый, плод – плодовитый* и др.; *бинт – бинтовать* и т. п.

При заголовочном слове — имени прилагательном помещаются: *белый – беленький, беловатый, белёхонек; хитрый –хитрость, добрый – добряк; тёмный – темно, дружеский – по-дружески, волчий – по-волчьи; белый – белить, белеть, слепой – слепнуть* и т. п.

При основном слове — глаголе помещаются: *читать – читатель; сеять – сеялка; лежать – лежачий; хватать – хвать* и др.

Все типы производных включают гнёзда числительных: *два – двое, двойной, двоякий, двоить, двоится, дважды; семь – седьмой, семеро, семёрка, семью.*

Гнёзда местоимений: *всякий, всяк, всяко, всяческий, всячески.*

Гнёзда междометий: *ах, ахнуть, ахать, аховый.*

«Слишком обширные» гнезда расщепляются на подгруппы, которые «объединяются вокруг одного из производных, наиболее самостоятельного по значению и образующего свои производные» (с. X), например: *белок – белковый, белковина; белка – белочка, беличий; бельё – бельевой, бельёвщица.*

Путём системы взаимных ссылок как бы устанавливается связь между двумя способами размещения слов. По мнению редакции, эти взаимные ссылки возмещают «отступления от полного гнездования». Так, в статье *гора* даются ссылки на взгорок, высокогорный, загорок, косогор, межгорный, нагорный, надгорний, плоскогорье, подгорный, предгорье, угорье и т. п. (с. XI).

Принципы гнездования и размещения слов в гнезде, изложенные во введении, представляются вполне приемлемыми для толкового словаря задуманного типа. Они не вызвали возражения в ходе обсуждения первых трёх томов словаря. Критике была подвергнута неудачная реализация их в словаре. При обсуждении на Учёном совете Института языкознания отмечалось, что спорной является «гнездовая система, основанная, главным образом, на историко-семан-

тическом объединении слов в одно гнездо, смешение исторической и нормативной точек зрения при характеристике словарного состава современного русского языка»[11]. Было решено перейти на алфавитное размещение слов.

Анализируя материалы Словаря, акад. В.В. Виноградов писал: «Принципы гнездования, применявшиеся в первых трёх томах нашего Словаря, были мало продуманы и иногда не вполне определённы и конструктивно объективны. Например, *бедовый – бедокур – бедокурка – бедокурный – бедокурить*... Во многих случаях, хотя внутригнездовые связи слов иногда живы и близко ощутимы, но принципы распределения и порядка размещения таких слов искусственны и разнородны. В некоторых случаях оставалось неясным, с точки зрения какой языковой системы устанавливались так называемые “живые, ясные и близкие связи слов”. Например, *“былинка, былина, былиночка, былинушка, былка, быльё (быльём поросло), былие, быль (былью поросло), былеватый, быльник, быльняк”*»[12]. На наш взгляд, неправомерно объединены в одно гнездо *вкус, вкусовой, вкусный* и *вкушать, вкусить, вкушение; чин* и *бесчинный; шабаш* и *бесшабашный; баста* и *бастовать, вага* и *важный, отважный; бур* и *бурав; вилять* и *извилина; беспечный* и *опека, попечение; бить* и *бойкий, забияка* и др.

Неудачи в гнездовании, сыгравшие роковую роль в судьбе семнадцатитомника как гнездового словаря, переход на алфавитный способ размещения слов не дают повода утверждать, что такие словари не нужны или их невозможно создать. Акад. В.В. Виноградов справедливо отмечал: «Научно обоснованная проблема гнездового словаря и доныне не перестаёт быть актуальной»[13].

Особый тип гнездования составляет так называемое ч а с т и ч н о е г н е з д о в а н и е, использованное уже в трудах Я.К. Грота. Он в одном гнезде объединял все варианты слова – акцентологические (*ало* и *бло*), фонематические (*антипат* и *анфипат*); словообразовательные (*ароматник* и *ароматчик*), морфологические (*апогей* и *апогия*), орфографические (*алегория* и *аллегория*). Рядом с заголовочным именем даются уменьшительные и увеличительные образования: *арбуз, арбузец, арбузик, арбузишко, арбузище; алый, ал, аленек, аленький, алёхонек, алёшенек*. Гнезда наименований лица: *актёр, актриса; алтынник, алтынница*. Глагольные гнёзда: *атукать, атукнуть, атукивать, -ся.*[14]

В основном это синтаксические дериваты.

В дальнейшем частичное гнездование широко используется в словаре С.И. Ожегова. В «Сведениях, необходимых для пользующихся словарём» отмечается: «Некоторые разряды производных слов помещаются по основному слову в его гнезде. Основанием для помещения в гнездо служит не только общность происхождения слов, но только принадлежность их к одному корню, но прежде всего их ближайшие живые словообразовательные связи в системе современного русского языка. Сюда относятся такие производные слова, в которых новый смысл создаётся только в связи с принадлежностью производного слова к иной грамматической категории по сравнению с производящим словом» (с. 5):

1) отвлеченные существительные на *-ость, -ство, -изна*: при *дородный – дородность* и *дородство; крутой – крутость* и *крутизна*;

2) отглагольные существительные с суффиксами *-ние, -тие, -ка, -ация* или без суффикса: при *вынести – вынос; накрыть – накрытие, стирать – стирка, акклиматизировать, -ся – акклиматизация*;

3) формы оценки существительных: при *дом – домик, домок, домишко;*

4) названия лиц женского пола: при *преподаватель – преподавательница*;

5) относительные отглагольные и отсубстантивные прилагательные: при *дверь – дверной*; при *сосать – сосательный*;

6) порядковые числительные, образованные от количественных: при *три – третий*;

7) видовые формы глаголов: при *делать – сделать;*

8) форма собственно-возвратного залога: при *мыть – мыться* (мыть себя).

Таким путем разработано 30 000 из 72 500 слов.

Как правило, слова, помещённые в гнездовую часть, не имеют своего толкования. Они иногда отсылаются к значению заглавного слова, не иллюстрируются, грамматически разрабатываются скудно:

АГИТА́ТОР // *ж.* агита́торша, -и *(разг.)* // *прил.* агита́торский, -ая, -ое.

АЙВА // *прил.* айвовый, -ая, -ое.

АМЕРИКА́НЦЫ // *ж.* америка́нка, -и. // *прил.* америка́нский, -ая, -ое.

МА́МА // *ласк.* ма́мочка, -и, *ж.*, маму́ля -и *ж.* // ма́мин, -а, -о.

Частичное гнездование в словаре С.И. Ожегова явно нуждается в совершенствовании. Гнездовая часть словарной статьи малоинформативна.

Широко применяется частичное гнездование в учебной лексикографии. В качестве примера можно привести «Комплексный словарь русского языка» А.Н. Тихонова, Е.Н. Тихоновой, С.А. Тихонова, О.М. Чупашевой, М.Ю. Зуевой.

В частичных гнёздах размещаются производные слова, лексически тождественные с производящими их заглавными словами или соотносительные с ними в основных своих лексических значениях. Производные слова, помещённые в гнездовой части словарной статьи, разрабатываются грамматически, стилистически, семантически. В своих соотносительных с производящим заглавным словом значениях они снабжаются отсылками к нему. Значения, не соотносительные со значениями заглавного слова, толкуются. Сжато характеризуется сочетаемость гнездовых слов. Употребление их по возможности компактно иллюстрируется.

В словаре значительно расширен круг гнездовых слов в сравнении со словарём С.И. Ожегова.

В гнёздах с у щ е с т в и т е л ь н ы х помещены:

1) формы оценки, собирательные существительные, названия лица, относительные, притяжательные, качественные прилагательные: *барабан – барабанщик, барабанщица, барабанный; береза – березка, берёзовый; брат – братец, братик, братишка, братнин, братский; лес – лесок, лесной, лесистый; портрет – портретик, портретист, портретистка, портретный*;

2) названия самок, детёнышей, мяса, притяжательные прилагательные, наречия (в гнёздах наименований животных): *баран – барашек, баранина, бараний, по-бараньи; заяц – зайчик, зайчиха, зайчонок, зайчатина, заячий*;

3) наречия в гнёздах типа *весна – весенний, весной; зима – зимушка, зимний, зимой.*

В гнездовой части статьи п р и л а г а т е л ь н ы х даются формы оценки, имена качества, наречия, безлично-предикативные слова на -о, наречия на *-и, по-...-и, по-...-ому (-ему)*: *бедный – бедненький, бедность, бедно*[1] *(нареч.), бедно*[2] *(безлично-предикативное слово); новый – новенький, новизна, по-новому.*

Гнездовая часть числительных включает только порядковые числительные: *восемь – восьмой, пять – пятый.*

В гнёздах местоимений помещены неопределённые местоимения и наречия: *какой-то, какой-либо, какой-нибудь; иной – по-иному.*

В гнездовой части статьи глаголов приводятся возвратные глаголы, имена действия, лица, имена прилагательные на *-тельн(ый), -льн(ый), -н(ой), -лив(ый) / -чив(ый)*, их производные, причастия — прилагательные: *агитировать – агитация, агитатор, агитационный; визжать – визг, визгливый.*

В гнёздах наречий даются формы оценки, неопределённые наречия, имена прилагательные: *вчера – вчерашний; когда – когда-то, когда-либо, когда-нибудь; немного – немножко.*

В комплексном словаре такой способ гнездования является наиболее оптимальным для группировки производных однокоренных слов.

Итак, русская лексикография располагает значительным и разнообразным опытом составления алфавитных, гнездовых, алфавитно-гнездовых словарей. Активно развиваются словари с частичным гнездованием однокоренных слов в учебной и терминологической лексикографии.

Первому гнездовому словарю русского языка (САР, 1794) исполнилось уже более 200 лет. С тех пор не было попытки создать новый гнездовой словарь. Проблема создания гнездового словаря современного русского литературного языка поныне остаётся актуальной задачей нашего языкознания.

Примечания

[1] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том I. М., 1956. С. XXVI.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же. С. XXIII.

[6] Там же. С. XXVIII.

[7] См.: Труды Общества любителей российской словесности. М., 1822 (Производного словаря буква У); 1822, часть II; кн. 4–6 (Производного словаря буквы Ж, В); 1824, часть IV (Производного словаря буква Г); 1826, часть 6, кн. 16–18 (Производного словаря буква З); 1828, часть VII (Производного словаря буква Д) и др.

[8] *Калайдович И.Ф.* Опыт правил для составления русского производного словаря, с некоторыми замечаниями на правила, принятые Обществом // Труды ОЛРС. Ч. 5. М., 1824.

[9] Там же. С. 332.

[10] *Даль В.И.* Там же. С. XXI–XXII.

[11] *Ильинская И.С.* Совещание по вопросам лексикографии // ВЯ. 1952. № 4. С. 117.

[12] *Виноградов В.В.* Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // ВЯ. 1966. № 6. С. 3

[13] Там же. С. 5.

[14] *Хорохордина О.В.* Из лексикографического наследия академика Я.К. Грота (Архивные материалы) // ФН. 1990. № 6. С. 94.

Л.В. Николенко, Н.А. Николина

КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА В РАБОТАХ В.И. ДАЛЯ

В.И. Даль вошёл в историю русского языкознания и — шире — русской культуры как автор уникального как по богатству языкового материала и энциклопедичности, так и по принципам построения «Толкового словаря живого великорусского языка». В то же время, как известно, В.И. Даль не имел специального филологического образования, а некоторые из его современников упрекали В.И. Даля в том, что в ряде случаев он неточен в лексикографической обработке материала и не обладает достаточно прочной теоретической базой для создания словаря. Так, например, один из первых серьёзных критиков словаря и в то же время один из ближайших друзей В.И. Даля, академик Я.К. Грот, отмечал, что в отборе слов нет «строго определённого, однообразного теоретического начала»; расположение слов в словаре «разумно», но требует «глубокого этимологического знания языка, основательного филологического образования»[1]. Между тем, безусловно, можно говорить о существовании достаточно стройной системы лингвистических воззрений В.И. Даля, которые отразились в целом ряде его статей: «Напутное слово» (1852 г.), «О русском словаре» (1860 г.),

«О наречиях русского языка» (1852 г.), «Ответ на приговор» (1867 г.)[2]; «Полтора слова о русском языке», «Недовесок к статье “Полтора слова о русском языке”», «Искажение русского языка»[3].

Концепция языка у В.И. Даля сложилась в период оживления в русском языкознании (и в целом в русском обществе) интереса к проблемам дифференциации и функционирования общенационального языка, выражения в нём духа народа, его картины мира. «Настало время для науки обратиться к самому русскому языку, к самой русской истории и прочим областям знания, и обратиться со взглядом ясным, без иностранных очков, с вопросом искренним, без приготовленного заранее ответа, — выслушать открытым слухом ответ, какой дают русский язык, русская история и пр.», — писал К.С. Аксаков[4]. «С 40-х годов XIX в. усиливается (особенно в кругах славянофильски настроенных русских филологов) стремление глубже определить и философски осмыслить специфические народные качества и особенности русской грамматической системы (включая сюда и синтаксический строй), её национальное своеобразие»[5].

Для В.И. Даля язык есть прежде всего зеркало национальной самобытности, отражение «умственных и нравственных потребностей русского человека». Этим качествам язык может отвечать лишь в том случае, если «вырастет из **своего** сока и корня, перебродит на **своих** дрожжах»[6]. Показательно толкование слова «язык», предлагаемое в словаре Даля: «**Язык**, словная речь человека, **по народностям**, словарь и природная грамматика; совокупность всех слов **народа** и верное их сочетание, для передачи мыслей своих». В этом толковании, как мы видим, учитываются коммуникативная и познавательная функции языка, сделана попытка разграничить разные его уровни и в то же время показать их связь; отмечается роль языка в индивидуальной речемыслительной деятельности человека, но, главное, подчеркивается неразрывная **связь языка и народа**. Понятие языка при этом соотносится с понятием наречия («Наречие, взявшее верх над прочими, сродными наречиями, зовут языком») и отграничивается от понятия говора: «Говор отличается от языка и наречия одним только оттенком произношения, с сохранением нескольких слов старины и с прибавкою весьма немногих, образованных на месте речений, всегда верных общему духу языка»[7]. Кроме

говоров, В.И. Даль выделяет искусственные языки: в эту группу лексикограф включает условно-ремесленные языки (например, «офенский»), жаргон и арго («байковый» язык), тайные языки детей («тарабарский» язык школьников), наконец, пиджины (см. упоминаемый им кяхтинский «торговый язык»).

Таким образом, общенациональный язык в трактовке Даля неоднороден: в нём последовательно вычленяется ряд подсистем, связанных с его географической и социолингвистической дифференциацией.

С точки зрения В.И. Даля, основу общенационального (великорусского) языка составляет «простонародный» язык, который лексикограф оценивает как «главный запас» «образованного», т. е. литературного языка: «Где, как у нас, на всём пространстве огромного царства расстилаются беспредельные равнины и господствует один общий язык, а местные уклонения его столь незначительны, что их даже не всякий замечает, там областные словари получают совсем иное значение: областной говор свойствен простому народу, а простонародный язык наш – корень и основание образованного языка; последний, со всеми прикрасами своими и со своею грамматикой, должен признать простонародный язык наш родным отцом своим, и в то же время живым и поящим источником»[8].

Как мы видим, В.И. Даль принципиально и последовательно разграничивает «простонародный» язык и «областной говор»: последний для него свойствен только «простому народу» и представляет «уклонение» от общего «великорусского» языка, «простонародный» же язык служит базой для формирования и развития общенационального языка и объединяет разные слои и группы населения. Понятие «простонародный» у Даля, таким образом, близко к современному понятию «общий субстрат» и является в известном роде условным, оно признаётся лексикографом актуальным лишь для его времени. Неслучайно, размышляя о будущей судьбе русского национального языка, Даль отдаёт предпочтение понятию «родной язык»: «Ныне ещё легко промолвиться и оступиться, попасть вместо родного в простонародное, потому что середины, которой мы ищем, ещё нет; а есть одни только крайности: язык высшего сословия – полурусский, язык низшего сословия – простонародный. У нас нет и среднего сословия, оно только что учреждается, основывается и

со временем от этого благодатного правительственного учреждения можно и должно ожидать много, и много самостоятельности русской во всех направлениях»[9].

В.И. Даль тонко и точно оценивает языковую ситуацию в России середины XIX века и постоянно подчёркивает влияние социальных факторов на развитие литературного языка. Социальная база носителей литературного языка как языка обработанного и нормированного представляется ему в русском обществе весьма узкой, поэтому огромную роль в становлении литературного языка он отводит, во-первых, распространению грамотности и повышению общей культуры разных слоёв населения, во-вторых, «построению основ народной жизни», для этого «необходимо полное и совершенное знание русского ума и русского сердца; знание русского – не одного простонародного – быта, духовного и телесного»[10].

Как отмечал один из исследователей лексикографического наследия Даля, М.В. Канкава, «Даль мечтал о синтезе национального литературного языка с обработанной простонародной речью, который сможет осуществиться после освобождения русского языка от западноевропейского влияния»[11]. Сошлёмся и на слова самого В.И. Даля: «Покуда вся сила, всё богатство и роскошь родного языка нашего не развернутся, покуда не разольётся он свободно, самостоятельно, без пут, без пригона по образцам инородным, не может быть у нас написано ничего такого, как произвели древние, а потом и другие народы, каждый в своё время, в свою пору»[12].

Отстаивая самобытность русского слова, борясь с «западной порчей», В.И. Даль активно выступал против заимствований из иностранных языков. Показательно, например, следующее его высказывание: «Москва (газета), которая, чаятельно, также считает себя русским, в одной небольшой статейке четыре раза повторяет: *элаборат*! Что ж это за чудище такое, этот элаборат? Просто записка или доклад венгерского сейма. И каждый листок этой русской газеты, Москвы, донельзя наполнен такими безобразными наростами, убеждающими нас в том, что издатели его, гонители запада, нисколько не осознают надобности избавить язык наш от этой западной порчи; тысячи людей читают это, привыкают к такому языку, убеждаются в необходимости удержать его – и он живёт себе и процветает!»[13]

В.И. Даль предлагал последовательно заменять иноязычные слова исконно русскими: «Если бы у нас не было слова *кокетничать, кокетка*, то я бы по нём не тужил. Выбирайте любое слово, смотря по оттенкам, из десятка: *заискивать, угодничать, любезничать, прельщать; умильничать, жеманничать, миловзорить, миловидничать; рисоваться, красоваться, хорошиться, казотиться, пичужить*; сверх всего этого говорят: *нравить кого, желать нравиться*»[14]. Одновременно он создавал иногда собственные эквиваленты заимствований, которые можно считать его новообразованиями. В этом случае Даль использовал продуктивные словообразовательные модели русского языка, особенно часто композитные модели. Например, ловкосилие (гимнастика), носохватка, щипоноска (пенсне), своеручник (автограф) и др. Создание новообразований, словотворчество для Даля проявление творческих потенций русского языка.

Однако отношение Даля к иноязычным словам нельзя считать огульным их отрицанием: он не принимает только неоправданные, немотивированные заимствования, противоречащие, с его точки зрения, «духу» русского языка или дублирующие исконные лексические единицы.

В статье «Полтора слова о русском языке» В.И. Даль замечает: «Мы не гоним общей анафемой все иностранные слова из русского языка, мы больше стоим за русский склад и оборот речи, но к чему вставлять в каждую строчку: *моральный, оригинальный, натура, артист, грот, пресс, гирлянда, пьедестал* и сотни других подобных, когда без малейшей натяжки можно сказать то же самое по-русски? Разве *нравственный, подлинный, природа, художник, пещера, гнёт, плетеница, подножье* или *стояло*, хуже? Нисколько, но дурная привычка ходить за русскими словами во французский и немецкий словарь делает много зла»[15].

Достаточно объективная позиция Даля по отношению к иноязычным заимствованиям отражена в его словаре, в котором содержится значительное число заимствований, особенно в сфере специальной и терминологической лексики. Например, *форстмейстер (лесничий), фордевинд (полный попутный ветер), ванта (одна из толстых верёвок), брульон (черновое письмо), апостазия (ересь, раскол); бухта, фрегат, саркофаг, арпеджио, тирада, сатисфакция, рейс, рекрут, тамбур* и т. п. В то же время Даль нередко русифицирует приводимые им заимствованные слова или предлагает

возможные замены (ср. *бретер – дуэлист, задира, задора, забияка, драчун*). Русификация, в частности, отражается в изменении их написаний. Так, он предлагает написания типа **клас**, **каса**, **маса**, **апарат, апеляция** и др., отказываясь от двойных согласных. В ряде случаев при передаче иноязычных слов он использует фонетический принцип орфографии, например, *бутерброт (бутерброд), фрелина (фрейлина), форштат (форштадт – предместье)*. Кроме того, Даль рядом с общепринятой формой иноязычного слова указывает иногда народные варианты: «*жалузи, жалюзи* мн. нескл. фор. в нар. гов. — *жалюза*, р.п. — жалюзы» (далее Даль замечает: «несклоняемые слова нам негодны» — и предлагает замены: *просветки, затенники*).

Таким образом, включая в словарь заимствованные слова, Даль последовательно опирается на принцип, сформулированный им следующим образом: «Если чужое слово принимается в другой язык, то, по крайней мере, позвольте переиначить его настолько, насколько этого требует дух того языка: **он господин слову, а не слово ему**!»[16]

Важнейшей единицей языка и, следовательно, основным компонентом словаря Даль справедливо считает **слово** — основной способ выражения мысли, звено «между духом и плотью», воплощение духовного начала личности и народа в целом: «Нет мысли и нет думы, нет понятия без слов, плотская природа наша не даёт духовному началу в нас никакой власти без словесной речи. А на каком языке я мыслю, на том только я и могу писать; иначе это будет не подлинник, а перевод»[17].

В.И. Даль глубоко осознавал кумулятивную (накопительную) функцию слова, способность его сосредоточивать и хранить информацию. В качестве примера можно сослаться на словарную статью, посвящённую лексеме «слово». В ней представлены не только современные Далю значения и оттенки смысла «слова», но и отражена история его значений. Так, среди актуальных значений отмечены: «способность человека выражать гласно мысли и чувства» (слово-речь); // «сочетание звуков, составляющее одно целое, которое, по себе, означает предмет или понятие; реченье»; // «разговор, беседа»; // «речь, проповедь; сказание» и др.

Особое внимание В.И. Даль уделяет богословской трактовке значения «слова» — «Слово или Слово Божье — Св. писание, Ветхий и Новый Завет»; // «Слово» — «в Евангелии

толкуется: Сын Божий; истина; премудрость и сила». Среди устаревших значений он указывает такое как «пароль» (воен. стар.); а среди устаревших выражений — «Слово и дело!» — «донос, заявление о важном преступлении».

Словарные дефиниции сопровождаются многочисленными примерами — «речениями», фразеологизмами, пословицами, поговорками, загадками и проч. Нередко Даль выходит за рамки собственно лингвистических комментариев, обращаясь к сведениям из области этнографии, истории, науки и техники (см., например, толкования морских терминов, наименований из области сельского хозяйства и др.).

Лексика в целом мыслится Далем как **система**, «общим законом» которой служат эпидигматические связи слов. Этот закон «даёт нам неизменные правила образования слов звеньями, цепью, гроздами»[18], слова «целыми купами, показывают очевидную семейную связь»[19]. Таким образом, системный характер, с точки зрения Даля, носит и словопроизводство. Системность русского словообразования проявляется в его ступенчатом и гнездовом характере. Хотя выделение и построение гнёзд у Даля, по его собственной оценке, лишено «полной научной последовательности», отбор лексических единиц, в них включённых, свидетельствует о постоянном учёте лексикографом семантических, а в ряде случаев и деривационных связей слов.

Грамматические воззрения Даля фрагментарно отражены в его статьях и речах, однако они также носят достаточно последовательный характер. С точки зрения Даля, большинство грамматик не учитывает национальных особенностей языка, что особенно ярко проявилось в рассмотрении грамматических категорий и форм русского глагола: «Вся грамматика глаголов наших прищеплена к языку насильственно, и потому не стоит выеденного яйца. Лесина срезана, надколота, чужой сучок воткнут, не заботясь о том, однородны ли деревья, а потому в него и не пошло ни капли соку: он торчит торчком и, несмотря на вековой уход, не приживается»[20]. Отметим, что характеристики грамматического строя языка, как и языка в целом, строятся у Даля на основе образных параллелей: «язык — растение», «язык — живой организм». Эти метафоры неслучайны: Даль постоянно подчёркивает живое, творческое, динамичное начало языка, которое не может быть связано никакими «путами», см., например, оценку современных Далю концепций залога: «Вся-

кий глагол способен принять все изменения, отвечающие разуму, смыслу, значению его. Распределение глаголов на **залоги** одно школярство, одно из тех пут, которые служат только для притупления памяти и понятий учеников»[21].

Образная параллель – «язык – живой организм» актуализирует такие важные для характеристики языка смыслы, как «естественность», «внутренняя энергия», «сложность», «системность», «способность к развитию». Трактовка языка как «**живого**» организма, который не терпит «произвольной ломки», отразилась и в названии словаря, и в его характере.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля не является в строгом смысле слова «областническим» (диалектным), как иногда его называют. Это тезаурус (сокровищница), содержащий словарное богатство русского языка во всех разновидностях его **устной** (народно-разговорной, профессиональной, жаргонной, диалектной, литературно-разговорной и т. п.) и **письменной** (книжно-литературной) речи, хотя в иллюстративной части словаря и преобладают примеры из народно-разговорных, диалектных и фольклорных источников. Так, например, слово *ангел* иллюстрируется пословицами (*Ангел помогает, а бес подстрекает; Где просто, там ангелов со сто, а где хитро, там ни одного*), поверьями (*Ангел за душою усопшего полетел* – о падающих звёздах), разговорными производными, выражающими субъективную оценку (*ангельчик, ангелушка, ангелёнок*), в словарную статью *ату* – включены профессионализм *атукивать* и диалектизм *атукала* (сущ.).

Таким образом, в трудах В.И. Даля, прежде всего в его словаре, отразилась достаточно последовательная концепция языка, который неизменно рассматривается лексикографом как система. Она иерархически организована и объединяет средства, выражающие «дух» народа, его национальную самобытность. Ядром этой системы признаётся «простонародный» язык, богатство которого подчёркивается Далем и раскрывается в его словаре – тезаурусе.

Лексикографический труд В.И. Даля был высоко оценен его современниками: «Совершение подобного труда, при всех его недостатках, есть подвиг важный, редкий в нашей литературе: давно у нас не было такого обширного и веского по русскому языку сочинения, которое могло бы идти в сравнение с этим»[22].

И в наше время словарь В.И. Даля остаётся одним из самых авторитетных лексикографических источников, не потеряли своей актуальности и лингвистические воззрения В.И. Даля.

Примечания

[1] *Грот Я.* Филологические разыскания. СПб., 1899. Т. 1. С. 20–25.

[2] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1.

[3] *Даль В.И.* Собр. соч. СПб.–М., 1898. Т. 10.

[4] *Аксаков К.С.* О русских глаголах // Полн. собр. соч. К.С. Аксакова. М., 1878. Т. II, ч. 1, С. 391.

[5] *Виноградов В.В.* Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958. С. 194.

[6] *Даль В.И.* Напутное слово // В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955. С. XVII.

[7] Там же.

[8] *Даль В.И.* О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. 1955. Т. 1. С. XI.

[9] *Даль В.И.* Полтора слова о русском языке // Собр. соч. СПб.–М., 1898. Т. 10. С. 543–544.

[10] Там же.

[11] *Канкава М.И.* В.И. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958. С. 23.

[12] *Даль В.И.* Полтора слова о русском языке. Собр. соч. СПб.–М., 1898. Т. 10. С. 543–544.

[13] *Даль В.И.* Искажение русского языка // Собр. соч. СПб.–М., 1898. Т. 10. С. 573.

[14] *Даль В.И.* О русском словаре // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. XXXII.

[15] *Даль В.И.* Полтора слова о русском языке // Собр. соч. СПб.–М., 1898. Т. 10. С. 556.

[16] *Даль В.И.* О русском словаре // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. XXXIII.

[17] *Даль В.И.* О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1 С. XIVIII.

[18] *Даль В.И.* Напутное слово // В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. XIX.

[19] Там же. С. XIX.

[20] *Даль В.И.* О русском словаре // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. XXXVII.

[21] Там же. С. XXXVII.

[22] *Грот Я.К.* Филологические разыскания. СПб., 1899. Т. 1. С. 43.

Е.В. Пчелов, В.Т. Чумаков

ХРАНИТЕЛЬ СОКРОВИЩ РУССКОГО ЯЗЫКА (БУКВА «Ё» В СЛОВАРЕ В.И. ДАЛЯ)*

Владимир Иванович прожил без малого 71 год (умер 22.9 (4.10) 1872, Москва) и как-то в голове не укладывается, что был он не только ровесником Пушкина, но и начал свой труд этнографа, лингвиста и лексикографа, словом, собирателя и охранителя родного языка, будучи, как и Пушкин, ещё очень молодым, в 17 лет. Его «Толковый словарь живого великорусского языка», дополненный впоследствии знаменитым российским языковедом Иваном Александровичем Бодуэном де Куртенэ, пережив множество изданий, в том числе и массовыми тиражами, красуется на книжных полках и постоянно востребован в домах не только писателей, журналистов, специалистов в области русского языка и литературы, но и огромного числа людей совершенно иных профессий. И это безоговорочно указывает на то, что Даль есть явление национального масштаба и его имя стоит в первой шеренге великих деятелей российской культуры и науки, таких как Ломоносов, Карамзин, Лобачевский, Пирогов, гр. Толстой, Менделеев, Сеченов, Павлов, Чайковский, Циолковский, Вернадский, Курчатов, Королёв. И хотя потом появились замечательные словари Ушакова, Ожегова и других учёных, — всё же когда мы говорим — Словарь Русского языка, мы прежде всего вспоминаем Словарь Даля. Он был этнографом и биологом, автором учебников ботаники и зоологии, одним из создателей Русского географического общества в 1845 г. Он был хирургом и продолжал практику даже после того, как в чине действительного статского советника вышел в отставку. Он стремился во врачевании широко использовать народные средства: лекарственные травы, кумысолечение; увлекался исследованием гомеопатических препаратов. Статья о нём помещена в 6-ом томе Большой медицинской энциклопедии.

---

* Отрывок из книги: Е.В. Пчелов, В.Т. Чумаков. Два века русской буквы Ё. М., 2000. С. 235–239.

Во всех произведениях Даля чувствуется его предельно бережное, трогательное отношение к русскому языку. Оно проявляется в его речах, в «Напутном слове», «О Русском Словаре», издававшихся, в частности, с многочисленными знаками ударения и в литературных творениях, о которых высоко отзывался И.С. Тургенев, как, к примеру: «Мы назвали г. Даля народным писателем. В этом отношении никто, решительно никто в русской литературе не может сравниться с г. Далем. Русского человека он знает, как свой карман, как свои пять пальцев». И конечно, беззаветная любовь к русскому слову, к родной речи царит в его знаменитом Словаре. Именно особая далевская деликатность и тонкость в понимании и ощущении языка не позволили ему включить в словарь ненормативную, а тем более табулизированную лексику, хотя материал был собран. Издание Словаря с этими включениями позже осуществил Бодуэн де Куртенэ. Ивана Александровича тоже можно понять. Принцип научной полноты, «учёное горение» пересилило в нём этику человека. Но Владимир Иванович остался неколебим, почувствовав ту грань, за которую перейти не мог. «Толковый словарь живого великорусского языка» не имеет себе равных до сих пор, а сказал о нём и о себе Даль очень скромно: «Писал его не учитель и не наставник, не тот, кто знает дело лучше других, а кто более многих над ним трудился; ученик, собиравший весь свой век по крупинке то, что слышал от учителя своего — живого русского языка».

В Словаре В.И. Даля буква Ё не только присутствует в немалом количестве слов, но также имеется разъяснение, когда её следует применять. «Во многих случаях **е** произносится как **іо**, что иногда обозначают двоеточием **ё**. Вообще же **е** произносится на пять ладов: как **э** (*вре́мя*, а *каз. прм.* прознѣ. *Элабуга, Эмеля, эжевика)*, как ѣ (*надежда, мель*), как **іе** (*еловый, егозить, единица*), как **іо** слитное (*вёдро, лёгкій*), как **іо** двугласное (*ёра, твоё, моё*), как **о** (*черный, шелкъ, щелокъ*). Нельзя сказать, что правописание через ѣ и **е** было у нас твёрдо установлено».

Кроме перечисленных в главе 12 слов, начинающихся на букву Ё, у Даля приведены следующие, в основном областные, слова: *ёглить* — метаться от боли, *ёктать* — икать, икнуть; *ёла* — лодка, *ёлха* — ольха, *ёнка* — женщина однодворка, *ёхнуть* — сдвинуть с места, *ёчки* — грудь, *отсадил ёчки* — зашиб грудь. Или его наблюдение: «Нигде нет

столько **ё** как на Вятке». Может быть, кто-нибудь исследует Словарь и опубликует все слова в нём с буквой Ё, а мы пока скажем, что слова *упрёк, рёв, осёл, сѣдёлко, тёта* и *серъёзный* в нём точно имеются.

И.П. Видуэцкая

В.И. ДАЛЬ И «НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА»[1]

Поэтика «натуральной школы» складывалась под влиянием задачи как можно более полного изучения и описания действительности, среды. Отсюда требование «натуральности», предельной жизненной достоверности изображения, тяготение к неприкрашенной «прозе» жизни. Отсюда же проникновение научной методологии в работу художника, когда вымысел и полёт фантазии уступают первенство наблюдению, сбору материала, его анализу, классификации. Примечательно, что первооткрывателем нового подхода к материалу действительности и новых литературных форм в данном случае явилась массовая литература в лице таких её представителей, как А. Башуцкий, А. Галахов, Е. Гребенка, Л. Лихачёв, Ф. Дершау, И. Кокорев. В их творчестве, а также в творчестве В. Даля, А. Дружинина, И. Панаева, В. Соллогуба, Я. Буткова получили первоначальное развитие «физиологический» очерк и выросшие на его основе рассказы, нравоописательная повесть «натуральной школы». С появлением произведений Тургенева, Гончарова, Герцена, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Григоровича, Писемского, Некрасова, Островского наступает новый период в истории «натуральной школы». Ведущими жанрами становятся повесть и роман. С ними связаны основные художественные открытия 40—50-х годов, определившие роль «натуральной школы» в становлении русского реализма.

Даль принадлежит к числу тех писателей, в недрах творчества которых началось зарождение «натуральной школы». Он вошёл в литературу в начале 1830-х годов. Его «Русские сказки. Пяток первый» (1832) появились в печати

одновременно со второй книгой «Вечеров» Гоголя и на следующий год после «Повестей Белкина». С 1833 г. Даль пишет небольшие рассказы, объединённые затем в цикл «Были и небылицы» (1833–1837). Первые ростки проблематики и поэтики «натуральной школы» появились у Даля в рассказе «Болгарка» (1837) и повести «Бедовик» (1839, «Отечественные записки»).

«Бедовик» – слово, изобретённое Далем для обозначения своего героя-чудака, мелкого чиновника гражданской палаты Евсея Стахеевича Лирова, которого нещадно преследует судьба. Сочувственное изображение «маленького человека» не мешает писателю вводить снижающие детали и ставить по временам своего героя в смешное положение. Это соответствовало как духу нарождавшейся «натуральной школы», так и индивидуальной манере Даля, в которой сильна стихия комического. Снижена уже родословная Лирова, объясняющая происхождение его фамилии. Его дед скорняк имел прозвание Рыло, а подписывался Рылов. Отец пошёл в конторщики и стал для благозвучия подписываться Рылев. Затем он уверил себя, что «прозвание Рылев происходит от украинского: Рыле, а Рыле ничто иное, как искаженное Лира»[2], поэтому он стал именоваться Лиров.

Стараясь пробудить сочувствие к своему герою, незначительному человеку столь скромного происхождения, Даль восклицает: «Виноват ли был этот бедный Евсей, что он родился от таких родителей? Но свет этого не разбирает <...> Светские предрассудки, которые вырастили, вспоили и вскормили нас, так всесильны, что и читатели мои готовы откинуться от сына распутного магистратского секретаря и дочери просвирни, как будто он может отвечать за грехи предков своих! Разве мало дела человеку держать ответ за себя?» (3: 127–128). Центральное место в повести занимает проблема человека и среды. Лиров находится в постоянном конфликте с окружающей его действительностью. «...Бедного Евсея преследовала, казалось, с давних времён какая-то невидимая вражья сила. <...> Мелочные отношения суетной жизни, обычаев, обрядов и приличий беспрестанно сталкивались с Евсеем – или он с ними – локоть-об-локоть и выбивали его из привычной колеи» (3: 131). В повести подробно описана та среда[3], которая вызывает недовольство и внутреннее сопротивление Лирова – на открытое сопротивление он не отваживается: «...Коли пойду наперекор обычаям и за-

ведениям, я же буду виноват» (3: 117), — убеждён он. Губернское общество города Малинова, начиная с губернатора и кончая городскими кумушками, Даль изображает в сатирических тонах. Едва ли не главное занятие малиновцев — тщательнейшее исполнение пустого обряда обязательных визитов. Визиты по большей части тяготят хозяев и гостей, выливаются в простую формальность, но отказаться от них никто не смеет.

Для характеристики малиновцев Даль использует анималистический портрет, который вскоре он положит в основу физиологического очерка «Денщик». Наблюдая за гостями, Лиров видит в одном из них лошадь: «коли кормишь её овсецом да коли кучер строг, — работает хорошо, везёт; но лягается, если кто неосторожно подойдёт»; в другом — лягавую собаку: «знает немного по-французски, боится плети, и поноску подаёт, и чует верхним чутьём, и рыскать готов до упаду»; в третьем — кошку: «гладок, мягок, хоть ощупай его кругом, кланяется всем, даже и мне, гибок и увёртлив, ластится и увивается и сладко рассуждает хвостом — а когти в рукавицах про запас держит» (3: 133); в четвёртом хомячка: «то и дело в своё гнёздышко, в норку свою запасец таскает»; в пятом — коршуна: «это сущая гроза крестьян, этот советник казённой палаты; ни курица, ни утица не уйдут от него на мужицком дворе — видит зорко и стережёт бойко» (3: 134). Эта шуточная классификация, которая у Даля гораздо более развёрнута, чем мы могли здесь представить, может рассматриваться как прообраз научных, социологических классификаций в произведениях «натуральной школы».

Остроумная наблюдательность, которую обнаруживает здесь герой, говорит о его несомненном превосходстве над окружающей средой. Однако, «будучи связан и опутан этими тенетами и пелёнками условных приличий» (3: 117), он старается ничем не выдать своего истинного отношения к согражданам. «Он был тих, скромен, потворчив, робок» (3: 128) и снисходителен. Эти качества характера своего героя Даль рассматривает как результат направленного влияния среды: «Под всегдашним гнётом судьбы и людей, в неравной борьбе своей с людьми и с судьбою (следовательно, изначально попытка протеста была. — *И.В.*), Евсей, несмотря на здравый ум свой и необыкновенное терпение, был несколько малодушен; он вырос и возмужал в каком-то уничиже-

нии: обстоятельства не дали развиться в нём силе и самостоятельности» (3: 128).

Лиров — мечтатель, он предвосхищает в этом смысле героев Достоевского. С одной стороны, его представления о повседневной жизни настолько далеки от реальности, что окончательно пропасть ему не даёт только присутствие верного слуги, умудрённого жизненным опытом. С другой стороны, он далеко превосходит людей практических в постижении более общих законов действительности и назначения человека. Сравнение Лирова с Дон-Кихотом, а его верного слуги Корнея Горюнова с Санчо Пансо, принадлежащее И.Т. Баеру[4], несомненно, имеет под собой основание.

Лиров, с горечью сознающий себя игрушкой в руках судьбы, однажды всё-таки решает изменить свою жизнь. В основе сюжета повести лежит попытка Лирова, оставшегося за штатом и в 27 лет уволенного в отставку, вырваться из Малинова и достичь Петербурга, где он, как впоследствии многие герои произведений «натуральной школы», надеется получить хорошее место и обрести счастье. В своём порыве к свободе и самостоятельности он ставит под сомнение само понятие судьбы: «Судьба, подумал он, это одно пустое слово. Что такое судьба? <...> Мир наш — часы, мельница, пожалуй, паровая машина, которая пущена в ход и идёт себе своим чередом, своим порядком, не думает, не гадает, не соображает, не относит действий своих к людям и животным, а делает своё, хоть попадайся ей под колесы и полозья, хоть нет; а кто сдуру подскочил под коромысло, того тяп по голове, и дух вон. Коромысло этому не виновато...» (3: 192).

Обобранный в дороге мошенником и застрявший на одной из станций без денег, Лиров хочет уверить себя, что во всех своих бедах он виноват сам, что он действовал каждый раз по своему желанию и только неверно выбирал колею. Он думает, что достаточно выбиться из этой несчастливой колеи, кинуться от неё в сторону, и беда уже будет ходить не по нему, а по кому-нибудь другому. «Поэтому судьба»,— заключает он,— «пустое слово; моя свободная воля идти туда, куда хочу, и соображать и оглядываться, чтобы не подставлять затылка коромыслу» (3: 193). Однако тут же выясняется, что Лиров не знает, куда идти, чтобы спастись от своей гонительницы-судьбы: «А если и коромысло и вся махина — невидимка, подумал про себя Лиров, так что мне тогда в свободной воле моей и в хвалёном разуме, коли у ме-

ня звезды-путеводительницы нет, и я иду наугад? А если сверх этого, при всём посильном старании и отчаянном рвении моём, куда бы я ни кинулся, всегда попадаю на шестерню, на маховое колесо, под рычаг, на запоры и затворы или волчьи ямы?» (3: 193).

Итак, в «Бедовике» мы имеем дело с героем, не абсолютно, не изначально пассивным, а лишь уверившимся под постоянными ударами судьбы в бесполезности сопротивления, в существовании могущественной слепой силы, гнетущей человека. Сила эта писателем не конкретизирована, не соотнесена с социальным механизмом общества. Герой, не знающий даже, против кого ему бороться, встаёт на точку зрения фатализма. Он вообще перестает действовать и отдаётся на волю потока жизни. Когда Горюнов пытается расшевелить его, говоря: «А что, сударь, Евсей Стахеевич, чай, что-нибудь да делать надо; так не сидеть же!», он отвечает: «Покуда само делается, так не надо» (3: 205). И по воле автора для «бедовика» всё действительно сделалось само. Ему не только удалось жениться на любимой девушке, но и снова поступить на службу. Его способности были оценены, и он получил место с хорошим жалованьем.

Развязка повести была не в духе «натуральной школы», но, кроме нового подхода к образу чиновника и постановки проблемы человека и среды, она прокладывала пути к «натуральной школе» ещё и в описании быта и нравов губернского города, выдержанном в резко сатирических тонах. Принципиально важен для «натуральной школы» был образ бывалого русского человека, отставного солдата Горюнова. Он свидетельствовал об интересе к демократическим низам и в творчестве Даля положил начало целой галерее подобных героев. С ними в его произведения органично входил фольклор и живая народная речь, страстным собирателем и пропагандистом которых был Даль.

Подступы к «натуральной школе» содержали три рассказа с характерными для её поэтики названиями: «Цыганка» (1830), «Болгарка» (1837) и «Подолянка» (1839). Однако вопреки названиям установка на описание определённого национального типа не была в них основной. Все три рассказа построены как воспоминания повествователя об участии в Турецкой и в Польской кампаниях и содержат значительный автобиографический элемент. Большое место в них занимают описания тех 40 местностей, через которые

проходят русские войска, особенностей построек, убранства жилищ, обычаев, кухни, одежды. Эти рассказы, несомненно, связаны с традицией литературы путешествий и традицией романтизма с его этнографизмом и интересом к экзотике. Но объективность авторской позиции, тон научного описания приближают их к жанру очерка. Вот, например, отрывок из рассказа «Цыганка»: «Цыганки здешние имеют вообще столько своеродного и отличительного, что, несмотря на великое множество их, всегда при первом взгляде могут легко быть узнаны и отличены от природных жительниц, молдаванок. Цыганки бывают росту среднего, иногда рослы, стройны, волосы черноты совершенной, будто под черной финифтью, несколько курчавы или волнисты, длинны, густы и мягки. Это, а равно и особенный изжелта-смуглый цвет лица, есть неотъемлемый признак их» (7: 79).

Характерно, что сюжетная часть всех трёх рассказов невелика и существует в виде вкраплений в гораздо более значительную по размерам описательную часть. Это связано со своеобразием жанра, которому писатель стремится придать документальность. Во вступлении к рассказам «Болгарка» и «Подолянка» автор-повествователь обещает рассказать «в коротких словах простые и незапутанные похождения» девушек, «не называя их ни повестью, ни романом, ни драмою, а просто рассказом, сказанием о том, что видел и слышал,— воспоминанием. С воспоминанием этим необходимо связываются и собственные мои похождения; это отрывок из дневника, и более ничего» (7: 109).

Творчество Даля с самого начала отличалось значительным жанровым разнообразием. И к физиологическому очерку он подходил постепенно, в отличие от молодых писателей Григоровича, Панаева, Кокорева, Гребёнки и др., начавших свой творческий путь позднее, когда «натуральной школой» уже были выработаны основные принципы. После «Бедовика» и трёх вышеупомянутых рассказов он пишет повесть «Мичман Поцелуев» (1841), в которой ещё сильны отголоски романтической литературы. По верному наблюдению И.Т. Баера, это произведение является переходным, «лежащим на границе между литературой чувства и романтического энтузиазма и литературой натуралистической детали и скептицизма»[5]. Контрастное сопоставление двух типов личностей (Смарагд Поцелуев и барон Адель

фон Адельсбург), романтическая история любви героя и её счастливый конец, необыкновенные сплетения обстоятельств (семья спасённой Смарагдом девушки в свою очередь спасает его будущую жену), три поцелуя, полученные героем от трёх девушек, как три ударные точки сюжета,— всё это связывает «Мичмана Поцелуева» с традициями романтической повести. Черты новой поэтики просматриваются слабее. Это интерес к быту, к обыденной стороне жизни, хотя и тут ещё велика доля романтической рефлексии, как, например, в главе «Привесок или недовесок»: «...Ежедневные бездельные дрязги, шершавая сторона жизни, сор и осадок обусловленного быта нашего, взаимные прения, пустячные, мелочные, недостойные, пресмыкающиеся... о, оне гложут, точут как червь, и мукам этим нет конца» (2: 407). Это элементы нового взгляда на роль среды, и в частности воспитания, в формировании человеческой личности: «...Таков человек: между Ньютоном и дикарём-людоедом, который считает только до семи, вся разница, всё различие в одном воспитании; обмените их в колыбели, и один легко мог бы сделаться другим» (2: 336). Это снижающие детали, проскальзывающее по временам ироническое отношение к главной романтической фигуре повести — барону фон Адельсбургу, к его дворянской кичливости, к его мрачному аскетизму. Юмор окрашивает отношения двух героев-антиподов, что не свойственно романтической поэтике. Юмористическому снижению подвергнут и образ главного героя.

Таким образом, в повестях Даля «Бедовик» и «Мичман Поцелуев» и в произведениях смешанного полуочеркового-полусюжетного жанра, какими были «Цыганка», «Болгарка» и «Подолянка», подходы к «натуральной школе» ещё только намечались. «Уральский казак» (1842), напечатанный в альманахе А. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими»,— это уже типичный физиологический очерк, один из первых образцов этого жанра в русской литературе. Даль знакомит читателя с каждодневной жизнью типичного представителя уральского казачества. Но он пишет не об уральском казаке вообще, а избирает конкретную индивидуальную фигуру — гурьевского казака Маркиана Проклятова[6], человека бедного, уже немолодого, обременённого большой семьёй. Подробно описан образ жизни казака: его привычки и пристрастия, одежда, отношения с семьёй, работа и служба. Жизнь его тесно связана с природой, поэтому

его занятия описаны применительно к временам года: «Пришло жаркое, знойное лето» (7: 172), и Проклятов вместе с другими казаками отправляется на ловлю осетров. «Пришла осень — старик опять идёт с целым войском, ровно на войну, на рыболовство» (7: 175). «Пришла зима — Урал замёрз <...> а Проклятов опять снаряжается на рыболовство, на багренье» (7: 176). «Пришла весна — лёд тронулся, река вздулась, разлилась <...> и Проклятов опять уже ладит бударку, снаряжает плавенные сети...» (7: 177—178). Уральский казак живёт в полной гармонии с природой: «Не только на коне и на пресной воде, но и на море Проклятов был как у себя дома» (7: 181). Он и охотник, и мастер выезжать лошадей. Воинская служба для него — та же работа. Человек не злой, «жалеющий убить старого пса, который жил у него годов десять и под старость сделался калекой» (7: 180), он не щадит неприятеля и, не задумываясь, выкидывает на снег двух голых ребятишек, найденных во вьюках отбитых у врага верблюдов.

Спокойствие и объективность тона при описании самых разных проявлений характера казака тоже были признаками новой, близкой к научной, манеры изложения. «Почти полная слитность человека и среды»[7] у Даля в этом очерке исключала саму возможность вопроса о свободе воли, о вине и ответственности человека за свои поступки. Проклятов действует в строго очерченных пределах: дома он подчинён старообрядческим установлениям и строго их соблюдает, на службе, в походах он меняет и свой внешний вид, и поведение, и даже речь, но опять-таки в пределах требований военной среды. «Дома Проклятов не певал отроду песни, не сказывал сказки, не пел, не плясал, не скоморошничал никогда; о трубке и говорить нечего <...>. На походе — Проклятов первый песенник <...>, первый плясун, и балалайка явится на третьем переходе, словно из земли вырастет,— и явится трубка и табак. <...> Проклятов ходил под гладкой круглой стрижкой, как все староверы наши <...>. Отправляясь с полками на внешнюю службу, стригся он по-казачьи, или под-айдар. <...> Проклятов дома, на Урале, никогда не божился, а говорил «ей-ей» и «ни-ни»; никогда не говорил: спасибо, а «спаси тя Христос» <...>» (7: 174—175, 187, 188).

Для «физиологизма» Даля очень характерно пристальное внимание к языку. Будущий автор Толкового словаря, всю жизнь собиравший народные речения, широко использовал

свои знания и в художественном творчестве. Портрет уральского казака дополнен научным описанием его речи: «Надобно вам ещё сказать, что Маркиана Проклятова, как и всех земляков его, можно узнать по говору; он только слово вымолвит, и можно сказать ему положительно: ты уральский казак. <...> Казак говорит резко, бойко, отрывисто; отвечает языком каждую согласную букву, налегает на р, на с, на т; гласные буквы, напротив, складывает: вы не услышите у него ни чистого а, ни о, ни у» (7: 189). Отдельно дана характеристика речи женской части старообрядческой семьи, живущей очень замкнуто, и своеобразная справка об образовании фамилий на Урале и в Сибири: фамилии уральских казаков отвечают на вопрос «*чей ты?*» (Карпов, Данилов), а фамилии сибиряков – на вопрос «*чьих вы?*» (Кривых, Ильиных).

Сюжетная часть очерка невелика. В ней рассказ о последнем походе Маркиана и его гибели. Трагический финал заставляет читателя по-новому взглянуть на внешне бесстрастное повествование о жизненном пути уральского казака и задуматься о судьбе этого человека.

Работа Даля в жанре физиологического очерка была успешно продолжена. Один за другим были написаны «Находчивое поколение» (1843), «Петербургский дворник» (1844), «Денщик» (1845), «Чухонцы в Питере» (1846). Даль был признан ведущим мастером жанра. Указывая на «Денщика» «как на одно из капитальных произведений русской литературы», Белинский писал: «В.И. Луганский создал себе особенный род поэзии, в котором у него нет соперников. Этот род можно назвать физиологическим. Повесть с завязкою и развязкою не в таланте В.И. Луганского, и все его попытки в этом роде замечательны только частностями, отдельными местами, но не целым. В физиологических же очерках лиц разных сословий он – истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и глупом значении этого слова, то есть не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле – воспроизведения действительности во всей её истине. "Колбасники и бородачи", "Дворник" и "Денщик" – образцовые произведения в своём роде, тайну которого так глубоко постиг В.И. Луганский. После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе»[8].

Физиологические очерки Даля разнообразны и по материалу, и по способам его организации. «Находчивое поколе-

ние» начинается с рассуждения о характере русской смекалки в сравнении с изобретательностью ума «немцев», как собирательного названия для всех вообще иностранцев. Русским противопоставлено «заморское поколение», которое «растёт и мужает с убеждением, что, не дав счастию угонки, за ним не угоняешься». Это поколение, «у которого на всё инструмент есть, не пропадёт нигде; оно находчиво, смело пускается в открытое море чужбины, увёртливо борется с супротивными волнами и нередко благополучно достигает берега» (3: 385).

Мысль автора движется от общего ко все более конкретному: «Народ, о котором я говорю, *взяв только известную частицу его, отличную по одному образцу* (выделенные нами слова характеризуют очень важную для поэтики физиологического очерка установку. – *И.В.*) принадлежит, по званию, к бездомным скитальцам, к бобылям; по призванию – к художникам, как называют иногда человека, который горазд на всё, или ещё лучше – к источникам. Источником, в простонародном языке нашем, называется именно такой человек, который и скроит, и сошьёт, и выворотит, и мельницу починит, и узоры выведет...» (3: 385). Даётся собирательный портрет такого рода людей: «По наружности такой землепроходец человек благообразный: бакенбарды у него чистенько зачёсаны вперёд, запонки презатейливые, поступь смелая...» (3: 385). И затем принципиальный для физиологического очерка вывод: «Если вам случалось видеть когда-нибудь одного такого гражданина мира, то вы видели в нём и всех: это политипаж» (3: 386). Исходя из этого и продолжая движение от общего к конкретному, Даль даёт читателю возможность близко познакомиться с одним из таких субъектов, чтобы по нему судить обо всех. В очерке рассказана история жизни в России м'сье Петитома, «родом из Лозанны или Женевы» (3: 386). Эта часть очерка имеет разработанный сюжет и отличается от рассказа только концовкой, где дано три возможных варианта завершения судьбы Петитома и тем самым ещё раз подчёркнуто,что этот конкретный человек интересен писателю не сам по себе, не как индивидуальность, а как представитель определённого социального типа.

Совершенно иначе построен «Петербургский дворник», этот, по словам Белинского, «превосходный физиологически-юмористический очерк» (Б, IX: 217). Он начинается с бы-

товой уличной сценки, главными действующими лицами которой выступают два дворника — Григорий и Иван. За ней следует описание обычных каждодневных забот и обязанностей Григория, данное частично «от автора», частично с точки зрения героя: «До свету встань, двор убери, под воротами вымети, воды семей на десяток натаскай, дров в четвёртый этаж, за полтинник на месяц, принеси» (3: 343). Дав представление об обязанностях и труде дворника, автор ведёт читателя в его жилище: «Сойдите ступеней шесть, остановитесь и раздуйте вокруг себя густой воздух и какие-то облачные пары...» (3: 344). Подробнейшее описание обстановки оживляют комические детали, вроде рассказа о повадках «домашней скотинки», густо населяющей кровать Григория и мгновенно разбегающейся от звука колокольчика; или истории с утиральником: «...Утиральник этот упитан и умащён разнородною смесью всякой всячины досыта, до самого нельзя и проживёт, вероятно, в этом виде ещё очень долго, потому что мыши не могут его достать с гвоздя, а собак Григорий наш не держит, но он именно испытал однажды на своём веку, что голодная собака унесла тайком такой съедомый утиральник, который и пропал бы, вероятно, без вести, если б собака эта не погрызлась из-за лакомого куска с другим псом...» (3: 345).

Наряду с интерьером много внимания уделено описанию одежды Григория, его вкусов, обычной для него манеры отдыхать, способам лечения, внеслужебной деятельности (он занимался ростовщичеством в своём кругу), его взглядам и убеждениям, выработанным опытом долгой жизни в Петербурге. При всей своей социальной типичности и «почти полной слитности» со средой, в которой он «существует, как улитка в раковине»[9], Григорий предстаёт в очерке как живой человек, а не как функция среды. Он обладает индивидуальным характером, который оттенён сравнением с другим персонажем той же профессии — дворником Иваном. Авторское повествование построено таким образом, чтобы убедить читателя, что Григорий — лицо реальное, списанное с натуры. По наблюдению Ю.В. Манна, в качестве приёма повышенной документальности Даль использует подстрочные примечания. Так, сообщая о том, что Григорий не имел обыкновения мыть свою посуду, Даль пишет в сноске: «Впрочем, Григорий уверял меня однажды, что моет всю посуду свою каждого дне — в понедельник на

великий пост, но не для чистоты, а ради греха, как сам он выражался» (3: 345). «Уже одно это примечание,— пишет исследователь,— выводит персонаж за рамки художественного вымысла, “литературы” (можно ли представить себе, чтобы об Акакии Акакиевиче сообщалось что-либо сюжетно важное в примечании?), характеризуя доверительно-близкие отношения, которые существуют между автором и данным реальным лицом»[10].

Исчерпывающее описание подробностей жизни героя в Петербурге Даль завершает следующим образом: «Остаётся сказать несколько слов о семейных, родственных, хозяйственных и вообще домашних отношениях нашего Григория. Плох ли он был, хорош ли, честен по-своему или по-нашему, много ли, мало ли зарабатывал, а кормил дома, в деревне, семью» (3: 353). В конце очерка Даль раскрывает причины появления Григория в Петербурге: земли у него мало, хлеб родится плохо, а подушные ему надо платить за слепого отца, за деда, «да ещё за двух малых ребят, за одного покойника да ещё за одного живого» (3: 353). Это объяснение проливает новый свет на фигуру Григория и, как нам кажется, отчасти опровергает расхожее мнение о том, что Даль якобы не был озабочен проблемами социальной несправедливости. А.Г. Цейтлин, например, писал, что несомненная любовь Даля к простому русскому человеку не толкала его, однако, «к постановке проблем социального характера, которые казались ему чуждыми самому духу русского человека»[11]. В этом же смысле высказывался о Дале И.Т. Баер: «Его герои представляют различные социальные группы, и это всегда самые бедные слои (типичная черта физиологического очерка). Однако он смотрит на них не с социологической точки зрения. Нищета, гнёт, несправедливость, страдание не выступают в качестве мотивов в этих очерках. Его взгляд на героев определяется тем, что ему в них интересно: детали их жизни, способ поведения и язык. В эмоциональном плане он относится к своим героям сдержанно»[12].

Невозможно согласиться, что социальный подход был совершенно чужд творчеству Даля. Просто в отличие от других очеркистов 40-х годов он ставил социальные проблемы не в сюжетных столкновениях, не в авторских высказываниях, а в разбросанных тут и там острых наблюдениях и объективных свидетельствах. Начав «Петербургского дворника» с бытовой сценки, Даль очертил весь круг жизни че-

ловека. Читатель узнаёт, откуда пришёл Григорий в Петербург и куда он уйдёт. Как и в «Находчивом поколении», в конце очерка даны варианты заключительного акта судьбы героя: «Ещё на десяток годов станет Григория, может статься, и на полтора; там — либо пойдёт он и сам сядет на печь, сбыв деда, либо займётся в деревне торговлей, коли деньги тут не пропадут в закладах» (3: 353). Предсказана и судьба второго дворника — Ивана, которому, по его характеру, уже нет возврата в деревню.

Сюжет физиологического очерка «Денщик» обрамлён анималистическим портретом, описывающим не только внешность, но и черты характера, и особенности труда героя путём его сравнения с пятью разными животными. (Этот приём мы уже встречали у Даля в «Бедовике», где он использован для характеристики светского общества города Малинова). Обосновывая в начале очерка этот приём, Даль ссылается на авторитет «единственного в своём роде Гранвиля» (3: 355), автора знаменитой книги «Животные в их собственном изображении», оказавшей значительное влияние на русский физиологический очерк 1840-х годов[13]. Даль пишет: «Говорят, в каждом человеке есть сходство с тем или другим животным — по наружности, по приёмам, собственно по лицу или даже по свойствам и качествам» (3: 355). Денщика Якова Торцеголового автор представляет себе «в виде небывалого, невиданного чудовища, составленного из пяти животных» (3: 355): верблюда, волка, пса, хомяка и бобра. Охарактеризовав каждого из этих животных (например, «верблюд, сутулый, неповоротливый, молчаливый — а подчас несносно крикливый — и притом безответный работник до последнего издыхания» — 3: 355), Даль переходит к истории жизни Якова в денщиках. Эта часть очерка состоит из небольшого сюжета, рассказывающего о службе Якова у двух из его господ, и подробнейшего описания привычек и повадок Торцеголового, его взглядов и представлений, сложившихся в определённую жизненную философию, особенностей его речи, одежды и всех окружающих его предметов быта. Это описание пронизано сопоставлениями Якова с пятью вышеназванными животными: «В этом скопидомстве вы, конечно, узнаете хомяка» (3: 356); «Яков разревелся как верблюд» (3: 357); «Нельзя сказать, чтобы он действовал всегда на правах волка» (3: 361); «...Тут Яков обращался в волка с ног до головы» (3: 362) и т. п. Завершает-

ся «Денщик» характеристикой Якова опять-таки в духе повадок тех же животных: «Верблюдом был он на походе, когда, запустив шаровары в сапоги и навьючившись разным скарбом, месил грязь мерною поступью; волком — как и где случалось: в нужде, за недосугом купить или выпросить то, что ему было нужно; верным псом был он всегда, и вся забота его, всё назначение состояли в том, чтобы хранить и оберегать, по крайнему разумению, господское добро; хомяком был он на зимних квартирах, на стоянках <...>; наконец, бобром-строителем Яков делался если не на каждом привале, то по крайней мере на каждом ночлеге...» (3: 368). Как и в «Петербургском дворнике», очень большое внимание уделено описанию труда денщика. Принципиальное значение для физиологического очерка имело утверждение в его заключительной части: «Таков был Яков, и таковы будут все Яковы наши, по крайней мере большинство их».

Еще одна разновидность физиологического очерка представлена в творчестве Даля «Чухонцами в Питере». Если в «Находчивом поколении» в центре внимания был определённый социально-психологический тип западноевропейца любой национальности, в «Петербургском дворнике» и «Денщике» — русские люди определённой профессии, то «Чухонцы в Питере» — это коллективный портрет определённой группы населения, которая характеризуется с точки зрения национального характера, типичных занятий, этнографических особенностей (быт, одежда), языка. В этом очерке, который сам писатель назвал «статейкой» (3: 383), нет ни индивидуализированных типов, ни сюжета. Собирательные характеристики («Чухны вообще народ самый честный, то есть крепкий и верный на слово» — 3: 371; «Люди эти надёжны, трезвы, работящи» — 3: 373) подкрепляются примерами, среди которых рассказ о продавцах знаменитого чухонского масла, которые, взяв с покупателя задаток, никогда не обманут, а хоть через полгода или год, но доставят товар; трогательная история о молодом чухонце, добровольно принявшем на себя долг погибшего брата, а также случаи, не то чтобы совершенно противоречащие первоначальным утверждениям автора, но демонстрирующие сложность и неодномерность жизни, заставляющей иногда честных чухонцев хитрить и нарушать закон. С юмором рассказывает писатель о неудавшемся сговоре трубочистов на торгах, об «обычае вымаливать подаяние на снаряжение

небывалой невесты» (3: 377), о проделках чухонцев-контрабандистов и об их дрессированных лошадях.

Даль даёт представление о круге профессий, типичных для петербургских чухонцев, в отличие от уроженцев других мест. «Не только каждый народ,– утверждает он,– но и уроженцы известных мест, приходя на заработки в столицу нашу, держатся своего рода жизни и каких-либо особых промыслов. Так, касимовские татары все почти идут в дворники; рязанцы – в сидельцы и ещё более в целовальники; тверитяне – в каменщики и штукатуры; белорусы – исключительно в земляную работу и прочее. Чухонца или финляндца вы не увидите ни в сидельцах, ни даже в разносчиках <...>. Высший круг ремесленного или рабочего сословия из этого народа – это серебрянники; за ними следуют трубочистные мастера <...>; идущие на заработки промышляют легковым извозом <...>; в ломовых же извозчиках вы никогда не увидите чухонца» (3: 369–370).

В очерке отразился интерес Даля к этнографии и его обширные познания в этой области. Ему достаточно мельчайшей бытовой детали, чтобы основать на ней этнографический экскурс: «Замечательно, что обычай пахтать масло принадлежит всем чухонским, или вернее чудским, финским поколениям, а обычай топить его – турецкому или татарскому и монгольскому племенам. По этому незначительному обычаю, кажется, можно довольно верно распознать у нас эти два поколения там, где есть сомнение. Если бы, например, шитковые рубахи, монисты, пронизи, головной убор женщин (каля-баш и каш-боу) у башкиров и некоторые другие этнографические указания не изобличали в них чудское племя, то я бы готов был отказать им в татаро-монгольском происхождении по одному обычаю их не топить масло, а пахтать его» (3: 373–374).

Необычайно велика информативность этого небольшого по объёму очерка. Наряду с деталями быта, внешности, одежды, национальных черт характера, языка, попутных сопоставлений чухонцев с другими народами, в него органично входит историко-этнографический экскурс, посвящённый судьбе так называемых инородцев. Даль отмечает процесс быстро идущей русификации и вследствие этого в ряде случаев полного исчезновения некоторых народностей. «Заметим мимоходом, что чудское или финское племя вообще довольно склонно к этому переходу или преобразованию

и русеет гораздо легче, чем племена монгольские или татарские. Так, например, вогулы и вотяки, без сомнения, вскоре исчезнут вовсе; даже язык их утрачивается <...>. Почти то же можно сказать о некоторой части мордвы; даже зыряне, где они живут не особняком, а близ русских, легко с ними сближаются...» (3: 380–381).

В те же годы, когда создавались лучшие физиологические очерки Даля, он обращался и к другим жанрам. В частности, им было написано несколько повестей и среди них «Вакх Сидоров Чайкин» (1843), по словам Белинского, «одна из лучших повестей казака Луганского, исполненная интереса и верно схваченных черт русского быта» (Б, VIII, 96). С точки зрения развивающейся поэтики «натуральной школы» в этой повести много интересного. С самого начала писатель декларирует близость своего произведения к жизни, его подлинность, невыдуманность, которая противопоставлена литературности: «...Не ищите в записках живого человека повести или романа, т.е. сочинения; это ряд живых картин, из коих немногие только по пословице: гора с горой,– в связи между собою и с последующими» (3: 1–2). Главный герой повести, человек из низов общества (по рождению мещанин) переживает за первые тридцать лет своей жизни (столько длится действие повести) ряд внезапных переломов судьбы. Потеряв в младенчестве родителей, он становится крепостным, с четырёх лет до семнадцати воспитывается в доме помещика вместе с его детьми, после смерти своего благодетеля попадает в солдаты, как кантонист. Через четыре года обнаруживается ошибка, и Вакх получает «чистую отставку, как неправильно записанный на службу» (3: 30). Но через два года его снова сдают в рекруты от мещан родного города. Счастливая случайность помогает ему освободиться, он получает медицинское образование и становится уездным лекарем.

Другим типичным для «натуральной школы» мотивом было «объяснение какого-либо зла предшествующими "данными"». По наблюдению Ю.В. Манна, «особенно широкое распространение <...> получил анализ той ситуации, в которой находился воспитанник (чаще всего крепостной) какого-либо барина, знатного человека и т. д.»[14]. Именно такой случай представлен в повести «Вакх Сидоров Чайкин». Помещик приближает к себе крепостного мальчика, но забывает дать ему отпускную. После смерти помещика его сын

возвращает Вакха в прежнее состояние. «Быть крепостным,— говорит герой-рассказчик, «попавший из полубар чуть не в свинопасы»,— это по себе ещё не так велика беда: да мое-то положение было нестерпимое <...>. На что же мне дали это образование? Приписали, так и оставили бы у Катерины, на скотном дворе, и я бы пас свиней, да плёл бы лапти, не хуже другого; а теперь тяжело» (3: 21).

Долгое время герой оказывается игрушкой в руках судьбы. Недаром это слово очень часто встречается в тексте повести: «уроки, коими наделяла меня судьба» (3: 1); «Я не думал тогда, что судьба печётся обо мне уже по-своему и что будущая участь моя решается в эту самую минуту в барском доме» (3: 19); учитель-француз «учил меня переносить свою судьбу» (3: 21); «судьба, казалось, хотела испытать <...> решимость молодого врача» (3: 68). Сначала Вакх покорно принимает все удары судьбы и не задумывается о социальной несправедливости, даже теряя из-за сословных предрассудков любимую девушку. Но по мере того как он проходит школу жизни (а воспитание «натуральная школа» понимала достаточно широко — как сумму всех влияний окружающей действительности), в нём пробуждается самосознание и протест. Он не хочет мириться с тем местом в жизни, которое определено ему как отставному унтер-офицеру: «...Это звание отводило мне место по чину в харчевне, в кабаке, на толкучем и под качелями; а во всякое другое общество двери для меня не отворяются. Так ли я был воспитан, того ли мог желать?» (3: 34).

Дальнейшему прозрению Вакха немало способствовала жизнь в Петербурге, куда он устремился, подобно множеству других героев «натуральной школы», в поисках счастья. Там он «перебивался с петельки на пуговку, с корки на корку» и пришёл к выводу, что «для чужого человека Питер — тот же лес, а люди, покуда не обживёшься, не спознаешься с ними, те же дикари и звери» (3: 58). Вакх мужественно переносит «все сотни тысяч неудач», которые он встречал «каждый день и на каждом шагу» (3: 58). Его труд эксплуатируют одинаково бессовестно и русский купец, и немец-портной, и вельможа. В связи с последним, история семьи которого прослеживается в нескольких поколениях с начала 1700-х годов, рассказчик делает замечание, очень показательное для философии «натуральной школы», для её представления о взаимодействии природы, которая творит

добрую натуру человека, и среды, которая её коверкает: «Довольно любопытно следить таким образом, как мы теперь, за целым поколением, и видеть, как природа постоянно борется с искусством нашим, как порывается родить человека, но исподволь пересиленная, переспоренная воспитанием нашим, нередко, наконец, должна уступить ему и произвести на свет, в третьем, четвертом колене, настоящее животное» (3: 61).

В отличие от многих героев «натуральной школы», терпящих жизненный крах и крушение иллюзий, Чайкин осуществляет свою мечту: получает диплом лекаря первой степени. Герой-плебей испытывает по этому поводу законную гордость: «...Я сам себе заработал и приобрёл почётное место в обществе, и теперь не стыдно было мне назваться воспитанником коровницы и отставным унтер-офицером...» (3: 67). До сих пор Вакх боролся только за себя. Выйдя на общественное поприще в качестве уездного лекаря, он попытался бороться за социальную справедливость. Здесь его деятельность оказалась менее успешна. С первых же шагов он наталкивается на сопротивление всей устоявшейся системы жизни. «Всякая несправедливость казалась мне дневным разбоем, и я выступал против неё с такою же решимостию и отчаянием, как противу человека, который бы душил подле вас кого-нибудь, ухватив его за горло: где кричат караул, туда я бросался со всех ног. Но я большею частию оставался в дураках, заслужил только прозвание беспокойного человека, а горю помогал очень редко» (3: 72). Управа не получала от Чайкина взяток и была им очень недовольна. Общество отвернулось от него после неудавшейся попытки первой дамы города женить его на одной из своих многочисленных дочерей.

Если в начале своей деятельности Чайкин был полон решимости «прать противу рожна» (3: 78), то довольно скоро он осознал свое бессилие в борьбе с крепко спаянным и сплочённым злом. Ему остаётся только отойти в сторону и не иметь ничего общего с этой чуждой ему средой. «Я отставал от общества всё более и более, жил бедно и тесно одним жалованьем своим и посвятил всё время своё, весь досуг книжным и письменным занятиям и больным тех званий и сословий, которые нелегко находят необходимую для них помощь и пособие. Вся безмездная практика Алтынова и его окружности была у меня в руках» (3: 102).

Даль не поставил здесь точку, как того можно было бы ожидать от писателя, приверженного принципам «натуральной школы». Он снова, как в «Бедовике», предпочёл счастливый конец, обрушив на своего героя каскад счастливых случайностей: Чайкин не только находит службу по душе в имении идеального помещика, но внезапно обретает пропавшего ещё до его рождения отца и женится на девушке, с потерей которой он смирился семь лет назад[15]. Если концовка повести и противоречила суровой жизненной правде, то во всех других отношениях это было типичное произведение «натуральной школы». В повести представлена широкая панорама жизни разных социальных слоёв общества. Среди её действующих лиц помещики и крестьяне, солдаты и офицеры, чиновники, купцы, врачи, музыканты, ремесленники. Подробно воспроизведён быт, внимание обращено на самые прозаические детали (например, описание обыденной жизни дворянского семейства Калюжиных). Симпатии автора принадлежат героям из демократических низов.

Повесть «Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту» (1843) продолжала тему бедного чиновника, открытую в творчестве Даля «Бедовиком». В художественном отношении это произведение гораздо более зрелое, чем повесть «Вакх Сидоров Чайкин», поскольку оно лишено таких недостатков, как рыхлая композиция, растянутость, нереалистические мотивировки событий. «Бедовик» был написан до выхода «Шинели» Гоголя. «Жизнь человека» — после. Ориентация на Гоголя и отталкивание от него здесь очевидны. Уже в самом двухчастном названии повести не только содержится отсылка к «Шинели» и «Невскому проспекту» («Так протекала мирная жизнь человека»[16],— говорит Гоголь об Акакии Акакиевиче), но и рождается некий новый смысл от столкновения этих двух частей. Начало повести идентично началу «Невского проспекта»: «Невский проспект, от Дворцовой площади и до Невского монастыря — это не только целый город, целая столица, это целый мир,— мир вещественный и мир духовный, мир событий, столкновений, случайностей, мир хитрой и сложной расчётливости, тонких происков и продувного пустозвона; это палата ума и торная колея дурачества; <...> опорная точка, основание действий и целой жизни одного человека — поворотный круг и солнцестояние другого...» (3: 305). По сравнению с гоголевским опи-

сание Даля социально заострено в духе «натуральной школы»: «Разгульная песнь лихого тунеядца сливается здесь с тихим вздохом труда и стоном надежды. <...> А загляните в жильё — в подвалы, ярусы и чердаки — тут в одно и то же время и крестят и отпевают, и сватают и венчают, и хоронят и рожают...» (3: 305—306).

Взявшись за изображение Невского проспекта как «целого мира», который «образуется и составляется из сложности всех чинов и званий» (3: 306), Даль не собирается повторять Гоголя. «Другой описал уже население Невского проспекта по дням и часам, по суточным переменам» (3: 306),— говорит он о своём предшественнике. Гоголя интересовали люди, которых на Невском «судьба сводит день за день изо всех концов столицы и целого царства» (3: 306). Даль ставит перед собой другую задачу: «...Это не тот мир, о котором я хочу говорить; дайте мне рассказать вам, каким образом для одного частного человека весь мир ограничивался собственно стенами Невского проспекта...» (3: 306).

В повести Даля человек настолько ограничен средой, что она сведена к одной-единственной улице, на которой проходит вся его жизнь, — с того момента, когда он новорожденным подкинут в семью немца-булочника, и до самой смерти. В двойном названии повести и отражена эта гротескная ситуация: жизнь Иосифа, Оськи, Осипа Ивановича, «горбунчика» уподоблена прогулке по Невскому проспекту, так как в первую половину жизни, до тридцати лет, он, меняя квартиры и места службы, двигался от Невского монастыря к Дворцовой площади по одной стороне улицы, а затем точно так же «возвратился вспять по другой, не отшатнувшись никуда, ниже на полпяди в сторону» (3: 316).

В герое Даля нашла свое крайнее, также гротескное выражение психология «маленького человека», его панический страх перед действительностью, его одиночество «среди шумной, трескучей и суетной столицы» (3: 319). Прожив до тридцати лет, Осип Иванович «ни одного раза не садился на дрожки, а и того менее в коляску» (3: 317); дожив до тридцати девяти лет, не видел Невы и «всё, что лежало вне проспекта, называл заграничным» (3: 318). Он отказался от брака и остался холостым только потому, что невеста жила в Фонарном переулке: «Нет-с, подумать страшно. Завяжется этакое заграничное свойство — я ведь к ним туда не пойду ни за что; а тут станут звать да просить...» (3: 320).

Чувство страха перед жизнью особенно усилилось в душе Осипа Ивановича после наводнения 1824 года. С этих пор лейтмотивом его существования стали слова: «Очень опасно жить в Петербурге. Суета сует и всяческая суета; когда-нибудь умереть надо» (3: 329). И в связи с этим у него даже возникает вопрос: «На что же человек родится?» (3: 335). Этот вопрос лежит в основании всей повести, прослеживающей жизнь человека с самого начала и до самого конца. Все периоды и стороны жизни тихого и смирного воспитанника булочника описаны подробно и с большим вниманием к деталям. Особенно интересно описание работы Осипа Ивановича в канцелярии, которое перекликается с соответствующим местом «Шинели»: «Он переписывал всё, что ему наваливали на стол, от слова до слова, от буквы до буквы, и никогда не ошибался; но, если бы ему дать перебелить приговор на ссылку его самого в каторжную работу, он бы набрал и отпечатал его четким пером своим с тем же всегдашним хладнокровием, ушёл бы домой и спокойно лёг бы почивать, не подозревая даже, что ему угрожает» (3: 317). Оба героя – и у Гоголя, и у Даля – обречены быть вечными переписчиками, но в отличие от Акакия Акакиевича, который «служил с любовью»[17] и был в своём деле поэт, Осип Осипович – просто машина: «...Иосиф восходил также, мало-помалу, лестницу чинов и был уже титулярный, но занятия его оставались всё одни и те же, и за сочинительским столом ему сидеть не удавалось. Опытная, привычная рука чертила условные знаки, как деревянный телеграф шевелит бессознательно руками и ногами; он передаёт тем, у кого есть ключ этой грамоты, всё, что угодно, и сам ничего не знает, не ведает» (3: 336–337).

Гоголь и Даль взяли один и тот же социальный тип, с одной и той же целью – пробудить сочувствие к бедному, задавленному жизнью человеку. Но художественные пути они избрали разные. Гоголь пронзает сердце читателя острой болью, сконцентрировав трагизм положения в эпизоде с шинелью. Даль изображает обыденное течение жизни своего героя. Исключительный случай в его сером существовании – путешествие в карете на Петербургскую сторону и обратно, которое сам Осип Иванович называет «необыкновенным приключением», имеет комическую окраску.

Повесть «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета» (1844, «Библиотека для чтения»),

написанная Далем «как текст для объяснения картинок» художника Сапожникова, была высоко оценена Белинским: «...Из его текста к картинкам вышла оригинальная повесть, которая прекрасна и без картинок, хотя при них и ещё лучше. <...> Жизнь петербургских немцев, многие черты вообще петербургской жизни и вообще русской жизни, верно подмеченные, удачно схваченные, множество фигур, искусно обрисованных <...> всё это так занимательно, так полно жизни и истины, что от труда г. Луганского нельзя оторваться, не дочитав до последней строки» (Б, VIII: 481).

В «Виольдамуре», как и в «Прогулке по Невскому проспекту», жизненный путь героя прослежен от рождения до смерти. В центре внимания автора обыкновенный человек («это человек самый обиходный, и пороки его принадлежат не лицу, а человечеству» – 10: 236), печальная судьба которого является следствием неправильного воспитания и романтического образа мыслей, далёкого от реальной действительности. Христиан родился в семье потомственных музыкантов и с детства готовился к музыкальной карьере. Родители, уверовав в гениальность ребёнка, «довольствовались этою уверенностию, ждали спокойно, скоро ли благодатная природа разовьёт самобытные дарования любимца своего, а потому о воспитании, образовании сына на деле мало заботились» (10: 15). В результате Христиан вырастает человеком, имеющим совершенно превратные понятия как о жизни, так и о своих способностях. Не отрезвляют его и несчастья, довольно рано посыпавшиеся на его голову. Так и живёт Виольдамур, вслепую борясь с судьбой («Судьба, судьба! надо выбиться из этих бурных волн» – 10: 79,– говорит он себе), то всплывая с помощью друзей на поверхность, то снова погружаясь в пучину. Сюжет повести построен на столкновении нереалистических представлений героя с суровой прозой жизни, которое заканчивается его полным поражением.

Не выдерживает ударов судьбы и романтическая дружба Христиана с другим молодым музыкантом, много и бескорыстно помогавшим ему: «...Безусловное уважение Волкова к другу своему исчезло: он видел в нём уже весьма обыкновенного человека с большими недостатками, любил его, но сомневался, выйдет ли из него когда-нибудь путное» (10: 184). Оставленный всеми, кроме своего верного пса Аршета,

Виольдамур в двадцать пять лет умирает в нищете, не имея средств к жизни и крова над головой.

В духе «натуральной школы» писатель стремится пробудить сочувствие к своему герою, «маленькому человеку», раздавленному жизнью. Его гибели во многом способствует жестокость светского общества города Сумбура, которое сначала вознесло Христиана, а потом безучастно отвернулось от него. Описание типичного провинциального города, быта и нравов его обитателей составляет существенный пласт этого произведения, что было характерно и для предыдущих повестей — «Бедовик» и «Вакх Сидоров Чайкин».

Ограниченный объём статьи не позволяет нам обратиться к анализу других произведений Даля, сыгравших значительную роль в становлении «натуральной школы». Так, очерк «Русский мужик» (1846, альманах «Новоселье») предвосхищает генетически связанный с «натуральной школой» демократический очерк шестидесятых годов. Его высоко ценил Белинский, писавший в обзоре «Взгляд на русскую литературу 1846 года»: «Статья Луганского: «Русский мужик» <...> исполнена глубокого значения, отличается необыкновенным мастерством изложения и вообще принадлежит к лучшим физиологическим очеркам этого писателя, которого необыкновенный талант не имеет себе соперников в этом роде литературы» (Б, X: 43). К жизни крестьян Даль обращался и в жанре сюжетного рассказа («Хмель, сон и явь», 1843), декларируя в духе «натуральной школы» природное равенство людей всех социальных слоёв: «Жизнь простолюдина кажется нам чрезвычайно однообразною, не занимательною: всем помышлениям указан тесный круг, вечные заботы о насущном хлебе? нет потребностей кроме сна и пищи, нет доблести кроме случайной; есть добродетель, покуда нет искушения — где нет кабака. Нельзя спорить против этого, нельзя и согласиться безусловно. Человек всё один и тот же; отличается один от другого либо тем, что Бог ему даст — и этот дар даруется не по сословиям; либо тем, что приобретёшь наукой и образованием — и если это собственность высших сословий, то по крайней мере способность, восприимчивость к тому всюду одинаковая; либо наконец отличается один от другого кафтаном — и это различие бесспорно самое существенное, на котором основано многое» (2: 348).

Среди участников литературного движения 40-х годов не было другого писателя, столь близко и многосторонне знакомого с бытом и языком низших слоёв русского общества. Это было отмечено в 1846 г. Тургеневым, который писал в рецензии на «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского» в четырёх частях: «Мы назвали г. Даля народным писателем. <...> В наших глазах, тот заслуживает это название, кто <...> проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом»[18]. Тургенев отметил и другую характерную черту творчества Даля, составлявшую его «резко выраженную оригинальность» среди других писателей,— «неизменную, непринуждённую веселость»[19].

Даль продолжал писать и печатать очерки и рассказы в тот период развития «натуральной школы», когда основные принципы её идеологии и поэтики подвергались пересмотру и преодолению. Но он не был в числе реформаторов. Он, чьи сочинения Гоголь называл «живой и верной статистикой России»[20], остался верен «дельному направлению литературы» (Б, IX: 388). И хотя Гоголь явно преуменьшал художественное значение произведений Даля, когда писал: «Он не поэт, не владеет искусством вымысла, не имеет даже стремления производить творческие создания», но с тем, что Гоголь говорит далее, нельзя не согласиться: «...Он видит всюду дело и глядит на всякую вещь с дельной стороны»[21]. Эти особенности творческой индивидуальности Даля сделали его творчество тем мостиком, который непосредственно соединил физиологический очерк «натуральной школы» с демократическим очерком писателей-разночинцев 1860-х годов.

Примечания

[1] Статья перепечатана из сборника «“Натуральная школа” и её роль в становлении русского реализма». М., Наследие. 1997. С. 37—59.

[2] Полн. собр. соч. Владимира Даля (Казака Луганского). СПб.–М., 1897—1898. Т. 3. С. 126. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

[3] По подсчёту Иохима Т. Баера, это составляет четверть всего текста повести (*Joachim T. Baer*. Vladimir Ivanovic Dal' as a Belletrist. The Hague-Paris, 1972. P. 90).

[4] *Баер И.Т.* Указ. соч. С. 92.

[5] Там же. С. 104.

[6] В первой публикации его фамилия была Подгорнов.

[7] *Манн Ю.* Человек и среда (Заметки о «натуральной школе») // Вопр. лит. 1968. № 9. С. 119.

[8] *Белинский В.Г.* Русская литература в 1845 году // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959. Т. 9. С. 398–399. Далее сноски на это издание даются в тексте, с пометой: Б.

[9] *Манн Ю.* Человек и среда... // Вопр. лит. 1968. № 9. С. 119.

[10] Там же. С. 120.

[11] *Цейтлин А.Г.* Становление реализма в русской литературе. М., 1965. С. 146.

[12] *Баер И.Т.* Указ. соч. С. 131.

[13] *Цейтлин А.Г.* Указ. соч. С. 203.

[14] *Манн Ю.* О движущейся типологии конфликтов // Вопр. лит. 1971. № 10. С. 99.

[15] Более подробно о смысле этой концовки и о ее литературной традиции см. в указ. работе Ю. Манна // Вопр. лит. 1971. № 10. С. 93–94.

[16] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. III. М., 1938. С. 146.

[17] Там же. С. 144.

[18] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 30 т.: Т. 1. 1978. С. 277.

[19] Там же. С. 280.

[20] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: Т. VIII. С. 424.

[21] Там же.

Т.Л. Миронова

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ КАК ЭТНОГРАФ

Владимир Иванович Даль, имя которого получило всемирную известность благодаря «Толковому словарю живого великорусского языка», никогда бы не создал столь совершенный и полный словарь, если бы действовал только как филолог-собиратель русских литературных и диалектных слов. Но В.И. Даль в своей многолетней словарной работе исходил из того, что «словесная речь человека — это видимая осязаемая связь, союзное звено между телом и духом» (Напутное слово, с. XV), слово для него было носителем и выразителем самой жизни русского человека во всех её разносторонних проявлениях — в семейном и общественном быту, в духовной культуре, в области народных знаний и народного искусства. Так что русское слово в «Толковом словаре» Даля, сохраняя для будущих поколений национальное сознание и национальную память, выражает традиционный нравственный и общественный идеал и Православную веру. Всё это свидетельствует о том, что Владимир Иванович Даль как составитель русского «Толкового словаря» был одновременно *этнографом,* собиравшим самые разнообразные данные о жизни русского народа, всё то, что отражает его материальную и духовную повседневность.

Этнография русских до сих пор изобилует белыми пятнами. Интерес к жизненному укладу народа в России пробудился лишь в середине прошлого века и дал ряд интересных работ Сахарова, Коринфского, Снегирёва, Афанасьева и др. Но и на этом блестящем фоне этнографические изыскания В.И. Даля выделялись полнотой охвата материала, что было обусловлено впервые применяемым им в собирательской практике *этно-языковым подходом* к составлению словаря. Это означало, что каждое записанное В.И. Далем слово из сферы материальной и духовной культуры русского народа было снабжено этнографическим его толкованием, описанием языковых реалий и часто географической пометой, локализующей слово на обширных пространствах русской земли. К примеру, слово *борьба* имеет следующее

толкование, включающее важные этнографические сведения, сегодня приобретшие уже историческое значение: «*борьба,* как ристалище, единоборство, различна по обычаям и условиям: русские борются либо с носка — одной рукой друг друга за ворот, а другою не хватать, либо накрест руками, через плечо и под силки, и валяют через ногу, подламывают под себя и, припадая на колено, перекидывают через себя. Татары и башкиры закидывают друг другу пояс на поясницу, не хватаясь за одёжу и, упершись левым плечом в друг друга, а перехватывать руками и подставлять носков не дозволяется. Калмыки, полунагие, в одних портках, сходятся, кружа друг около друга, и вцепляются, как ни попало, ломая друг друга по произволу».

Не менее ценно и интересно толкование слова *богоявление (крещение)* — название праздника, содержание которого В.И. Даль раскрывает через ряд народных примет и обычаев: «Яркие звёзды породят белых ярок. Крещение под полный месяц — к большой воде. Крещенский снег собирают от недугов и для беления холстов. В богоявленскую ночь, перед утренней, небо открывается; а о чём открытому небу помолиться, то сбудется. На Крещенье день тёплый — хлеб будет тёмный, густой. На Крещенье снег хлопьями, к урожаю; ясный день, к недороду».

Сам создатель «Словаря» хорошо осознавал специфику этно-языкового подхода к собиранию слов и даже узаконил его в теоретической формулировке: «Землеведение и языкознание, по-видимому, две науки почти несродственные; но если изучать землю вместе с обитателями её, то вопрос этот принимает иной вид, и Русское Географическое Общество по Этнографическому Отделению своему придётся сродни или в свойстве со Вторым Отделением Академии наук (словесности — *Т.М.*). На этом поприще оба учёные общества подают друг другу братскую руку соревнования и помощи».

Как это осуществить на деле, великий собиратель живого великорусского языка изложил в статье «О наречиях русского языка», написанной специально для «Вестника Императорского Русского Географического Общества», где, в частности, подчеркнул этнографическое значение своего словаря: «В бытовом (этнографическом) отношении местный словарь указывает на происхождение и сродство поколений, и потому областное наречие или говор не могут быть оставлены без внимания этнографом. Кто не узнает, при

первой речи, уральского казака по резкой скороговорке его; донца – по особенной примеси южнорусского говора; курянина – по мягкому окончанию третьего лица. Кто не узнает олончанку по певучей дроби речи её, которую, без всякого преувеличения, можно положить на ноты? Коломенец говорит: папенькя, маменькя, кваскю, табачкю; зубчанин, напротив того: пустомела, черва. Кто не узнает сибиряка, между прочим, по одному вопросу: чьих вы, вместо: как вы прозываетесь; ярославца, особенно ростовца, по приставке *де, ди* и по словцу *родимый;* новгородца, который говорит: хлиба ниту, сина ниту, совсим бида. Всё это одни отрывочные примеры, взятые на память. В этом деле найдём мы необходимое подспорье для географии, этнографии и истории, а ещё более для изучения родного языка».

О той роли, которую «Толковый словарь живого великорусского языка» сыграл в развитии этнографии, говорит факт присуждения этому труду Этнографическим отделением Русского Географического общества Константиновской золотой медали за 1862 год.

Из Словаря родился ещё один замечательный этнографический труд Владимира Ивановича Даля – его двухтомное собрание «Пословиц и поговорок русского народа», которое, в первую очередь, должно быть названо этнографической энциклопедией русской народной мудрости, а уже затем описанием частного раздела национального фольклора. На самом деле, пословицы и поговорки, присущие каждому народу, есть самое полное выражение национального образа жизни, кристаллизация национальной мысли. Причём эти крылатые народные афоризмы возникают не праздно, ради балагурства благодушного русского человека, напротив, в них – в ёмкой, часто рифмованной форме – заложены идеалы человеческой жизни, правильные с народной точки зрения модели поведения, необходимые для человеческого житейского благополучия образцы общежития и общения. Таким образом, пословицы и поговорки – это школа национальных идеалов для подрастающих поколений русских, и не скучным назиданием, не менторской долбёжкой, а невзначай, за игрой, за трапезой, за работой рождается присловье, нестираемой матрицей входит в ум ребёнка, и затем во всяких жизненных обстоятельствах ограждает его, уже взрослого, предостережением от неправильных действий. Сколько таких пословичных

«правил национального поведения», по которым многие из нас живут до сих пор, собрано в книге «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Далем, собрано для того, чтобы раскрыть психологические основы русской жизни, понять душу русского человека. Вот, к примеру, русские пословицы и поговорки, приучающие человека постоянно помнить о Боге, воспитывающие его в Вере и в уповании на божественный промысел: *Бог милостив* – утешение; *помогай Бог, Бог помочь* – приветствие труждающемуся; *дай Боже* – пожелание; *ради Бога* – просьба, моление; *Бог тебя суди* – жалоба обиженного; *чем Бог послал* – говорит хозяин, угощая; *помилуй Бог, избави Бог* – желание устранения чего-либо неприятного; *за правду Бог и добрые люди; доброму Бог помогает; Бог терпел да и нам велел; обидчика Бог судит; дай Бог – хорошо, а слава Богу – лучше; как ни живи, а только Бога не гневи; русский Бог велик; у Бога милости много.*

Не менее поучительны пословицы об отношении к богатству, делающие понятным обыкновенное в русском народе нестяжательство: *Богатым быть трудно, а сытым немудрёно; Будет с нас, не дети у нас, а дети будут – сами добудут; Деньги смогут много, а правда всё; С голоду не мрут, только пухнут, а от обжорства лопаются.*

Пословицы открывают незлобивость русского характера, склонного к самоиронии: *Иванов как грибов поганых; Наши миряне родом дворяне, работы не любят, а погулять не прочь; Для щей люди женятся, а от добрых жён постригаются; Слава Богу не без доли: хлеба нету, так дети есть.* Однако при этом в пословичном собрании немало и таких афоризмов, которые говорят о русской самоотверженности, о готовности отразить любого врага: *Страхи не ляхи, а русский не боится; Русский молодец – басурманам конец; Сам голову положу, да твою-то с плеч снесу.*

Интереснейший этнографический материал собран В.И. Далем и в книге «О суевериях и предрассудках русского народа», делающей предметом изучения целый комплекс русских домашних верований, зачастую имеющих языческие корни и прежде известных только по местам, в глуши, передаваемых из поколения в поколение в семьях. Эти стремительно уходившие в небытие уже в XIX веке народные бытовые представления сохранены для нас собирателем и сегодня являются основой изучения русского язычества историками и этнографами.

Вообще и первые подробные этнографические описания предметов старинного народного быта даны именно В.И. Далем в его Толковом словаре; например: *жбан* – обручная посудина кувшином, высокая, к верху поуже, с навешанной крышкой, резною ручкою и таким же рожком, рыльцем или носком, для кваса и браги; *братина, братыня* – сосуд, в котором разносят пития, пиво на всю братию и разливают по деревянным чашкам и стаканам, медная полуведёрная ендова или деревянная с развалом и с носком; *арх.* большая деревянная чашка. // Стопа, коноб, кружка, большой бокал, который обходит в круговую. Определения Даля очень точны. Они подробно описывают каждую деталь предмета, приводят ему много синонимичных наименований, известных по другим местам, то есть далевский словарь и подготовительные материалы к нему являются на сегодняший день самоценным источником этнографических сведений.

Пожалуй, и сам Владимир Иванович Даль никода не чувствовал себя узким филологом, собирателем слов. Поскитавшись по Руси, напитавшись живой народной жизнью, он выразил жизнь русского народа в своём великом «Словаре», запечатлел её текучесть, многообразие и неистощимое богатство, видя в народном слове «свод народной опытной премудрости и суемудрия, стоны и вздохи, плач и рыдание, цвет народного ума, самобытной стати».

В.П. Нерознак

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ В.И. ДАЛЯ (Владимир Иванович Даль и Август фон Хакстхаузен)

Владимир Иванович Даль относится к тем «парадигматическим» личностям, которые совершили культурный переворот в России XIX века. Первым в этом ряду несомненно стоит имя русского гения Александра Сергеевича Пушкина. Рядом с основоположником современного русского литературного языка на скрижалях русской культурной истории начертано имя В.И. Даля, русского Леонардо да Винчи.

Своим вкладом во многих областях культуры он заслужил широкое признание среди современников не только нашей страны, но и видных представителей научной общественности за её пределами. Об этом свидетельствует одна из малоизвестных страниц биографии В.И. Даля, связанная с его творческими связями с именитым немецким исследователем истории России Августом фон Хакстхаузеном. Опубликованные в Германии по случаю 400-летия университетской библиотеки г. Мюнстера немецким учёным Готфридом Кратцем материалы представляют новые, ранее неизвестные, данные о сотрудничестве В.И. Даля с немецкими коллегами[1].

Предметом исследования стали хранящиеся в Отделе рукописей библиотеки Университета г. Мюнстера материалы, в которых нашли отражение документальные свидетельства сотрудничества между В.И. Далем и А. фон Хакстхаузеном. Основным источником сведений об этом служит литературное наследие самого Хакстхаузена, архив которого был приобретён библиотекой г. Мюнстера в 1967 г., а также документы из наследия Шульте-Кемминтсхаузена, приобретённые университетской библиотекой в 1974 г.

Барон Август фон Хакстхаузен (1792—1866) совершил путешествие в Россию в 1843—1844 годах. Во время поездок по России он посетил Петербург, Москву и южное Закавказье[2]. Результатом этой «экспедиции» явился трёхтомный труд «Исследования о внутреннем положении жизни народа и особенностях управления сельским хозяйством России»[3]. В третьей части своих штудий (Studien, III: 153) барон Хакст-

хаузен указывает на свои контакты с В.И. Далем, с которым он несколько раз встречался в Петербурге в начале и в конце своей поездки по России.

В то время В.И. Даль имел высокий чин статского советника, выполнял обязанности чиновника особых поручений и руководил особой канцелярией Министерства внутренних дел. Одновременно с 1841 по 1849 гг. В.И. Даль занимал должность заместителя товарища министра уделов[4].

Именно служебным положением В.И. Даля было предопределено знакомство с ним А. фон Хакстхаузена. Первое упоминание имени В.И. Даля (Dahl) появилось в рукописном списке Хакстхаузена, в котором тот назван в ряду важных персон Петербурга, которых он намеревался посетить во время пребывания в России. Существуют и другие косвенные доказательства знакомства Даля и Хакстхаузена во время его первой поездки в Петербург. Одним из таких доказательств служит пересказанное Н. Барсуковым письмо от Ариста Аристовича (Эрнст-Эдуард) Куника, в котором тот сообщает, что он вместе с Далем познакомился с Хакстхаузеном[5]. Другим важным свидетельством является находящийся в архиве Хакстхаузена письменный приказ на имя Августа фон Хакстхаузена, который Даль направил директору университетского пансиона в Москве А.И. Чивилёву. К письму приложен конверт, также хранящийся в архиве Хакстхаузена, с надписью на русском и немецком языках, сделанной рукой В.И. Даля: «Его Высокородию Господину профессору Чивилёву Директору Университетскаго Пансиона в Москве»[6].

Другим неоспоримым доказательством заинтересованности В.И. Даля в осуществлении миссии Августа фон Хакстхаузена в России служит письмо В.И. Даля Александру Ивановичу Чивилёву (1808–1867), профессору политической экономии и статистики Московского университета и директору Благородного пансиона при том же университете. Вот текст письма: «Христос воскрес! Любезному другу и товарищу Чивилёву рукопожатие, на многая лета. Заграничный барон Königl Preuss Geheimer Collegienrath Haxthausen (королевско-прусский тайный коллегии советник Хакстхаузен) желает с тобою познакомиться: он едет по России, хочет видеть Русь и узнать её. Он преимущественно этнограф, дело сродное с твоею частию и ты будешь ему полезен. Дайте ему бога ради здравыя понятия о быте нашего крестьяни-

на, о положении и об отношениях его, изгоните завиральныя идеи, если они найдутся, и положите ему дело во всей наготе его, без всякой утайки. Ему из Министерств даются все сведения и способы: желательно, чтобы он написал книгу дельную – когда немец путешествует, то, сам знаешь, без книги не обойдётся.

Кланяйся всем нашим [слово неразборчиво]. Здесь статистика ваша почиет глубоким сном, в «нашем» (?) отделении она всё ещё та же вспомогательная подручница географии, которая выставляет цифры на пробелах исчерченных ведомостей и если цифры эти ещё официальные, то она уже и подавно думает, что сделала своё дело. Тогда она, после такого усилия, надевает свой халат и колпак и ложится спать. Покойной ночи. Ей даже и во сне не привидится, что есть статистика без цифр, которые доставляются пьяными, хмельными, бестолковыми [слово неразборчиво] во всех отношениях становыми приставами. Если бабушке той скажешь, что есть-де статистика описательная, живая картина живого мира – и если растолкуешь ей, что это такое, то она говорит презрительно, что это-де бабьи сказки, а что официальные таблицы её хмельные бредни и те же бабьи сказки – этого не верит она, или прикидывается будто не верит, потому что ей не дело важно, не наука, не истина, а важны чисто разграфлённые таблицы с каллиграфическими цифрами. Прощай, любезный, заболтался! В. Даль. 11-го апреля».

Значительное влияние творчества В.И. Даля, в частности его рассказа «Уральский казак», сказалось при написании А. фон Хакстхаузеном раздела «Studien» «Уральское казачество», в котором он вслед за Далем рассматривает русскую общину («мир») как реальную основу менталитета русского народа. В конце четвёртой главы он делает примечание: «Многие сцены из жизни уральского казачества заимствованы мной из характерной маленькой новеллы “Уральский казак” Даля (*Kosak am Ural von Dahl*), которая также должна быть переведена на немецкий язык, а также из устных пояснений Даля» (Studien, III: 153).

Как отмечает Г. Кратц, особое значение А. фон Хакстхаузен придавал устным высказываниям Даля по самым различным вопросам этнографии и фольклора русского народа – быт, верования, народные песни, пословицы, язык[7]. Эти высказывания Даля немецким этнографом фик-

сировались в заметках, которые также сохранились в архиве А. фон Хакстхаузена в университетской библиотеке города Мюнстера. К таковым относятся заметки, в которых содержатся высказывания Даля о числе 40 (*сорок*), понятии *мера* как «русского общего числа», об «истинно русском стихотворном размере».

Записи А. фон Хакстхаузена, в которых как источник информации назван В.И. Даль, в целом ряде случаев по содержанию соотносятся с публикациями В.И. Даля. Вот лишь некоторые записи А. фон Хакстхаузена, приведённые Г. Кратцем (Ук. соч., с. 249): Peterb[ur]g [,] 14. 1. [18] 44. *Даль* «Снегирёв выпустил в Москве 2 томика о русских суевериях. Оборотень только в Малороссии (упырь), в Великороссии – нет. И всё же есть легенда о том, что мертвецы снова оживают и долго бродят вокруг живущих. Если умирающий не может умереть, то он подпадает под подозрение, что он колдун, тогда выдирают доски в потолке над его кроватью, чтобы небо увидело его и освободило. *Оборотень*, по-русски *упырь*, у сербов и вендов *вампир*. Венды постоянно преобразовывают *u* в *w*. Поэтому Ostrow/Ustrow в Wustrow, из Undinen стали Wenden»[8].

Запись о «баснях о животных у русских» [UBM. Haxthausen-Nachlass. Kaps.: Russische Reise. Transkaukasia. Nr. 128]: Peterb[ur]g [,] 14. 1. [18] 44. *Даль*. Есть у русских сказки о животных, что-то подобное сказкам о брате лисе (Eine Art Reineke Vos). В Великороссии он называется лисой, поедательницей кур, причём следует отметить, что в древнерусском языке он *лис*, а не *лиса*, поэтому очевидно, что в древнерусском этот персонаж был мужского рода. В Малороссии сказки ещё выразительнее, они называются: *сестричка лиса* и *братец волк*. В Малороссии сказки более выразительны, чем просто рассказ. В Великороссии она очень часто существует только как пословица, относящаяся к сказке (притче), в которой заключается основное содержание. Напр. Собака не может вылакать реку, поэтому и лает на неё.

А. фон Хакстхаузен в своих записях прибегает и к приёму пересказа притч на немецком языке с параллельным текстом на русском языке в передаче В.И. Даля. Запись притчи о дятле, опубликованной В.И. Далем в 1843 г. (ПСС. Т. VI. 1897. С. 111–112): [UBM. Haxthausen-Nachlass. Kaps.: Russische Reise. Transkaukasia. Nr. 128 v].

Как отмечает Г. Кратц, обследовавший архив А. фон Хакстхаузена, наиболее отчётливо видна связь рукописного текста «Русские пословицы» («Russische Sprichwörter»), русский текст которых написан знакомым уже по письму Даля почерком, в правой колонке, а слева располагается немецкий текст, который написан А. фон Хакстхаузеном (*Kratz G.* V.I. Dal' und August von Haxthausen. S. 252).

[UBM. Haxthausen-Nachlass. Kaps.: Russische Reise. Transkaukasia. Nr. 145 v].

Русские пословицы (написаны в русском звучании латинским шрифтом):

1. Глас народа, глас божий (Пословицы, 1862, с. 431; 1957, с. 404).

2. Своим судом присудит (?) [слово неразборчиво] мирской (?) суд (Ср. Мир присудил по-своему. ПСС, т. IX, с. 180, прим. 36; Новгород судится своим судом. Толковый словарь, 1866: 1980 – «судить»).

3. У мира шея толста (Мирская шея толста, т. е. много снесёт, сможет. Пословицы, 1862, с. 431; 1957, с. 405; Толковый словарь, 1865: 1979 – «мир»).

4. Мужик умён, да мир дурак (Пословицы, 1862, с. 433; 1957, с. 406; Толковый словарь, 1865: 1979 – «мир»).

5. Сто голов, сто умов (Пословицы, 1862, с. 433; 1957, с. 406).

6. Против мира, против царя (Ср. Никто против бога, да против царя. Пословицы, 1862, с. 244; 1957, с. 243; Толковый словарь, 1866: 1980 – «царь»).

7. Мир великое дело (Мир велико дело. Пословицы, 1862, с. 431; 1957, с. 404; Толковый словарь, 1865: 1979 – «мир»).

8. На мир нет суда (На мир и суда нет. Пословицы, 1862, с. 431; 1957, с. 404; Толковый словарь, 1865: 1979 – «мир»; С миру по нитке – голому рубаха. Толковый словарь, 1865: 1979 – «мир»).

Далее даётся дословный перевод русских пословиц на немецкий язык, сделанный А. фон Хакстхаузеном. На обратной стороне этого же списка карандашом А. фон Хакстхаузен записал русские пословицы на немецком языке, при этом пословица приведена на языке источника с транслитерацией латинскими буквами. Следует обратить внимание на то, что, если на лицевой стороне списка записаны пословицы с ключевым словом *мир* в значении «община», то обратная его сторона заполнена образцами пословиц с ключевым словом *мир* в значении «мир, согласие, перемирие».

[UBM. Haxthausen-Nachlass. Kaps.: Russische Reise. Transkaukasia. Nr. 145 v]:

1. Wozu soll man mit jemand Frieden schliessen[,] der nicht zu zanken versteht! – На что с тем мириться, кто не умеет браниться (Пословицы, 1862, с. 270; 1957, с. 264).

2. Zanke so viel du willst, aber behalt ein Wort zurück für den Frieden[.] – Хорошо браниться, когда мир готов (Пословицы, 1862, с. 271; 1957, с. 265).

3. Mit dem Besoffenen zank ich mich, mit dem Nüchternen mache ich Frieden. – С пьяным побранись, а с трезвым помирись (Пословицы, 1862, с. 271; 1957, с. 265).

4. Do boga wysoko do Zara daleko[.] Gott hoch[,] der Zaar weit. – До бога высоко, до царя далеко (Пословицы, 1862, с. 929; 1957, с. 836, 839).

5. Mit den Lügen kom[m]t man *durch* die Welt[,] aber *nicht züruck*! – Неправдой свет пройдёшь, назад не воротишься (Пословицы, 1862, с. 193; 1957, с. 198).

6. Er regiert, wie der Bär im Wald Krum[m]hölzer macht, d.h. wenn sie brechen lasst er sie liegen *oder* er biegt ohne vorher zu bähen, bricht es, so kümmert es ihn nicht. – А царь тот правил, как медведь в лесу дуги гнёт: гнёт не парит, переломит не тужит (Толковый словарь, 1865: 1980 – «правый»).

7. Gehend esse ich mich satt, stehend schlaf ich (der Soldat)[.] – Солдат походя наестся, стоя выспится (Даль В. О русских пословицах. 1847 // Современник. С. 145. Прим. 65).

8. Beim Soldaten rasiert der Pfriemen, u[nd] hat er keinen Pelz, so warmt der Stock[.] – У солдата шило бреет, а шубы нет, так палка греет (Пословицы, 1862, с. 784; 1957, с. 710; Толковый словарь, 1866: 1980 – «солдат»).

9. Ungebeten gekommen, ungejagt weggegangent[.] – Пришёл незван, поди же негнан (Пословицы, 1862, с. 874; 1957, с. 788; Толковый словарь, 1865: 1979 – «незваный обед»).

10. Dort ist Gott, dort die Thür! – Вот тебе бог, а вот тебе порог (Пословицы, 1862, с. 874; 1957, с. 788; Толковый словарь, 1865: 1980 – «порог»).

11. Der Vordermann ist die Brücke des Hintermanns! – Передний заднему мост (Толковый словарь, 1865: 1979/1980 – «мост», «перед»).

12. [4 Worte unleserl.]: Ohne gesundigt zu haben, kann man nicht Ablass bekommen. – Ни греха, ни спасения (Толковый словарь, 1863: 1978 – «грех»).

13. Wo keine Menschen sind, da ist auch Thomas ein Edelmann. – На безлюдьи и Фома дворянин (Толковый словарь, 1863: 1978 – «безлюдье»).

Wo keine Fische sind, da ist der Krebs ein Fisch. – На безрыбьи (1978: безрыбье) и рак рыба (Толковый словарь, 1863: 1978 – «безрыбный»).

14. Das Huhn ist kein Vogel, der Fähndrich kein Offizier. – Курица не птица, прапор ( ) (прапорщик) не офицер (Пословицы, 1862, с. 787; 1957, с. 713; Толковый словарь, 1865: 1979/1980 – «кур», «прапор»).

15. Dem Betrunkenen reicht das Meer nur bis ans Knie[.] – Пьяному и море по колено (Пословицы, 1862, с. 888; 1957, с. 800).

16. Den Bucklichen macht gerade das Grab, den Bucklichten[?] der Stock. – Горбатого исправит могила, а упрямого – дубина (Пословицы, 1862, с. 206; 1957, с. 209; Толковый словарь, 1863: 1978 – «горб»).

17. Bei Gott geht das Gebet und beim Zaar der Dienst nie verlohren[.] – За богом молитва, за царём служба не пропадёт (Пословицы, 1862, с. 254; 1957, с. 250).

18. Beim Weibe ist das Haar lang[,] der Verstand kurz[.] – Волос долог, да ум короток (Пословицы, 1862, с. 369; 1957, с. 350).

19. Einer stössigen Kuh giebt Gott keine Hörner[.] – Бодливой корове бог рог не даёт (Толковый словарь, 1866: 1980 – «рог»).

Г. Кратц обратил внимание на то, что список пословиц о русской общине («мир») на лицевой стороне этого документа, соответствующий пословицам В.И. Даля, не идентичен списку пословиц, который А. фон Хакстхаузен приводит при толковании этого же концепта «мир» в приложении к 4-й главе третьего тома своих «Исследований» (Studien, III: 129; *Kratz G.* V.I. Dal' und August von Haxthausen. S. 257).

Некоторые сообщения, которые несомненно имеют отношение к Далю, записаны в другом контексте и без указания на источник. И тем не менее целый ряд сюжетов русского фольклора, о которых сообщает А. фон Хакстхаузен, прямо или косвенно указывают на В.И. Даля как на источник информации. К ним относятся народные шутки, иронические песни и частушки о Наполеоне, «где представлены народные картинки и карикатуры, выполненные с чисто русским мастерством и смекалкой» (Studien, I: 229).

В творческом наследии А. фон Хакстхаузена важное место занимает его описание самобытного песенного фольклора русских, украинцев, башкир, источником сведений о котором также для него служили неисчерпаемые познания В.И. Даля и других видных русских учёных, этнографов и историков, писателей и издателей.

В записях немецкого учёного открываются ранее неведомые страницы биографии В.И. Даля, его глубокое проникновение в толщу народной культуры.

[UBM. Haxthausen-Nachlass. Kaps.: Russische Reise. Transkaukasia. Nr. 145 v]. Peterb[ur]g [,] 14. 1. [18] 44. *Даль:* «У великороссов больше лирических песен, у малороссов больше героических песен из нового (?) времени казаков и атаманов. Великорусские песни включают охотно чужие тональности, имеют только одну часть, они связаны с татарскими и монгольскими песнями: в противовес им малорусские песни [слово неразборчиво] связаны (?) с вендскими, и состоят в основном из двух частей. Иван Грозный главный герой народных песен, которые показывают его не жестоким, а героем и мудрым человеком. Народ его очень любит! Также о нём есть красивые сказки и легенды. Вид группового танца называется *хоровод* (дословно *водить хор*)».

В.И. Даль был постоянным собеседником А. фон Хакстхаузена во время его пребывания в Петербурге, оказывал ему консультативную помощь, выступал в роли доброжелательного помощника в трудном для иностранца вопросе, как «понять Россию». В то же время В.И. Даль стал и первым критиком труда А. фон Хакстхаузена, его трёхтомного трактата о России. В письме к Погодину (от 25 августа 1852 г.) Даль так оценивает заключительный третий том «Исследований» (Studien) А. фон Хакстхаузена: «Много довольно верных взглядов, но более чем в первых частях врак и недоглядов. Посему же нашему брату не позволят написать что-нибудь подобное. Ух как бы я расписался».

И тем не менее помощь и огромное влияние, оказанные Далем на немецкого этнографа позволили не без гордости сказать А. фон Хакстхаузену: «Я знаю Россию очевидно лучше, чем кто-либо в Европе» (Studien, II: 332). А в заключительных главах своего труда, где он с благодарностью ссылается на Даля, Хакстхаузен отметил, что невозможно полностью соответствовать требованиям истинного знатока народного бытия, каким был В.И. Даль (Studien, III: 122).

Публикация Г. Кратцем материалов из архива барона А. фон Хакстхаузена, относящихся к В.И. Далю, позволяет расширить и углубить наши знания о великом русском учёном, внёсшим непреходящий вклад в культурную историю России, подарившим ей энциклопедию словесности «Толковый словарь живого великорусского языка». И мы, члены Общества любителей российской (русской) словесности, гордимся тем, что этот эпохальный труд В.И. Даля был издан по инициативе и на средства ОЛРС.

Примечания

[1] *Kratz Golfried.* V.I. Dal' und August von Haxthausen – Materialen in der Handschriftenabteilung der Universitätsbibliothek Münster // Bibliothek in vier Jahrhunderten. Jesuitenbibliothek. Bibliotheca Pauliana. Universitätsbibliothek in Münster. 1588–1988. Hrsg. Von H. Oesterreich, H. Mühl, B. Haller. Aschendorf Münster, 1988. S. 223–256. Выражаю благодарность директору Музея В.И. Даля Р.М. Коломцевой за предоставленную ею возможность ознакомиться с публикацией Готфрида Кратца.

[2] См. *Морозов П.О.* Барон Август Гакстгаузен и его сочинение о России. 1842–1854 // Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. Т. 1. СПб., 1891. С. 201 и след.

[3] *Haxthausen, August Freiherr* von. Studien über die innern Sustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen. Russlands. Nachdruck Ausg. Hannover (3. Berlin). Bd. 1–3, 1847–1852.

[4] Автобиографические наброски в письме В.И. Даля Я.К. Гроту от 1 августа 1868 г. См.: *Грот Я.К.* Воспоминания о В.И. Дале: с извлечениями из его писем // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 10. 1873. С. 40.

[5] *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб. Т. VII. С. 282; *Kratz G.* V.I. Dal' und August von Haxthausen. S. 229.

[6] *Kratz G.* V.I. Dal' und August von Haxthausen. S. 229. [UBM. Haxthausen-Nachlass. Kaps.: Russische Reise. Transkaukasia. Nr. 7].

[7] *Kratz G.* V.I. Dal' und August von Haxthausen. S. 247–248.

[8] *Даль В.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа // Полное собрание сочинений. Т. X. СПб., 1898. С. 292.

Ю.В. Шуйская

«ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА» В.И. ДАЛЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СТРУКТУРЫ СОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Значение сборника «Пословицы русского народа» трудно переоценить. Автору этой статьи хотелось бы рассмотреть его с неожиданной стороны. Пословицы, собранные Владимиром Ивановичем Далем – а их более тридцати тысяч – отражают не только громадный пласт культуры русского народа. Это ещё и воспроизведение **структуры сознания русского общества середины XIX века**, так как пословицы являются устойчивой и хранимой обществом системой общих мест, или **топов**.

Топы – это категории, в которых человеческое сознание осмысляет, классифицирует и оценивает действительность. Эти категории поддаются сознательному использованию при составлении текстов для того, чтобы воздействовать на аудиторию[1].

Топы разделяются на два типа – внутренние и внешние. К внутренним относятся различные типы отношений, существующие между явлениями действительности (например, *причина – следствие, действие – претерпевание*). Внешними топами называются культурно значимые и принимаемые всем обществом или какой-либо его частью суждения[2]. Именно такими суждениями и являются пословицы. Причём пословичный фонд языка объединяет весь социум, использующий данный язык.

Топы фольклора не только являются общими для всего социума, всех слоёв населения. В историческом развитии общества, в развитии системы внешних топов нижним ярусом, на котором основаны все остальные, является дописьменная словесность – то есть фольклор. В дальнейшем на него накладываются общие места письменной словесности – рели-

гиозные тексты, затем печатной словесности — научные тексты и документ, после этого — художественной литературы и, наконец, массовой информации[3]:

массовая информация
художественная литература
печатная словесность
письменная словесность
фольклор

Эти уровни существуют не только в истории развития системы общих мест, но и в современном сознании каждого образованного человека. Действительно, человек постоянно пользуется пословицами и поговорками (общие места фольклора), придерживается какой-либо религии (общие места письменной словесности), владеет знаниями в определённой сфере науки, а также документации (печатная словесность), читает художественную литературу и, наконец, смотрит телевизор, слушает радио, пользуется интернетом.

Слова, обращённые ко всему народу, должны исходить из общих мест, отражённых в пословицах этого народа. Если перед нами коллектив, состоящий из прекрасно знакомых нам людей, мы можем с большой долей уверенности сказать, какую литературу они читают и пользоваться в своей речи, обращенной к ним, общими местами этого яруса. При выступлении перед сотрудниками одного учреждения или специалистами в одной области (например, на конференции), можно предсказать ту часть топов, которая касается словесности печатной. В ещё более широких аудиториях, где оратору не известны ни литературные вкусы его слушателей, ни их профессиональная компетенция, но с большой долей вероятности определяется конфессия слушателей, можно обратиться к топам, связанным с религиозными текстами. Но тексты, связанные со сферой массовой информации, пишутся для всех. Людей, воспринимающих эти тексты, не объединяет ничего, кроме пословиц и поговорок. Единственная система топов, к которой могут обратиться составители текстов массовой информации — это система фольклора.

Анализ сборника фольклора, составленного в XIX веке, даёт адекватное представление о сознании общества этого времени и отчасти о сознании любого отдельного человека.

Однако устойчивость, традиционность пословиц позволяет предположить, что они отражают сознание и ещё более ранних эпох. «Пословицы русского народа» особенно ценны тем, что они представляют собой корпус дописьменной словесности, развивающейся в условиях существования письменной, печатной словесности и художественной литературы. Однако общие места фольклора по-прежнему остаются самым древним и самым общим пластом топов в структуре социума.

Смыслы, правила, рекомендации, которые передают пословицы, регулируют человеческую жизнь во всех её сферах. Но, помимо этого, интересно расположение самих пословиц, такое, каким его видел Владимир Иванович Даль. Собирая пословицы, Даль сознательно отказался от расположения их по алфавиту: «Перехожу, наконец, к объяснению подборки и расположения пословиц. Обычно сборники эти издаются в азбучном порядке, по начальной букве пословицы. Это способ самый отчаянный, придуманный потому, что не за что более ухватиться. Изречения нанизываются без всякого смысла и связи, по одной случайной, и притом нередко изменчивой, внешности. Читать такой книги нельзя: ум наш дробится и утомляется на первой странице пестротой и бессвязностью каждой строки; приискать, что понадобилось, нельзя; видеть, что говорит народ о той либо другой стороне житейского быта, нельзя; сделать какой-нибудь свод и вывод, общее заключение о духовной и нравственной особенности народа, о житейских отношениях его, высказавшихся в пословицах и поговорках, нельзя; относящиеся к одному и тому же делу, однородные, неразлучные по смыслу пословицы разнесены далеко врознь, а самые разнородные поставлены сподряд; остаётся самому читателю сделать то, что мог бы подготовить издатель: подобрать однородные пословицы; но для этого надо прочитать всю книгу и, наделав свои заметки, выписывать сотни, а может быть, и тысячи строк. <...> Расположение пословиц по смыслу их, по значению внутреннему, переносному, как притч, кажется, самое верное и толковое. В какой мере эта задача вообще исполнима, можно ли сделать это сразу и насколько подсудимый вам собиратель в этом успел — другой вопрос; мы говорим только о правиле, о начале, на каком разумно можно основаться. Не сомневаюсь, что это лучший из всех порядков, в

каком бы можно было представить все народные изречения для обзора, сравнения, оценки и уразумения их и для общего из них вывода» [*Даль*: 27–28].

Иерархию топов в «Пословицах русского народа» определяет порядок тематических разделов. Их Даль выделяет 180, не объединяя в более крупные. Порядок расположения разделов определяет значимость данной сферы жизни для общества и для составителя сборника.

В «Пословицах русского народа» чётко выделяются три иерархии:

I. ВЕРТИКАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ:

1. Религия (Бог – вера, Вера – грех, Изуверство – раскол, Изуверство – ханжество, Вера – исповедание). *Жить – Богу служить. Божья роса божью землю кропит. Бог полюбит, так не погубит. Вера и гору с места сдвинет. Бог любит праведника, а чёрт ябедника. Мужик лишь пиво заварил, а уж чёрт с ведром. Образ Божий не в бороде, а подобие не в усах. Всяк крестится, не всяк молится. Всяк язык Бога хвалит. Менять веру – менять и совесть. Без добрых дел вера мертва перед Богом* и др.

2. Закон (Мошенничество – воровство, Воровство – грабёж, Суд – приказный, Суд – правда, Суд – лихоимство, Соблазн – искушение, Соблазн – пример, Повод – причина, Причина – следствие, Причина – отговорка, Клевета – напраслина, Правда – кривда, Правда – неправда – ложь, Неправда – ложь, Сознание – улика, Упорство, Проступок – грех, Кара – милость, Кара – потачка, Кара – признание, Кара – покорность, Кара – ослушание, Кара – гроза, Кара – угроза, Гроза – кара, Вина – заслуга, Просьба – согласие – отказ). *Не тот вор, кто ворует, а тот, кто ворам потакает. И твоя правда, и моя правда, и везде правда – а нигде её нет. Не бойся суда, бойся судьи. Один проторил тропу, а все ходят. Всех причин не переслушаешь. Мала причина, да грех велик. Добрая отговорка стоит дела. Кто неправдой живёт, того Бог убьёт. Деньги смогут много, а правда всё. Раз солгал, а век веры не имут. Кто врёт, тому бы бобра в рот. Грех-то в мех, а грешки в мешки да по подлавочью. Грешники, да Божьи. Не плачь битый, плачь небитый. Кого журят, того и любят. За прощеную вину и Бог не мучит. Повиниться – что Богу помолиться. Каков гость, таково ему и угощение. Каков до Бога, таково и от Бога. Дают – бери, бранят – беги! Зов – великое дело. Всякое дыхание любит даяние* и др.

3. Общественные и государственные отношения (Казна, Царь, Закон, Начальство – приказ – послушание, Начальство – служба, Строгость – кротость; **нарушение общественных отношений:** Задор – гульба – беспутство, Гульба – пьянство, Драка – война, Ссора – брань – драка, Мир – ссора – спор). *Крепко царство казною. Без царя – земля вдова. Не зная закона, не знает и греха. Послушание паче поста и молитвы. Где ни жить, не миновать служить. Не всё должно, что можно. Работа денежку копит, хмель денежку топит. Смерть в бою – дело Божье. Полно браниться, пора подраться. Хотя тесно, а лучше вместе. В мире жить – с миром жить* и др.

4. Учение, учёность (Язык – речь, Грамота, Ученье – наука, Ум – глупость, Память – помин, Толк – бестолочь). *Язык телу якорь. Язык хлебом кормит и дело портит. Кто меньше толкует, тот меньше тоскует. Язык наперёд ума рыщет. Доброе молчанье лучше худого ворчанья. Кто грамоте горазд, тому не пропасть. Кто хочет много знать, тому надо мало спать. Не побивши, не выучишь. Ничего не смыслить – век киснуть. Учись доброму, так худое на ум не пойдёт. Разум – душе во спасенье, Богу на славу. Доброта без разума пуста. Не дал Бог ума, найдётся сума. Во всех годах, да не во всех умах. От старых дураков молодым житья нет. Добро помни, а зло забывай. Лучше воротиться, чем блудиться* и др.

5. Повседневная мораль (Цвет – масть, Оплошность – расторопность, Забота – опыт, Запас, Раздумье – решимость, Начало – конец, Работа – праздность, Покой – движение, Тишина – шум – крик, Сон, Ремесло – снаряд, Ремесло – мастеровой, Торговля, Займы). *На вкус, на цвет мастера нет. Коли сам плох, так не даст и Бог. Кто за чем пойдёт, то и найдёт. Раз маху дашь – год не справишься. Сам смекай, где берег, где край! Где положил, тут и выворожил. Едешь на день, бери хлеба на неделю. Думай двояко, а делай одинако. Бог долго терпит, да больно бьёт. Начиная дело, о конце помышляй! Поколе солнце взойдёт, а роса глаза выест. Не работа сушит, а забота. Без дела жить – небо коптить. Работа с зубами, а леность с языком. Труд человека кормит, а лень портит. Что потрудимся, то и поедим. Молчан собака исподтишка хватает. От свиньи визгу много, а шерсти нет. Много спать – дела не знать. Сон правду скажет, да не всякому. Топор острее, так и дело скорее. Ремесло пить-есть не просит, а хлеб приносит. Не солгать, так не продать. Что наживёшь, то и проживёшь. Ма-*

лого пожалеешь — большое потеряешь. Купишь лишнее — продашь нужное. Взаймы не брав, хоть гол да прав. Отдашь ломтём, а собираешь крохами. Берёт руками, а отдаёт ногами и др.

6. Личностные качества (Прямота — лукавство, Болтун — лазутчик, Осторожность, Зависть — жадность, Умеренность — жадность, Приличие — вежество — обычай, Молва — слава, Смелость — отвага — трусость, Трусость — бегство, Опрятность, Щегольство). *Смелость силе воевода. На всякую беду страха не напасёшься. С погани не треснешь, а с чистоты не воскреснешь. Волк и медведь не умываючись здоровы живут. Всяк несёт уста, где вода чиста. Наряди пня, и пень хорош будет. По платью видят, кто таков идет. В чём призван, в том и прибывай! Пей, ешь, как хочется, а носи, как сможется. Где просто, там ангелов со сто. Льстец под словами – змей под цветами. Благослови, да головы не сломи! Кто станет доносить, тому головы не сносить. Насечёшь тяпкой, не сотрёшь тряпкой. Живи ни шатко, ни валко, ни на сторону. Так лови, чтоб и самому уйти. Не гони Бога в лес, коли в избу влез. Собаку мани, а палку держи! Дай Бог много, а захочется ещё больше. Не разводи усок на чужой кусок. Лишнего пожелаешь – последнее потеряешь. Не всё перенять, что по воде плывет. Кто малым недоволен, тот большого недостоин. Что в людях ведётся, то и у нас не минется. Дома, как хочу, а в людях, как велят. Был бы хлеб да муж, и в лесу привыкнешь. Ветром море колышет, молвою – народ. Что Савва, то и слава. Не бери дальнюю хвалёнку, а бери ближнюю хаянку* и др.

7. Общественное мнение — оценка личности другими (Похвала — похвальба, Любовь — нелюбовь, Брань — привет, Друг — недруг, Одиночество; **поступки по отношению к другим:** Докука, Своеобычие, Угода — услуга, Помощь — кстати, Услуга — отказ, Условие — обман, Божба — клятва — порука). *Хвались, да назад оглянись! Хвалили, хвалили, да в навоз и свалили. Высоко поднял, да низко опустил. Любовь не пожар, а загорится — не потушишь. Люби хоть не люби, да почаще взглядывай! От того терплю, кого больше люблю. Ласковое слово лучше мягкого пирога. Добру расти, худу по норам ползти. Друг другу терем ставит, а недруг недругу гроб ладит. Пьёшь у друга воду слаще мёду. Недруг поддакивает, а друг спорит. Сам себе на радость никто не живёт. Что надокучит, то и научит. Наладила песню, дак хоть тресни. Всякий молодец на свой образец. Кому как угодно, а мы – как знаем. Что город, то норов; что деревня, то обычай.*

Всяк храмлет на свою ногу. На мир песку не усеешь. Как к худу придёт, так и добром не подспоришь. Сказал бы словечко, да волк недалечко. После дела за советом не ходят. Не разговаривает мерин, а везёт. До поры, до времени не сеют семени. Руби дерево здоровое, а гнилое и само свалится. Кожу сняли, так не по шерсти тужить. Лучше дать, нежели взять. Работой не вырядишь, как рябой не вырядишь. Много обещают – ничего не дают. На посуленном далеко не уедешь. Кто много врёт, тот много божится. Кто без дела божится, на того нельзя положиться и др.

8. Словесность (Пословица – поговорка, Сказка – песня). *Пословица недаром молвится. Пословица плодуща и живуща. Спесь не дворянство, глупая речь не пословица. Пословицами на базаре не торгуют. Сказка складом, песня ладом красна. Бедный песни поёт, а богатый только слушает. Беседа дорогу коротает, а песня – работу* и др.

Данные сферы жизни для общества определяют систему авторитетов, на которые можно опираться в данном языковом коллективе. По степени значимости – в соответствии с порядком расположения разделов у Даля – их можно выстроить так:

Религия
Закон
Общество и государство
Наука
Практическая деятельность
Личность
Общественное мнение
Фольклор

Таким образом, в мире, таком, каким его представляют пословицы, собранные В.И. Далем, выделяется восемь типов авторитетов, чётко ранжированных составителем сборника по степени значимости[4].

II. ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ:

9. Жизнь человека (Убийство – смерть, Жизнь – смерть, Человек, Человек – приметы, Здоровье – хворь). *Жив Бог, жива душа моя. Живой смерти не ищет. Думка за горами, а смерть за плечами. И то будет, что нас не будет. Человек не скотина, а и ту недолго испортить. Человека видим, а души его не видим. Людей-то много, да человека нет. Человека под стать и масть не подберёшь. Руки работают, а голова кор-*

мит. Здоровью цены нет. Здоровому всё здорово и др.

10. Космос (Вселенная, Тлен – суета, Былое – будущее). *Мир, что огород: в нём всё растёт. И сей день не без завтрашнего. Одно нынче лучше двух завтра. Почём знать, чего не знаешь. Что было, то прошло; что будет, придёт* и др.

11. Государство (Родина – чужбина, Русь – родина, Народ – язык, Народ – мир). *Хвали заморье, а сиди дома! Своя печаль чужой радости дороже. На родной стороне и камешек знаком. Земля русская вся под Богом. На Руси никто с голоду не умирывал. Московская грязь не марается* (пословицы о разных городах, их жителях). *У нас не в Польше, муж жены больше. На русском хлебе отъелся. Мир никем не судится, одним Богом. Никто óт миру не прочь* и др.

12. Семья (Баба – женщина, Молодость – старость, Одиночество – женитьба, Муж – жена, Дети – роди́ны, Семья – родня, Жених – невеста, Сватовство, Свадьба, Девичьи гадания). *Стели бабе вдоль, она меряет поперёк. Где сатана не сможет, туда бабу пошлёт. Поколе молод, потоле и дорог. Не годы, а горе старит. Одна голова не бедна, а и бедна – всё одна. И в раю жить тошно одному. Горько, что беда, а мило, что жена. Жена не седло: со спины не сымешь. Всякому мужу своя жена милее. Моё дело – сторона, а муж мой прав. Жить вместе и умереть вместе. Дети – благодать Божья. У кого детки, у того и бедки. Где мир да лад, там и Божья благодать. Лучше жениться, чем волочиться. Девкой меньше, так бабой больше. Лучше на убогой жениться, чем с богатой браниться. Свату первая чарка и первая палка. Молодые до венца не едят* и др.

13. Дом (Двор – дом – хозяйство, Своё – чужое). *Не уедно, да улежно. Без хозяина двор и сир и вдов. И мышь в свою норку тащит корку. Домом жить – обо всём тужить. Кто умеет домом жить, тот не ходит ворожить. В своей семье сам большой. Своя рука только к себе тянет. Всякий хлопочет, себе добра хочет. Всякому своя обида горька. Из чужого кармана платить легко. В чужих руках ломоть велик. За своё постою, а чужое не возьму. Не мой воз, не мне его и везть. Свои волосы как хошь ерошь, а моих не ворошь* и др.

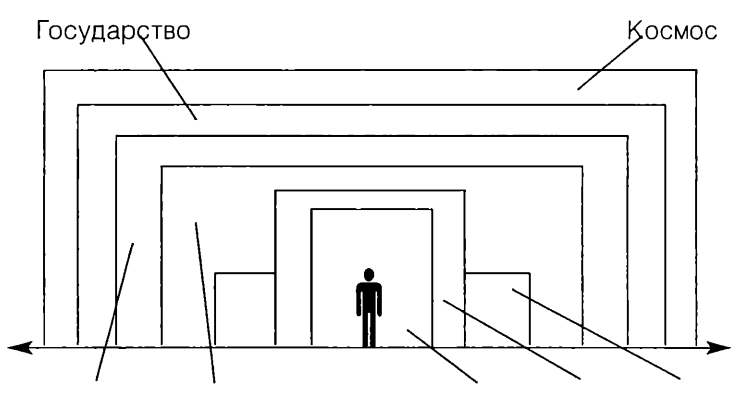
14. Место человека в обществе (Сущность – наружность, Верное – надёжное, Название – имя – кличка, Звания – сословия, Род – племя, Честь – почёт, Смирение – гордость, Воля – неволя). *Молодец красив, да на душу крив. Не радуйся раннему вставанью, радуйся доброму часу! Красиво, да*

животу тоскливо. Рожею подкрасил, да умом не дошёл. И по рылу знать, что не простых свиней. Домашний телёнок лучше заморской коровы. Кто легко верит, легко и пропадает. Без имени ребёнок – чертёнок. Хорошо попам да поповичам: зовут и пироги дают. С солдатом не спорить стать. Бары липовые, а мужики дубовые. Каково деревце, таковы и яблочки. Спит лиса, а во сне кур считает. Где росла трава, там и будет. Честному мужику честен и поклон. Хороша и честь и слава, а лучше того каравай сала. Не ищи мудрости, ищи кротости! Чванство не ум, а недоумье. И рад бы взять, да силы не занять. Охота смертная, да участь горькая. Чья сила, того и воля. Своя воля — клад, да черти её стерегут и др.

15. Другие люди (Сосед – рубеж, Гость – хлебосольство). *Без брата проживу, а без соседа не проживу. Сосед не захочет, так и миру не будет. Бог велит со всеми знаться. Гость на гость — хозяину радость. Честь гостю приложена, а убытку Бог избавил. Гость на двор — и беда на двор. В людях Илья, а дома свинья* и др.

16. Животные (Животное — тварь). *Погоняй коня не кнутом, а овсецом. Корова на дворе – и харч на столе. Кошка да баба в избе, мужик да собака на дворе. Собака обжора, а кошка сластёна. Лиса семерых волков проведёт. В медведе думы много, да вон нейдёт* и др.

Это создает такую картину мира:

Однако функциональная важность элементов этой картины не совпадает с их пространственным расположением и может быть представлена следующим образом:

Человек
Космос
Государство
Семья
Дом
Общество
Люди, близкие к дому
Животные

III. КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ МИРА:

17. Положительное и отрицательное (Судьба – терпение – надежда, Счастье – удача, Богатство – убожество, Богатство – достаток, Достаток – убожество, Тороватость – скупость, Бережь – мотовство, Терпение – надежда, Хорошо – худо, Добро – милость – зло, Признательность, Радость – горе, Горе – беда, Горе – утешение, Горе – обида, Неправда – обман). *Не узнав горя, не узнаешь и радости. Худое – охапками, хорошее щепотью. Судьба придёт, ноги сведёт, а руки свяжет. Терпи, голова, в кости скована. Не живи, как хочется, а живи, как можется! Грех да беда на кого не живёт. Моё счастье разбежалось по сучкам, по веточкам. Вам Бог дал, а нам посулил. Варила баба брагу, да и упала к оврагу. Счастье искать – от него бежать. Не родись ни умён, ни красив, а родись счастлив. Счастье вольная пташка: где захотела, там и села. Время красит, безвременье старит. Счастье, что палка: о двух концах. Богатому всё праздник. Деньга на деньгу набегает. Кто силён да богат, тому хорошо воевать. У кого деньги вижу – души своей не слышу. И барину деньга господин. Когда деньги говорят, тогда правда молчит. Бедность плачет, богатство скачет. Деньги – забота, мешок – тягота. На что и жить, коли нечего ни есть, ни пить. Деньги прах, да и мы прах. Богат, да крив; беден, да прям. Кто нужды не видал, и счастья не знает. Одной рукой собирай, другой раздавай! Скупой богач беднее нищего. Бережь спорее барышей. Отерпимся – и мы люди будем. Час терпеть, а век жить. Всякое время переходчиво. Добро не умрёт, а зло пропадёт. От добра до худа один шаток. Доброму добрая память. Ласковое слово не трудно, а споро. Кто нас помнит, того и мы помянем. За добро не жди добра. Хорошая жизнь ум рождает, плохая и последний теряет. Беда не дуда: поиграв, не кинешь. Горя много, а смерть одна. В горе жить, не помочь, что тужить. Беды*

учат, победки мучат. Чужая беда — смех, своя беда — грех. Много — сытно, а мало — честно. Заработанный ломоть лучше краденого каравая и др.

18. Пространство (Путь — дорога, Много — мало, Далёко — близко, Простор — теснота, Где). *Домашняя дума в дорогу не годится. Одному ехать — и дорога долга. Мало, да честно, а и немного, да сытно. И велик, да дик, и мал, да удал. Много — хорошо, а больше — лучше того. Чего нет, так хоть этого вдоволь. Хоть далеко, да легко; а близко, да склизко. Дальше положь, ближе возьмёшь. В тесноте люди песни поют, на просторе волки воют* и др.

19. Количество (Счёт, Конанье (жребий)). *У Бога правда одна. Однова не в счёт. Без четырёх углов изба не рубится. Без пяти просвир обедни нет, а шестая в запасе* и др.

20. Обычное и необычное (Пора — мера — спех, Нечаянность — расплох, Чудо — диво — мудрёное, Тайна — любопытство, Поиск — находка, Наследство — подарок, Надзор — хозяин, Причуда, Смех — шутка — веселье). *Век мой впереди, век мой назади, а на руке нет ничего. Не устать поспешить, да людей бы не насмешить. На работу огонь, а работу хоть в огонь. У Бога недолго, а у нас тотчас. Недолго думано, да хорошо сказано. Не туда несено, да тут уронено. Ни грело, ни горело, да вдруг и осветило. Родясь, не видал, умру — не увижу. Не штука дело, штука разум. Такие чудеса, что дыбом волоса. Что знаешь, того и знать не хочется. Знайку на суд ведут, а незнайка дома сидит. Лучше с умным потерять, чем с дураком найти. С дураком и найдёшь, да не разделишь. Добра ищи, а худо само придёт. Наследство — ни дар, ни купля. Дар — не купля: не хаят, а хвалят. Не доглядишь оком, так заплатишь боком. Дом невелик, да лежать не велит. Здоровому лечиться — наперёд хромать поучиться. На живого человека никто не угодит. Не дадут — просит, а дадут — бросит. За шутку не сердись, а в обиду не вдавайся. В весёлый час и смерть не страшна. В чём живёт смех, в том и грех. Чему посмеёшься, тому поработаешь* и др.

21. Будни и праздники (Пьянство, Пища, Праздник, Игры — забавы — ловля). *На воде ноги жидки, а на вине жиже того. Вино веселит, а хлеб спит. Не пить, так на свете не жить. Со хмелиной спознаться — с честью расстаться. На всякую душу Бог зарождает. Дадут хлебца, дадут и дельца. Не ел, так обомлел; а наелся, и вовсе повалился. Хлеб да вода — блаженная еда. Примечай будни, а праздники сами придут.*

И дурак празднику рад. Всякая прибаска хороша с прикраской. Доплясались, что без хлеба остались и др.

22. Дни, месяцы и времена года (Месяцеслов, Земледелие, Стихии – явления, Дни, Суеверия – приметы). *На вознесенье не работают. С косой в руках погоды не ждать. Бог не родит, и земля не даст. На поле с дерьмом – поле с добром. Убил Бог лето мухами. Огню не верь и воде не верь. Доброму ночь не в убыток. Середа да пятница четвергу не указчица. Ворожба не молотьба: не красна ей изба* и др.

23. Истинное и ложное (Верное – вестимое). *Нечего баить, что собаки лают. Не быть курице петухом, а бабе мужиком. Много чаешь, да ничего не знаешь* и др.

24. Невероятное (Кабы – если б). *Кабы не кабы, так было б море, не пруды. Кабы ты была пила, то бы ты была железная. Кабы ведал, у чужого б не обедал* и др.

25. Различие и сходство (Разное – одно). *Так не так, а не перетакивать стать. Тот же медведь, да в другой шерсти. Горшок с котлом не наспорится. Ровнять не велят, а разницы не видать* и др.

Большинство пословиц, записанных В.И. Далем, продолжают употребляться и сейчас. Знание общих мест, актуальных для всего народа, и степени их значимости, позволяет не только анализировать его прошлое и прогнозировать будущее, но и управлять им с помощью высказываний, основанных на этих топах.

Литература

1. *Ch. Perelman, L. Olbrehts-tyteca.* The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. University of Notre Dame Press, London. Translated by John Wilkinson and Purcell Weaver, Center for the Study of Democratic Institution.

2. *Аристотель.* Риторика // Античные риторики. Под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978.

3. *Волков А.А.* Основы русской риторики. М., 1996.

4. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957.

5. *Кошанский Н.Ф.* Начальный курс словесности, читанный в Лицее в 1812–1814 гг. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIII. Л., 1989.

6. *Ломоносов М.В.* Сочинения. Т. 3. Изд. 2-е А. Смирдина. СПб., 1850.

7. *Могилевский Афанасий.* Российская риторика, основанная на правилах древних и новейших авторов. Харьков, 1817.

8. *Рождественский Ю.В.* Теория риторики. М., 1997.

9. *Рождественский Ю.В.* Введение в культуроведение. М., 1999.

10. *Цицерон, Марк Туллий.* Эстетика. Трактаты. Речи. Письма. М., 1994.

Примечания

[1] Понимание топа исторически изменялось. Он осмысливался как принятая всеми максима [*Аристотель*: 109–111], как приём победы в споре [*Цицерон*: 57–58], как способ нахождения новых идей [*Ломоносов*: 470–471], как руководство для начинающего оратора [*Кошанский*: 319]. В «новой риторике» топы понимаются как способ установки ценностей, общих для оратора и аудитории [*Perelman*: 83] или как система ключевых для данной культуры текстов [*Рождественский, 1997*: 520].

[2] Внутренние топы как относящиеся к самой теме речи и внешние как взятые со стороны впервые выделил Цицерон [*Цицерон*: 58], в русской риторике это повторил Афанасий Могилевский [*Могилевский*: 111–112]. Принятый в этой статье критерий разделения топов изложен в «Основах русской риторики» А.А. Волкова [*Волков*: 44–45].

[3] Теория исторического развития системы топов принадлежит Ю.В. Рождественскому [*Рождественский, 1999*: 86–87].

[4] Интересно сравнить эту иерархию с системой внешних топов современного общества, представленной А.А. Волковым в «Основах русской риторики»:

1. РЕЛИГИЯ.
2. НАУКА.
3. ИСКУССТВО.
4. ПРАВО.
5. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ.
6. ЛИЧНЫЙ АВТОРИТЕТ.
7. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУЦИИ.
8. ОБЩЕСТВЕННАЯ МОРАЛЬ.
9. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА.
10. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ. [*Волков*: 68–70]

Б.Б. Грановский

ПЕСНИ ОТ В.И. ДАЛЯ В СОБРАНИИ В.Ф. ОДОЕВСКОГО[1]

Владимир Иванович Даль (1801–1872) вошёл в историю отечественной культуры, как лексикограф, этнограф, писатель. Сам он называл себя «сборщиком», имея в виду собирание слов, пословиц, поговорок, текстов песен. Даль передавал тексты другим собирателям. Наглядный пример тому – песни от Даля в Своде поэтических текстов песен П.В. Киреевского.

Системой разработанных нами расшифровок удалось найти в собрании Владимира Фёдоровича Одоевского (1804–1869) записанные с голоса Даля русские, казахские, украинские песни, а также другие фольклорные материалы. Некоторые из них представляют собой трудночитаемые, а иногда почти совсем «не читаемые» литературные и нотные рукописи.

Если бросить ретроспективный взгляд на биографию Даля, то можно убедиться, что музыка в его жизни занимала заметное место. Биограф Даля, автор многих работ о нём, включая монографию из серии «Жизнь замечательных людей», доктор филологических наук В.И. Порудоминский свидетельствует: «Мать Даля была музыкальна, обладала «голосом европейской певицы», играла на фортепиано. *Даль вырос в доме, где звучали музыка и пение*» [Выделено мною. – *Б.Г.*]. В годы юности он обучался на медицинском факультете в городе Дерпте. Одним из его друзей был Николай Пирогов, будущий великий русский хирург. В своих записках он пишет, что «находясь в университете, однажды услышал звуки мелодии русской песни «Здравствуй милая, хорошая моя». Инструментом был губной органчик, а виртуоз – Даль». По воспоминаниям современников Даль обладал голосом красивого тембра, любил петь соло и в ансамбле. Любовь к музыке нашла отражение в его лексикографических трудах, в первую очередь в «Толковом словаре живого великорусского языка». Выдающийся фольклорист, музыкант Е.В. Гиппиус в статье «О русской народной подголосочной полифонии в конце XVIII–XIX века» говорил, что «в

самом начале 1860-х годов русское народное многоголосие было описано В.И. Далем в его «Толковом словаре» (1863) под словом «*запевала*». Из этого описания видно, что Далю был известен русский подголосочный стиль функционального подголосия».

С В.Ф. Одоевским В.И. Даль познакомился в Петербурге в 1832 г. Помимо личных симпатий и общих интересов к народной песне их сближало ещё то, что мы называем «родством душ». Так, Даль писал Одоевскому 5 апреля 1836 г. из Оренбурга: «Придравшись к удобному случаю, рад я поклониться Вам душою и пожать руку Вашу, благодарить за дружбу и расположение с первого дня встречи нашей».

В 1833–1838 гг. Даль находился на службе в Оренбурге, в 1839–1840 гг. участвовал в Хивинском походе. Вернувшись в 1840 г. в Петербург, он напел Одоевскому мелодии трёх казахских песен: «Дудiлiм-ай» («О, мой скакун»), «Желiстi» («Рысак»), «Жорға» («Иноходец»). По мнению казахского фольклориста и композитора Б.Г. Ерзаковича: *«Эти мелодии включают в себя основные виды казахской песенности* [Выделено мною. – *Б.Г.*] – распевный («О, мой скакун») и речитативный («Рысак», «Иноходец»). Даль, очевидно, сам записывал или запоминал слышанные им казахские мелодии, а затем передавал или напевал их своим друзьям». Ерзакович отметил особо глубокое знание Далем казахского народного творчества. Он пишет, что «Даль принимал участие в работе Архивной учёной комиссии в Оренбурге, которая систематически приглашала и слушала казахских акынов, сказителей, певцов и инструменталистов. По служебным делам он часто бывал в аулах, хорошо изучил казахский язык, записывал народные сказания и песни».

В 1840-х годах между Одоевским и Далем установились тесные творческие отношения. Позднее, в 1850-х годах, особенно в 1860-х, эти отношения выразились в обоюдных интересах к украинскому народному творчеству. Даль родился на Украине и всю жизнь хранил память к родному краю. Одоевский получил от него ноты и тексты украинских исторических песен «Ой, Боже наш, Боже милостивий» и «Ей, годi ж нам журитися» («Эй, хватит нам печалиться»), озаглавленных как «Песни запорожцев». На первой обложке, перед первой страницей рукописи, рукой Одоевского крупным, размашистым почерком написано: «Песни от В.И. Даля. NB. Песни запорожцев».

Ой, Боже наш, Боже милостивий

Ой, Боже наш, Боже милостивий!
Родились ми в світі нещасливі.
Служили ми на морі і в полі,
Осталися ми бідні, босі, голі.
Давав нам князь землю од Дніпра до Бугу,
Границею по бендерьску дорогу.
Дністрові й Дніпрові обидва лимани –
В них здобувати, справляти жупани.
Прежню взяли і ту одбирають,
А нам дати Тамань обіцяють.
Ми бі там пішли, аби нам сказали,
Щоб не загубити козацкої слави,
Ей, із Києва звізди говорили,
Що в нашій Росії гетмана вчинили.
Та встань же, батьку Грицьку, до цариці,
Промов за нас слово,
І буде все готово.

Ой, Боже наш, Боже милостивый

Ой, Боже наш, Боже милостивый!
Родились мы на свете несчастливые,
Служили мы на море и в поле,
Остались мы бедные, босые, голые.
Давал нам князь землю от Днепра до Буга,
Границей по бендерскую дорогу.
Днестровские и Днепровские оба лимана –
В них добывать, справлять кафтаны.
Прежнюю <землю> взяли и ту одбирают,
А нам дать Тамань обещают.
Мы бы и <туда> пошли, если бы нам сказали,
Чтобы не потерять казацкой славы.
Эй, из Киева звёзды говорили,
Что в нашей России гетмана назначили.
Та встань же, батько Григорий[2], к царице,
Скажи за нас слово, –
и будет всё готово.

Автором слов является кошевой атаман Черноморского казацкого войска, войсковой судья А.А. Головатый. Кому

принадлежат мелодии, к сожалению, установить не удалось. Краткие сведения об исторических событиях, о которых рассказывается в песнях, подробности создания песен, особенно первой, мы находим в работах П. Короленко. Песня «Ой, Боже наш, Боже милостивий» была сочинена А.А. Головатым в Петербурге 16 июня 1792 г.

Одоевский записал от Даля украинский вариант русской песни «Доля ж моя, доля». Интересно отметить, что в 1866 г. было напечатано стихотворение поэта И. Сурикова «Доля бедняка» со сходным зачином «Эх, ты доля». Оно стало популярной песней и распевалось в различных вариантах на мелодию русского распева.

Аналогичный пример — широко известная русская песня «Ай, мы просо сеяли». К записи этой песни от Даля Одоевским сделано примечание «Херсонский [напев]». Песня является украинским вариантом русской песни.

В 1859 г. Даль, находясь на службе в Нижнем Новгороде, вышел в отставку и переехал в Москву. Через три года, в мае 1862 г., переехал из Петербурга в Москву Одоевский. 27 мая он записал в своём дневнике: «[Был] Даль, который звал меня на старуху, что поёт старинные песни». 9 июня того же года в дневнике была сделана следующая запись: «80 [восмидесятилетняя] Марья Ивановна Лапшина пела мне старые песни, а я с Далем — записывали». Это значит, что песню записывали одновременно: Даль — слова, Одоевский — напев.

Одна из песен от Лапшиной — о пострижении царицы Евдокии, первой жены Петра I — была напечатана в 1863 г. в историко-литературном сборнике «Русский архив». Песня вызвала у читателей повышенный интерес и после публикации вышла в том же году отдельным изданием с заглавием на обложке: «Старинная песня. Заметкой о ней и с музыкой К.В.О.» [То есть, Князя Владимира Одоевского]. Под этим подразумевался напев записанный в обработке Одоевского для голоса с фортепьяно.

В заметке мы находим дополнительные сведения к тем записям, которые цитировали из дневника Одоевского 9 июня 1862 г.: «[Лапшина] научилась песне в детстве от своей няни, следственно около 1790 годов. Неоднократное повторение и проверка убедили нас, что он записан точно так, как его пела Марья Ивановна. Ни напев, ни слова этой песни не были известны в печати: *Народный напев есть такая же святыня, как и народное слово*».

В 1867 г., за два года до смерти Одоевского, Даль передал ему рукопись, в которой были: Ста́рина – вариант былины «Гость Терентьище»; духовные стихи; песни с текстами без напевов; упоминавшиеся выше украинские исторические песни. Эти материалы были без примечаний, в отличие от песен Даля с примечаниями Одоевского и частично самого Даля. Его примечания к игровым песням «Ты, уточка луговая» и «Ай, мы просо сеяли» заслуживают отдельного освещения.

Рассматривая песни В.И. Даля с музыкальной стороны, можно сказать, что его творческие возможности собирателя народных пословиц и лексических богатств, знатока и записывателя песенного фольклора русского и других народов обогатились от встреч с Одоевским. В.И. Даль постиг сущность комплексного, вербально-мелодического подхода. Это имеет большое значение для изучения истории российского народоведения, для изучения наследия В.И. Даля.

На примере новонайденных архивных фольклорных материалов Даля в собрании Одоевского мы можем сказать, что метод исследования путём расшифровок и других средств текстологического наследия себя оправдал.

Одним из главных принципов Одоевского, как теоретика и практика музыкального фольклора, было, и это надо ещё раз особо подчеркнуть, глубокое постижение фольклора своего народа, его эстетики и одновременно изучение и проникновение в основы фольклора других народов, межнациональных фольклорных музыкальных связей.

В настоящее время в фольклорном наследии В.Ф. Одоевского выявлено свыше 500 песен 26-ти народов мира. Изучение наследия продолжается. Всё то, что было изложено в настоящей статье, дополняет творческие биографии В.И. Даля и В.Ф. Одоевского – выдающихся деятелей русской культуры.

Примечания

[1] По материалам монографии *Б.Б. Грановского* под тем же названием, подготовленной в Институте мировой литературы РАН (М.: Наследие, 2002).

[2] Григорий светлейший князь Потёмкин. – Примечание в рукописи, сделанное рукой В.Ф. Одоевского. – *Б.Г.*

А.Ф. Чистяков

ПРЕДТЕЧИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

Русский фольклор существует столько времени, сколько живёт на земле народ русский. А устное народное творчество на Руси всегда было щироко и многогранно: сказки, песни, былины, загадки, частушки, заговоры, приметы, причитания. А ещё — самый массовый и популярный, наиболее древний жанр — пословицы и поговорки. Их любят стар и млад, награждают лестными эпитетами: «Поговорка — цветочек, пословица — ягодка», для одних пословица — жемчужина, для других — цвет языка или плод опыта.

Уже в Древней Руси находились люди, любовно собиравшие эти крупицы мудрости. Двести с лишним лет назад русский поэт и страстный собиратель народной мудрости Ипполит Богданович писал в предисловии к своему сборнику: «Известно, что многие из них (т. е. пословиц. — *А.Ч.*) до введения письмен служили изустным законов преданием. Народный разум впоследствии распространил их на все части благоповедения». С введением письменности пословицы стали записывать, составлять рукописные сборники. Активно развернулась эта работа в конце XVII — начале XVIII веков. Немало труда приложил фольклорист Павел Симони, подготовив к обнародованию несколько древних рукописных сборников (П. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. СПб., 1899).

Одним из первых известных нам собирателей русских пословиц, как ни удивительно, был немец Иоганн Вернер Паус, энциклопедически образованный человек, приехавший на службу к русскому государю и проживший в нашем отечестве тридцать четыре года. Досконально изучив русский язык, он увлёкся пословицами, их глубоким содержанием, чеканным слогом. В сборник, составленный иноземцем, вошло много перлов, любимых нами и поныне: «Лошадь о четырёх ногах, и та спотыкается», «Деньги счёт любят», «Соловья баснями не кормят». Ныне рукописная книжка И. Пауса хранится в Библиотеке Российской Академии наук.

Большой интерес представляют для исследователей сборник русских пословиц Б. Петровской галереи. Сборник при-

надлежал лично императору Петру I, который увлекался народным красным словом. Даже находясь за пределами своей родины, в Амстердаме, где он изучал корабельное дело, государь не забывал о пословицах. В письме к полковнику Левашову он начертал 15 февраля 1717 года: «Господин Полковник! В бытность Нашу в Копенгагене приказали Мы вам через денщика Юрова о книжке, которая у вас есть Русским пословицам, чтобы её к Нам прислать, о чём и ныне напоминаем, дабы ты тоё книжку, списав, прислал к Нам. Пётр».

На 42 листах оставил нам своё собрание пословиц выдающийся учёный и государственный деятель В.Н. Татищев (1686–1750). Член «учёной дружины» Петра I, инженер, дипломат, боевой офицер, Василий Никитич находил время для собирания и изучения фольклора, в первую очередь народной мудрости. В составленный им сборник вошли многие русские пословицы, а также ряд иноязычных, изречений из Библии, переводы с латинского. Интересно, что одним из первых в России Татищев включил в сборник понравившимся ему крупицам мудрости их *варианты*. Например, рядом с пословицей «Какова псу кормля, такова от него и ловля» стоит другая, похожая: «Какова от пса ловля, такова ему и кормля». Как говорится, Федот, да не тот.

Свой сборник Василий Никитич передал первому хранителю рукописных фондов библиотеки Императорской Академии наук А.И. Богдановичу. А Андрей Иванович, в свою очередь, сам оказался недюжинным собирателем народного красного слова. И тоже кропотливо составлял сборник пословиц. И накопил их аж 5000! Они расположены в строгом алфавитном порядке. Но порою этот порядок умышленно нарушался, когда возникало «гнездо»: вокруг основной, более существенной пословицы группировались несколько схожих по теме пословичных единиц. Так, поставив во главу гнезда народное изречение «Баснями соловья не кормят», составитель помещает рядом схожие: «Баснями закормы не наполняются», «Баснями сыт не будешь».

С середины XVIII века в России начинают выходить *печатные* сборники пословиц. Например, в 1770 г. в Москве увидела свет малоформатная книга «Собрание 4291 древних российских пословиц». Вышла она анонимно, но знатоки народной мудрости справедливо приписали её А.А. Барсову, учёному-лингвисту и общественному деятелю. Книга выдержала несколько изданий (у автора данной статьи хранится

экземпляр 1787 г. издания). Изданный в добротном полиграфическом исполнении, сборник прекрасно выдержал двухвековое испытание, хотя наверняка им пользовались многие поколения любителей русской словесности.

Упомянутый мною в начале статьи поэт И. Богданович, автор нашумевшей поэмы «Душенька», получил от предков добрую коллекцию пословиц. Но не выдержала душа поэта — Богданович решил улучшить их, переделав самобытные пословицы на «культурный», стихотворный лад. Так, издревле ходила неизменно по Руси пословица «Где сшито на живую нитку, там жди прорехи». После напряжённых творческих раздумий пословица приобрела другой вид:

Где сшито на живую нитку,
Там жди прореху и убытку.

Или ещё. «С другом и воду выпьешь лучше мёду». Тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить. Но Богданович ради ритма вставляет словечко «скать», т.е. «сказать». И выходит:

С другом, скать, и воду
Выпьешь лучше мёду.

И по такому способу переделаны почти все пословицы. В.И. Даль, характеризуя труд автора «Душеньки», писал в «Напутном» к своему сборнику: «Богданович, перекладывая пословицы, по тогдашнему понятию, в приличные стихи, то есть искажавший их так, что они становились никуда негодными, переложил однако с пяток из числа одной тысячи так удачно, что они могут идти зауряд с народными». Пяток удачных из тысячи! Малоприятный комплимент, ничего не скажешь. Но учтём, что книга Богдановича 1785 года была одной из первых печатных, и автору простительно было экспериментировать. После него уже никто не брался за подобные опыты.

Между тем пословичные издания стали появляться всё чаще. В 1822 г. Д. Княжевич выдал «на-гора» под псевдонимом «Д.К.» уже «Полное собрание русских пословиц и поговорок». Увы, «полное собрание» было далеко не полным, но весьма значительным для своего времени. А спустя четверть века, в 1848 году, фольклорист И.М. Снегирёв выпустил поистине редкий том, самый большой из всех существовавших, сборник — «русские народные пословицы и притчи», тщательно прокомментированный автором-составителем. Книга и поныне, спустя полтора века, выглядит по своему

содержанию вполне современно. Учитывая это, я переиздал её в 1995 году в издательстве «Русская книга». Дал при ней дополнительный справочный аппарат. И было приятно, что книга разошлась в весьма короткий срок. Стоит отметить, что ещё задолго до первого её появления И.М. Снегирёв представил на суд читателей 4-томный научный труд «Русские в своих пословицах» (М., 1831–1834). Книги Ивана Снегирёва как бы предвещали появление чего-то поистине великого, небывалого в паремиологии. И этим великим стали свершения Владимира Ивановича Даля.

Пословичное словотворчество непрерывно, как непрерывна сама жизнь. Народ-творец откликается на всё значительное, что есть в его бытии, на непреходящие общественные явления. Ему уже не хватает того, что создали предыдущие поколения философов-остроумцев из своей среды. Поэтому и после того, как в России приняли и высоко оценили уникальный сборник пословиц Даля, год за годом стали появляться новые пословичные издания.

Некоторые из них следует отметить особо. Прежде всего необходимо упомянуть «Сборник российских пословиц и поговорок» И.И. Иллюстрова (Киев, 1904) и его же «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» (М., 1915). В обоих фолиантах на каждую пословицу (!) имеется ссылка, откуда она заимствована. Трудно представить себе, сколько всего довелось «перелопатить» автору источников, чтобы составить заветные сборники. Один только именной указатель насчитывает около 600 фамилий! Наряду с малоизвестными собирателями и исследователями мы находим в перечне и таких лиц, как А.С. Пушкин, Н.М. Карамзин, Н.В. Гоголь, А.В. Кольцов, А.И. Тургенев, Пётр Великий, Екатерина II. Как в своё время сделал В.Н. Татищев, И.И. Иллюстров ко многим пословицам дал их варианты. Так, к основной, наиболее распространённой пословице о зяте – «Зять любит взять» – составитель сборника приводит ещё десять вариантов на русском и украинском языках, а выражению «Муж – глава жены» соответствуют даже двадцать вариантов!

На высоком научном уровне были сотворены две книги М.И. Михельсона: «Ходячие и меткие слова» (СПб., 1892, 1-е изд.) и «Русская мысль и речь» (СПб., 1912, посмертное изд.). Помимо пословиц в обе книги включены литературные изречения и фразеологизмы, ставшие по сути народны-

ми выражениями: «Отчизна там, где любят нас» (М.Ю. Лермонтов, «Прощанье»), «Числом поболее, ценою подешевле» (А.С. Грибоедов, «Горе от ума»).

Весьма скупо, но всё-таки продолжалось собирание и публикация пословиц и в первые годы после октябрьских событий 1917 года. В это время началась активная борьба с неграмотностью среди народа. Для этого нужны были учебные пособия. И вот издательство «Долой неграмотность!» выпускает одноимённую серию книжек, а в ней — «Пословицы и поговорки» (М., 1920). В книжке и соответствующие разделы: «Знание — сила», «Женская доля», «Мы не рабы». Напечатанный крупным шрифтом, сборник нашёл своего читателя среди массы тех, кто только-только приобщался к грамоте, культуре. И он делал своё великое дело.

А поэт В. Князев (опять поэт!), как и его маститые предшественники Пушкин, Кольцов, Добролюбов, Гоголь, укреплял свои связи с народом, собирая пословицы. Он собрал и выпустил два отменных сборника — «Русь» (1924) и «Книга пословиц» (1930). Обе книги очень злободневны. В собранных им пословицах — гонение на церковь и религию, классовое расслоение на богатых и бедных, крестьянин и кулак. У автора была дерзкая задумка — создать Русскую Пословичную Энциклопедию, но преждевременный уход из жизни помешал ему осуществить это великолепное начинание. Пока подобную идею ещё никто не взялся претворить в жизнь.

Всплеск устного народного творчества пришёлся на период Великой Отечественной войны. Эмоциональный патриотический подъём всего народа вдохновил и тружеников тыла, и фронтовиков на создание пословиц и поговорок о любви к Родине и ненависти к фашистским захватчикам, о готовности отдать во имя победы над врагом жизнь свою, о действиях партизан в тылу немцев. Пословицы широко публиковались во фронтовых газетах, в журналах, в виде листовок расклеивались на придорожных щитах. В Музее обороны Сталинграда мне однажды показали сшитую суровыми нитками рукописную книжку, «изданную» в окопах, в перерывах между боями. А были в ней такие, к примеру, жемчужины: «Гони гада от Сталинграда!», «За Волгою для нас нет земли», «Для фашистов лучше в ад, чем в Сталинград». Да, пословицы тоже воевали вместе с нами, солдатами.

Выходили в те суровые дни и печатные сборники. В моём собрании, например, хранятся два выпуска патриотических пословиц и поговорок, изданных в Москве в 1942 году.

На боевых позициях я был, разумеется, не единственным собирателем солдатского фольклора. Довелось познакомиться с фронтовиками, профессионально занимавшимися записями устного народного творчества среди бойцов и командиров. Прежде всего назову бывшего офицера, учёного, кандидата филологических наук Александра Макаровича Жигулёва. Из своих фронтовых материалов (архив его огромен, хотя ещё и не изучен) Александр Макарович составил интересные, содержательные книги «Русские военные пословицы и поговорки» (М., 1960), «Слово в строю» (совместно с Н. Кузнецовым, М., 1982) и др. Вообще же А. Жигулёв подготовил и опубликовал рекордное число пословичных сборников — более двадцати! Среди них выделяется внушительная книга, опубликованная в издательстве «Наука» с предисловием д.ф.н. В.К. Соколова.

Несколько книг солдатской мудрости принадлежат перу другого фронтовика и фольклориста — П.Ф. Лебедева: «Пословицы Великой Отечественной войны» (М., 1962), «Оружие меткого слова», «Партизанские пословицы и поговорки» (М., 1958).

После Победы вышли капитальные академические издания, посвящённые фронтовому фолькору. Среди них — «Русский фольклор Великой Отечественной войны», подготовленный Пушкинским домом (М.—Л.: «Наука», 1964). В нём кроме теоретических статей приводится много пословиц и поговорок, записанных от воинов действующей армии.

А как любили солдаты афоризмы, сочинённые на позициях талантливым офицером М. Иляхинским! Придуманные в одном месте, они быстро распространялись по многим частям и подразделениям. Да и как не улыбнуться, как не реагировать на такие, скажем, изречения: «Снаряды — наши, осколки — ваши» (т.е. к фашистам летят), «В пулемётной строчке ни к чему запятые», «Где ротозея поставили, там он и лежит». И после войны многие афоризмы Иляхинского хорошо запоминались нашими воинами, они вошли в ставшую популярной книжку «Шире шаг!» (М.: Воениздат, 1960).

После войны последователи В.И. Даля развернули активную собирательскую и исследовательскую деятельность. О пословицах стали регулярно появляться статьи в ежегод-

нике «Русский фольклор». Там же в издательстве «Наука» под таким же названием издаётся многотомник — библиографический указатель всех русских изданий народного творчества, в том числе и пословиц, начиная с 1917 года. В центре и на местах вышло множество сборников как традиционных, старых пословиц, так и современных. Некоторые фольклористы специально занялись собиранием вновь возникающих крупиц народной мудрости. Среди них наиболее известен В.П. Грачёв. Он записал и опубликовал в газетах и журналах сотни ярких пословиц и поговорок, которые затем вошли в несколько книжек. А из собирателей и пропагандистов-паремиологов республик, краёв и областей заслуживают упоминания Б. Ховратович из Красноярского края («Поле любит труд», «Так в Сибири говорят», «Слово народов» и др.), М. Анисимова из Пензы («Народное красное слово», «Песни и сказки с пословицами»), Н. Астапенко («Жемчужины народной мудрости», Смоленск), А. Куцко («Крылатая мудрость», «Хлебом земля славится», «Мудрое слово» и др., Ростов-на-Дону), Г. Рыженков («Нет милей чудес, чем наш русский лес», «Народный месяцеслов» и др., Рязань). Разумеется, не все пословицы, помещённые в современных сборниках, равноценны в художественном отношении. На некоторых лежит печать конъюнктурности, «социального заказа». А иные явно высосаны из пальца в кабинетах политпросвещенцев. Такие «шедевры», как «И трактор имеет характер», «Где власть народа, там победа и свобода», «Лишиться партии — большее горе, чем потерять родителей», «Наш народ растёт из года в год». И подобные перлы кочевали из сборника в сборник, они назойливо лезли в глаза читателей газет и журналов, над ними откровенно потешались мнимые «творцы» подобной чепухи. Ничего общего с народным творчеством они не имели.

Было бы опрометчиво не сказать о русских пословицах, изданных за пределами их родины. Я имею в виду, например, «Мудрослов», появившийся в Праге в 1949 году. Среди крылатых выражений славянских народов видное место занимают и русские пословицы. А вот в Италии, в Милане, в 1968 году появился сборник русских пословиц на русском и итальянском языках. А составлен он был нашей в прошлом соотечественницей Татьяной Гродзенской. Книга богато иллюстрирована цветными и чёрно-белыми гравюрами на те-

мы русского фольклора, а отобраны для неё наиболее употребительные в русском народе пословицы.

Отрадно отметить, что за последние годы российские издательства отдают глубокую дань уважения творчеству и памяти В.И. Даля. Неоднократно переиздавались и его «Толковый словарь живого великорусского языка», в том числе и бодуэновский вариант. Во многих изданиях перепечатаны — целиком и фрагментарно — пословицы из знаменитого сборника пословиц В.И. Даля. Увидели свет многие повести и рассказы Даля-писателя. В серии «Жизнь замечательных людей» вышла биография Владимира Ивановича, толково написанная В. Порудоминским. Документальное повествование о великом лексикографе представила широкой публике Майя Бессараб.

С благоговением отмечает народ российский 200-летний юбилей Владимира Ивановича Даля. И лучшим памятником ему будет не памятник на Ваганьковском кладбище в Москве, а постоянное обращение к неувядающему творческому наследию славного учёного, писателя, патриота.

В.Ф. Байдалов

РУССКИЙ ЛЕКАРЬ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ

В.И. Даль — замечательное и удивительное явление в мировой и русской культуре. Даль внёс значительный вклад в литературу и языкознание: он и прозаик, и журналист, и лексикограф, и этнограф, и диалектолог, и фольклорист. Творчество Даля охватывает более 40 лет — с 1830 по 1872 год, и во всех формах оно оригинально и самобытно. Основные труды Даля — «Пословицы русского народа» и «Толковый словарь живого великорусского языка».

В.И. Далем собрано более 30 000 пословиц, поговорок, загадок и метких изречений. Большая часть работы — это прямые контакты с живыми людьми, представителями всех сословий России XIX века, от дворян до крепостных крестьян

ян. В собирании пословиц изучались и письменные источники — древние рукописи, от X века, и произведения современников Даля. Многие слова русского языка и его пословицы своими истоками и корнями уходят в дохристианскую Русь. Несмотря на все несчастья, испытания, выпавшие на долю русского народа, русский язык, главный элемент культурного общения между людьми, сохранился и продолжает развиваться. Труд В.И. Даля – это связь между прошлым и будущим России.

Владимир Иванович Даль сам видел в сборнике пословиц мост между прошлым и будущим. Вот что он писал о своей работе: «Простой народ упорнее хранит и сберегает исконный быт свой, и в косности его есть и дурная, и хорошая сторона. Отцы и деды — для него великое дело; не раз ожегшись на молоке, он дует и на воду, недоверчиво принимает новизну, говоря: “Всё по-новому, да по-новому, а когда же будет по-доброму?” Он неохотно отступается от того, что безотчётно всосал с матерним молоком и что звучит в мало натруженной голове его складною речью. Ни чужие языки, ни грамматические умствования не сбивают его с толку, и он говорит верно, правильно, метко и красно, сам того не зная. Выскажу убеждение свое прямо: словесная речь человека — это дар Божий, откровение: доколе человек живёт в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашёл, она проста, пряма и сильна; по мере раздора сердца и думки, когда человек заумничается, речь эта принимает более искусственную постройку, в общежитии пошлеет, а в научном круге получает особое, условное значение. Пословицы и поговорки слагаются только в пору первобытной простоты речи и, как отрасли, близкие к корню, стоят нашего изучения и памяти» [*Даль*: 9].

Фольклор – это самый древний пласт культуры любого народа, который начинает развиваться ещё до появления письма. Большая часть собранных в «Пословицах русского народа» пословиц и поговорок имеет ещё языческую природу, восходящую даже к тем временам, когда славянские языки ещё не выделились из индоевропейских. Не случайно в процитированном выше «Напутном» – статье Даля, предшествующей сборнику пословиц, есть такое забавное замечание: «Можно ли складнее, ярче и короче выразить глубокую мысль, чем в пословице: “На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь”; эта пословица наша доста-

лась, не знаю уж каким путём, французу Larochefoucauld; в ловком переводе она пошла у него за свою и приводится в пример его ума и красноречия: "Le soleil ni la mort ne peuvent se regarder fixement" *(Maximes)*» [*Даль*: 9].

Заслуживает внимания тот факт, что В.И. Даль не имел филологического образования, а учился на медицинском факультете Дерптского Университета. Прослушав университетский курс по 10 базовым кафедрам, в связи с приказом о досрочном выпуске он сдал экзамен по общей медицине и по хирургии в 1828 году. Это давало ему законное право врачевания и оперирования. «Даль не кончил ещё полного курса врачебных наук, как в 1828 году вспыхнула Турецкая война. В полковых врачах тогда крайне нуждались, ибо за Дунаем наши войска встречены были двумя врагами — Турками и чумою. В 1828 году сделано было распоряжение всех казённокоштных университетских студентов, годных к военно-медицинской службе, немедленно выслать в действующую армию. Для Даля, как получившего во время неполного курса необычайно обширные познания, сделано было исключение. Ему дозволено было держать экзамен на степень доктора медицины; он явился на экзамен, и с честию выдержал экзамен на доктора не только медицины, но и хирургии. Марта 29-го 1829 года он поступил в военное ведомство и зачислен во 2-ю действующую армию» [*Мельников*: XIX].

Лекарю В.И. Далю пришлось заниматься общей хирургией, военно-полевой хирургией и офтальмологией. Кроме этого, он работал в сфере инфекционных заболеваний и эпидемиологии. Участвуя в качестве врача в военных операциях, Даль занимался организацией медицинской службы в действующих войсках при русско-турецкой войне и в Польше во время подавления восстания. При поступлении большого количества раненых Даль занимал первую позицию, то есть проводил предварительную сортировку больных. Именно от его решения зависело качество и своевременность медицинской помощи.

Раньше в военно-полевой медицине не было принято сортировать раненых. Даль первым увидел, насколько это необходимо. Он поделился этими наблюдениями со своим близким другом, Николаем Ивановичем Пироговым. Пирогов активно внедрял предложенную Далем методику во время Севастопольской кампании, а затем описал её в книге

«Начала общей военно-полевой хирургии», вышедшей в 1864 году на немецком языке, а в 1865 – на русском.

Даль был лично знаком со многими выдающимися врачами его времени. Он глубоко изучал научные труды русских и зарубежных медиков. Не удалось найти свидетельств о личном знакомстве В.И. Даля со «святым доктором» Федором Петровичем Гаазом, человеком удивительной судьбы и невероятного подлинного человеколюбия. Возможно, подвижническая жизнь доктора Гааза и его девиз «Спешите делать добро» стали примером для доктора Даля.

В профессиональной сфере В.И. Даль известен больше не как хирург, а как офтальмолог. «По окончании польской кампании, Владимир Иванович поступил ординатором в Петербургский военно-сухопутный госпиталь. Здесь он трудился неутомимо и вскоре приобрёл известность замечательного хирурга, особенно же окулиста. Он сделал на своём веку более сорока одних операций снятия катаракты, и все вполне успешно» [*Мельников*: XXVII].

В.И. Даль от рождения обладал редким качеством: он мог выполнять любую работу и правой, и левой рукой. При занятии хирургией это на редкость полезное свойство. Хирурги оперируют в основном правой рукой, оперирующие левой рукой встречаются довольно редко, но существуют специальные наборы хирургических инструментов для леворуких врачей. При производстве хирургических операций, особенно в зоне повышенного риска, важна твёрдость руки хирурга. При выполнении нестандартных операций – травматических повреждений, огнестрельных ранений, удалении объёмных опухолей хирург вынужден несколько раз менять своё место у операционного стола. Это в шутку называется «хирургическими танцами». Даль в силу своей уникальной способности был избавлен от необходимости «танцевать» вокруг стола, и мог быстрее оказывать помощь больному.

Врачебная деятельность для В.И. Даля стала одним из стимулов изучения языка своих больных. На территории России громадное число говоров и диалектов. Если жители центральных, густонаселённых районов имеют общий язык с уклонением от произношения – оканьем, аканьем, цоканьем, то отдалённые, малонаселённые районы пользуются малопонятными говорами. Врачу обязательно нужно точно понять говорящего и добиться того, чтобы собеседник всё

правильно понял. При этом решать все языковые сложности нужно безотлагательно. «По словам В.И. Даля, ему, ещё ребёнку, всегда казалось странным, отчего это люди, получившие образование, говорят по-русски не так, как говорят простолюдины. Ещё более ему странно было то, что речь простолюдинов с ея своеобразными оборотами всегда почти отличалась краткостью, сжатостью, ясностью, определительностью и в ней было гораздо больше жизни, чем в языке книжном и в языке, которым говорят образованные люди. И он полюбил народную речь можно сказать ещё с младенчества» [*Мельников*: X–XI].

Что приходится говорить врачу? Он должен объяснить больному, как правильно принимать лекарство, что можно делать и чего нельзя, например, после операции. Что ему приходится выслушивать? Жалобы больных, рассказ об их состоянии. От того, насколько точно и быстро собеседники поймут друг друга, зависит здоровье, жизнь одного из них. Сошлёмся на свидетельство другого литератора-врача — Михаила Афанасьевича Булгакова:

«Они его вместо Леопольд Леопольдович Липонтий Липонтьивичем звали. Верили ему. Ну, и разговаривать с ними умел. Нуте-с, приезжает к нему как-то приятель его, Федор Косой из Дульцева, на приём. Так и так, говорит, Липонтий Липонтьич, заложило мне грудь, ну, не продохнуть. И, кроме того, как будто в глотке царапает». <...>

«Ну, — говорит Липонтий, — я тебе дам средство. Будешь ты здоров через два дня. Вот тебе французские горчичники. Один налепишь на спину между крыл, другой на грудь. Подержишь десять минут, сымешь. Марш! Действуй!» Забрал тот горчишники и уехал. Через два дня появляется на приёме.

«В чём дело?» — спрашивает Липонтий.

А Косой ему:

«Да что ж, — говорит, — Липонтий Липонтьич, не помогают ваши горчишники ничего».

«Врёшь! — отвечает Липонтий. — Не могут французские горчишники не помочь! Ты их, наверно, не ставил?»

«Как же, — говорит, — не ставил? И сейчас стоит».

И при этом поворачивается спиной, а у него горчишник на тулупе налеплен!..» [*Булгаков*: 603]

Даль продолжал заниматься врачебной практикой в Оренбурге и в Нижнем Новгороде. В Оренбург он переезжа-

ет в 1833 году чиновником особых поручений при военном губернаторе. «В Оренбурге Даль активно занимается административной, просветительной и научной деятельностью. Он способствовал постройке пешеходного моста через Урал, созданию местного музея, решал многие спорные дела, защищал бесправных степных кочевников. Даль много путешествует по краю, изучает его флору и фауну, быт его жителей. Пишет учебники ботаники и зоологии (они были высоко оценены специалистами и не раз переиздавались), рассказывает в близкой по жанру книге «Зверинец» о повадках зверей. Здесь развился его талант писателя, он много сочиняет» [*Лексикографы*: 131]. Он оставил описание Оренбургской губернии, в котором указал на благоприятный климат и природу этого края. Позднее на этом месте, уже в 1930-е годы, был открыт бальнеологический курорт «Боровое». В этих областях продолжалась работа по собиранию слов, пословиц и поговорок. Самая плодотворная работа осуществлялась в Нижнем Новгороде, куда Даль перевёлся в 1849 году. «Даль – и управляющий, и советчик (крестьянское дело он знает до таких подробностей, что его принимают за деревенского), составляет записку "наверх" о Нижегородской губернии и лечит крестьян: накладывает повязки, рвёт зубы, оперирует. И неустанно собирает слова. Ему помогает вся контора. По-прежнему приходят пакеты. Их содержимое четыре писаря переносят на длинные "полосы". Самый большой "улов" – во время знаменитой Нижегородской ярмарки, бурлящей каждый год целый месяц. Даль с записной книжкой не покидает её» [*Лексикографы*: 134]. Кроме этого, во время войны ему приходилось сталкиваться с больными изо всех краёв и областей России. И всегда – подчеркнём это ещё раз – первоочередной задачей, стоявшей перед В.И. Далем как врачом, было понимание.

С какими представлениями о медицине и лечении приходилось сталкиваться Владимиру Ивановичу, можно увидеть из его сборника «Пословицы русского народа». В разделе «Здоровье – хворь» приведены такие приметы:

Не играй шапкой: голова болеть будет.
Не плюй в окно – зубы болеть станут.
На чих кошки здравствуй, зубы болеть не станут.
На чох лошади говори: будь здорова – и обругай.
Оспа с клювом ходит, оттого и пятнает человека щедринками.
На помело не ступай: судороги потянут.

Скатертью руки утирать — будут заусеницы.

Если ходить по тому месту, где валялась лошадь, будут лишаи на теле [*Даль*: 402–404].

Но, пожалуй, более точно, чем эти приметы, народное представление о здоровье и болезни выражают сами пословицы. Выраженные в них смыслы можно объединить в несколько общих правил, представлений. Пословицы поддаются такой обработке по двум причинам. Во-первых, они часто повторяются, на что указывал и автор сборника: «Каждая пословица говорится на несколько ладов, особенно в случае приложения ее к делу; надо ж было выбрать один, два, много три разноречия, а всех не соберёшь, да и надоешь ими до скуки. Где я только мог верно добраться до коренного оборота и указать на искажения, там я это делал, хотя в самых кратких заметках» [*Даль*: 13]. Во-вторых, язык действительно многообразен, особенно русский, и на выражение каждого смысла в нём есть несколько пословиц и поговорок.

Народные представления о здоровье и болезни можно объединить в следующую систему:

1. Здоровье – самая большая ценность. *Здоровье всего дороже. Здоровье дороже богатства. Здоровью цены нет. Здоровья не купишь. Дал бы Бог здоровья, а дней впереди много (а счастье найдём). Деньги — медь, одежда — тлен, а здоровье всего дороже.*

2. Болезнь – величайшее зло, потому что она лишает человека возможности радоваться жизни и привычных ценностей, превращает в «недочеловека». *Лежит – неможет, и кости (и корки) не гложет. Больной, что ребёнок. Больной – и сам не свой. Больному и золотая кровать не поможет. Не рад больной и золотой кровати. Больному и киселя в рот не вотрёшь. Больному и мёд не вкусен, а здоровый и камень ест. Больному всё горько. Больному и мёд горько. Больному закон не лежит. Иноходец в пути не товарищ, а больной в избе не сосед.*

3. Болезни поддаваться нельзя. *Поддайся одной боли да сляг – и другую наживёшь. Дай боли волю, полежав, да умрёшь. Дай боли волю, уморит. Не поддавайся, не ложись; а сляжешь – не встанешь. Сляжешь, хуже разломает; а хоть ломайся, да обмогайся. Кто не боится холеры, того она боится.*

4. Болезнь излечима. Необходимо лечиться, в меру, и принимать то, что лечение может оказаться неприятным. *Самого себя лечить – только*

портить. Играй, не отыгрывайся; лечись, не залечивайся! Противное зелье лучше болезни. На всякую болесть зелье вырастает. На всякую шаль выросло по лозе, на всякую болезнь по зелью. Кроме смерти, от всего вылечишься. Горьким лечат, а сладким портят.

5. Лечение специалиста оценивается отрицательно. *Не дал Бог здоровья — не даст и лекарь. На леченой кобыле недолго наездишь. На леченом коне неделю ездить. Не лечиться худо, а лечиться еще хуже. Аптека — не на два века. Не лечит аптека — калечит. Аптека и лечит, так калечит. Лечит, да в могилу мечет. Кого схоронили, того и вылечили. Полечат, авось даст Бог и помрёт. Та душа не жива, что по лекарям пошла. Кто лечит, тот и увечит. Лекарь свой карман лечит. Где много лекарей, там много и больных. И хорошая аптека убавит века. Аптекари лечат, а хворые кричат.*

6. Болезнь возникает от излишеств. *Ешь вполсыта, пей вполпьяна, проживёшь век до полна. Где пиры, да чаи, там и немочи.*

7. Болезнь легко возникает и долго лечится. *Человек — не скотина: испортить недолго. Болезнь входит пудами, а выходит золотниками. Здоровье выходит пудами, а входит золотниками. Болезнь скачет в дом на переменных, а выбирается на долгих. Болезнь не по лесу ходит, а по людям.*

8. Лучшие методы излечения: а) баня: *Баня — мать вторая. Кости распаришь, всё тело направишь.* **б) на усмотрение самого больного:** *Сама болезнь скажет, что хочет. Что в рот полезло, то и полезно. Брюхо больного умнее лекарской головы.* **в) трава:** *Лук семь недугов лечит. Хрен да редька, лук да капуста — лихого не пустят.* **г) само заживёт:** *На живом все заживёт. Бог дал живот, Бог даст и здоровье. Живая кость мясом обрастает. Были б кости, а мясо будет. Кость тело наживает. Засохнет, как на собаке. До веку далеко: всё заживёт.*

9. Болезнь необходима человеку, так как она напоминает о ценности жизни. *Без болезни и здоровью не рад. Тот здоровья не знает, кто болен не бывает.*

10. Здоровые люди часто забывают о ценности жизни, размениваются на мелочи. *Здоров, как бык, и не знаю, как быть. Больной лечится, здоровый бесится (дурит с жиру). Отъелся, как свинья на барде.*

11. Притворяющиеся больными оцениваются отрицательно. *Здоров на еду, да хил на работу. Здоро-*

вьем болен. Ногти распухли. На зубах мозоли натёр. Волоса распухли. Волоса моль съела. Заболел огурной (т.е. ленивой) лихорадкой.

Собирание и изучение пословиц помогало В.И. Далю находить общий язык с его пациентами и подопечными из крестьян. Сохранилось свидетельство о том, как он общался с ними: «Частые объезды удельных имений, разбросанных по всей губернии, поправили несколько расстроенное долговременною сидячею жизнию здоровье Владимира Ивановича и значительно увеличили его запасы для *Словаря*. Мне нередко доводилось бывать в разных селениях, при разговорах его с крестьянами об их быте, хозяйстве и т.п. Было чему и было у кого поучиться, как надо говорить с русским простолюдином! И как любил народ ласкового, всегда справедливого, а в случае надобности и строгого управляющего! Его слова для крестьян были законом не ради страха, но ради любви и доверия. Крестьяне верить не хотели, чтобы Даль был не природный русский человек. “Он ровно в деревне взрос, на полатях вскормлен, на печи вспоен”, говаривали они про него. И как он хорошо себя чувствовал, как доволен был, когда находился среди доброго и толкового нашего народа!» [*Мельников*: LIX–LX].

Среди пациентов Владимира Ивановича Даля были в основном простые, никому не известные люди. Госпиталь в Петербурге, где он работал, был предназначен для нижних чинов. В провинции Далю приходилось лечить крестьян. Но имя одного из его пациентов знают все. Это Александр Сергеевич Пушкин.

В конце января 1837 года Даль находился в Санкт-Петербурге и узнал о трагической дуэли Пушкина. Без промедления Даль приехал на квартиру Пушкина и более двух суток провёл рядом с умирающим поэтом. Опытный врач, Даль понял, что характер ранения представляет смертельную опасность. Огнестрельная рана в правую подвздошную область сопровождалась значительным кровотечением. В зоне раневого канала развился тромбоз венозных сосудов как в системе нижней полой вены, так и в системе воротной вены. Это значительно ухудшало состояние Пушкина.

Из современников Пушкина могли рискнуть оказать медицинскую помощь (произвести хирургическую операцию) два хирурга – Илья Васильевич Буяльский, практикующий в Петербурге (но к нему не обратились за помощью) и Ни-

колай Иванович Пирогов, который заведовал кафедрой хирургии в Дерпте. Оба они с успехом оперировали аневризмы общей подвздошной артерии. Даль техникой этой операции не владел.

«*2 часа 45 минут дня.* Пульс стал падать и скоро совсем не ощущался. Руки начали холодеть.

Минут за пять до смерти Пушкин попросил поворотить его на правый бок и тихо сказал:

– Жизнь кончена!

– Да, конечно, – сказал Даль, – мы тебя поворотили.

– Кончена жизнь! – произнёс Пушкин внятно. – Теснит дыхание.

Это были последние слова Пушкина. Часы показывали два часа сорок пять минут дня. Дыхание прервалось.

– Что он? – тихо спросил Жуковский.

– Кончилось! – ответил доктор Даль» [*Гессен*: 463].

Именно Александр Сергеевич Пушкин настойчиво советовал В.И. Далю продолжать работу над собиранием слов и пословиц русского языка. «Известно, что Пушкин был несколько суеверен. Он носил на большом пальце перстень с изумрудом, называя его своим талисманом, и никогда не скидал его, говоря друзьям, что если он снимет этот перстень хоть на минуту, божественный дар поэзии его покинет. Когда Пушкин узнал, что нет надежды, что должно ему умереть, он скинул перстень и надел его на руку Даля. Этот перстень Владимир Иванович носил до смерти на той руке, которая написала *Словарь живого великорусского языка*» [*Мельников*: XXXVII–XXXVIII].

Врач всегда остаётся врачом вне зависимости от того, чем он вынужден заниматься в своей жизни. И творчество Владимира Ивановича Даля – убедительное тому подтверждение.

Литература

1. *Булгаков М.А.* Избранные произведения. Т. 1. Киев, 1989.

2. *Гессен А.И.* Жизнь поэта. М., 1972.

3. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957.

4. *Мельников П.И.* (Андрей Печерский). Владимир Иванович Даль (казак Луганский). Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1903.

5. Отечественные лексикографы XVIII–XIX вв. Материалы для хрестоматии. Под ред. Г.А. Богатовой. М., 1998.

УЧИСЬ ДОБРОМУ, ХУДОЕ НА УМ НЕ ПОЙДЁТ[1]

В.И. Даль

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ А.И. КОШЕЛЕВУ[2]

Гостинец ваш захватил меня врасплох; я не ждал его, не готовился к нему, занят теперь другим, вовсе не расположен писать статейки, — а между тем не идёт отмалчиваться от радушного привета, тем более, коли сочувствуешь делу и от желания добра хотелось бы высказаться; мог бы я ещё назваться отставным и отжившим делателем, да пристыдил С.Т. Аксаков. Посвятил ныне весь досуг свой обработке *Великорусского словаря*, до окончания коего, конечно, не доживу, я уже несколько лет уклонялся от печатной беседы; примите же посланьице это, не как статью или сочинение, а как простой отголосок нижегородца на клич москвичей.

Писатель, который вам пишет это моею рукою, не высоко ценит все мелочи свои в художественном отношении; он думает, что они в своё время были замечены едва ли не по одежде и направлению своему, направлению, может быть, довольно близкому к тому, коему посвящается *Русская беседа*. В противоборстве западному приливу и волнению, кажется, не может быть иного смысла, как требование, во-первых, принимать образованность и просвещение в добром направлении его, а не в дурном — (можно быть умным и учёным негодяем), — и во-вторых, принимать его не бессознательно, а

---

[1] Проблемы просвещения были постоянной темой в печати в середине XIX века. По приведённым ниже материалам читатель сможет сравнить взгляды на просвещение В.И. Даля и славянофилов.

[2] Русская беседа. 1856. III. С. 1—16. О реакции на письмо современников см. в «Воспоминаниях» П.И. Мельникова-Печерского; об участии ОЛРС в решении проблем просвещения см. статью Р.Н. Клеймёновой.

применяя и приурочивая к своей почве, следовательно, отвергая или изменяя всё то, что нам негоже, что не может быть приурочено. Если мнение это в скороговорке выскажется как-нибудь порезче, то может подать повод потешнику напустить на себя дурь, придраться к одному слову, прикинуться немогузнайкой и уверить, что всё это бессмыслица.

Речь о просвещении. Спор о пользе или вреде его, хотя некогда Академии и вызывали на решение такого странного вопроса и сулили за это награды, спор этот может вертеться на одном только недоразумении, на различном понятии о значении слова *просвещение*. Оно может служить средством к добру и ко злу; в последнем случае оно, без всякого сомнения, вредно; могут быть также отрасли просвещения, кои, при известных обстоятельствах, наклонностях и влиянии, делаются опасными; могут быть другие, кои должно распространять, а тем более применять к делу, не в том виде, как они нам передаются; вообще же против просвещения и образования мог бы восставать тот только, кто полагал бы сущность жизни нашей не в духе, а во плоти; другими словами, кто желает оскотиниться. Полагаю, что объяснение это ясно и не подаёт повода к кривотолкам; надеюсь, что не станут выворачивать слов моих наизнанку; это была бы забава пошлая, которая послужила бы только новым убеждением в пользу сказанного, т. е. что всё может быть употреблено во зло. Я не говорю о науках точных, о каких-нибудь истинах счисления, о дознанном событии, тут не прибавишь и не убавишь: но выводы, заключения и приложение этих истин, — действия, бесспорно также относящиеся к просвещению, могут быть весьма не одинаковы, смотря по взглядам на предмет, по направлению и убеждениям. Что русскому здорово, то немцу смерть, и наоборот.

Нож и топор — вещи необходимые; а между тем сколько было зла от ножа и топора? Пример этот крут; чтобы показать степени в этом деле, примените тоже рассуждение к пороху, к пару, к самой грамоте, и вы конечно согласитесь, что для доброго, полезного приложения изобретений этих к делу, нужно быть приготовленным, приспособленным; нужно пройти через низшие степени к высшим, нужно понять опасность обращения с таким товаром и не только умом и сердцем желать добра, но и не заблуждаться насчёт последствий; а заблуждение это именно тогда вероятно, когда мы слепо и бессознательно подражаем.

Постараюсь объяснить это примерами.

Некоторые из образователей наших ввели в обычай кричать и вопить о *грамотности* народа и требуют наперёд всего, во что бы ни стало, одного этого; указывая на грамотность других просвещённых народов, они без умолку приговаривают: просвещение, просвещение! Но разве *просвещение* и *грамотность* одно и тоже? Это новое недоразумение. Грамота только *средство,* которое можно употребить на пользу просвещения, и на противное тому – на затмение. Можно просветить человека в значительной степени без грамоты, и может он с грамотой оставаться самым непросвещённым невеждой и невежей, т. е. непросвещённым и необразованным, да сверх того ещё и негодяем, что также с истинным просвещением не согласно. Лучшим несчастным примером у нас могут служить некоторые толки закоснелых раскольников: все грамотны, от мала до велика, а конечно трудно найти более грубую и невежественную толпу.

Я знаю деревню, населённую сплошь слесарями; все, стар и мал, занимаются этим ремеслом; дело, кажется, не худое; а между тем от слесарей этих никакой замок не уцелеет; есть спрыг-трава, есть отмычки на все руки, и слесарей моих боятся на всю округу, как огня.

Грамота, сама по себе, ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьёт его с толку, а не просветит. Перо легче сохи; вкусивший без толку грамоты норовит в указчики, а не в рабочие, норовит в ходоки, коштаны, мироеды, а не в пахари; он склоняется не к труду, к тунеядству.

А что читать нашим грамотеям? Вы мне трёх путных книг для этого не назовёте. А что писать нашим писакам? Разве ябеднические просьбы и подложные виды? Св. Писание, даже по цене, как оно продаётся и притом почти только в столицах, весьма редко может дойти до рук простолюдина, и то уже по цене удвоенной. При том одним этим он не удовольствуется, а захочет знать, что говорится в других книгах. Упомяну мимоходом, что были когда-то так называемые лубочные издания, малополезные, но и безвредные; и их теперь нет, но и на место их нет ничего.

Если бы вы убедились на деле, что вместе с грамотой, по какой-либо неразрывной связи, к какому бы то ни было народу прививается и нравственная порча, влекущая к употреблению нового знания своего во зло, – я говорю только *если бы* – то вероятно бы согласились, что грамота не есть

просвещение и что наперёд грамоты надо бы позаботиться о чём-либо ином. Сутяжничество и все бесчестные увёртки, прикрываемые видом законности, появляются тотчас там, где грамота вытесняет совесть и занимает её место, где *совесть* заменяется *грамотой*. Если бы ближайшее по соприкосновенности к мужику сословие промышляло злоупотреблением грамотности и закона, то такой обычай легко мог бы сделаться повальным. Удалите же наперёд безнаказанный пример этот, покажите будущему ученику своему благое приложение грамоты — не на словах, а на деле, окружите его такими примерами — и с Богом, учите его.

Прошу не принимать слов моих в таком смысле, будто я гоню грамоту; нет, я хочу только убедить вас, что грамота не есть просвещение, а относится к одному внешнему образованию, и потому не может быть сущностию забот наших для образования простолюдина. Придавать лоск прежде отделки вещи нельзя, разве для того только, чтобы обмануть наружным видом её. Слово *грамотей* уже нередко слышится в бранном смысле, как равносильное плуту, даже мошеннику, и в этом случае именно подразумевается, что грамотность у этого человека заняла место совести.

Два простых безграмотных мужика пришли ко мне на днях судиться; один насчитывает долг, другой отрекается. Сколько я не бился, но многолетние счёты их были так запутаны, что нельзя было сделать никакого верного расчёта, и должник, сознавая одну часть долга, от другой упорно отпирался. Коли так, то пусть он отбожится, сказал, наконец, проситель, и Бог с ним; забоженные деньги на его совести будут; прикажите ему, вот хоть сейчас при вашей милости, помолиться со мною перед образом, да пусть после побожится, что не должен, и Бог с ним.

Ответчик с большою уверенностью продолжал убеждать нас, что он прав; по-видимому он и сам этому верил, но от молитвенной божбы отказался и принял на себя долг, сказав: так пусть лучше деньги на его совести будут, чем на моей; он неправедным добром не разживётся.

Очевидно, что здесь должника вразумила богобоязненность и совесть; будь дело на бумаге, на письме, мужик стал бы указывать на одно это и устранил бы всякое вмешательство совести. Законное право заняло бы место правды.

На большом селе был базар. Зажиточный мужик заботливо выпроводил со двора своего воз в продажу, надавал

сыну много наставлений, чтобы не продешевил, а сам без всякого дела остался у ворот своих и с беспокойством посматривал издали на кипевшую народом площадь. Один из соседей поглядывал на него искоса и, занося руку в затылок, лукаво ухмылялся.

— Отчего же он сам не идёт на базар? — спросил я, догадываясь по всем приёмам этим, что тут что-нибудь да кроется. — Ему нельзя идти. — Отчего нельзя? — Да так нельзя, согнали; с него шапку сымают. — Кто? — Да мир, люди. — За что же? — Вишь, больно ославился, всё заедает чужое; сколько было чужих денег на нём, все забожил, добрых людей обидел, и прав. — А шапку ту как сняли? — Известно, миряне; после этого дела, что забожил деньги, он и выехал было опять торговать; тут все на него, что стая на волка; он и туда и сюда, не знает куда повёртываться, а народ и сыми с него шапку, да и кинь в толпу; что смеху, что крику было, весь базар всколыхался! Шапка-то пошла гулять мячом на весь базар, а хозяину её пришлось хоть в мать сыру землю лечь, да глыбой укрыться; стыднёшенько, и глаз показать нельзя. Так и согнали, и ходу не дают, нельзя и в люди казаться, не то что на базар.

А случалось ли вам когда-нибудь видеть, как веритель, взяв в руки нож и бирку неплательщика, сурово грозит ему: «Эй срежу, вот ей, ей, срежу», и как отчаянный должник кланяется в пояс и, сознавая вину свою, упрашивает заимодавца потерпеть на нём, приговаривая: «Бог не без милости, отдам, не душа лжёт, мошна», а я видел это своими глазами в одной из низовых Уральских станиц. Коли безнадёжный долг срезан с бирки, то его уже нет; но должник обесчещен на век, не хуже того, с которого сняли шапку; срезанную бирку с такого-то кажут на весь мир, и делу конец. Это мирская опала, от которой и бессовестный сохнет. Один такой бедняк, не зная, чем умилостивить или остановить грозившего срезкой заимодавца, побожился наконец в отчаянии, что если де срежешь, то принесу тебе сухую беду во двор, удавлюсь на твоих воротах; тогда отвечай Богу и ведайся с судом.

Большинство так называемых ревнителей образованности и просвещения — все мы к нему стремимся, но может быть различными путями, или не совсем одинаково его понимаем — назовут такую народную расправу варварством, которое основано на невежестве, безграмотстве, а потому потребуют безусловно, чтобы она была заменена порядком

письменным и судебным. Не отвергая столь же безусловно вашего порядка, я однако же попрошу вас вникнуть наперёд поближе в наше домашнее дело: вместе с письменным порядком неминуемо является наклонность к сутяжничеству, потому что, устанавливая порядок этот, вы сами даёте людям новые обрядливые правила и говорите: а кто, с той либо с другой стороны, не исполнит этих обрядов, тот лишается прав своих; этим самым вы конечно как бы вызываете спорящих пользоваться промахами противника в несоблюдении обрядов, заглушая голос совести. Не забудьте, что при необходимости прибегать в спорах этих не к решению здравого ума и правды, а к помощи законников, также неминуемо являются добрые советы их, наставления и подстрекательства к тяжбам бессовестным, промышленным. Итак, изводя народный исконный обычай, вы должны остеречься, чтобы не заменить его, по неуместной переимчивости своей, одним только призраком порядка; чтобы не поставить на место совести, стыда и страха прежнего порядка, какие-нибудь нескончаемые обряды и бумажное производство, ничего не обеспечивающего, а потому и ведущее к растлению нравственности и к разрушению всякой торговой доверенности. Вы конечно позаботитесь, не увлекаясь отвлечённостью науки, умозрением и слепым подражанием, дать, вместо старого, что-либо не только новое, но и лучшее; вы сообразите силы и средства свои, степень нравственной надёжности людей, коим новый порядок вверяется, вековые обычаи, свойства, наклонности народа и сбыточные последствия нововведения; словом, вы станете вытеснять старое, не потому что оно старо, а потому что оно дурно, и что есть средства установить лучшее на прочном основании.

Мы начали с грамоты; захватим по пути ещё пример, кажется, довольно резкий и убедительный. Как вам нравится наша грамматика, и в особенности наше учение о глаголах, пригнанное на западную колодку? Откуда взялись наши *виды* и *залоги,* и вообще всё ненужное и несвойственное русскому языку, между тем как всё существенное не разгадано и упущено, будто его не бывало? Прочитайте, что писали о глаголах наших Грот, Аксаков, Буслаев и другие; сличите это с нашими школьными грамматиками, и вы призадумаетесь; а если взглянете в Академический словарь, то раздумье ваше ещё увеличится. Там вы найдёте следующие *действительные* глаголы: *аплодировать*, кому; *благовестить*, в

колокола; *благоприятствовать*, кому, в чём; *боронить* (претить); *бросать* (камнем в кого); *намекать*, кому, о чём; *намучнить* (напылить мукою); *напоминать*, кому, о чём; *напылить*; *настаивать*, на чём (настоятельно требовать); *наседать* (пыль насела на стены – пример из словаря же); *натреснуть* (стакан натреснул – пример из словаря); *находить* (к нему много нашло гостей – тоже); *наюлить* (объяснено: поюлить много); *не дослышать* (быть тугоухим); *наровить* и пр. зато вы найдёте там же вот какие *возвратные* глаголы: *божиться, беситься, вдаваться* (с примером: дом вдался в сад), *навеселиться, навраться, нагнаиваться, намучиться, наплескаться, наслушиваться, начитаться, нашалиться* и пр. Из немногих примеров этих видно, что я заглянул теперь только в две буквы Словаря и что мог бы набрать таких примеров сотни и доказать, из самых объяснений в Словаре, что это не обмолвки, а что так наша печь печёт. У всех грамматиков наши глаголы отбиваются от рук; не мудрено, что и в словарях, в этом отношении, господствует неразрушимая путаница. Она объясняется только тем, что у нас грамматики нет, а принятое в европейских языках распределение глаголов, насилуя их, не может однако же подчинить своему произволу.

В некоторых грамматиках наших упоминается, что иные глаголы принадлежат к двум залогам. К двум и к трём можно отнести едва ли не большую половину их, но один и тот же глагол русский может принадлежать к *пяти* залогам; какая же это грамматика и к чему ведёт такое распределение?

От действ. гл. бить образуется возвратное *биться*. Сумасшедший бьётся лбом в стену. Но в обороте: биться с кем об заклад, биться на шпагах – это будет глагол взаимный; в выражении: биться, маяться, он бьётся, как козёл об ясли, как рыба об лёд – это гл. средний; у меня сердце бьётся, живчик бьётся – это может быть средний, но может быть и общий; рыба бьётся астрогой, камень бьётся молотком, посуда бьётся – здесь *биться* переходит в гл. страдательный. Но мало того, самый гл. *бить*, бесспорно гл. действительный, смотря по обороту речи, обращается в средний, напр. бить в ладоши, бить кулаком по столу, бить в барабан. Гл. *наследовать* также может назваться действительным и средним: я наследовал ему, он наследовал сто душ; таких глаголов множество. *Накричать, нашуметь, набалагурить* в Словаре на-

званы средними, а *насказать, наговорить, набормотать* действительными; спрашиваю всякого, на чём основана эта разница и к чему ведёт такая грамматика?

Возвращаюсь после этого отступления к своему предмету: виною всей путаницы этой, которую ещё долго будем разбирать по ниточке, *западный* научный взгляд на язык наш. Он причиною остановки в письменной обработке нашего языка. Дурное направление это может получить развязку двоякую: или найдутся после нас люди более самостоятельные, которые отыщут ключ потаённого замка, разгадают русскую грамматику и построят её вновь, откинув нынешнюю вовсе; или язык наш постепенно утратит самостоятельность свою и с неудержимым наплывом чужих выражений, оборотов и самых мыслей, подчинится законам языков западных. И выйдет польский, только ещё пожиже.

Бросим грамматику и перейдём к иному примеру. Она мне и так уже надоела пуще редьки и довела до того, что я решился при обработке Словаря своего, вовсе не показывать небывалых залогов, а объяснять, где нужно, употребление глагола примерами.

Фабричная промышленность приняла было у нас особенное направление; где только одного земледелия не хватало на все нужды мужика, там он чутьём доходил до какого-либо промыслового вспомогательного источника, говоря: промеж сохи и бороны не схоронишься; ищи хлеб дома, а подати на стороне. Нужда, которая так хитра на выдумки, почти повсеместно заставила мужика взяться за ремесло, которое, обратившись вскоре в общее достояние всей деревни или села, приняло вид фабричного производства. Таким образом, есть целые сёла, занимающиеся сапожным ремеслом, другие башмачным, третьи портняжным, плотничьим, столярным, и в числе последних, особые селения краснодеревцев; есть селения, выделывающие обручную или вязаную посуду, другие работают одну щепенную, снабжая ею всю Россию; есть санники, тележники, колесники, кузнецы разных родов, так что одно село работает исключительно косы, другое подковы, третье гвозди-двоетес, четвёртое штукатурное, опять иное ухнали или подковные; есть такие же селения тулупников, шапошников, валяльщиков, ткачей рогож, решёт и сит, полотен и разных бумажных тканей; Богородский уезд почти весь обратился в шелкопрядов, как их шутя называют, в шёлковых ткачей. Заметим, что местами

начинало входить и разделение труда, в чём и ныне ещё легко убедиться: стоит заглянуть в Ворсму, Павлово и Безводное Нижегор. губ., где также все слепые и калеки, не лишённые силы рук или ног, находят приют и работу по себе: обращение точил и колёс.

Все промыслы эти представляют ту особенность, что мужик не обращается вовсе в мастерового, а что он продолжает *искать хлеб дома*, т.е. заниматься земледелием. Выгоды такого порядка слишком очевидны, чтоб об них много толковать: дурное, безнравственное и буйное сословие бездомных бобылей, ни к чему не привязанных, ничем не дорожащих, живущих из кулака в рот, этим порядком вовсе устраняется, и Россия пошла было сама собою по такому пути, что могла надеяться избавиться от этого бича западных государств. Крестьянин занимался ремеслом своим более в продолжении длинной зимы нашей и притом не требуя, чтобы оно кормило и его и всю семью круглый год, а лишь бы стало на подмогу сохе, лишь бы заработать на свет да на тепло, а иногда и на синий кафтан; мужик не ценил и не мог ценить пищи, труда и времени; есть, всё равно, и без работы надо; а время зимою пропадает даром; от этого необычайная дешевизна таких товаров, доходящая напр[имер] в Ворсме и Павлове (Ниж. губ.) до того, что перочинный ножичек о двух лезвиях в черенке из зелёной морёной кости стоит *две* копейки, а дюжина ножей и вилок — *полтинник*. Вы скажете, что товар этот и добротою бывает по цене; пусть так, на первый случай это в сторону; я говорю только о простом и не менее того замысловатом порядке этой промышленности и о чрезвычайной пользе такого направления.

Никто в своё время не познакомился близко с этим порядком, никто не изучил его; пришла пора, когда сочли необходимым ввести у нас в больших размерах фабричное производство, и его перенесли целиком с Запада, следуя одним указаниям науки, составившейся на тамошних данных. Основались большие фабрики, потребовавшие постоянного присутствия в столицах сотен тысяч работников, кои, отстав вовсе от кола и двора, сделалались бездомными скитальцами и мало в чём уступают шатущим бобылям, коих называют за границей пролетариями и пасутся, как огня. Сверх этого очевидно и то, что заработная плата должна была от этого несоразмерно повыситься, а местное производство, несмотря на все преимущества свои, должно быть оттеснено и

убито. На возражения ваши, что местное домашнее производство никогда не может достигнуть той степени совершенства, как фабричное; что первое, между прочим, лишается выгоды употребления сложных и ценных машин и пр., отвечу только, что всё это сбыточно, но не доказано; никто не вник предварительно в самозданный, домашний порядок и направление, а он был заглушён и вытеснен вследствие научных убеждений чуждой нам почвы и обычаев. Может быть, поощрение и должное направление нашего домашнего способа производства и повели бы к важным и весьма полезным последствиям. Повторяю, заработная плата на фабрике, где работника надо кормить, одевать, оплачивать за него подати и сверх всего этого оставить ему часть денег на отсылку домой и ещё на пропой, возвышается вдесятеро противу домашней заработной платы; а отчуждение его от семьи и всякой домовитости ведёт к образованию весьма дурного, безнравственного сословия *фабричных*.

Обратимся наконец от фабричности к земледелию, к этому главному и существенному источнику народного довольства.

Посмотрите, что у нас пишут об этом деле, следуя в точности науке, как ясно и положительно доказывают пользу так называемого *разумного* хозяйства! Читая все эти благонамеренные поучения и наставления, разумеется, взятые целиком из сочинений иностранных, поневоле придёт в голову: Господи, за что же Ты всех нас наказуешь упорством и слепотою? Для чего мы поголовно, будто по заговору, отказываемся от своего блага, от очевидной пользы этих разумных наставлений? Неужто одна косность наша, упорство, тупость и лень одолевают все благие учения учителей наших и погружают нас в безвыходный омут невежества и нищеты?

Но вслед за тем, какой-то внутренний голос посылает сомнение; осведомляешься о том, о другом учителе хозяйства, спрашиваешь, в каком положении у него своё хозяйство, где он, конечно, уже успел доказать на деле *рациональность* своего учения; и что же? к крайнему изумлению слышишь, либо — что у него никакого хозяйства не бывало и сам он никогда и ничем не хозяйничал; либо — что вотчина его разорена и расстроена в пух, что он давно уже просеялся, промолотился и проварился, и с тех-то пор именно и посвятил себя с жаром обучению других тому, что сам так удачно исполнил на деле. Оглядываясь вокруг,

мы также видим по временам одни только бесплодные попытки благонамеренных, но слишком доверчивых хозяев, неудачных последователей нововведений, расхваленных донельзя учёными агрономами в книгах и журналах: видим, как разорённое имение вскоре опять возвращается к прежнему, варварскому хозяйству, но долго, долго ещё не может оклематься от нанесённого удара. Непостижимое дело; отчего же всё это так?

Причина очевидна: прикладную науку хотят перенести к нам из-за моря, со всеми теми данными, на коих она там основалась. Дух подражания, кидающегося на всё готовое, затмевает рассудок. Рассмотрим дело поближе; но наперёд всего ещё раз прошу не изворачивать слов моих, не говорить, будто я противлюсь нововведениям и улучшениям; я противлюсь таким только улучшениям, к коим можно применить ответ одного солдата, портного, на требование какой-то несбыточной поправки одёжи: можно поправить, ваше благородие, да будет хуже.

У нас по всей России введено искони трёхпольное хозяйство, на одном поле сеется озимь, на другом яровое, третье под паром и удобряется по мере средств. Озимь одна — рожь; яровое — овёс, иногда греча; а случится посеять ячмень, так и тот не знаешь куда девать. Поюжнее, где родится пшеница, под неё подымают новину или по крайней мере залежь, более или менее задерневшую; на лесном севере ведётся хозяйство подсеками, чищобами, починками, кулигами, т. е. выпаханная земля бросается под залежь и обыкновенно вскоре заростает леском и кустарником, а под посев расчищается и выжигается лесок. Выгонов или пастбищ большею частью нет, а скот пасётся на паровом поле; луга и вообще покосы бывают только местами, а большею частию мужик накашивает несколько возов по обвершкам оврагов, межникам и небольшим поёмам. Скота держат, кроме раздольных губерний, Саратовской, Оренбургской и др., очень мало, потому что его кормить нечем, что от него нет дохода и что падёж, каждые два три года, валяет его чуть не поголовно.

Чего же требуют наставники наши? Они требуют: улучшения почвы и обработки её, многопольного хозяйства, травосеяния и скотоводства. Это хорошо; но надо рассмотреть средства наши к этому порядку и обстоятельства или условия, в кои мы до времени поставлены.

Наперёд всего замечу, что ни один земледелец, сам по себе, не может ввести у себя этого порядка: всё хозяйство его пошло бы наперекор целой общины; поля его сошлись бы межами невпопад с соседями: озимь или яровое его очутилось бы среди общего пара, где пасётся скот, а пастбище его среди овса или ржи соседей. Мирские поля огораживаются ежегодно пряслами по паровой меже; но городьбы один хозяин вокруг всех полей своих поддержать не в силах, и он бы мог разве только жить и промышлять тяжбами и взысканиями за потравы, чему я и видел пример. Итак требование о введении нового порядка может относиться только до целых общин в полном составе их, или до помещиков. Первое несбыточно, доколе не явятся на деле слишком убедительные примеры; остаются одни помещики.

Возьмём для примера губернию, где средний урожай сам третей, средние цены на месте: на овёс рубль, на рожь два рубля за четверть. С трёх десятин, из коих одна под паром, за вычетом семян, всего доходу 6 руб., или по 2 р. с десятины, не считая труда и орудий. Из этого дохода очевидно никаких улучшений делать нельзя, надо положить в землю свой запасный истинник. Но в губернии, где все имения заложены и проценты с трудом оплачиваются этим двухрублёвым доходом, хозяину положить в землю нечего, разве начать новое хозяйство новыми неоплатными долгами, в ожидании продажи имения с молотка.

Многопольное хозяйство требует содержания скота, как для удобрения, так и для потребления сеяной травы; требует ухода за скотом и зимнего помещения. Об издержках на это и недостатке средств я сей час упомянул, о неизбежной чуме на скот также; остаётся узнать, какой доход даёт этот скот, кроме назёма. Примите в соображение доход со скота в других землях, где не только все молочные скопы записываются на приход наличными деньгами, но и рога и копыта, всё идёт в дело и в цену. Здесь одному порядочному, трезвому, смышлёному земледельцу даны были средства обзавестись скотом, для многопольного хозяйства; он очень порядочно знал уход за молочными скопами, не только держал хорошие сливки, сметану, творог, пахтанное масло, но делал сыры и рикоту. Выгода положения его была ещё та, что хозяйство его, устроенное особняком, находилось всего в полуторе версте от уездного города. Пробившись лет пять, он бросил учёное хозяйство, с большим

убытком, и принялся кормить и бить скот на мясо, чем опять несколько поправился. У него не было никакого сбыта на молочные скопы, хотя он и разносил их по городу; жители привыкли ко щам и каше, кроме луку да капусты не нуждались ни в каких овощах; топлёное русское масло также удовлетворяло их вкусу; кой-кто из уездных властей брали иногда с лотка комок сливочного масла, рикоты или бри, только чтобы отведать его, для *пробы,* и тем дело заканчивалось. И так хозяин мой, покинув все скопы, стал бить скотину на говядину, которая принадлежит к числу *ходких* товаров; заслышав издалека о падеже, он тотчас переводит её всю и только, переждав пору, снова начинает помаленьку свою торговлю. Этот род хозяйства его поправил.

Но вы конечно скажете: для чего он покинул многопольное хозяйство? Если ему невыгодно было держать скот для скопов, масла и сыров, то он всё равно держал же его с выгодою на убой и стало быть мог продолжать заведённое хозяйство?

На это я, в свою очередь, спрошу вас, какой же сбыт будет у него овощам, доставляемым многопольным и плодопеременным хозяйством? Вы сей час слышали, что в уездном городе этом требуются только лук и капуста; или всю ботву травить на корм скота? Но во что тогда станет ему скот этот? – Да не забудьте, что у него потому только говядина хорошо идёт с рук, что он продаёт её по 3 и 4 к. за фунт! Рассудите же теперь, если бы многопольное хозяйство ваше сделалось общим, если бы введено было в удалении от городов, куда было бы нам деваться с молочными скопами и какой доход может дать скот – или всем нам начать мясничить? Кто же раскупит мясо? – Куда деваться с овощами разного рода, на кои нет сбыта? Рожь, овёс, а где она родится, пшеница – это товар; хоть дёшево, да разбирают: остального крестьянин не ест, или не умеет им заменять хлеб и разнообразить стол свой; это не Малороссия.

В губерниях, где сеется пшеница, никакой посев не даст более выгоды, чем этот: стало быть нельзя и требовать, чтобы мужик разводил и то и сё, когда на то и сё нет ни цен, ни сбыту.

Ещё важной помехой сложному хозяйству бывает частый передел земли. (Передел земли, как он всё более и более устанавливается, не может быть помехою к улучшению

сельского хозяйства: землю теперь в помещичьих селениях делят редко по душам и ежегодно, а большею частью по работникам — *по тяглам,* и лет на 20-ть или *на многие годы.* При таком порядке унавоживание, расчистка кустов под пашню, проведение канав и пр. весьма возможны.) Я не говорю о тех переделах, коим служит основанием одно упрямство, зависть и обычай; но не забудьте, что у нас на каждую новую душу, посланную Богом в мир, земля готова; по мере прибыли населения, участки переделяются, а у помещиков они дробятся и делятся по наследствам.

Возвращаюсь к исходной точке своей и прошу радушной готовности понять слова мои прямо и правдиво.

Кто говорит, что у нас нет ничего путного и что всё надо перекорчевать по заморскому, тот не знает своего отечества, говорит на обум и вредит этим много.

Кто утверждает, будто бы всё то прекрасно, что наше, и потому именно хорошо, что оно наше, что это мы, тот обольщён самолюбием, говорит сказку за быль, морочит и себя и других и вредит этим своему отечеству.

Кто с умыслу скрывает худое, выставляет одни хазовые концы и нагло отрекается от всякого худа, которое не умеет или не в силах исправить, тот предатель.

Станем изучать всё доброе, что где найдём, но не станем увлекаться этим ученьем до слепоты, которая отчуждает нас от родины. Будем также помнить, что не изучив по крайней мере с такою же подробностию себя самого и своих, со всею обстановкою, нельзя приступать ни к каким преобразованиям, ни улучшениям, или это выйдут такие поправки, о коих говорил солдат портной: можно поправить, да будет хуже.

Даруй, Господи, долголетие и благоденствие Правительству, которое дозволяет говорить правду и стоять за неё. Одна только *гласность* может исцелить нас от гнусных пороков лжи, обмана и взяточничества и от обычая зажимать обиженному рот и доносить, что *всё благополучно.* В этом смысле, у нас должна возродиться и русская община, мир; он обязан клеймить опалою и позором негодяев, сымать с них шапки и сгонять с базару, чтоб им нигде нельзя было показать глаз.

А.И. Власенко

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ИВАНА КИРЕЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

«Премудрость возлюбих и поисках от юности моея... Познав же, яко не инако одержу, аще не Господь даст, приидох ко Господу...»

(из Кн. Премудр. Солом., гл. 8, ст. 2 и 22-й)[1]

Личность Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856) – писателя, литературного критика, издателя, общественного деятеля, мыслителя, основателя (наряду с А.С. Хомяковым) «классического славянофильства» – играет в новое время одну из ключевых ролей в том процессе, который должно осознать как культурно-исторический процесс самоопределения (самоидентификации) русской нации. Это обстоятельство заставляет нас сегодня более пристально всмотреться в его духовное наследие. Напряжёнными размышлениями о возможных путях строительства национальной культуры будущего были отмечены все периоды творчества Киреевского. Его же педагогические взгляды являются, в свою очередь, практическими выводами-рекомендациями, которые он делает на основании своей концепции развития отечественной культуры.

Безусловно, личность мыслителя представляет собой целостное единство. Однако периодизация его творчества даёт возможность зримо представить как динамику, так и качественную характеристику поиска, предпринятого Киреевским. Учитывая сделанные замечания, мы проводим следующую периодизацию:

1) «Период круга любомудров»: с 1827 по 1834 годы.

Хронологическое обоснование:

1827 год – это год известного письма к А.И. Кошелеву, содержащего замечательные программные нравственные

максимы: «Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов и чистоту жизни возвысим над чистотою слога. <...> Вот мои планы на будущее. Что может быть их восхитительнее?»[2]

1834 год – год выхода статьи «О русских писательницах», в которой просматривается ещё программа европеизации, хотя автор уже дистанцируется от идей утопического социализма[3].

Терминологическое обоснование:

Мы определяем первый этап в творческом развитии Киреевского как «период круга любомудров», так как в это время очевидна его умонаправленность, характерная для «архивных юношей»: прежде всего увлечение западноевропейской философией и традициями немецкого романтизма, становление сильных просветительских тенденций.

2) «Московский период»: с 1834 по 1842 годы.

Хронологическое обоснование:

После запрещения журнала «Европеец» (1832) до 1834 года ещё появляются статьи Киреевского, характерные для этого издания. Датировать хронологическую границу более поздним годом, на наш взгляд, нет оснований. Уже в 1832 году происходит первое, но активное (по его собственному признанию) знакомство Киреевского с патристикой[4], а также имеет место очень важный факт его религиозной жизни – обретение духового наставника, которым стал инок Новоспасского монастыря о. Филарет, что свидетельствует об активном личном религиозном поиске.

В рамках этого периода есть две очень важные даты, «точки перегиба» (А.И. Герцен): 1836 год (публикация «Философического письма» Чаадаева) и 1839 год (статьи «О старом и новом» Хомякова и «В ответ Хомякову» Киреевского). Они придают ярко выраженные типологические черты всему периоду в целом.

1842 год – год смерти о. Филарета.

Терминологическое обоснование:

Название «московский период» используется нами не только в топонимическом смысле, но (и прежде всего!) – в идеологическом, как намечающаяся фронда, противопоставление «московского» любомудрия европеизированному Петербургу. К тому же в этот период происходит наиболее

тесное общение Киреевского с членами московского славянофильского кружка.

3) «Оптинский период»: с 1842 по 1856 год.

Хронологическое обоснование:

1842 год — это год не только трагической утраты духовного отца, но и сближение с оптинским старцем Макарием, «одним из самых высоких и замечательных старцев, ещё хранимых Богом в России».

1856 год — год кончины Киреевского.

Терминологическое обоснование:

С Оптиной Пустынью были самым тесным образом связаны последние 15 лет жизни Киреевского. Здесь получили новый творческий импульс его духовный поиск и религиозное вопрошание. С оптинцами связана активная издательская деятельность мыслителя. Влияние идей православного старчества на заключительное оформление славянофильского мировоззрения огромно.

Термины «образование» и «просвещение» как центральные категории, используемые в осмыслении особенностей национального пути развития, становятся ключевыми в культурософских построениях будущего славянофила. Так, в статье «Обозрение русской словесности 1829 года» (1830) Киреевский, по сути дела, уже формулирует всю дальнейшую стратегию своего культурософского поиска. «Судьба каждого из государств европейских зависит от совокупности всех других — судьба России зависит от одной России. Но судьба России заключается в её просвещении: оно есть условие и источник всех благ. Когда же эти блага будут нашими, мы ими поделимся с остальной Европою, и весь долг наш заплатим ей сторицею»[5], — утверждает он.

Однако 1830 и 1839 годы («В ответ Хомякову») разделяла дистанция, которую ещё предстояло пройти. Она определила у Киреевского *качественно* новый взгляд на образование и просвещение России. На смену модели «единого культурного потока» приходит новое понимание. Что и нашло своё выражение в *идее*, усматривающей отличие национального культурного самоопределения в доминанте духовного, цельного начала в противовес материальному, рационально-дробному, который, по мнению Киреевского, столь характерен для европейского пути развития.

Этот критический взгляд на европейскую образованность был во многом инспирирован революционными потря-

сениями, характерными для Европы второй трети XIX века; и пониманием необходимости поиска своего, *другого* пути развития, лишённого европейского недуга. Весьма показательно в этом отношении звучат мысли, выраженные Киреевским в письме к Кошелеву. «Россия, мы надеемся, через этот перелом не пройдёт (речь идёт об оценке Французской буржуазной революции 1789 года. – *А.В.*), авось в ней не будет кровопролитных переворотов, – выражает свою надежду и опасение одновременно Киреевский, – но тем заботливее надобно пищись в ней о нравственности систем и поступков. Чем меньше фанатизма, тем бдительнее и строже должен быть разум. И я заключу так же, как и ты: у нас должна быть твёрдая и молодым душам свойственная нравственность, и стремление к ней должно быть главною и единственною целью всякой деятельности. В ней патриотизм и любомудрие, в ней основа религии»[6].

В подобных, отдельно разбросанных по разным статьям и письмам мыслях можно заметить, как у Киреевского намечается и далее (уже в «оптинский период») находит своё оформление зримое противопоставление культурного развития России и Европы[7]. *Нравственный критерий становится, по Киреевскому, дифференцирующим признаком двух типов образованности – «европейской» и «древнерусской».*

Степень же эмоционально-личностной оценки событий после потрясений 1848 года становится предельной. «Необходимы карантины против той нравственной заразы, от которой теперь гниёт Европа, этой французской болезни, от которой у бедного западного человека уже провалилось небо»[8], – делится он своими горестными раздумьями в письме к Жуковскому.

Где же конкретно Киреевский обнаруживает те источники чистой воды, которые должны быть охраняемы и будут питать в дальнейшем культуру народа, образовывать единство нации? «Прежде распространения у нас образованности западной, – отвечает он на этот вопрос, – основывающейся преимущественно на рационализме науки, всё просвещение России, весь образ мыслей всех классов общества проистекал из одного общего источника: из прямого и непосредственного учения нашей церкви»[9].

И далее он формулирует свою, вероятно, самую заветную мысль, потому что она диктуется не спекулятивными воззрениями, но реальной практикой духовного устроения,

которую Киреевский обнаруживает в историческом прошлом своей Родины. «Монастыри наши, раскинутые частою сеткою по всей земле русской, — с жаром утверждает он, — наполненные выходцами из всех классов народа, находились в таком же отношении к умственному просвещению всей земли, в каком находятся университеты европейские к народам западным: они составляли центр и определяли характер народного мышления»[10]. «Ибо что такое народ, — заключает Киреевский, — если не совокупность убеждений, более или менее развитых в его нравах, его обычаях, в его языке, в его понятиях сердечных и умственных, в его религиозных, общественных и личных отношениях, — одним словом, во всей полноте его жизни?.. Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения; в таком же предопределённом порядке подчинялась семья миру, мир более обширной — сходке, сходка — вечу и т. д., покуда все частные круги смыкались в одном центре, в одной православной церкви»[11].

В свою очередь, разграничение конфессий христианского мира — православия и католичества, — является, по Киреевскому, фундаментальным критерием, который определяет самую суть двух культурных типов: европейского и древнерусского. Киреевский однозначно указывает на факт разделения Церквей как на глубинную религиозную причину, приведшую в результате к ослаблению и европейской, и русской культуры. Он пишет: «Отпадение Рима лишило Запад чистоты Христианского учения и в то же время остановило развитие общественной образованности на Востоке. Что должно было совершаться совокупными усилиями Востока и Запада, то уже сделалось не под силу одному Востоку, который таким образом был обречён только на сохранение Божественной истины в её чистоте и святости, не имея возможности воплотить её во внешней образованности народов»[12].

Останавливаясь на этой мысли, Киреевский употребляет в своём рассуждении образ, которому будет определено исключительное с культурологической точки зрения бытование — «святая Русь». Он пишет: «...если Русскую землю иногда называли «святая Русь», то это единственно с мыслью о тех святынях мощей и монастырей и храмов Божиих, которые в ней находились, а не потому, чтобы её устройство представляло сопроницание церковности и светскости...»[13].

Игнорирование полутонов этой мысли и определило совершенно бесплодные поиски «грехов» «святой Руси» у большинства оппонентов Киреевского: вместо того, чтобы понять источники нравственно-религиозной максимы, которая формирует личность и о которой говорит мыслитель, профанное перепутали с идеальным, мудрость с прагматикой[14].

Если рационализм проводит демаркационную линию между двумя типами образованности (русской и европейской), если разграничение определено столь решительно, не следует ли из этого, что вопрос окончательно решён в пользу «самобытного» пути развития, по крайней мере, в области мысли? Однако Киреевский, по его собственным словам, не имеет намерения писать сатиру на Запад: «...никто больше меня не ценит тех удобств жизни общественной и частной, которые произошли от того же самого рационализма». «Сколько бы мы ни были, — поясняет далее свою мысль автор «Ответа Хомякову», — врагами западного просвещения, западных обычаев и т.п., но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь, какой-нибудь силою истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжение двухсот лет? Можем ли мы не знать того, что знаем, забыть всё, что умеем? Ещё менее можно думать, что 1000-летие русское может совершенно уничтожиться от влияния нового европейского. Потому сколько бы мы ни желали возвращения русского или введения западного быта, но ни того, ни другого исключительно ожидать не можем, а поневоле должны предполагать что-то *третье*, долженствующее возникнуть из взаимной борьбы двух враждующих начал»[15].

Где же тогда решение проблемы? Оно требует дальнейшего развития историософских категорий, которые употребляет Киреевский для оформления своего понимания философии культуры. Так, после того, как им дан был абрис основ и первопричин, определивших особенности просвещения восточного и западноевропейского, Киреевский описательно вводит понятия, которые можно было бы определить как *«внутреннюю»* и *«внешнюю»* образованность. Он замечает: «Одна образованность есть внутреннее устроение духа силою извещающейся в нём истины; другая — формальное развитие разума внешних познаний»[16].

В дальнейших пояснениях Киреевского, разграничивающего два типа образованности, обнаруживается всё тот же

нравственный критерий, который был в его историософских размышлениях обозначен как классификационный и структурирующий принцип. Так, давая характеристику «внешней» образованности, он подчёркивает: «...по сущности своей и в отделенности от посторонних влияний она есть нечто среднее между добром и злом, между силою возвышения и силою искажения человека... *Сама бесхарактерность этой внешней, логическо-технической образованности позволяет ей оставаться в народе или человеке даже тогда, когда они утрачивают или изменяют внутреннюю основу своего бытия, свою начальную веру, свои коренные убеждения, свой существенный характер, своё жизненное направление»*[17].

Однако рассуждения Киреевского исполнены не только отрицательного пафоса. В перспективе будущего культурного строительства он усматривает следующую диалектическую взаимосвязь между указанными видами образованности: «Покоряясь направлению этой высшей (понимай: «внутренней», древнерусской. — *А.В.*) образованности и дополняя её своим содержанием, вторая (т.е. «внешняя», западная. — *А.В.*) образованность *устрояет* (выделено мной. — *А.В.*) развитие наружной стороны мысли и внешних улучшений жизни»[18]. В статье «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856) эта мысль будет выражена еще более конкретно: «Восток передаёт Западу свет и силу умственного просвещения, Запад делится с Востоком развитием общественности; везде просвещение созидается на твёрдом камне Божественного откровения»[19].

Итак, с точки зрения цели, Киреевский, несомненно, вполне последователен в своих рассуждениях. Цель одна — пробуждение нравственных, духовных сил в народе. Средство — образование. А вот источник мудрости, «канонический текст», на который это образование должно опираться и с которым должно согласовываться, для Киреевского является предметом бесконечных рефлексий. У позднего Киреевского это уже не шеллингианство и не философия нового времени вообще, но тексты, в которых изложены учение и мудрость Отцов Церкви. Святоотеческая литература, по заключению мыслителя, является той основой, которая только и способна укрепить силу познающего духа и направить его к постижению истин, дарующих единство веры, воли и идеала.

Из письма к В.А. Жуковскому (1845 г.): «Христианская истина, хранившаяся до сих пор в одной нашей церкви, не

искажённая светскими интересами папизма, не изломанная гордостью саморазумения, не искривлённая сентиментальною напряжённостью мистицизма, – истина самонасущная, как свод небесный, вечно новая, как рождение, неизбежная, как смерть, недомыслимая, как источник жизни, – до сих пор хранилась только в границах духовного богомыслия... Отношение этого чистого христианского начала к так называемой образованности человеческой составляет теперь главный жизненный вопрос для всех мыслящих у нас людей, знакомых с нашею духовною литературою»[20].

Критика Запада у Киреевского, повторим, не есть огульное отрицание, предание забвению «святых камней Европы». Киреевский вносит свою лепту в поиск возможных путей преодоления кризиса западной культуры, так как развитие России за счёт внутренних ресурсов представляется ему не как нечто самоценное и замкнуто-самодостаточное. Он переориентирует и Западную Европу, указывая, что в подобном развитии России есть выход и для неё. Для его культурософского поиска этого периода чрезвычайно актуально понятие «истинной образованности», которая в его концепции противостоит слепому копированию путей и методов европейского просвещения.

Его личный опыт фиксирует следующую динамику: от безусловной ориентации на западный тип культуры с преобладающей идеей заимствования и интеграции («период круга любомудров») до отыскания оригинальных национальных корней в деле созидания культуры будущего. В качестве таковых он утверждает нравственно-религиозные нормы русского православного сознания. Нюансированная позиция Киреевского в вопросе строительства национальной культуры будущего, для которой характерно стремление объединить ценности исконно-русские и европейские, достаточно отчётливо обозначена в статьях «московского» и «оптинского» периодов.

Так, в 1839 году он пишет: «Следовательно, и этот вид вопроса – который из двух элементов (русский или европейский. – *А.В.*) исключительно полезен теперь? – также предложен неправильно. Не в том дело: который из двух? но в том: какое оба они должны получить направление, чтобы действовать благодетельно? Чего от взаимного их действия должны мы надеяться, или чего бояться?»[21]

В 1845 году Киреевский также продолжает настаивать на том, что «любовь к образованности Европейской, равно как любовь к нашей, обе совпадают в последней точке своего развития в одну любовь, в одно стремление к живому, полному, всечеловеческому и истинно Христианскому просвещению»[22].

Ещё более конкретные выводы содержатся во «Фрагментах» (1856): «На поверхности русской жизни господствует образованность заимствованная, возросшая на другом корне. *Противоречие основных начал двух спорящих между собою образованностей есть главнейшая, если не единственная, причина всех зол и недостатков, которые могут быть замечены в русской земле.* Потому, примирение обеих образованностей в таком мышлении, которого основание заключало бы в себе самый корень древне-Русской образованности, а развитие состояло бы в сознании всей образованности Западной и в подчинении её выводов господствующему духу Православно-Христианского любомудрия, — такое примирительное мышление могло бы быть началом новой умственной жизни в России и, — кто знает? — может быть, нашло бы отголоски и на Западе, среди искренних мыслителей, беспристрастно ищущих истины»[23].

Поиск же способов преодоления кризиса культуры как русской, так и европейской предлагается Киреевским, как мы видим, на пути синтеза, фундаментальную основу которого составили бы непреложные истины православного святоотеческого наследия, а внешней формой выступила бы систематика европейской философии. Отсюда — настоятельная необходимость, по Киреевскому, обратиться прежде всего к наследию св. Отцов, так как именно их указания «примет верующее любомудрие за первые данные для своего разумения, тем более что указания эти не могут быть отгаданы отвлечённым мышлением. Ибо истины, ими выраженные, были добыты ими из внутреннего непосредственного опыта и передаются нам не как логический вывод, который и наш разум мог бы сделать, но как известия очевидца о стране, в которой он был»[24].

Реальным руководством к действию принял Киреевский этот вывод для самого себя. Его активное участие в книгоиздательстве оптинцев (15 книг за 10 лет, всего было издано 16) является результатом чрезвычайных усилий на этом пути. Выводы культурософского характера продиктовали и

конкретику шагов в организации образования «народного просвещения», ибо «Россия не блестела ни художествами, ни учёными изобретениями, не имея времени развиться в этом отношении самобытно и не принимая чужого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного её христианскому духу. Но зато *в ней хранилось первое условие развития правильного, требующего только времени и благоприятных обстоятельств; в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам»*[25].

Исполняя обязанности почётного смотрителя уездного училища в Белёве, Киреевский оформляет свои мысли в виде двух служебных записок — «Записка о направлениях и методах первоначального образования народа в России» (закончена в 1838 году, была передана гр. Комаровскому) и «Об уездных училищах». Приведём несколько характерных мыслей автора из этих статей.

Из «*Записки о направлениях и методах первоначального образования народа в России*»:

— «...может быть, народ уже прежде имел и хранил в изустных и обычных преданиях своих все корни понятий, необходимых для правильного и здорового развития духа...»;

— «...выходя из прежнего круга понятий, простолюдин не находит другого круга сомкнутого, полного и удовлетворительного, но встречает смещение понятий, без опоры для ума, без укрепления для души»;

— «Какое же просвещение остаётся ещё для народа? Остаётся познание веры...»;

— «Вера не есть только знание. Она есть убеждение, связанное с жизнью, дающее особенный цвет, особенный склад всем другим мыслям и понятиям и определяющее поступки человека»;

— «...главная сила веры заключается не в расчётливом избрании выгоднейшего для жизни, но в убеждении, заключающемся вне обыкновенного логического процесса»;

— «...направления народного образования должны стремиться к развитию чувства веры и нравственности преимущественно перед знанием»[26].

Из статьи «*Об уездных училищах*»:

— «У нас религиозная образованность может происходить только из образованности Церковной. Потому привычка к чтению Церковных книг, разумение Церковного

богословия есть единственное средство к приобретению этой образованности»;

– «Знание Катехизиса есть, конечно, драгоценный венец всех понятий, почерпаемых Христианином из внимания к Церковным молитвам и из чтения Священного Писания; но в отдельности от чтения Священного Писания и от слушания Церковного Богослужения, школьное знание Катехизиса, – по крайней мере, бесполезно»;

– «...чтобы Уездные Училища полнее достигали своей цели, полезно было бы кажется, особенно в некоторых местностях, чтобы в устройство их вошло более церковного элемента, и именно столько, сколько нужно для того, чтобы ученики могли без труда читать Церковные книги, и понимали бы хотя бы несколько конструкцию Словенской речи»[27].

Настоятельная рекомендация Киреевского ввести в уездных училищах преподавание старославянского языка является весьма актуальной и для современного общества. «Словенский» язык, по мысли автора, является средством активного вовлечения верующего в литургическое служение и, следовательно, для его воцерковления, что воспитывает религиозную нравственность – главное условие и предпосылку «истинного» образования и просвещения народа.

Иван Васильевич Киреевский на своём пути религиозного вопрошания (на пути, безусловно, глубоко личностном) сумел для себя самого «сообразить» с духом отеческого предания вопросы современной ему образованности. Он по благодати смог осуществить такое дерзновение, которое является актуальным для каждого поколения и, в частности, для всякого человека: стремиться к приятию Христовой Истины через соединение веры, знания и деятельной жизни.

Примечания

Статья написана к 195-летию со дня рождения И.В. Киреевского (1806–2001).

[1] Эпитафия на бывшем могильном камне И.В. Киреевского в Оптиной Пустыни, в настоящее время на могиле мыслителя стоит крест.

[2] Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984. С. 289.

[3] Из письма к Кошелеву от 6 июля (1833 или 1834 года): «Чтобы показать, что воспитание женщин не соответствует потребностям времени и просвещения, надобно показать характер времени и просвещения, отделить от существенного случайное... Представив время, изобразив сердце человеческое, как оно создано просвещением и нравственным порядком

вещей, надобно показать ещё, какое изо всего этого следует отношение между мужчиною и женщиною... наконец для всех требований, для всей системы найти, создать одно слово, имя, которое бы отделяло её от всех других систем, чтобы в уме читателей не смешивались отрывки из одной мысли с отрывками из другой мысли несоответственной; чтобы все слова мои не приписали ни бессмысленному требованию сенсимонической эмансипации, ни плоскому повторению понятий запоздалых...» (Киреевский И.В. ПСС. М., 1911. Т. 1. С. 227).

[4] Из письма к о. Макарию (12 августа 1847 года): «...Ибо тому шестнадцать лет, когда я в первый раз читал Исаака Сирина; Богу угодно было, чтобы я именно об этом месте просил объяснения у покойного о. Филарета Новоспасского, который сказал мне, что это место толкуется так, что под словами «глава и основание всея твари» понимается Михаил Архангел» (Письма И.В. Киреевского Оптинскому старцу Макарию. — Символ. № 17 (июль). 1987. С. 124).

[5] Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984. С. 61.

[6] Там же. С. 309.

[7] С точки зрения своеобразной художественной интерпретации нравственного критерия (столь значимого для Киреевского) представляют интерес мысли Одоевского, выраженные им в романе «Русские Ночи». Так, в эпилоге романа Фауст, один из участников диалогов, излагает следующие мысли: «...горькое и странное зрелище видим мы на Западе... Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным и через несколько времени — слишком простым — Запад гибнет!» На возражение одного из собеседников, что всё это «вздор», так как никогда ещё не была так внешне богата Европа, Фауст соглашается, что это мнение о гибели Запада преувеличено, и он не видит в нём «признаков близкого падения». Однако здесь же спешит сделать одно замечательное добавление: «...характер настоящей эпохи назвали синкретизмом, а я осмелюсь сказать, что её характер просто **ложь**, какой ещё не бывало в прежней истории мира». (Одоевский В.Ф. Русские Ночи. — Путь. 1913. С. 350–355)

[8] Киреевский И.В. ПСС. М., 1911. Т. II. С. 250.

[9] Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 227.

[10] Там же. С. 227.

[11] Там же. С. 149.

[12] Киреевский И.В. ПСС. М., 1911. Т. 1. С. 241.

[13] Там же. С. 204–205.

[14] Иллюстрацией того, как непросто было Киреевскому найти понимание у современников может выступить, в частности, следующая пространная цитата из дневника Вяземского (запись от 15 августа 1847 года): «Я писал Жуковскому о нашей народной и руссославной школе: tout ce qui n'est pas clair n'est point francais («всё, что неясно — то не по-французски»), говорят французы в отношении к языку и слогу. Всякая мысль не ясная, не простая, всякое учение, не легко применяемое к действительности, всякое слово, которое не легко воплощается в дело, не русские мысль, уче-

ние, слово. В чувстве этой народности есть что-то гордое, но вместе с тем и холопское... Думать, что мы и без Запада справились бы — то же, что думать, что и без солнца могло бы светло быть на земле. Наше время, против которого нынешнее протестует, дало, однако же, России 12-й год, Карамзина, Жуковского, Державина, Пушкина. Увидим, что даст нынешнее. Пока ещё ничего не дало. Оно умалило, сузило умы. Выдумывать новое просвещение, на славянских началах, из славянских стихий — смешно и безрассудно. Да и где эти начала, эти стихии? Отказываться от того просвещения, которое ныне имеем, в чаянии другого просвещения, более родного, более к нам приноровленного, то же, что ломать дом, в котором мы кое-как уже обжились и обзавелись, потому что по каким-то преданиям, гаданиям, ворожейкам где-то, в какой-то потаённой, заветной каменоломне должен непременно скрываться камень-самородок, из которого можно построить такие дивные палаты, что пред ними все нынешние дворцы будут казаться просто нужниками. Вот эти руссославы и ходят всё кругом этого места, где таится клад, с припевами, заговорками, заклятьями и проклятьями Западу, а всё ничего вызвать и осуществить не могут. Один пар бьёт столбом из-под обетованной их земли. Эти руссославы гораздо более немцы, чем русские» (Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 446—447).

[15] Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 144.

[16] Там же. С. 189.

[17] Там же. С.190.

[18] Там же.

[19] Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984. С. 254.

[20] Там же. С. 306.

[21] Киреевский И.В. ПСС. М., 1911. Т. 1. С. 110—111.

[22] Там же. С. 162.

[23] Там же. С. 265.

[24] Там же. С. 272.

[25] Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 152.

[26] Там же. С. 383—391.

[27] Шарипов А.М. На путях русской мысли: Иван Васильевич Киреевский, М., 1997. С. 51—54.

УМЕЛ ДИТЁ РОДИТЬ, УМЕЙ И НАУЧИТЬ

Н.И. Остапенко

ВОСПИТАНИЕ МУДРОСТЬЮ
(Из опыта работы Педагогического колледжа № 5)

Истинное назначение человека
именно то, чтоб делать добро.

В.И. Даль

Наш педагогический колледж расположен в одном из старых районов Москвы — на Пресне. Недалеко от нас, во дворе дома по Большой Грузинской, находится небольшой двухэтажный особнячок, на фасаде которого установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме в 1859–1872 гг. жил и работал Владимир Иванович Даль, лексикограф, этнограф, писатель, создатель Толкового словаря живого великорусского языка».

Дом — памятник истории, он охраняется государством, Далю же здесь отведена только одна комната, в которой разместилась небольшая экспозиция.

Парадокс нашего времени — в Москве нет музея В.И. Даля. Организатором всей работы этой Музейной комнаты является энтузиаст своего дела, очень увлечённый человек — Р.М. Коломцева. Когда она обратилась в наш колледж с предложением о сотрудничестве, то мы конечно же откликнулись на её предложение. Надо сказать, что наш директор М.Ф. Леонтьева не менее увлечена своей работой и всеми новыми интересными начинаниями. Вот так мы и пришли в «Дом Даля».

Знакомство с жизнью Даля было откровением. Как мало всё-таки мы знаем о жизни человека, которого по праву

можно назвать «легендой» XIX века. Современник Пушкина, Даль, оказывается, был одним из самых читаемых авторов своего времени. Кто бы мог подумать!

Знакомство с жизнью и творчеством Владимира Ивановича началось с чтения его литературных произведений, у нас традицией стало проводить «Далевские» уроки. Даль вошёл в наши аудитории добрым знакомым. Наши студенты – С. Новикова, Т. Шуина вскоре стали проводить экскурсии в Доме Даля. Экскурсии были организованы для первокурсников и для учащихся тех школ, где мы работаем во время педагогической практики.

Постепенно материал накапливался. У нас был опыт работы со словарём Даля на уроках русского языка и литературы, мы разучили некоторые народные игры, сняли телепередачу «Даль в Москве», студентка Ю. Сургучёва разработала обучающую компьютерную программу, в которой представлен весь жизненный и творческий путь В.И. Даля. Мы решили подвести итоги проделанной работы и провели «Далевские» чтения. В чтениях принимали участие наши студенты. Было заслушано десять сообщений, среди которых были следующие:

– В. Даль и натуральная школа;

– Анализ литературного произведения. В. Даль «Бедовик»;

– Сказки В.И. Даля. Фольклорные традиции;

– В. Даль как лексикограф;

– Вклад Даля в русскую культуру;

– Словарь В.И. Даля как источник духовной культуры русского народа.

Исполнением народных песен и инсценировкой игры «Кузовок» фольклорный ансамбль нашего колледжа завершил чтения.

Изучать творческое наследие Даля можно бесконечно, ибо оно огромно. В наши дни так много говорят о патриотическом воспитании, принята программа на государственном уровне. Но в этой программе нет ни слова о том, что любовь к Отечеству начинается с любви и уважения к родному языку. Мы разучились слушать и слышать СЛОВО. В нашу жизнь вошли СЛОГАНЫ. Можно ли с ними бороться? Безусловно. Начинать формировать речевую культуру необходимо в семье, и чем устойчивее будет привычка уважительного отношения к языку, тем труднее будет его ломать.

«Воспитывать надо личным примером», – писал Даль. Он считал, что нравственность выше образованности. У слова нравственность замечательные синонимы – духовность, добродетельность.

Подтверждением этих слов является вся его жизнь. Всмотритесь в лицо Даля, которое запечатлел В.Г. Перов уже в конце его жизни. Оно прекрасно. Тихая умиротворённость, в глазах – мудрость Старца. Воспитание нравственности включает в себя воспитание СЛОВОМ. В XIX веке эту миссию выполняла наша великая русская литература. К сожалению, после прочтения литературных произведений конца XX века возникает чувство брезгливости, омерзения и остаётся надежда, что это явление временное.

Я знаю, что наши выпускники обязательно расскажут своим ученикам о В.И. Дале. Ведь прикосновение к его творческому наследию – это прикосновение к неиссякаемому роднику мудрости. Истинный патриот, чем бы он ни занимался, своим добросовестным трудом приносит пользу своему Отечеству.

«Не верьте, что счастье было извне, оно в вас, внутри вас, это воля ваша, сила души», – пишет Даль в одном из своих произведений. В этой фразе – вера в огромные творческие возможности человека, любого человека, ибо каждому от природы дан известный запас душевных сил, чтобы создать себя и свой характер. Главное, чтобы каждый «научился быть человеком, научился уважать себя самого». Уважающий себя человек не способен на низменный поступок, не изменит своим принципам.

В.В. Львов

В.И. ДАЛЬ И ЕГО СЛОВАРЬ В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКАХ ДЛЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Ещё два десятилетия назад в средней школе был только один учебник русского языка, десять лет назад учитель уже мог выбирать из двух учебников, начиная с середины девяностых годов их стало уже три. Фактически учебников гораздо больше. Три из них рекомендованы Министерством образования, а остальные не имеют грифа министерства, но пользуются определённой популярностью и «работают» в отдельных школах. Вот и посмотрим, как представлен В.И. Даль и его знаменитое творение в учебниках русского языка для *среднего* звена школы.

При всём отличии учебников их объединяет одно важное сходство. В связи с тем, что раздел «Лексика и фразеология» по программе изучается в 5 классе, о Дале говорится, как правило, в рамках этого раздела именно в 5 классе. В новом, переработанном, варианте учебника 5 класса под научным руководством академика Н.М. Шанского (1999 г.) в упомянутом разделе о Дале нет ни слова, хотя в прежние времена (этот учебник функционирует около 30 лет) Далю посвящались некоторые упражнения.

В учебно-методическом комплекте (УМК) под ред. В.В. Бабайцевой затронуто наследие Даля. Так, в учебнике «Русский язык: Теория» (5–9 классы. Учебник для общеобразовательных учреждений. 2000 г.) в параграфе 65 «Заимствованные слова» имеется небольшая статья о Владимире Ивановиче Дале с его портретом. В статье говорится о том, что языковед не по образованию, а по призванию Даль знаменит своим четырёхтомным «Толковым словарём живого великорусского языка» и собранием «Пословиц русского народа». К сожалению, никаких заданий и вопросов в статье нет. Учащиеся читают её в отрыве от упомянутого параграфа, с которым она логически не связана. В пособии «Русский язык: Практика» для 5 класса этого же УМК (2000 г.) даётся лишь одно упражнение (№ 736), в котором школьникам рекомендуется прочитать несколько пословиц из «Толкового словаря живого великорусского языка» и сказать,

как они понимают смысл каждой из них. Кроме того, пятиклассники должны из пяти приведённых в упражнении пословиц выписать две, которые им особенно понравились.

Иной, неформальный подход, виден в УМК под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта. В учебнике для 5 класса (2000 г.) помещён портрет Даля со статьёй о нём, написанной живым, заинтересованным языком (с. 208–209). Школьникам предлагается выполнить упражнение (№ 553). На примере отрывка из словаря Даля с толкованием слов *дождь, морось, ливень, косохлёст* и подобных пятиклассники учатся опознавать диалектные слова, находить пословицы, знакомящие с народными приметами, с особенностями быта русского народа. А в пособии С.И. Львовой «За страницами учебника: Русский язык» для 5 класса (1998 г.), написанном как дополнение к названному выше УМК, в параграфе 16 «Что мы знаем о лексическом значении слова» в упражнении № 238 перед учащимися ставится задача прочитать текст и рассказать о том, что нового они узнали о значении и употреблении слова *каша*. Приведём этот текст: «Многие заметки в словаре Даля – это маленькие рассказы о жизни народа, его трудах, о народных обычаях, поверьях, нравах. Из этих заметок узнаём, какие дома строили русские люди, какую одежду носили, какие печи складывали и как их топили, на каких телегах ездили, как поле пахали, как хлеб убирали, как сады сажали, как рыбу ловили, как невест сватали, как детей учили, как кашу варили. Каша, толкует Даль, – густоватая пища, крупа, варенная на воде или на молоке. Крутая каша, гречневая, пшённая, полбенная, яичная. овсяная, ржаная, готовится в горшке и в печи, запекаясь сверху. Жидкая каша, или кашица, – похлёбка с крупою, размазня, по густоте, между крутою и кашицей. Но кашей называют не только пищу. Это ещё и артель, которая собирается для общей работы (артельщики иногда говорят: «Мы с ним в одной каше»). Во время жатвы крестьяне помогают друг другу, такая помощь иногда тоже именуется кашей. Наконец, все мы понимаем, что пословица «Сам заварил кашу, сам и расхлёбывай» тоже не про еду: здесь каша – беспорядок, суматоха, недоразумение. Примерами едва не к каждому слову Даль брал народные пословицы. У него их тоже собрано было очень много – больше тридцати тысяч. Даль говорил, что не найти примеров народной речи лучше, чем пословицы: в них народ коротко и метко

высказывает свои суждения о жизни. К слову каша Владимир Иванович подобрал чуть не полсотни пословиц. Вот некоторые из них: 1) На чужую кашу надейся, а своя бы в печи была; 2) Любо брюху, что глаза кашу видят; 3) Без каши и обед не в обед; 4) Одному и у каши неспоро. Больше ста лет прошло, как появился «Толковый словарь» Даля, но мы по-прежнему держим его под рукой, то и дело заглядываем в него, радуемся встрече с точными, яркими народными словами, мудрыми и весёлыми пословицами, зачитываемся рассказцами — толкованиями. Слава Даля жива и до сих пор» (В. Порудоминский).

Таково содержание работы по рассматриваемой теме в трёх официально действующих в современной российской школе учебниках. В следующих строках этих заметок речь пойдёт об учебниках, только что увидевших свет и официально не разрешённых. Таких учебников довольно много, но мы остановимся на двух.

Откроем «Русский язык: Теория. Практика. Речь» (5 класс. Учебник для общеобразовательных учебных заведений. Под ред. П.А. Леканта. 2000 г. Просим не путать с учебниками под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта, названными выше). Пособие подготовлено при содействии Национального фонда подготовки кадров, тираж 10 000 экз. В учебнике есть только упоминание в параграфе 46 под рубрикой «Словари»: «Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1998 (или любое издание)». Вот и всё!

А теперь заглянем в учебник для 5 класса, составленный под руководством доцента Е.В. Бунеевой и являющийся, по скромному заявлению авторов, «составной частью комплекта Образовательной программы "Школа 2100"» (1999 г.). Здесь нет ни портрета, ни информации, касающейся жизненной и творческой судьбы В.И. Даля. Ему посвящено лишь одно упражнение № 70, в котором школьникам рекомендуется прочитать и сравнить словарную статью словаря Даля и словаря Ожегова о слове *веверица — белка*, и ответить на вопрос: «Что ты заметил?» Ответим за учеников: они не заметят ничего или не заметят главного без системы вопросов и заданий в соответствии с их возрастом и возможностями.

Какие выводы можно сделать?

1. Почти все учебники для средней общеобразовательной школы уделяют больше или меньше внимания судьбе Даля

и его Словарю, в основном в материалах для 5 класса в разделе «Лексика и фразеология». Лучше всего это сделано и по форме и по содержанию в УМК под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта.

2. В учебниках, кроме указанного в п. 1, можно заметить формализм в подходе к наследию Даля: не сказать о нём ни слова нельзя, а сказать по-настоящему нечего, поэтому-то материала явно не хватает. Следовательно, учащиеся не могут осознать значение Даля и его великого словаря.

В заключение, не претендуя на истину в последней инстанции, выскажем свои соображения о том, каким может предстать Даль и его словарь на страницах школьных учебников.

1. Нельзя обойтись без портрета Даля, а также учебной статьи о нём с основными вехами его жизни и создания словаря. Эта статья должна быть оснащена комплексом вопросов и заданий, цель которых показать, почему словарь Даля и сейчас «живее всех живых».

2. Продолжением работы может и должно стать не одно, а несколько упражнений, предусматривающих знакомство со словарём, сравнение с **современными** толковыми словарями русского языка. Видимо, будет единственно правильным, если перед глазами современных пятиклассников предстанут выписки из словаря Даля, выполненные по правилам ныне действующей орфографии без экзотических букв и написаний позапрошлого века. Думается, что словарь неадаптированный, в первозданном своём виде уместно показать школьникам в старших классах и провести соответствующую работу.

3. Изучение творческого наследия В.И. Даля целесообразно продолжить в старших классах, но в рамках кружков, факультативов и других внеклассных форм занятий с учащимися, так как программа по русскому языку в 5–9 классах обширна, а количество обязательных учебных часов сокращается от класса к классу.

4. В то же время школьники должны осознать, что язык развивается, совершенствуется, а потому нельзя использовать словарь Даля как толковый словарь **современного** русского языка, словарь на все случаи жизни. Это прежде всего словарь «областнический», то есть книга, которая представляет живой русский язык определённой эпохи во всех многообразных формах его проявления и со всеми осо-

бенностями, которые зависят от места, где он употребляется (территориальные говоры), и узкого круга носителей, объединённых условиями занятий, профессий и т. п. (говоры социальные и жаргоны).

Эти заметки хочется закончить метким высказыванием В.В. Виноградова: «Как сокровищница меткого народного слова, Словарь Даля всегда будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком». Фундамент же образования закладывается в школе, и это надо помнить и автору учебника, и методисту, и самому ученику.

ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

К 200-летию со дня рождения В.И. Даля во многих учебных заведениях прошли конференции. Общество любителей российской словесности было приглашено в московскую общеобразовательную школу (МОШ) «Интеграция XXI век». Конференция была организована учителями (С.С. Куличенко, А.П. Марьиной, О.Н. Петуниной, М.Б. Зубковой, О.Н. Логиновой, Н.А. Шумилиной) и учениками 5-х, 6-х и 9-х классов по следующей программе: Слово о В.И. Дале; Отрывок из былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник»; Пословицы и поговорки В.И. Даля; Карта говоров Российской империи; Московский говор; Северный говор; Говоры московские (на основе комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»); Сцены из произведений В.И. Даля; А.С. Пушкин и В.И. Даль; Колядки.

Весь путь В.И. Даля – морского офицера, врача, писателя, этнографа, собирателя фольклора, составителя словаря русского языка – предстал перед слушателями. Причём сопровождалось это, надо отметить очень ненавязчиво, нравоучительными сентенциями. Например, при характеристике В.И. Даля – врача из его «Слова медика к больным и здоровым» прозвучал совет школьникам: «Тот, кто в движении и не наедается досыта, реже нуждается в пособии врача».

Дружбе Даля с Пушкиным был посвящён доклад учителя русского языка и литературы А.П. Марьиной. Обширный

материал был представлен по теме «Даль — этнограф». Школьники нарядились в национальные костюмы и поговорили по-московски, по-новгородски, по-суздальски, по-муромски. Всё это происходило на фоне карты говоров Российской империи, гербов российских городов.

На конференции прозвучало много пословиц, поговорок, загадок. Причём школьники отмечали те, которые уже слышали ранее (Не хочу учиться, хочу жениться, Повторенье — мать ученья) и те, которые они услышали впервые. Была проделана такая работа, как выявление пословиц и поговорок, вошедших в русскую речь из «Горя от ума» А.С. Грибоедова и включённых В.И. Далем в Словарь, среди которых: «Служить бы рад — прислуживаться тошно», «Читай не так как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой!» Отмечено, что Даль не всё включил в Словарь. Нет там, например, «Счастливые часов не наблюдают». Даль противоречил сам себе, когда говорил, что в образованном и просвещённом обществе пословиц нет, и в то же время использовал выражения Грибоедова, ставшие пословицами и поговорками.

Пословицы и поговорки это своего рода правила и суждения о жизни народа, свод точных и острых характеристик, наблюдений над жизнью, сделанных народом. Среди приведённых примеров прозвучали, например, понравившиеся пословицы и поговорки: И сила уму уступает, Грамоте учиться всегда пригодится, От умного научишься, от глупого разучишься, Вздулся как тесто на опаре. Приводились пословицы о Родине, о чужбине (Худая же птица, которая гнездо своё марает, Что русскому здорово, то немцу смерть). Отмечено, что Даль включил в свой сборник и суеверия, знахарские советы: От больного горла — поварёнку лизать и глотать, глядя на утреннюю зарю.

В школе была устроена выставка имеющихся в школьной библиотеке словарей, среди них и «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, которому было посвящено одно из выступлений. О том, как создавался Словарь, говорилось почти во всех выступлениях, так как собиранием слов Даль занимался практически всю свою жизнь. Серьёзные выступления перемежались сценками из сказок, притч В.И. Даля.

Заключили конференцию выступления гостей из МГУ, из Музея В.И. Даля, помогшего в подготовке конференции,

из ИРЯ РАН, из посольства Югославии в России, из ОЛРС. Проведение подобных конференций необходимо поощрять. Они очень много дают школьникам для понимания своей истории.

Общество любителей российской словесности за активную работу выбрало своим коллективным членом Секцию русской словесности Таганрогского радиотехнического университета. Секцию возглавляет Е.Н. Скаженик. В юбилейном году в университете со студентами проведены занятия, посвящённые В.И. Далю, подготовлена стенгазета «Мысль и язык», проведён вечер. В ОЛРС присланы две студенческие работы. Студентка Е.А. Селихова своё рассуждение о В.И. Дале «Время не властно» сопроводила стихотворными строчками. Среди них такие:

Ты жил в великое столетье –
Был Пушкин, Пирогов и Даль.
Средь них ты был обособленье –
Судьбой твоею был Словарь.

Студентка Н.И. Кочешкова сочинила стихотворение «Слово о В.И. Дале», которое закончила так:

И помнить будут поколенья
Его великие свершенья.
Рассказ о нём, конечно, мал
В сравненье с тем, что миру дал
Такой великий и простой.
На равных грешник и святой –
Владимир Даль.

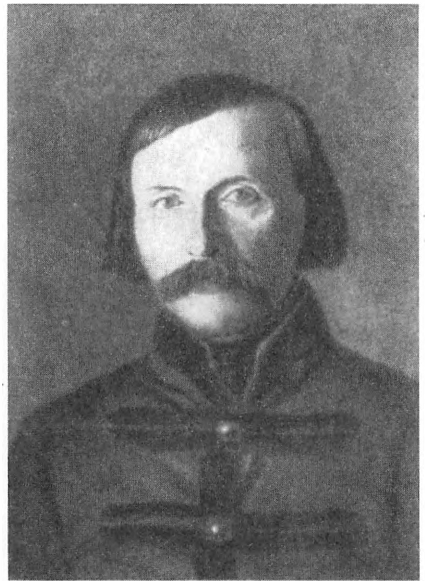
И такие конференции, вечера были проведены и во многих других учебных заведениях. Это примеры истинного просвещения, о котором мечтал В.И. Даль. Хорошо бы этот опыт обобщить и распространить как можно шире.

В.И. Даль на тридцатом году жизни. *Портрет работы неизвестного художника.*

В.И. Даль.
Портрет работы неизвестного художника.
1820-е годы.

П.В. Киреевский

ПОСЛОВИЦЫ

РУССКАГО НАРОДА.

СБОРНИКЪ

пословицъ, поговорокъ, реченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и проч.

В. Даля.

Пословица несудима.

Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Въ университетской типографіи.

1862

Обложка сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа». *1862 г.*

В.И. Даль.
Портрет работы неизвестного художника 1830-е годы.

В.Ф. Одоевский

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

ЖИВАГО

ВЕЛИКОРУСКАГО ЯЗЫКА

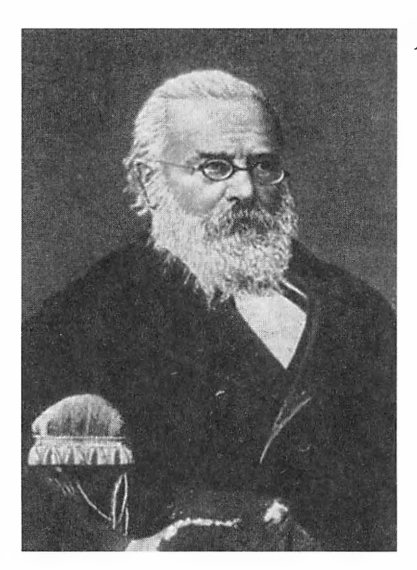
В. И. ДАЛЯ.

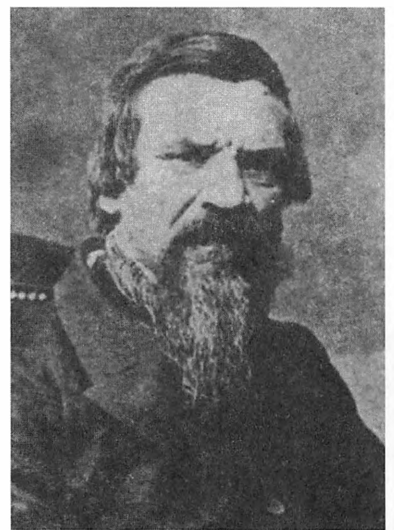
Изданіе Общества Любителей Росiйской Словесности, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

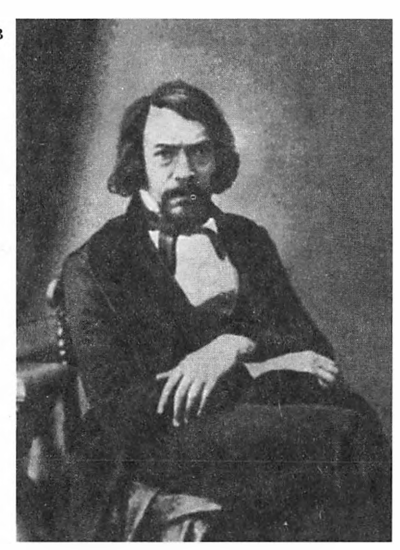
МОСКВА.
Въ типографіи А. Семена.
1861.

Обложка 1-го и 2-го выпуска Словаря В.И. Даля. *1861 г.*

А.И. Кошелев

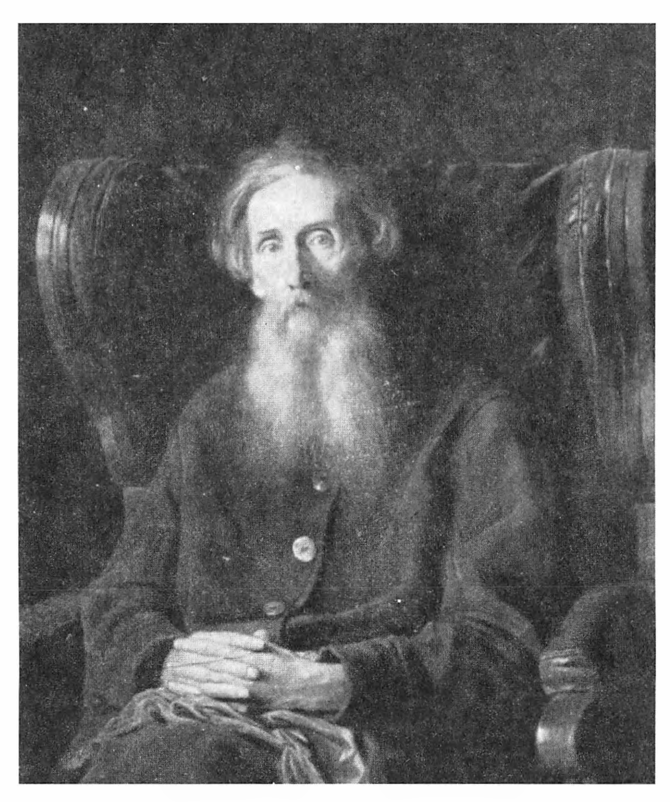

М.П. Погодин

А.С. Хомяков

Дом на Большой Грузинской улице в Москве, где в 1859–1872 годах жил В.И. Даль.

В.И. Даль. *Художник В.Г. Перов. 1872 г.*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мельников П.И. (Андрей Печерский) – дейст. чл. ОЛРС с 1867 г.

Аксаков И.С. – дейст.чл. ОЛРС с 1858 г., председатель 1872–1874 гг.

Даль В.И. – дейст. чл. ОЛРС с 1859 г., почёт. чл. с 1867 г.

Байдалов В.Ф. – к.м.н.

Видуэцкая И.П. – д.ф.н., ИМЛИ РАН

Власенко А.И. – к.ф.н., МГУ

Грановский Б.Б. – к. искусств., музыковед

Коломцева Р.М. – историк-архивист, засл. раб. культуры РФ, директор Музея В.И. Даля при МГО ВООПИиК

Клеймёнова Р.Н. – к.ф.н., уч. секр. ОЛРС

Львов В.В. – к.п.н., ИОСО РАО

Миронова Т.Л. – д.ф.н., РГНБ

Нерознак В.П. – д.ф.н., акад. РАЕН, председ. ОЛРС

Николенко Л.В. – к.ф.н., МПГУ

Николина Н.А. – к.ф.н., МПГУ

Остапенко Н.И. – препод. рус. яз. и лит., Педагогич. колледж № 5, г. Москва

Пчелов Е.В. – к.и.н., ИРЯ РАН

Тихонов А.Н. – д.ф.н., Елецкий гос. ун-т

Чистяков А.Ф. – журналист

Чумаков В.Т. – писатель

Шуйская Ю.В. – студентка филол. ф-та МГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Учись доброму, худое на ум не пойдёт

Умел дитё родить, умей и научить

В.И. Даль
и Общество любителей
российской словесности

Подготовка оригинал-макета: издательство «Златоуст».
Подписано в печать 28.03.202. Формат 84x108/32.
Печ.л. 9,5. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ № 273
Код продукции: ОК 005-93 (ред. 24.05.2000) Код 953004

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР №062426 от 23 апреля 1998 г.
Гигиеническое заключение на продукцию издательства
Министерства здравоохранения РФ №77.фц.8.953.П.28.2.99.

Издательство «Златоуст»: 197101, Санкт-Петербург,
Каменноостровский пр., д. 24, офис 24 Тел. 346 06 68
E-mail: zlat@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Береста»
Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, 28, тел. 298 90 00
тел./факс 388 -9000.